

ISSN 1563-0223
Индекс 75878; 25878

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТИ

ХАБАРШЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

EURASIAN JOURNAL

of Philology: Science and Education

№2 (арнайы шығарылым)

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

ХАБАРШЫ

ФИЛОЛОГИЯ СЕРИЯСЫ №2 (арнайы шығарылым)

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық көлісім министрлігінде тіркелген

Күзілк №956-Ж.

Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Зуева Н.Ю. – ф. г. к., доценті (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Әбдіманұлы Ә. – ф. г. д., профессор (ғылыми редактор)
(Қазақстан)

Күркебаев К.К. – ф. г. к., доцент (ғылыми редактордың орынбасары) (Қазақстан)

Таева Р.М. – ф. г. к., профессор м.а. (редактордың комекшісі) (Қазақстан)

Туманова А.Б. – ф. г. д., профессор (редактордың комекшісі) (Қазақстан)

Алимтаева Л.Т. – ф. г. к., доцент м.а. (редактордың комекшісі) (Қазақстан)

Дарибаев С.Д. – ф. г. к., доцент (Қазақстан)

Джолдасбекова Б.Ү. – ф. г. д., профессор, ҰҒА
корреспондент-мүшесі (Қазақстан)

Донна Орвин – ф. г. д., профессор, Торонто университеті (Канада)

Евдокимова С. – PhD, асс. профессор, Браун университеті (АҚШ)

Жаң Жин Жин – ф. г. д., профессор, Пекин ұлттық орталық университеті (Қытай)

Карағойшиева Да.А. – ф. г. к., PhD, доцент (Қазақстан)

Кибальник С.А. – ф. г. д., профессор, Орыс әдебиеті институты (Ресей)

Мадиева Г.Б. – ф. г. д., профессор (Қазақстан)

Морхье Пост – PhD, асс. профессор, Берген университеті (Норвегия)

Насие Йылдызы – ф. г. д., профессор, Гази университеті (Түркія)

Риверс Уильям П. – ф. г. д., профессор, Ұлттық кеңес және тілдерді дамыту жөніндегі халықаралық оқыту (АҚШ)

Салқынбай А.Б. – ф. г. д., профессор (Қазақстан)

Сэт А. Або – PhD, асс. профессор, Лейкхед университеті (Канада)

Сулейменова Э.Д. – ф. г. д., профессор (Қазақстан)

Темірболат А.Б. – ф. г. д., профессор (Қазақстан)

Кенжеқанова Қ.К. – PhD, техникалық редактор
(Қазақстан)

«Филология сериясы» қазіргі тіл білімімен әдебиеттану және аралас мамандықтардың өзекті мәселелерін жариялауга арналған. Х Багизбаев оқулары.

Ғылыми басылымдар болімінің басшысы

Гульмира Шаккозова

Телефон: +77017242911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева, Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айғұл Алдашева

Жазылу мен таратуды үйлестіруші

Керімқұл Айдана

Телефон: +7(727)377-34-11

E-mail: Aidana.Kerimkul@kaznu.kz

ИБ №

Басыу 10.05.2018 жылы қол қойылды.

Пішімі 60x84 1/8. Колемі 0 б.т. Офсетті қағаз. Сандақ басылыс.

Тапсырыс № 0. Тарапалмы 500 дана. Бағасы көлісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2018

1-бөлім
ТІЛ БІЛІМІ

Раздел 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Section 1
LINGUISTICS

Александрова О.И.¹, Нгуен Тху Тхao²,

¹к. ф. н. доцент, ²магистрант Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва, e-mail: alexandrova_oi@pfur.ru; thuthaohb8594@gmail.com

**ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ
В ПИСЬМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
(на материале русского и вьетнамского языков)**

Настоящая работа представляет собой попытку установления соотнесенности языковых и неязыковых средств выражения эмоций в новом типе общения – письменной разговорной речи путем обмена короткими сообщениями. Материалом исследования послужили междометия, а также особый тип иконических знаков, получивших широкое распространение в письменной коммуникации через электронные сообщения. В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что разнообразие, многозначность, диффузность междометий как языковых средств выражения эмоций находит отражение в иконических знаках письменной электронной коммуникации – так называемых эмотиконах, что подтверждают примеры из разноструктурных языков – русского и вьетнамского. Неязыковые средства выражения эмоций не замещают, а дополняют языковые средства, тем самым усиливая экспрессивность высказывания.

Ключевые слова: категория эмотивности, языковые средства выражения эмоций, междометия, иконические знаки, эмотиконы.

Aleksandrova O.I.¹, Nguen Thu Thao²,

¹PhD, A/Professor, ²MA student of Peoples Friendship University of Russia,
Russia, Moscow, e-mail: alexandrova_oi@pfur.ru; thuthaohb8594@gmail.com

**Linguistic and non-linguistic means of expressing emotions in written conversation
(on the material of Russian and Vietnamese languages)**

The following work is an attempt to establish the correlation of linguistic and non-linguistic means of expressing emotions in a new type of communication – written conversational speech by exchanging short messages. The two types of expressive units are chosen as the research material: interjections and so-called emoticons, a special type of iconic signs that have become widespread in written communication through electronic communications. As a hypothesis of the research, it was suggested that the diversity, polysemy, diffuseness of interjections as linguistic means of expressing emotions is reflected in the iconic signs of written electronic communication, as evidenced by examples from the different languages – Russian and Vietnamese. Non-linguistic means of expressing emotions do not replace, but supplement expressive means of language, thereby strengthening the expressiveness of the communication.

Key words: emotiveness, ways of expressing emotions, interjections, iconic signs, emoticons

Александрова О.И.¹, Нгуен Тху Тхao²,

Peoples Friendship University of Russia ¹ф.р.к., доцент, ²магистрант,
Ресей, Мәскеу қ., e-mail: alexandrova_oi@pfur.ru; thuthaohb8594@gmail.com

**Linguistic and non-linguistic means of expressing emotions in written conversation
(on the material of Russian and Vietnamese languages)**

Настоящая работа представляет собой попытку установления соотнесенности языковых и неязыковых средств выражения эмоций в новом типе общения – письменной разговорной речи путем обмена короткими сообщениями. Материалом исследования послужили междометия, а также особый тип иконических знаков, получивших широкое распространение в письменной

коммуникации через электронные сообщения. В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что разнообразие, многозначность, диффузность междометий как языковых средств выражения эмоций находит отражение в иконических знаках письменной электронной коммуникации – так называемых эмотиконах, что подтверждают примеры из разноструктурных языков – русского и вьетнамского. Нязыковые средства выражения эмоций не замещают, а дополняют языковые средства, тем самым усиливая экспрессивность высказывания.

Ключевые слова: категория эмотивности, языковые средства выражения эмоций, междометия, иконические знаки, эмотиконы.

Введение

Антрапоцентрический подход в лингвистике и тенденция к междисциплинарности способствовали активному развитию психолингвистического направления и повышению интереса лингвистов к изучению языковой личности и ее эмотивно-прагматического аспекта, эмоционального речевого поведения, а также языковых средств выражения эмоций.

Анализ эмоциональной системы человека, отражающей его чувственное восприятие объективной действительности, в контексте языкового выражения способствует не только пониманию глубинных свойств человеческого сознания, но и сущности семиотического знака, без которого была бы невозможна коммуникация. В сопоставительном аспекте анализ языковых и нязыковых, вербальных и невербальных средств выражения эмоций приобретает особую значимость для распознавания культурно-языкового кода в процессе межкультурной коммуникации.

С активным распространением нового типа общения – письменной коммуникации путем обмена короткими сообщениями, при которой разговорная речь приобретает особые характеристики (сниженную степень спонтанности, трансформированные временные рамки, сокращение интонационных возможностей языка и др.), появляются новые средства невербальной коммуникации, служащие для выражения эмоций. Каким образом выражаются эмоции в письменной разговорной речи? Меняется ли функциональная нагруженность языковых средств выражения эмоций, например, междометий? Способны ли невербальные средства, представленные в виде иконических знаков, заменить языковые? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Для определения средств выражения эмоций и их специфики необходимо понимать содержание самого понятия «эмоции». В классической литературе по психологии под эмоциями понимается особый вид психических процессов, обусловленных инстинктами, потребностями и мотивами индивида (Леонтьев, 1971: 35), то есть

психические переживания человека, связанные с его душевным волнением и состоянием (Ильин, 2001). Все эмоции делятся на положительные и отрицательные, в зависимости от того, какими действиями они вызваны и на что направлены. Среди эмоций выделяются базовые (или фундаментальные) и вариативные. В различных классификациях список базовых эмоций варьируется, однако, почти везде выделяются интерес / возбуждение, радость / удовольствие, удивление / испуг, горе / страдание, гнев / ярость, страх / ужас, стыд / унижение, отвращение, презрение. Сочетание фундаментальных эмоций способствует появлению комплексных эмоциональных состояний, например, тревожность – страх + гнев + вина + интерес. Каждая из фундаментальных эмоций может являться основанием для целого спектра эмоциональных состояний, различающихся интенсивностью и степенью выраженности, например, радость – восторг – ликование (Психология эмоций, 1984).

В лингвистике в связи с существованием различных средств выражения эмоций на разных языковых уровнях от фонетического до лексико-семантического выделяется категория эмотивности, под которой понимается эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами человеческих чувств, настроений, переживаний. В широком понимании категория эмотивности включает все языковые средства отражения эмоций и эмоциональных признаков языковой личности (Ленько, 2015). Именно на основании выделения данной категории можно говорить об эмоциональной коммуникации. Данная категория универсальна для разных языков, включая разноструктурные.

Центральными языковыми единицами, представляющими данную категорию, являются междометия, для которых именно выражение эмоций является основной функциональной нагрузкой. В русистике междометия рассматриваются как единицы, служащие для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на

действительность, непосредственную эмоциональную передачу переживаний, ощущений, волевых явлений (Русская грамматика 80).

С семантической точки зрения междометия традиционно делятся на три группы: эмоциональные, императивные и этикетные междометия. В свою очередь каждая группа классифицируется на подгруппы. Рассматривая эмоциональные междометия, важно отметить, что они передают эмоциональное состояние субъекта в самом общем виде и поэтому неоднозначны. «Узнавание» выражаемой эмоции адресантам не может успешно осуществляться без учета интонации, мимики, жестов, контекста. В русистике выделяются различные лексико-семантические классификации эмоциональных междометий, среди которых классической считается классификация Р.Н. Панова, который наряду с этикетными и оценочными междометиями предлагает выделять следующие подгруппы эмоциональных междометий: междометия удовлетворения, радости, восторга, одобрения и т.п.; междометия тоски, горя, сожаления, печали; междометия недоверия, недоумения, испуга, удивления, разочарования и т.д.; междометия порицания, протesta, неудовольствия, злости и пр.; междометия иронии, злорадства, презрения и др. (Панов, 1976: 262).

Безусловно, любое выделение разрядов междометий не может выразить всего богатства семантических и эмоциональных оттенков живого языка. К тому же в языке, как правило, преобладают семантически неспециализированные, многозначные междометия, определению значения которых способствует контекст. Кроме того, междометное слово может трансформироваться, что объясняется вниманием к интонации, ослабляющим чуткость к фонеме – опоре словарного значения. Такое изменение приводит к широким возможностям индивидуально-авторского употребления и, как следствие, к появлению множества окказиональных значений. Помимо трансформации эмоциональные междометия могут удваиваться / удлиняться, например: *ого* (*ого-го*), *эх* (*эх-хе*), *а* (*а-а-а*), *ай* (*ай-ай*), *брр* (*брр-р-р*), *бравооо*, благодаря чему выражается интенсивность проявления эмоции, которая может характеризоваться длительностью и силой и вне языка (например, длительные аплодисменты как выражение восторга).

Что касается невербальных средств коммуникации, то в письменном общении широкое распространение получили так называемые эмотиконы. Первые эмотиконы, компенсирующие

эмоциональную «бедность» письменной коммуникации, появивились в виде «классических смайлов» – сочетания пунктуационных знаков, реже букв. Согласно эксперименту, проведенному Ю.Е. Коноваловой почти 10 лет назад, 81% опрошенных респондентов использовали смайлы при общении с помощью СМС (Коновалова, 2009: 65-66).

Знаковый статус эмотиков на момент их появления был иконическим. «Смайлы» выступали в качестве вторичных знаков, замещающих не объект, а первичный знак: например, вместо первичного знака улыбки эмотикон :-) обозначает хорошее настроение и положительные эмоции. Кроме того, эмотиконы использовались в качестве идеограмм, представляя идею или объект, не выражая его названия. В обоих случаях прослеживалась иконическая мотивированность, основанная на ассоциации по сходству (там же, 67).

С развитием технологий графические смайлы, удобные в использовании в силу своей простоты, но не соответствующие разнообразию эмоций, испытываемых коммуникантами, были постепенно заменены графическими изображениями лиц и жестов, схематично отражающих эмоциональные состояния и волеизъявления (нужно отметить, однако, что они пока не вытеснили эмотиконы-«смайлы» полностью). В операционных системах мобильной связи насчитывается более ста разнообразных знаков, выражающих эмоции, чувства и состояния.

С семантической точки зрения как и междометия их можно разделить на группы: эмоциональные (улыбка, грусть, гнев и др.), чувственные (любовь, зависть, вина), эмодзи состояния (сон, болезнь, задумчивость и др.), эмотиконы волеизъявления (обращение внимания, просьба, угроза, поцелуй и др.). В нашей работе мы остановимся только на первой группе.

Попробуем определить, насколько взаимоза-

меняемы языковые и неязыковые средства выражения эмоций и каковы предпочтения коммуникантов, использующих письменные сообщения для ежедневного общения.

Эксперимент

Выражение эмоций в разговорной речи с помощью простых с функциональной точки зрения эмоциональных знаков разных типов – языковых и неязыковых, характерно прежде всего для повседневного бытового общения. Именно в этой коммуникативной среде обмен быстрыми письменными сообщениями посредством мобильных телефонов получает широкое распространение. Выбор такого средства коммуникации обусловлен разными причинами – коммуникативная ситуация не способствует устному общению (шум, присутствие посторонних и др.), сохраняется возможность отсроченного ответа, изменения ответной реплики перед отправкой и т.д. Высокая популярность данного канала коммуникации уже отмечалась лингвистами в исследованиях, посвященных эмоциональной саморепрезентации (Maiz-Arevalo, 2018: 149-150).

Чтобы понять, насколько эмоциональной может быть письменная речь и какие вербальные и невербальные средства выражения эмоций используются при общении, необходимо проанализировать достаточное количество коммуникативных ситуаций диалогического и группового общения.

Используя личные архивы диалогов с помощью СМС, мы просмотрели переписку с бо-

лее 100 коммуникантами и отобрали некоторые примеры употребления эмотивов. Участниками исследуемых коммуникативных ситуаций являются, главным образом, женщины в возрасте от 20 до 40 лет.

Отбор выполнялся с помощью поискового запроса, при котором в поисковую строку вводились междометия, представляющие базовые эмоции и указанные в разных лингвистических работах, а также эмотиконы, выражающие соответствующие эмоции. Тип выражаемых эмоций определялся по расширенному контексту. Конечно, важно учитывать, что в каждом конкретном случае определение типа эмоции основывается на интерпретации авторов статьи и может отличаться от эмоции, испытываемой адресантом.

Для выявления степени универсальности эмотивных знаков материал отбирался из диалогов на русском и на вьетнамском языках, представляющих различные лингвокультурные коды. Сразу следует оговориться, что мы рассматриваем лишь часть употреблений, выбранных из личного общения, поэтому результаты исследования не являются исчерпывающими.

Итак, рассмотрим примеры, иллюстрирующие использование в русской и вьетнамской письменной разговорной речи междометий, выражающих эмоции, представленных во введении, и эмотиконов (знаков-изображений) соответствующих заявленным эмоциям. Ввиду многочисленности примеров, представим их в виде таблицы.

Таблица 1 – Примеры употребления эмоциональных междометий и эмотиконов изображений в письменной разговорной речи

Эмоция	Междометия Эмотиконы	Пример употребления
Ужас	Aaa // Aa	<i>Aaa, мы Амра забыли!</i>
	Кошмар	<i>Aa, thật đáng sợ khi nghĩ rằng mình ko thể thi qua được! (- Аа, страшно подумать, что я не сдам экзамены!)</i>
Испуг	Господи!	<i><при пожаре погибли дети> Это рядом с художкой! ☐ кошмар какой. Вообще в этом году одни смерти...</i>
	□	<i>О господи!!!! Выздоравливайте!!!</i>
Сожаление	Эх	<i>А сегодня собрание? ☐ // Что это такое за вебинары?? ☐ что там надо делать?</i>
	Увы	<i>Эх, жаль, что ничего не вышло! // Эх сплошная печалька... ☐ //Эххх. ☐ Спасибо. Лыжитак лыжи! ☐</i>
	□	<i>Лия не поедет ☐ к сожалению</i>
	□	

Продолжение таблицы 1

Эмоция	Междометия Эмотиконы	Пример употребления
Огорчение	□	<i>Не нашла. Видимо я удалила</i> □ □ □
		<i>Nhung chì đang bị óm</i> □ (я заболела □)
Сочувствие	Ой, Oi	<i>Ой, как жалко!</i> (Желаем выздоровления!)
	- <i>Ôi chì vẫn chưa khỏi à?</i> <i>Uόng thuόc chưa?</i> Ой, ты еще не выздоровела? Таблетку выпила?	
Грусть	Oi □	- <i>Ôi hόm nay tό thi trượt mόn sύ rόi.</i> <i>Buόn quá</i> □ □ -Ой, сегодня я не сдал история. Мне так грустно! □ □
	□ □	<i>Сложно мне с моим мальчиком</i> □ // Я пас. Собой-то не могу заняться □
	□	□ <i>печально, у нас первая учительница дочери переехала</i>
Радость	Aaa	<i>Aaa!!!! Прямо спасаем!</i> А то все детки сказали, что сачки на даче! отлично!!!!
	- <i>Aaa, hόm nay em nhάn đưoc quά tί vn chì oi</i> □ -(Ааа, сегодня я получила подарок из Вьетнама □)	
	Oi	<i>Ôi, vui vǎi</i> □ (Ой, я очень рада □)
Удивление	Ura	□ □ □ <i>Ура!!!! Поздравляем!!!!</i> □ □ □ □ <i>Молодец!</i> □ □ □ □ □ // <сейчас тихий час> <i>Урааааааааааа!</i> // Урааааа. Молодцы!!!!!! // Урааа каникулы!!! Всем хорошо отдохнутъ
	Yeah	<i>Yeah, tό thi qua rόi</i> (Ура, я защитилась!)
	дьявол	<i>Дьявол!</i> Наш опус переводямя))
	□	С каникулами всех□!!!
	Aх //	<i>Aх</i> вот они какие, джутовые.
	Ас	<i>Āc, cāu nόi thάt chú?</i> (Ах, серьезно?)
Удивление и восхищение	О	<i>O!!!!</i> (лечитесь, можете уточнить у <...> что и как в таком случае
	Ôi (ой)	<i>Ôi, vάy mà tό khόng biέt gί cά</i> (Ой, я об этом не знаю).
	Ого	<i>Ого, eщё работы</i> // Ого, как серьезно! а я сегодня видела экскурсионный автобус у школы□
	Oops	<i>Oops, cāu lάm tό giάt mίnх dό</i> – Упс, ты меня удивляешь!
	□	И что за характеристику надо писать по Александру Павловичу□ □ // Ты ещё сидишь □ // А что за открытки?□
		<i>Ôi, cāu sinh con rόi u?</i> □ (Ой, ты уже родила? □)
Восхищение, одобрение	Ого	<i>Ого</i> какой фильм забацали! // Ого□ Супер
	Ничего себе!	<Мы на робостанции на ВДНХ> Ничего себе! Прикольно! // Ого, ничего себе!!!
	Trόi – Ôi-ой	<i>Trόi, hόm nay Lan xinh đέp quá!</i> <i>Tάt cά mόi ngυđi phάi nhίn cāu áy.</i> (Ой, сегодня Лан очень красивая! Все на нее все время смотрят).
	Yay // Wow	<i>Yaaay!!!!</i> □ □ <i>Super</i> □ □ // <i>Yay!</i> Это у Вас есть!? Он большой? // <i>Yay!</i> Класс!!! □ □ □ □ □ □
	О	<i>Wow, trόng cāu thάt lά xinh đέp</i> – <i>Bay,</i> ты очень красивая!
	Ôi (ой)	<i>O!!! Крут!</i> □ □ □ □ □ // <i>Ооооо</i> солидно Я только Natalia обычно, но это по возможности
	Chà –ча	<i>Ôi thάt lά tuyέt vόi</i> – Ой, как замечательно!
		< <i>Tό đưoc giải nhάt kί thi tiéng anh</i> □> - <i>Chà, gioi quá!</i> <i>Chίc mίnг cāu!</i> □ □ (-Я заняла первое место по английскому языку □ -Супер! Поздравляю! □ □)
	□	Галя, какой почерк!!!! □ □ □

Продолжение таблицы 1

Эмоция	Междометия Эмотиконы	Пример употребления
		<i>Мы не сомневались! Браво!</i>
	Браво!	<i>My ne somnevalsisъ. Bravo!</i>
	Yeah – браво	<i>Yeahh, moi nguồi giỏi lǎm! Mọi nguồi giành giải nhất rồi! // (Браво, вы молодцы! Вы первое место заняли!)</i>
Восторг	Супер	<i>Супер // молодец! //</i>
	□ □	<i>Такие все Артисты! // <Поздравляю Дашу с открытием персональной выставки! //</i>
	□ □	<i>Поздравляю Дашу с открытием персональной выставки! // уже на месте, спасибо большое</i>
Одобрение	Ùм – ым, ммм	<i><-Tôi nghĩ Tuân sẽ được học bóng đá Nga đó > -Ùm tờ cùng nghĩ vậy. Cậu ấy luôn được điểm cao mà. (<Я думаю, что Тuan получит стипендию в этом семестре.> -Ммм, я тоже так думаю. У него хорошие оценки.)</i>
Облегчение	Фух, фуф	<i>фух, я даже отпуск под них взяла, вот это было бы смешно))</i>
Ирония	Хм	<i>Хм.. креативненько)</i>
	Ùммм – Гм	<i>Ùммм, cậu thì nhất rồi! – Гм, да-да, ты самая хорошая!</i>
	Господи	<i>Господи, ну почему просмотр работ 28го?!</i>
	О	<i><Торт хотим! С ягодами // вместо подарка, то есть это и будет подарок> Ооооо....((</i>
Разочарование	Giòi oi! – зой ой	<i>-Giòi oi! hôm nay tớ thiếu đúng 1 điểm để được 5 // -Ой (господи) у меня не хватает одного балла до пятерки!</i>
	Ôi	<i>-Ôi, thật tiếc là kì này cháu không được học bóng từ vn! // -Ой, жаль, что в этом семестре ты не получил стипендию из Вьетнама!</i>
Раздражение	Господи	<i><вы тоже уходите?> О Господи! Никто никуда не уходит.</i>
	Vãi – Черт	<i>Vãi, tại sao cậu lấy đồ mà không hỏi tôi? (Черт, почему ты взяла вещи без моего согласия?)</i>
Злость, Сердитость	Này/ nau/ эй .	<i><-chị Thảo oi, bạn Lan trống thật kinh khủng!> -Này, không được nói như vậy. (-Тхао, Лан уродина! -Эй, не нужно так про нее говорить.)</i>
	□	<i>Моя тоже прохлопала // Я родитель- должна дома что ль учить // Ну девочки, я тоже не могу всем заниматься</i>
	Хм, Гм	<i>Хм, ты это сам сделал?</i>
Сомнение	Hmmm	<i>Hmmm, cậu nói thật chứ? – Гм, ты все правильно сказал, да?</i>
	□	<i>Ну наверное тоже надо вырезать и пришить</i>
	Тьфу	<i>Тьфу. Точно)))</i>
Досада	Черт	<i>Чертова автозамена // Чертов т9! <В первом сообщении «видело решение»=видеообращение></i>
	Ох	<i>Ох емое... Моя тоже прохлопала</i>
	Упс	<i>< Ну если не сабор Василия Блаженного конечно ;)> Упс, Собор))</i>
	Ой	<i>Ой, неудобно как // спасибо!!!!!! // Ой, уже поздно. Извините // <с Вами Вера хотела поговорить:)> Ой // Если что, я еще здесь</i>
неловкость / смущение / стыд	Oi – Ой	<i>Ôi bây giờ cũng 2h sáng rồi! Xin lỗi vì đã gọi điện // (Ой сейчас уже 2 часа ночи! Извините за звонок)</i>
	□	<i>И еще мы с тортом, который нельзя есть ребенку</i>
	□	<i>Я забыла написать</i>
	□ ♀	<i>Вот такой «детский сад» // ♀ моя нарисовала</i>

Результаты и обсуждение

Прежде всего, следует еще раз подчеркнуть некоторую фрагментарность исследования: в рассмотренных примерах представлены далеко не все эмотивы, однако, и они позволяют сделать некоторые выводы. В работе представлены только эмоциональные междометия и эмотиконы, императивные и этикетные междометия анализу не подвергались (единственным исключением стали оценочные эмотивы, близки по значению эмотивам одобрения, восхищения, восторга).

Как правило, в письменной речи отражаются эмоции, имеющие некоторую продолжительность, внезапные чувства и эмоции (такие как испуг, боль и др.) не находят выражения в письменных сообщениях, так как они выражают непроизвольную реакцию, возглас, не всегда обращенный к собеседнику (т.е. ни фатической, ни коммуникативной функции они не выполняют).

Средства выражения эмоций в рассмотренных письменных сообщениях разнообразны и часто связаны с эмоциями смешанного характера: ужас, испуг, сожаление, огорчение, сочувствие, грусть, радость, одобрение, восхищение, восторг, облегчение, разочарование, раздражение, злость, сомнение, досада, смущение, стыд. Как видим, в большей степени представлены отрицательные эмоции. Несмотря на то, что в русском и вьетнамском языке междометия этой группы представлены разнообразнее, чем междометия, выражающие положительные эмоции, в письменных сообщениях их использование ограничено определенным набором, в основном, первообразных единиц. Непервообразные и многочленные междометия (*черт, елки-палки, вот досада!, вот это да* и др.) встречаются крайне редко. Зато эмотиконы-изображения отрицательных эмоций в письменном обмене сообщениями очень распространены (только изображение гнева ☛ встретилось в 25 фразах). Самые частотные из эмоциональных междометий выражают радость (междометие *ура* встретилось 45 раз), то же можно сказать и об эмотиконе ☚ (правда с оговоркой, что этот знак часто изображает улыбку, а улыбка не всегда выражает радость).

И междометия, и эмотиконы-изображения отличаются многозначностью. Специфика полисемии заключается в различной направленности раскрытия асимметрии знака: при использовании эмотикона используется семасиологический подход, при использовании междометия – ономасиологический.

В эмотиконе-изображении говорящий распознает эмоцию и использует в своём сообщении знак в выбранном им значении. В связи с этим возникают различия в регулярном использовании эмотикона-изображения: так, например, знак ☚ был придуман как выражение стыда (на что указывают покрасневшие щеки), однако, при письменной коммуникации на русском и вьетнамском языке он используется для выражения удивления (с этой эмоцией ассоциируются поднятые брови и расширенные глаза).

Междометные слова (русские *ой, ай, господи*, вьетнамские *oi, aaa* и др.) многозначны изначально. В данном случае речь идет не о полисемии, а скорее об омонимии, так как выражаемые значения не связаны: вьетнамское *oi* и русское *ой* может означать радость, удивление, испуг, смущение – значение определяется исключительно в контексте. Что касается эмотиконов, то они могут быть понятны и без контекста.

Оттенки эмоций передаются с помощью междометий и эмотиконов благодаря сочетаемости. Междометия, помещенные в определенный контекст, характеризуются диффузностью, они оттеняют значение и наполняют эмоциональностью общее содержание высказывания. Эмотиконы-изображения могут быть самодостаточными: реплика или ответ могут состоять только из такого иконического знака. Их сочетание с междометиями и другими эмотиконами может не просто оттенять, но дополнять высказывание, например: А вдруг есть несогласные? ☚ ☚ ☚ (адресант и боится, что есть несогласные, и демонстрирует несерьезность опасений, и намекает на некоторую иронию). Исследование показало, что эмотиконы-изображения очень часто дополняют уже эмоционально окрашенное высказывание, содержащее междометия.

При этом важно учитывать зависимость речевого поведения собеседников от их темперамента. Так, речевое поведение одного из русских коммуникантов, чьи сообщения рассматривались в работе, отличается гиперэмоциональностью, выражаемой одновременно и вербальными и невербальными средствами – междометиями, знаками препинания, эмотиконами с повторами, указывающими на интенсивность проявления эмоции (*Yay!!!!!! ☚ ☚ ☚ ☚ ☚ ☚ супер!!!! Берём ☚ ☚*)

Степень эмоциональности русской и вьетнамской речи в целом различается. Количество и разнообразие междометий в рассматриваемых коротких сообщениях на русском языке значительно больше по сравнению со вьетнамскими

примерами. Тогда как количество эмотиконов-изображений в рассмотренных примерах из двух языков примерно одинаково.

Заключение

Возвращаясь к поставленному во введении вопросу о взаимозаменяемости языковых и неязыковых средств выражения эмоций (в нашем случае междометий и эмотиконов-изображений) и о предпочтениях коммуникантов, использующих письменные сообщения для ежедневного общения, следует обобщить результаты проведенного исследования и сделать некоторые выводы.

Категория эмотивности находит языковое (вербальное и невербальное) и неязыковое выражение в особом типе коммуникации – письменной разговорной речи, реализуемой коммуникантами благодаря использованию мобильных устройств. Центральными единицами данной категории можно считать эмоциональные междометия и эмотиконы-изображения (обобщенно единицы можно назвать эмотивами).

Междометия, как языковые эмотивы, с точки зрения семиотики занимают промежуточное положение между символическими и иконическими знаками, они могут сближаться с звуко-подражаниями, повторяющими фрагменты действительности (ха-ха, тьфу и некоторые другие). С точки зрения соотнесенности плана выражения и плана содержания междометия схожи с невербальными знаками иконического типа – эмотиконами, тем более, что план содержания обеих единиц может совпадать.

В отличие от междометий, эмотиконы, как элемент программного обеспечения, созданы как знаки универсальные, лишенные культурной специфики (хотя разработчики данного программного обеспечения, вероятно, пользовались усредненным представлением, хотя интерпретироваться они могут по-разному. Учитывая тот факт, что семантика междометий основывается на культуроспецифичных конвенциях (А. Вежбицкая, 1999), а эмотиконы предлагаются пользователю-коммуниканту в виде конечного списка, можно сделать вывод, что междометия не будут вытеснены из речевого употребления даже при наличии удобных иконических знаков.

При коммуникации с помощью коротких письменных сообщений разнообразие междометий, выражающих эмоции, несколько меньше по сравнению с примерами из художественной литературы, однако такое сокращение компенсируется использованием эмотиконов. Эмотиконы-изображения дополняют эмоциональное содержание высказывания, хотя и могут использоваться самостоятельно (что реже случается с междометиями, особенно первообразными, не имеющими никакой внутренней формы). Языковые и неязыковые эмотивы образуют комплексы, позволяющие одновременно имплицитно и эксплицитно выражать эмоции и чувства.

Несмотря на феномен клипового сознания и распространение тенденции к визуализации информационного ряда, языковые средства не вытесняются иконическими знаками, а лишь дополняются ими.

Литература

- Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. – М.: МГУ, 1971. – 40 с.
 Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
 Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
 Ленько Г.Н. Анализ категорий эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Спб.: изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. №1 – С. 84-91.
 Русская грамматика под ред. Н.Ю. Шведовой Т.И. – М.: Наука, 1980. – 789 с.
 Панов Р.Н. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1976. – 560 с.
 Коновалова Л.Е. Средства компенсации отсутствия эмоциональности в СМС-сообщениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2009, №1. – С. 64-69.
 Маис-Аревало К. Emotional Self Presentation on Whatsapp: Analysis of the Profile Status Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – М: изд-во РУДН, 2018. Т. 22. №1. – С. 144-160.
 Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 611 с.

References

- Ilin E.P. (2001) Emocii i chuvstva. [Emotions and feelings]. SPb.: Piter, 752 p. (In Russian)
- Konovalova L.E. (2009) Sredstva kompensacii otsutstviya emocionalnosti v SMS-soobsheniyah [Means Of Paralinguistic Resitution In Text-Messages] Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. M.: Izd-vo MGOU №1. pp. 64-69. (In Russian)
- Lenko G.N. (2015) Analiz kategorii emotivnosti i smezhnyh s neyu ponyatij [Emotivity Category and Notions Related to it] Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. SPb.: Izd-vo LGU im. A.S. Pushkina. №1. pp. 84-91. (In Russian)
- Leontyev A.N. Potrebnosti, motivy, emocii. M.: MGU, 1971. 40 p. (In Russian)
- Mais-Arevalo K. Emotional Self Presentation on Whatsapp: Analysis of the Profile Status Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. M: izd-vo RUDN. T. 22. №1. pp. 144-160.
- Panov R.N. (1976) Sovremennyj russkij jazyk. [Modern Russian language]. M.: Prosveshenie. 560 p. (In Russian)
- Psihologiya emocij. Teksty (1984) [Psychology of Emotions. Texts] Red. V.K. Vilyunasa, Yu.B. Gippenrejter. M.: MSU. 288 p. (In Russian)
- Russkaya grammatika. (1980) [Russian Grammar] red. N.Yu. Shvedovoij T I. M.: Nauka. 789 p. (In Russian)
- Wierzbicka A. (1999) Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and description of languages] transl. A.D. Shmeleva, red. T. V. Bulyginoj. M.: Yazyki russkoj kultury. 611 p. (In Russian)

МРНТИ 16.21.27

Алтынбекова О. Б.,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: OliviaEC@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлен анализ изменения языковых приоритетов студентов вузов Казахстана за период независимости. Показана динамика языковых предпочтений при выборе языка обучения студентами, которая позволяет прогнозировать расширение vs. сужение использования того или иного языка в сфере высшего образования. Анализ данных убедительно доказывает увеличение численности студентов, выбирающих для обучения в вузе казахский язык, и уменьшение объема использования русского языка в высшем образовании республики.

Ключевые слова: высшее образование, казахский язык, русский язык.

Altynbekova O.B.,
DSc, Professor of Al Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: OliviaEC@mail.ru

Language priorities amongst students of Kazakhstan: regional aspect

This paper analyses changes in educational language preferences amongst university students in Kazakhstan in the period of independence of the Republic. It describes the dynamics of the changes in the preferences for the language of instruction among the students of Kazakhstani, which demonstrate and forecast widening vs. narrowing of the use of different languages in the country. The analysis of recent data demonstrates a significant increase in the number of students choosing the Kazakh state language as the language of instruction, and subsequently, the diminishing role of the Russian language in higher education.

Key words: higher education, Kazakh language, Russian language.

Алтынбекова О.Б.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, ф. ғ. д.,
Қазақстан, Алматы, e-mail: OliviaEC@mail.ru

Қазақстан студенттерінің тілдік басымдылықтары: аймақтық аспект

Қазақстан жоғарғы оқу орындары студенттерінің тәуелсіздік кезеңіндегі тілдік басымдылықтары өзгерістеріне талдау берілген. Студенттердің оқыту тілін таңдау кезінде тілге артықшылық беру динамикасы көрсетілген, бұл жоғарғы оқу орны саласында қандай да бір тілді пайдалану аясының кеңеюі немесе тарылуын болжамдауға мүмкіндік береді. Деректер талдауы жоғарғы оқу орнында оқуға қазақ тілін таңдайтын студенттер санының артқанын және республикада жоғары білім беруде орыс тілін пайдаланудың көлемі азайғанын сенімді дәлелдейді.

Түйін сөздер: жоғары білім, қазақ тілі, орыс тілі.

Введение

Общеизвестно, что после дезинтеграции Советского Союза в результате новой языковой политики, а также крупнейших миграционных процессов – значительного оттока русскоязычного населения и депатриации этнических казахов из стран ближнего и дальнего зарубежья – этноязыковая ситуация в Казахстане резко изменилась. Меры по реализации принятых Государственных программ функционирования и развития языков, осуществление языкового планирования в суверенном Казахстане, изменение демографических пропорций основных этносов в стране и многое другое в существенной мере повлияли на значительное расширение функций и сфер применения государственного казахского языка. Однако коммуникативная мощность русского языка, который в течение длительного исторического периода являлся основным средством не только межэтнического, но и частично внутриэтнического общения в республике, еще продолжает сохраняться в казахстанском обществе. Кроме того, в соответствии с современными требованиями, интеграцией в мировое пространство, а также поэтапной реализацией в Республике Казахстан (РК) культурного проекта «Триединство языков», расширяется объем функционирования английского языка.

В связи с этим очень важным является исследование динамики изменения темпов распространения и сфер использования казахского и русского языков в первую очередь – как двух наиболее мощных партнеров в коммуникативном пространстве республики, а также других языков – в образовательной сфере, где установление языковых приоритетов при выборе языка обучения учащимися школ, студентами колледжей и вузов является важнейшим показателем и прогнозом дальнейшего расширения из. сужения сфер применения того или иного языка.

Эксперимент

Показателен анализ динамики языковых сдвигов в высшем образовании республики, где намного больше, чем в сфере школьного и среднего профобразования, сохранялся приоритет русского языка. Тем не менее, и здесь произошли значительные изменения как с численностью студентов, так и с их выбором языка обучения в вузе. Если, по данным на 1 октября 1990 года, на казахском языке обучались только 39,2 тыс. студентов, то в 2009/10 учебном году их коли-

чество составило уже 300,9 тыс. чел., т.е. число молодежи, выбравшей казахский язык для получения высшего образования, увеличилось в 7,8 раза, хотя наибольшая численность была зафиксирована в 2006/07 учебном году – 337,7 тыс. человек. Число студентов, обучающихся на русском языке, тоже возросло: в 1990/91 учебном году на русских отделениях вузов учились 247,9 тыс. чел., в 2006/07 учебном году – 421,8 тыс., т.е. увеличение составило 1,7 раза, однако в 2009/10 учебном году произошло снижение численности обучающихся на русском языке до 296,6 тыс. студентов.

Значительно изменилось процентное соотношение численности студентов, проходивших обучение на казахском или русском языках: в 1990/91 учебном году число студентов, получавших образование на русском языке, превышало количество студентов казахских отделений вузов в 6,3 раза, а в 2009/10 учебном году впервые численность студентов, обучающихся на государственном языке, превысило долю обучающихся на русском языке (на 1,2%). Особенно за это время выросло число студентов, обучающихся на английском языке (Агентство, 2011).

Отметим, что в 2011/2012 учебном году численность студентов вузов Казахстана составила 630 тыс. человек, из них получали образование на казахском языке уже 54,4%, на русском языке – 44,1%, на английском языке – 1,4%. Этнический состав студенчества представлял следующее соотношение: казахи – 78,35%, русские – 14,6%, другие этносы – 7%.

Численность студентов стала заметно увеличиваться одновременно с экономическим ростом республики – с 1999 года: за 10 лет число студентов возросло почти в 2 раза. На фоне значительного увеличения количества студентов, выбирающих для обучения в вузе государственный язык, и возрастающей приоритетности обучения на английском языке, тем не менее, в сфере высшего образования в целом русский язык до 2009 года превалировал.

Так, в северных областях республики – Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской – число студентов отделений с русским языком обучения многократно превышало число обучающихся на казахском языке. В этих регионах Казахстана, как отмечалось, издавна в общественной жизни и межэтнических отношениях доминировал русский язык, поскольку они граничат с Российской Федерацией, сюда же в различное время осуществлялась значительная миграция русских, украинцев, бе-

лорусов и иных этнических групп из России и других республик Советского Союза для подъема промышленности и сельского хозяйства Казахстана. Несмотря на эмиграцию значительной части русскоязычного населения в первые постсоветские годы, его процент среди жителей Северного Казахстана продолжает оставаться высоким, что видно и по этническому составу студенческой молодежи этих регионов, в котором превалирует суммарное количество русских, украинцев, немцев, белорусов.

В Восточно-Казахстанской области (*Восточный Казахстан*) тоже доминирует русский язык обучения в вузах: на русских отделениях в начале 2006/07 учебного года было 66,2% студентов, на казахских – почти в 2 раза меньше (33,2%). В Карагандинской области (*Центральный Казахстан*) также высокий процент студентов выбрал русский язык при получении высшего образования – 73,95%, на казахском языке обучались соответственно 25,6% студентов.

Как отмечалось, в западных и южных регионах Казахстана, напротив, бесспорен приоритет казахского языка в различных сферах общественной жизни (в том числе в образовательном пространстве) и межэтнической коммуникации, что связано с национальным составом населения, в котором значительно преобладает титульная нация. Так, в *Западном Казахстане*, в состав которого входят Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская и Мангистауская области, абсолютное большинство студентов обучается на казахском языке.

Тем не менее, интересно отметить, что в западных регионах Казахстана – один из самых высоких процентов обучения на казахском языке в школах, однако в сфере высшего образования значительно возрастает численность студентов русских отделений вузов (Алтынбекова, 2006: 206–231). По всей видимости, это связано с тем, что в нефтегазовых западных районах республики, где идет интенсивная разработка месторождений энергетического сырья, необходимость приобретения молодежью технических специальностей очень высока, а обучение этим профессиям в Казахстане издавна проводилось на русском языке. В связи с этим многие выпускники школ, даже из моннациональных сельских районов, имеющие зачастую невысокую степень владения русским языком, в вузе обучаются именно на нем из-за нехватки специальной литературы на казахском языке и др.

В *Южном Казахстане*, к которому относятся Алматинская, Жамбылская, Кызылординская

и Южно-Казахстанская области, так же, как и в западных, преобладает обучение на государственном языке.

Важно рассмотреть языковые предпочтения при получении высшего образования студентами г. Алматы. Если в 2006/07 учебном году в г. Алматы более приоритетным еще было обучение на русском языке, который выбрали 57,2% студентов, казахский язык – 39,1%, на английском языке обучались 3,7% студентов, то уже в 2009/10 учебном году ситуация с языковыми предпочтениями студентов г. Алматы при выборе языка образования изменилась: из 187,2 тыс. студентов на казахском языке в вузах обучались уже 46,3%, на русском языке – 49,2%, на английском – 4,5%. Как видим, у студентов значительно возрос престиж обучения на английском языке, в большей мере студенты стали выбирать государственный язык для получения высшего образования, тем не менее, обучение на русском языке достаточно распространено.

Существующая в крупнейшем городе республики языковая ситуация с сильной позицией русского языка имеет свои глубокие корни в прошлом и вполне объяснима – достаточно, не затрагивая известных исторических и политических причин, проанализировать демографические.

По данным переписи населения 1970 г. (а ранее – и того меньше), в г. Алматы казахи составляли всего 13,6% в численном составе жителей города, в 1979 году – 17,7%, последняя всесоюзная перепись 1989 года зафиксировала 23,8% казахов в общей численности алматинцев. Перепись 1999 года, проведенная уже в суверенном Казахстане, показала увеличение числа представителей титульной нации среди горожан, тем не менее, их количество составило чуть более трети населения Алматы – 38,5%. На начало 2006 года численность казахов – постоянных жителей города – также еще не достигла половины населения и равнялась 46,5%. На начало 2009 года количество зарегистрированных жителей г. Алматы составляло 1365,1 тыс. чел., из которых казахи представляли уже больше половины – 50,11%, русские – 33,98%, уйгуры – 5,71%, корейцы – 1,89%, татары – 1,85%, украинцы – 1,29%, азербайджанцы – 0,68%, немцы – 0,57%, узбеки – 0,47%, дунгане – 0,46%, турки – 0,39%, чеченцы – 0,22%, белорусы – 0,20%, курды – 0,15%, таджики – 0,11%, поляки – 0,09%, башкиры – 0,05%, другие этносы – 1,8% (Агентство, 2011).

В городе Алматы на начало 2014/2015 учебного года обучалось 28,01% студентов от их об-

щего числа в республике (в том числе на казахском языке – 54,67%, на русском языке – 40,58%, на английском – 4,72%, на немецком языке – 0,03%), а в столице Казахстана городе Астане – 11,09% (на казахском языке – 50,2%, на русском языке – 44,97%, на английском языке – 4,82%).

Численность студентов вузов г. Алматы в 2016/2017 учебном году составила 130761 человек, причем 55,6% из них обучались на казахском языке, 37,6% – на русском, 6,72% – на английском, 0,08% – на немецком языке. На начало 2017/2018 учебного года в Алматы обучались 131 292 студента, из них казахский язык обучения выбрали 56,18%, русский язык – 36,8%, английский язык – 7%, на немецком языке обучались 34 человека (Бюллетень, 2017).

Нужно подчеркнуть, что в г. Алматы ранее, в течение многих десятков лет, складывалась языковая среда, в которой лидирующее положение практически во всех сферах общественной жизни и в межэтническом общении занимал русский язык. По всей видимости, и сейчас языковая ситуация Алматы во многом определяется не только и не столько нынешним этническим составом населения, а исторически сложившимися на протяжении более полувека особенностями языковой среды, в которой в большинстве сфер, в том числе в образовательном пространстве, приоритет в те времена принадлежал русскому языку, позиции которого и сейчас достаточно сильны.

Особый интерес к городу Астане как объекту социолингвистического исследования определяется двумя крупнейшими в его истории социально-политическими преобразованиями, произошедшими во второй половине XX века. Первый этап политического переустройства города относится к периоду освоения целинных земель в советском Казахстане, когда областной центр Акмолинск стал центром Целинного края, объединившего несколько северных областей, – г. Целиноградом. В это время в регион из России, Украины, Белоруссии прибыли сотни тысяч специалистов, и это кардинальным образом повлияло на этнический состав населения города и его языковую среду.

Второй этап связан с периодом независимости РК, когда город Акмола стал столицей Казахстана, в связи с чем был переименован в Астану. Этот исторический факт вызвал огромный приток населения, на этот раз в результате внутриреспубликанской миграции. Произошла и завершилась передислокация основных государственных органов управления из Алматы в

новую столицу. Кроме того, этот период сопровождался исключительно высокими темпами строительства города, что вызвало значительную миграцию не только госслужащих и их семей, но и инженерно-технических работников, строителей, бизнесменов и др. С 1999 по 2006 годы, например, население Астаны увеличилось на 231,1 тыс. чел., или на 72,4%. Возросла численность почти всех этносов, за исключением немцев, белорусов, мордовы и чувашей, количество которых незначительно уменьшилось. Численность казахов за 7 лет стала больше на 189,4 тыс. чел., т.е. на 141,8%. Количество русских увеличилось на 28,8 тыс. чел. (22,2%), украинцев – на 7,1%, корейцев – на 85,1%, поляков – на 16,1%, азербайджанцев – на 81,8% (Агентство, 2011) и т. д.

Отметим, что для студенческой молодежи Астаны более предпочтительным долгое время оставалось обучение на русском языке, но сдвиг в пользу казахского языка неуклонно растет: если в 2006/2007 учебном году в Астане 68,8% от всей студенческой молодежи составили студенты русских отделений вузов города, 31,2% – казахских отделений, то в 2009/10 учебном году из 39,3 тыс. студентов города Астаны на государственном языке уже обучались 41,5%, на русском языке – 58,5%.

Интересно сравнить эти сведения с новейшими данными. Так, в 2016/2017 учебном году из 51800 человек, получавших высшее образование в Астане, на казахском языке обучались 53,75%, на русском – 39,20%, на английском – 7,05%. На начало 2017/2018 учебного года численность студентов Астаны составила 52 369 человек, из них государственный язык обучения предпочли 55,3%, русский язык – 38%, английский язык – 6,7% (Бюллетень, 2017).

Результаты и обсуждение

Рассматривая в динамике *региональный аспект* при изучении изменения языковых приоритетов в сфере высшего образования, необходимо отметить значительный языковой сдвиг в пользу государственного языка, особенно за последние годы. Так, и в северных областях Казахстана значительно увеличилась численность студентов, обучающихся на государственном языке: если на начало 2006/07 учебного года число студентов русских отделений превышало количество студентов казахских отделений в 5,1 раза, то в 2009/10 учебном году это превышение составило уже 3,6 раза. В Западном Казахстане

количество студентов отделений с казахским языком обучения превышает число обучающихся на русском языке в 1,3 раза, в то время как этот показатель в 2006/07 учебном году составлял 1,1 раза. В Южном Казахстане доля студентов, обучающихся на казахском языке, также заметно увеличилась: превышение по сравнению с русским языком обучения было в 3,9 раза и возросло до 4,9 раза.

За этот период также стала больше численность студентов, обучающихся на казахском языке, в Карагандинской (с 25,6 до 31,9%), Восточно-Казахстанской (с 33,2 до 39,6%) областях, а также в гг. Астана (31,2 vs. 41,5%) и Алматы (39,1 vs. 46,3%).

Наибольшая численность студентов, выбравших государственный язык обучения при получении высшего образования, установлена в Кызылординской (90,1% от численности студентов), Южно-Казахстанской (85,5%), Жамбылской (78,5%), Алматинской, Актюбинской и Атырауской (почти по 64%) областях.

Тем не менее, несмотря на полигэтнический состав казахстанского студенчества в целом, на отделениях вузов с государственным языком образования обучаются в основном студенты казахской национальности. Одновременно следует заметить, что определенная часть казахов, как и представители диаспор, продолжает получать высшее образование на русском языке.

Данные на начало 2014/2015 учебного года показывают, что из 477 387 студентов на казахском языке обучались 288 479 человек (или 60,4%), на русском языке – 176 764 (37,0%), на английском языке – 12 107 (2,5%), на немецком – 37 студентов (0,1%).

Важен региональный аспект распределения процента студентов вузов. Так, в северных районах Казахстана численность студентов составила 10,22% от общего числа: в Акмолинской области – 2,16% (в том числе на казахском языке – 43,76%, на русском языке – 56,24%), Костанайской области – 4,16% (на казахском языке – 23,68%, на русском языке – 75,6%, на английском языке – 0,72%), Павлодарской области – 2,88% (на казахском языке – 31,73%, на русском языке – 68,27%), Северо-Казахстанской области – 1,02% (на казахском языке – 24,04%, на русском языке – 75,96%).

В западных регионах Казахстана на начало 2014/2015 учебного года обучалось 13,31% студентов, в том числе в Актюбинской области – 4,36% (на казахском языке – 70,8%, на русском языке – 29,12%, на английском языке – 0,08%), в

Атырауской области – 2,21% (на казахском языке – 72,24%, на русском языке – 27,76%), в Западно-Казахстанской области – 5,94% (на казахском языке – 66,8%, на русском языке – 33,2%), в Мангистауской области – 0,8% (на казахском языке – 76,1%, на русском языке – 23,9%).

В южных регионах Казахстана в это же время обучалось 23,2% студентов от общего числа, в том числе в Алматинской области – 2,04% (в том числе на казахском языке – 63,4%, на русском языке – 18,85%, на английском языке – 17,75%), в Жамбылской области – 4,1% (на казахском языке – 83,6%, на русском языке – 16,4%), в Кызылординской области – 2,37% (на казахском языке – 98,1%, на русском языке – 56,24%), в Южно-Казахстанской области – 1,9% (на казахском языке – 89,4%, на русском языке – 9,76%, на английском – 0,86%).

В Центральном Казахстане, в Карагандинской области, в этот период обучалось 8,61% (в том числе на казахском языке – 45,84%, на русском языке – 52,86%, на английском – 1,3%), а в Восточном Казахстане, в Восточно-Казахстанской области, – соответственно 5,56% (на казахском языке – 24,04%, на русском языке – 75,96%,).

На начало 2016/2017 учебного года в республиканских вузах целом обучалось 477 074 студента, из них 63,15% – на казахском языке, 33,25% – на русском языке, 3,58% – на английском, 31 студент – на немецком. На начало 2017/2018 учебного года численность студентов в Казахстане составила 496 209 человек, из них 64,27% предпочли казахский язык обучения, 31,9% – русский язык, 3,76% обучаются на английском языке, 34 студента – на немецком, на других языках – 353 человека (Бюллетень, 2017).

Важно подчеркнуть, что государство стимулирует обучение на казахском языке, предоставляя участникам Единого национального тестирования гранты на обучение в вузах.

Заключение

Таким образом, за период независимости Казахстана, в связи с принятymi законодательными актами о новой языковой политике и проведением мероприятий по ее реализации, крупной миграцией населения, процессами гражданской и этнической идентификации, изменением ментальности молодых граждан и многим другим, произошли большие изменения в образовательном пространстве Казахстана: значительно возросла роль казахского языка в образовательном

пространстве республики, в том числе в сфере высшего образования, где позиции русского языка традиционно оставались высокими.

Данные позволяют прогнозировать дальнейшее распространение государственного языка и расширение сфер его использования, поскольку молодое поколение казахстанцев все в большей мере оказывает предпочтение обучению на казахском языке. Однако важно отметить, что сведения о выборе языка обучения учащимися и студентами разной национальной принадлежности свидетельствуют о том, что представители наиболее крупных этносов республики – казахи

и русские – преимущественно обучаются на своих этнических языках, в то время как представители многочисленных диаспор Казахстана до сих пор преимущественно выбирают для получения образования, особенно высшего, русский язык.

В целом динамика изменения языковых приоритетов при выборе языка обучения студентами высших учебных заведений Казахстана неоспоримо доказывает укрепление и расширение позиций государственного языка в образовательном пространстве республики на фоне сужения объема использования русского языка.

Литература

- 1 Агентство РК. Агентство по статистике РК. – 2011. // <http://www.stat.kz/>
- 2 Алтынбекова О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане. – Алматы: Экономика, 2006. – 416 с.
- 3 Бюллетень Агентства РК по статистике. – Серия 22. Т. 2. Социальная сфера. – Астана, 2017. http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/EducationpublBullS13-2016?afrLoop=8795532997215682#%40%3F_afrLoop%3D8795532997215682%26_adf.ctrl-state%3Dw7svy6xns_34

References

- 1 Agentstvo RK (2011) Agentstvo po statistike RK [Statistical Agency RK] //<http://www.stat.kz/>
- 2 Altynbekova O.B. (2006) Etnoyazikovie prozessi v Kazahstane. [Ethno-linguistic processes in Kazakhstan.] Almaty: Economika, 416 p. (In Russian)
- 3 Bulleten' (2017) Bulleten' Agentstva RK postatistike. Seriya 22. T. 2. Sozial'naya sfera. [Bulletin of the Statistical Agency RK. Social sphere. V. 2] Astana http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/EducationpublBullS13-2016?afrLoop=8795532997215682#%40%3F_afrLoop%3D8795532997215682%26_adf.ctrl-state%3Dw7svy6xns_34

МРНТИ 16.41.21

Абаева Ж.С.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: abaevazh24@gmail.com

РОЛЬ СМИ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ

В статье рассматриваются некоторые особенности современной культурно-речевой ситуации. Обращается внимание на ее многофакторность. Указывается разная роль классической, массовой литературы, Интернета и СМИ в языковой ситуации настоящего периода. Особое внимание уделяется СМИ как объединяющему фактору, который играет ключевую роль. Язык СМИ оказывает огромное воздействие на литературный язык. Анализируются причины широкого использования просторечия, жаргонизмов, иностранных слов. Отмечается влияние массового сознания на размытие стилистических границ лексики. Автором высказывается предположение об изменениях стилистических пластов лексики. Резюмируется, что изменение культурно-речевой ситуации в значительной степени связано с экстралингвистической действительностью, с объективными факторами.

Ключевые слова: языковая ситуация, язык СМИ, жаргонизмы, разговорно-просторечные слова, массовое сознание.

Abayeva Zh.S.,

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: abaevazh24@gmail.com

The role of the media in modern language processes

The article considers several peculiarities of the modern cultural-speech situations. Attention is drawn to its multifactority. Different roles of the classic literature, mass literature, of Internet and media in language situations of the present period, are indicated. Particular attention is drawn to the media as a unifying factor, which plays a key role. Language of the media has a huge impact on the literary language. The reasons for the wide use of vernacular, jargon, and foreign words are being analyzed. The influence of mass consciousness on the erosion of the stylistic boundaries of vocabulary is noted. The author makes an assumption about changes in stylistic layers of vocabulary. It is summarized that the change in the cultural-speech situation is largely due to extralinguistic reality, with objective factors.

Key words: language situation, the language of the media, jargon, colloquial words, mass consciousness.

Абаева Ж.С.,

Ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы, e-mail: abaevazh24@gmail.com

Қазіргі заманғы тілдік процесстердегі бұқаралық ақпарат құралдарының рөлі

Мақалада қазіргі мәдени-сөйлеу кейіпінің кейібір ерекшеліктері қарастырылады. Оның көпфакторлығына назар аударылады. Қазіргі заманың тілдік жағдайында классикалық әдебиеттің, бұқаралық әдебиеттің, ғаламтордың және бұқаралық ақпарат құралдарының әр түрлі ықпалы көрсетілген. Бұқаралық ақпарат құралдарына шешуші рөл атқарытын біріктіруші фактор ретінде ерекше көніл бөлінеді. Бұқаралық ақпарат құралдарының тілі әдеби тілге үлкен өсер етеді. Жергілікті, жаргонды және шетел сөздерді кеңінен қолданудың себептері талданады.

Сөздік стилистикалық-лексикалық шегіне көпшілікте қалыптасқан түсініктің әсері байқалды. Автор сөздік стилистикалық қабаттарындағы өзгерістер туралы болжам жасайды. Мәдени-тілдік ахуалдың өзгеруі көбінесе экстралингвистикалық шындыққа, объективті факторларға байланысты.

Түйін сөздер: тілдік жағдай, медиа тілі, жаргон, қарапайым сөйлесу тілі, жаппай сана.

Введение

Современный русский язык характеризуется функционально-стилевым расслоением. Как отмечает Г.Я. Солганик, он существует и развивается как система функциональных стилей, стремящихся к замкнутости, созданию собственных средств выражения, отвечающих задачам сферы общения. В целом, развитие русского литературного языка, по мнению исследователя, представляет собой смену процессов синтеза и дифференциации (Солганик, 2016: 24). Если дифференциация обслуживает потребности развивающегося социума, то синтез обеспечивает единство его духовной жизни. Современный период – время дифференциации, когда происходит накапливание материала для будущего синтеза.

В настоящее время язык переживает переходный период: прежние факторы утрачивают свою роль, формируются новые. В итоге появляется многофакторность, характеризующаяся такими тенденциями, как ослабление нормативности, расширение понятия литературности, при котором раздвигаются границы литературного языка за счет включения в его состав новых средств выражения, их «олитературование».

Многофакторность культурно-речевой ситуации, наличие нескольких источников, влияющих на русский язык, обусловлена влиянием массового сознания, определяющего важнейшие процессы в современном обществе, языке, культуре. Каждый из факторов принимает участие в формировании языковой картины мира, развитии языка, но в разной степени.

Во-первых, классическая литература уступает свои позиции и участие ее в литературной и языковой жизни в современном обществе является не столь значительным, как ранее. С другой стороны, классическая литература как основа литературного языка сохраняет свое значение. Она выполнила историческую миссию, сформировав литературный язык, который сохраняется и в наши дни и отражается в нормах. Если говорить об изменениях, касающихся литературного языка, то можно обратить внимание на то, что они касаются не его основы, а периферии. При

этом степень воздействия периферийных элементов оказывается разной.

Во-вторых, новой языковой реальностью становится массовая коммуникация. В языковых процессах участвуют не только известные прежде факторы подобно функциональным стилям, диалектам, жаргонам, но и относительно недавно появившиеся – Интернет, массовая литература. Массовая литература, отражающая массовое сознание, становится все более и более актуальной. Она характеризуется всесторонней упрощенностью, яркой сюжетностью, отсутствием развернутых описаний. Массовая литература оказывает колossalное влияние на языковые вкусы, свойства литературного языка. Она способствует проникновению в литературный язык разговорных средств, городского просторечия и пр. В научной литературе часто указываются негативные тенденции массовой литературы (снижение языкового вкуса, гламурность и др.). Однако применять критерии оценки классической литературы в отношении массовой было бы не совсем правильно. У каждой из них свои задачи, эстетический идеал.

Невозможно не отметить особую роль Интернета в современной языковой ситуации. Язык Интернета – это масштабный, параллельный литературному языку мир. Можно предположить, что его обособленное существование плавно пересекается в определенный момент с литературным языком, поскольку последний уже пополняется словами из Интернета: селфи, хэштег.

В-третьих, роль объединяющего фактора, своеобразной площадки испытаний, на которой происходит взаимодействие самых разнообразных средств, играют СМИ. Как отмечает культуролог А. Моль, массмедиа фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуя, таким образом, все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, почти не имеет шансов оказать влияние на общество. Поэтому знания формируются не системой образования,

а средствами массовой коммуникации. (Моль, 2008: 45)

Соответственно, язык СМИ выступает в качестве «лаборатории», в которой взаимодействуют разнообразные стилевые потоки, осваиваются новые языковые средства, уходят в пассив бывшие ранее актуальными языковые элементы. Языковые процессы, совершающиеся в недрах разных сфер, получают свое развитие и закрепляются в языке средств массовой информации, благодаря чему они имеют возможность стать частью литературного языка. Язык СМИ становится эталоном, своеобразным законодателем литературности.

«Язык СМИ обрел господствующее положение среди всех функциональных разновидностей, вбрав в себя, поглотив, ассимилировав в себе ресурсы всех функциональных стилей. Иными словами, язык СМИ сегодня представляет собой, хотим мы этого или не хотим, обобщенную модель, совокупный образ национального языка...» (Караулов, 2001: 12).

Эксперимент

Объединяющая функция средств массовой информации отражает внеязыковую действительность. Это связано, помимо прочего, и с формированием среднего класса, роль которого, согласно прогнозам, будет только усиливаться. Если раньше литературный язык ассоциировался с элитой, то в настоящее время он воплощает усредненную речь всего общества, в большей степени, среднего класса.

Язык СМИ, осваивая, перерабатывая, олицетворяя языковые средства других сфер общества, меняет их стилистическое качество и придает им характерную для языка СМИ усредненную окраску. Усредненность связана с наплывом жаргонизмов, разговорно-просторечных слов и использованием их вместо литературных синонимов (подшаманить, промашка (врачебная), обойтись, выкарабкиваться, срубить на халюву и др.). Это объясняется поиском средств эмоциональности, стремления быть доступнее. Широко используя подобные средства, язык СМИнейтрализует их нелитературный статус, но подчеркивает оценочность, усиливая прагматический потенциал слова, обогащая его семантическую структуру. Ср.:

В ближайшее время Казахстану totальная электрификация автотранспорта не грозит. (ЭкспрессК, 23.04.2018)

Вместе с первым почти летним теплом в городе повылезла и засутилась разномастная мохнатая и хвостатая живность. (НП, 05.04.2018)

А эта «легализованная» свора остается в местах привычного обитания - как и прежде предоставлена сама себе, бесконтрольная и так же рыщущая в поисках, чего бы слопать. (НП, 05.04.2018)

Америка с Китаем затеяли какие-то разборки по товарам... (НП, 30.03.2018)

Нахапали, нахватали, назаказали, нужное-ненужное. (НП, 26.04.2018)

Однако процесс идет уже шестой год. И пока «выхлоп» от него минимальный. (НП, 20.03.2018)

Это особенно для тех, кто сегодня предпочитает «работать на себя» без всяких юридических и фискальных заморочек, может стать достаточно болезненным. (НП, 20.03.2018)

На этот раз, если мы вновь решимся претендовать на зимние Игры, нашими потенциальными соперниками могут быть такие города, как Калгари (Канада), Сapporo (Япония) и Эрзурум (Турция). Компания, надо заметить, нехилая. (НП, 16.03.2018)

Кстати, в прошлом году Кузьмин смотался на велосипеде в Алматы – тысячу километров он проехал за пять дней. (ЭкспрессК, 08.09.2015)

Постоянное использование просторечия, жаргонизмов в письменном тексте ведет к их «выравниванию», как бы стабилизирует их и олицетворяет, снижая непривычность их использования. Как результат, студенты не подозревают, что слова *тусовка, беспредел, крышиа, разборки* и многие другие являются или являлись жаргонизмами.

Под воздействием массового сознания нивелируются тонкости восприятия стилистических средств, о чем свидетельствует не высокая, как ранее, употребительность «высокой», книжной лексики.

Подобным образом в некоторых случаях можно говорить об иноязычных заимствованиях, которые способствуют расширению лексических ресурсов, развитию семантики, интеллектуализации языка (увеличение количества понятий) и пр. В результате многократного повторения в СМИ они могут утрачивать окраску книжности, специальной речи, адаптируются, осваиваются языком и расширяют лексические ресурсы языка (*мажилисмен, модернизация, спикер, смартфон, smart-ферма, smart-технологии*).

Процесс заимствования, широко представленный в СМИ, в современных условиях глобализации, усиления взаимозависимости и взаимовлияния представляется естественным. Общество в целом становится терпимее к ним, хотя прогрессивная ее часть оценивает заимствования резко негативно, нарекая их «инородными телами» (Вербицкая, 2000:55), чужеродной лексикой, констатируя «глобализацию американization нашей жизни» (Костомаров, 1999:104). По мнению Ю.Н. Караурова, «внедрение иноязычных слов идет от лености ума, консерватизма мышления говорящего и пишущего, от нежелания «растормошить» ресурсы родного языка и заглянуть в его запасники, а иногда, правда, от стремления к элитарности в тексте, от гордыни знающего иностраные языки перед незнающими их. Все это мелкие человеческие слабости, которые поддаются воспитательному и разъяснительному воздействию» (Караулов, 1995: 20).

К числу причин активного заимствования относят тенденцию к аналитизму, благодаря чему словосочетание можно заменить одним иностранным словом, что отражает закон экономии. Ср.:

К слову, все эти образовательные перипетии вынуждают родителей смотреть в сторону хоумскулинга – в переводе на русский язык это ставшее модным словечко означает «среднее образование на дому»... В одном только Алматы действуют уже три сообщества хоумскулеров. (ЭкспессК, 25.10.2017)

Зоны кинотеатров также расположены в двух ярусах, а путь к выходу, по-видимому, начинается от фудкорта. (НП, 29.03.2018)

В выборе иностранного слова находят отражение и ценностные ориентации современной языковой личности. Оно воспринимается как более престижное, особенно в сфере моды, шоубизнеса и пр. Этим объясняется активное и часто семантически неоправданное использование.

Им удалось произвести впечатление на еще большее количество байеров со всего мира, поэтому теперь их коллекции заслуженно пользуются коммерческим успехом. (НП, 24.04.2018)

Специальными гостями презентации Соня Барцаги и Доменикантоно Каррера, агенты шоурума PBS, Милан. (НП, 24.04.2018)

В языке, отражающем внеязыковую действительность, отражаются новые реалии повседневной жизни, предметы или явления. Сегодня этот процесс переживает бум:

Например, горожане уже отметили, что пешеходные зоны, вероятнее всего, смонтируют из брускатки или тротуарной плитки, с чем совершенно не согласны многие женщины, роллеры, скейтеры и любители передвигаться на самокатах или сегвеях. (НП, 06.04.2018)

Для ценителей литературы организовали буккроссинг, позволяющий обменять свою книгу на какое-нибудь новое чтиво. (НП, 29.03.2018)

Спейси отреагировал на обвинения неожиданным каминг-аутом. (НП, 27.02.2018)

Оказалось, что именно эта мобильная система наиболее подвержена атакам со стороны. Причем скрытому майнингу подвержены почти все «умные» устройства, подключенные к Сети... Очень упрощенно - чем же занимаются майнеры на самом деле? (НП, 16.02.2018)

Многие факты использования заимствованных слов являются «одноразовыми», не закрепляются в языке.

Для современного состояния русской речи характерна тенденциянейтрализации стилистических пластов лексики, в частности, нивелирование стилистических оттенков и объединение в одном контексте различных по окраске лексем. Так, в материале о реконструкции подземных переходов в Алматы («НП», 19 апреля 2018) журналист использует следующие синонимические лексические единицы: *подземный переход – алматинский сабвэй – подземка – андеграунд*. Варваризмы, разговорная и нейтральная лексика выстраиваются в один ряд и используются в качестве равноправных обозначений, несмотря на стилистические различия. Основное внимание обращается на семантику, а стилистические оттенки отходят на второй план, что в отдаленной перспективе может привести к новому функционально-стилистическому распределению лексики.

Результаты и обсуждение

Развитие литературного языка происходит под решающим воздействием языка средств массовой информации. В СМИ проникают, апробируются,рабатываются новые языковые средства, информативные и экспрессивные. В результате повторного употребления они «получают прописку» в языке, расширяют русскую языковую картину мира.

Литературный язык под воздействием языка средств массовой информации приобретает новые качества, воспринимаемые многими как

снижение его уровня, порча. Однако происходящие процессы обусловлены стремительно меняющимися общественными условиями, отражающимися в летописи современности, и, соответственно, новой языковой ситуацией.

Снижение планки языковой культуры в условиях современной речевой действительности, отражающейся в СМИ, объясняется стремлением быть ближе и доступнее к массовому читателю, его уровню. С другой стороны, язык средств массовой информации формирует определенные языковые вкусы и предопределяет актуальность тех или иных языковых средств.

Интенсивность использования просторечия, жаргонизмов объясняется поиском новых способов передачи экспрессии и оценки, необходимостью быть понятным и востребованным в условиях снижения речевой культуры.

Активный процесс использования заимствованных слов, отражающийся в средствах массовой информации, объясняется несколькими причинами: стремлением сохранить более экономичную языковую форму; необходимостью обозначить новое понятие, описание которого средствами русского языка требует определенных лексических усилий; желанием предстать более продвинутым на основе владения иностранным (в частности, английским) языком.

Заключение

Настоящий период характеризуется новым витком в развитии литературного языка. Главной особенностью современной языковой ситуации является колossalное влияние средств массовой информации на литературный язык. В этом заключается главная особенность нынешней языковой ситуации. К ней можно относиться по-разному: сожалеть о «непопулярности» и снижении роли классической, серьезной, качественной литературы в формировании норм, радоваться демократизации языка, свободе и раскрепощенности речевого поведения, но это объективная реальность.

Размытие четких стилевых границ, снижение речевой нормы из-за использования просторечной, жаргонной лексики, мощный наплыв заимствований, особенно из английского языка – это языковые процессы, появление и развитие которых стимулировали средства массовой информации. Их колossalное влияние обусловлено многократной повторяемостью, огромным охватом аудитории, распространенностью медиатекстов как одной из наиболее распространенных форм бытования языка, и каждодневным увеличением этого корпуса текстов, его доступностью благодаря развитию современных технологий.

Литература

- 1 Солганик Г.Я. О современной культурно-речевой ситуации // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – №2. – С.23-30.
- 2 Моль А. Социодинамика культуры. Пер. с фр.– М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
- 3 Карапул Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001. – С.7-10.
- 4 Вербицкая Л.А. Сохранить прекрасный русский язык – наша задача // Слово и текст в диалоге культур. – М., 2000. – С.54-65.
- 5 Карапул Ю.Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С.5-23.
- 6 Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – СПб, 1999. – 447 с.

References

- 1 Verbitskaya L.A. (2000). Soхранит прекрасный русский язык – наша задача. Slovo I text v dialoge kultur. [Russian. To save the beautiful Russian language is our task. Word and text in the dialogue of cultures]. M. P. 54-65. (In Russian)
- 2 Karaulov Yu.N. (1995). O nekotoryh osobennostyah sovremenennogo sostoyaniya russkogo jazyka I nauki o nyom. Rusistika segodnya. [Russian. On some features of the current state of the Russian language and the science of it. Rusistics today]. M. P. 5-23. (In Russian)
- 3 Karaulov Yu.N. (2001). Yazyk SMI kak model obshenatsionalnogo jazyka. Yazyk sredstv massovoy informatsiyi kak obyekt mezhdistsyplinarnogo issledovaniya. [Russian. The language of the media as a model of the national language. The language of the media as an object of interdisciplinary research]. M. P. 7-10. (In Russian)
- 4 Kostomarov V.G. (1999). Yazykovoye vkus epohi. [Russian. Language taste of the era]. SPb., 447 p. (In Russian)
- 5 Mol A. (2008). Sotciodynamika kultury. [Russian. socio-dynamics of culture]. M.: LKI, 416 p. (In Russian)
- 6 Solganik G.Ya. (2016). O sovremennoy kulturno-rechevoy situatsyi. Aktualnyye problemy stilistiki. [Russian. On the contemporary cultural and speech situation. Actual problems of stylistics]. M., P. 23-30. (In Russian)

Абильхасимова Б.Б.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им.аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: bahit.babashevna@mail.ru

ИДЕОЛОГЕМЫ УНИЧТОЖЕНИЯ, ИСТРЕБЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНСКИХ ГАЗЕТАХ 20-Х ГОДОВ ХХ ВЕКА

В статье рассматривается система большевистских идеологем в процессе её формирования. Наблюдение за извлечёнными из казахстанских газет 20-х годов компрессивных демагогических текстов показало, что каждый такой текст передаёт определённую идеологему: содержит соединение двух или более идеологем – суждений, предписанных тоталитарной системой в качестве официальных догм (врага, вредительства, уничтожения, лжи, классовости и т. п.).

Ключевые слова: идеологема лжи, идеологема уничтожения, демагогические тексты, тоталитарный язык, лингвокультурное сообщество.

Abilhasimova B.B.,
PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: bahit.babashevna@mail.ru

Ideologists of destruction, extraction in the kazakhstan newspapers of the 20th years of the 20th century

One of the most common ideologies is an ideologem of confrontation on the basis of which the picture of the new world is simulated. It is introduced as mandatory and is motivated by a number of extra-linguistic factors: the revolution, the class contradictions, external threat, internal threat, reaction victory. Ideologem of enemy is identified and described in this article. It also includes the ideology of class (class struggle), although the image of the enemy is much broader than concept of the class enemy.

Key words: lie ideologue, totalitarian language, demagogic texts.

Абильхасимова Б.Б.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы, e-mail: bahit.babashevna@mail.ru

XX ғасырдың 20 жылдарындағы Қазақстан газеттерінде жою және жоққылу идеологемалар

Мақалада большевиктік идеологемалар жүйесі, оның қалыптасу үдерісі барысында қарастырылады. Қазақстандық газеттерден алғынған компрессивті демагогиялық мәтіндерді бақылау нәтижесінде кез келген осындай бір мәтіннің белгілі бір идеологемеді беретінін көрдік: біріккен екі немесе одан да көп идеологемдерді мазмұндайды, яғни тоталитарлық жүйе белгілеген ресми догма ретіндегі (жаяу, зиянкестік, жалған, таптық, т.б.) пайымдауларды насиҳаттайды.

Түйін сөздер: жалғандық идеологемасы, демагогиялық мәтіндер, тоталитарлық тіл, лингвомәдени қауымдастық.

Введение

О власти языка над человеком и способах использования этой власти написано множе-

ство работ, которые относятся прежде всего к таким направлениям лингвистической и философской мысли, как общая семантика, прагматика и риторика. Более чем подробно описаны

языковые явления и механизмы, позволяющие манипулировать сознанием адресата речи: отдельной личности или общества. В рамках этой проблематики исследуется и специфическая ситуация использования языка в тоталитарных обществах: в частности, в бывших социалистических государствах . Отмечается, что пресса выступала одним из наиболее важных и эффективных средств и сыграла огромную роль в становлении советской власти и нового языка на территории Казахстана и других республик ССР. Распространением официальной прессы занималось Центральное агентство по снабжению и распространению печати «Центропечать» при ВЦИК. Содержание пропаганды и агитации проводимой среди гражданского населения и в армии определялась, прежде всего той военно-политической обстановкой, которая сложилась в 20-е гг.

Именно в этот период формировались мировоззрение и система ценностей советского человека, а также особое лингвокультурное общество, основа которого заложена не в национально – культурной, а в государственно – политической сфере. Формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определённую картину социальной действительности. (Kolesov, 1991: 3) Все исследования на данную тему доказывают, что использование языка властью характеризуется «не столько стилистикой и словарем, сколько особым отношением к реальности» (Berlova, Zaharova, 2003: 93). Это особое отношение к реальности определяется, прежде всего, идеологией. «Идеология - многокомпонентная содержательная сущность, представляющая собой совокупность политических, правовых, нравственных, религиозных, художественных и философских взглядов, являющихся духовным выражением коренных материальных интересов и экономических условий жизни социальных групп». (Kýznetsova, 1983: 7). Язык может быть использован для искажения информации в целях контроля за сознанием и поведением людей. Манипулирование языком становится важным средством воздействия на общественное сознание. Самое действенное средство для распространения идеологии – средства массовой информации. Ведь пропаганда скорее обращена к массам, нежели к индивидуальности, к эмоциям, а не к разуму и логике. Журналисты широко используют стереотипы восприятия, присущие аудитории, такие как методы «навешивания яр-

лыков», ложь через умолчание, ложь, манипуляция статистикой, бесконечное повторение лжи, построение ассоциации, обращение к «высшим принципам», игра на эмоциях (вины, патриотизм, гордость, амбиции, жажда власти, надежда. (Berlova, Zaharova, 2003: 88).

Анализируемый корпус демагогических текстов газет «Семиреченские ведомости», «Туркестанский коммунист», «Голос Семиречья», «Джетысуйская правда», «Правда» охватывает события 20-х годов XX века. В статье рассматривается система большевистских идеологем в процессе её формирования. Для усиления эффекта воздействия на адресата использовалась речевая агрессия. Идеологема противостояния внедряется как обязательная и мотивируется рядом экстралингвистических факторов: революция, классовые противоречия, два мира, угроза извне, внутренняя угроза, победа реакции и др.

Эксперимент

Анализ исследуемых казахстанских газет показал, что идеологема уничтожения структурируется с помощью определённых лексико-семантических глаголов: глаголов уничтожения: ликвидировать, искоренить, истребить, полностью устранить, уничтожить/уничтожать; глаголов разрушения: взорвать, сломать, сокрушить, разрушить; глаголов давления: давить, подавить, раздавить; глаголов лишения жизни : убить, задушить, перерезать; глаголов прекращения бытия: обезглавить, покончить, свергнуть, низвергнуть, кончать;

В анализируемых текстах глаголы различных лексико-семантических групп в первичных и вторичных значениях употребляются в значении истребления- уничтожения, которое может мыслиться как физическое, политическое или нравственное..

- У нас мало оружия, но его хватит, чтобы уничтожить тех белогвардейцев и спекулянтов, которые его прячут. (Джет.правда №15,1920).

- Наша задача: как можно скорее раздавать Семиреченскую белую банду, которая даже не задумалась мобилизовать Алаи-орду и башкир, пообещав им автономию и самые лучшие земли, так как на русских они больше не надеются. (Голос Сем.№58.1919)

Идеологическое значение идеологемы уничтожения/ истребления всегда вводится при поддержке слов с семой долженствования, интерпретируется как необходимая закономерность. В роли субъекта истребляющего, уничтожаю-

щего первично выступает враг – прежде всего классовый.

- Съезд объявил борьбу кулацко – байско – манапским стремлениям. В этой борьбе должна быть проявлена готовность трудящихся масс стать твёрдой деловой стеной вокруг Советской власти. (Джет. правда №28.1923)

«Демагогический текст «Умрем иль победим» (Голос Сем. №35. 1919) отражает реальную ситуацию борьбы за власть. Сталкиваются ситуации, отражающие идеологему классовой борьбы. Непримиримость, невозможность компромисса, соглашения приводят к однозначенному выбору: диктатура пролетариата – единственная возможная форма государственной власти, отражающая интересы народа. Формируется идеологема безальтернативного выбора. Неявная идеологема разрушения-свержения выступает как условие победы пролетарской власти Советов.

- Станичники! Жизнь или смерть, помните это, пойдете с Колчаком – смерть беспощадная. Пойдете с народом за Советы, за осуществления социализма – жизнь справедливая, бесконечная, если не нам, то детям, которые дождутся осуществления идеи. (Голос Сем №.? 1919).

Обобщённое понятие врага возвышает и облагораживает идею разрушения, отчуждая её от конкретного лица, от конкретики физического уничтожения, от образа крови.

- Контр-революция всех мастей и оттенков, не могущая ещё успокоиться, распространяет эти слухи, желая спровоцировать, взбудоражить население, а «обиженные» революцией кулаки-колонизаторы хватаются за такие слухи и раздувают их. (Джет.правда №11,1923).

- Если хорошо посмотреть, то мы видим, что они входили даже в советские учреждения. Прикрываясь «фиговым листом» специалистов, а также буржуазно – корыстной интеллектуальной умственной силой, старались всё разрушить, всё довести до полного развала. (Турк. ком. №11. 1919).

Субъект истребляющий выражен непосредственно, но сама идеологема уничтожения угадывается благодаря семантике слова- идеологемы конрреволюция, включающего смысл «уничтожение»: «Общественно- политическое движение, ставящее себе целью уничтожение результатов революции и восстановление старого, дореволюционного порядка» (ТСУ).

- Товарищи, наша задача - скорее все под ружьё, и единственным последним ударом раздавить контр-революцию и освободить угнетённый и

истекающий кровью от Колчаковского ига трудовой народ Сибири. (Голос Сем. №22.1919).

Субъект, отражающий ситуацию уничтожения, истребления врагом всего, что в битвах завоевал народ, выражен существительными, которые передают образ врага с разной степенью обобщённости.

- Тем не менее басмачество не уничтожено, и остатки его имеются в виде утративших политическую физиономию отдельных шак, не имеющих ничего общего теперь с коренным населением. (Джет. правда №10.1923)

- Съезд объявил борьбу кулацко – байско – манапским стремлениям. В этой борьбе должна быть проявлена готовность трудящихся масс стать твёрдой деловой стеной вокруг Советской власти. (Джет. правда №28.1923).

Позицию субъекта - душителя часто замещает местоимение они, входящее в оппозицию мы – они(народ – вражеские силы): Они хотят уничтожить.....Они желают нам только смерти...

- А они всё продолжают заниматься провокацией. Они – чуждые Советскому строю элементы у нас внутри. Провокация, потерявшая почву, опору в их надеждах «на лучшие перемены» вырождается в брюзгливые глупости . (Джет. правда №31.1923).

Народ, партия, страна – вынужденные субъекты истребления, уничтожения. Ответные шаги выглядят, как народное сопротивление, возмездие: Смерть за смерть, кровь за кровь .Не допустить удушения Советов... Отомстим...

- Пусть помнят банды Колчака, что мы будем бороться до последней капли крови. И завоеванную свободу мы дешево не отдадим. (Голос Сем. №33, 1919).

- Нужно помочь красной армии добить белогвардейщину, только в этом спасение от голода и холода. (Правда №15,1920).

Уничтожение, истребление – следствие ситуации постоянной угрозы со стороны врага, его агрессии, разного рода коварных деяний:

- Враждебные классы до конца останутся врагами. (Голос Сем. №34.1919).

- За последнее время джетысуйское кулачество зашевелилось, ходит провокационный слух, что будут возвращать имущество, конфискованное по земреформе или в порядке раскулачивания. В особенности это наблюдается среди кулаков-казаков станиц Исык и Чилик. (Джет. правда №11,1923).

В исследуемых текстах газет авторы публикации прежде чем призвать к физическому ис-

треблению, уничтожению всегда использовали разёрнутую мотивировку:

- *Казаки и гонимое офицерство идут на нас под плетью, жгут наши хлеба, топчут поля, вырезают рабочих. (Голос Сем. №10.1919).*

- *Заговоры против Советской власти один за другим партии, которая представляет из себя защитницу, так называемого «трудового народа», лучше всего говорят о её идеалах и за её мелкобуржуазную корыстно-классовую сущность. (Турк. комм. №5. 1919)*

- *Интеллигенция Семиречья ещё не получила необходимый революционный урок, поэтому она не прекратила свою антисоветскую или выжидательную (нейтральную) тактику. Для нас является тактика выжидания глупейшим и презренным методом во избежание неприятностей и несчастий, связанных с революцией, это хуже открытой контр-революции. (Голос Сем. №63.1919).*

В данных статьях журналисты использовали обобщённое понятие врага, которое возвышало и облагораживало идею разрушения, отчуждая её от конкретного лица, от конкретики физического уничтожения, от образа крови.

- *В настоящий момент – момент напряжённой борьбы труда с капиталом, все силы народа трудящегося и эксплуатируемого народа должны быть соединены и направлены только к одной общей цели – полной победе и сокрушению капитала и представителей его буржуазии. (Голос Сем. №43, 1919).*

«При конкретизации образа врага – носителя лжи – семантико-идеологическая сфера «буржуазное» выходит за пределы собственно языковой семантики». (Курпина, 1993: 33) Буржуазия, господствующий класс капиталистического общества, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость. (МАС).

Результаты и обсуждение

Наблюдение за извлечёнными из казахстанских газет компрессивных демагогических текстов показало, что каждый такой текст передаёт определённую идеологему : содержит соединение двух или более идеологем – суждений, предписанных тоталитарной системой в качестве официальных догм (врага, вредительства, лжи, классовости, уничтожения и т.п.). Демагогический текст является частью публицистического дискурса, квалифицируемого как персуазив-

ный (воздействующий) тип дискурса. Он всегда включается в идеологическую коммуникативную ситуацию, имеет идеологический модус и предполагает общественную значимость. Страгегической задачей журналиста являлось не просто ознакомить читателя с произошедшим событием или болезненным явлением современной ему действительности, а прежде всего выразить отношение к нему и убедить читателя в правоте авторского видения.

Для усиления эффекта воздействия на адресата использовалась речевая агрессия. Речевая агрессия - это форма речевого поведения, мотивированного агрессивным состоянием говорящего, преследующего цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата (Medyshevskii, 1993: 63). Чаще всего объекты агрессии могут создаваться целенаправленно, в угоду определенным идеологическим установкам. «В раздражающих ситуациях, которые наилучшим образом вызывают воодушевление и целенаправленно создаются демагогами, прежде всего, должна присутствовать угроза высоко почитаемым ценностям. Враг или его муляж могут быть выбраны почти произвольно и - подобно угрожаемым ценностям - могут быть конкретными или абстрактными». (Kolesov, 1991: 252). Идеологемы уничтожения, истребления, противостояния внедряются как обязательные и мотивируются рядом экстралингвистических факторов: революция, классовые противоречия, два мира, угроза извне, внутренняя угроза, победа реакции и др.

Идеологемы уничтожения, истребления структурируются с помощью определённых лексико-семантических глаголов: глаголов уничтожения: ликвидировать, уничтожить/уничтожать; глаголов разрушения: взорвать, сломать, разрушить; глаголов давления: давить, раздавить; глаголов лишения жизни : убить, задушить, перерезать; глаголов прекращения бытия: кончить, покончить, свергнуть, низвергнуть, кончать;

В анализируемых текстах глаголы различных лексико-семантических групп в первичных и вторичных значениях употребляются в значении истребления- уничтожения, которое может мыслиться как физическое, политическое или нравственное..

Заключение

Анализ исследуемых газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет, предписывающих физическое и духовное

уничтожение, подтверждает вывод о том, что «Октябрьская революция быстро выродилась в самую ужасную тиранию, которую когда – либо видела человеческая история». (Zemskaya, 1996: 69). На базе описанных идеологем в сознании народа формируется один из «фундаментальных мифов, через которые люди пытаются осмысливать и внешний мир, и свою собственную деятельность... миф разрушения и создания всего заново, священного убийства, ритуально-го жертвоприношения, делающего возможным рождение, миф спасительной катастрофы.» (Zemskaya, 1996: 32). В настоящее время когда, казалось бы, изменился политический и экономический курс в стране и проводятся новые радикальные рыночные реформы, тем не менее на страницах газет «демагогические приёмы в политическом дискурсе газеты носят регулярный характер и используются в комплексе: суггестивность общения, констатирующий характер речи обуславливает употребление приёма со-лидаризации и бездоказательных утверждений» (Ahizer, 1993: 34). Феномен тоталитарного языка требует конкретного системно – лингвистиче-

ского осмысления, т. к. тоталитаризм представляет собой политическую систему, в которой «государственная власть достигает полного или тотального контроля над обществом» и над языком. (Курпина, 1995: 90).

При воспроизведении газетных демагогических текстов сохраняются орфографические и пунктуационные особенности источника.

Сокращения

ТСУ – Толковый словарь русского языка.
Под. ред. Д. Н. Ушакова. – В 4–х т. – М., 1935.

МАС – Словарь русского языка. – В 4–х т. – М., 1957. – 1961.

Голос. Сем – Голос Семиречья (Верный) за 1923 г.

Джет. правда – Джетысуйская правда (Алма-Ата) за 1923 г.

Джет. искра – Джетысуйская искра (Верный) за 1919 г.

Тур. ком. – Туркестанский коммунист (Ташкент) за 1919 г.

Правда – Орган Семиреченской (Алма-Ата)

Литература

- 1 Ahizer A.S. (1993) Rossia kak bolshoe obshchestvo. [Russia as a large society.] Voprosy filosofii. № 1. 1993. (In Russian)
- 2 Berdiaev N.A. (1990) Istoki i smysl rysskogo kommynizma. [The origins and meaning of Russian communism.] M., 1990. (In Russian)
- 3 Berlova O.A. (2003) Zaharova V.V. Igra na informatsionnom pole. [Playing on information foul.] M., 2003. (In Russian)
- 4 Zemskaya E.A. (1996) Klische novojas i tsitatsna v iazyke postsovetskogo obshchestva. [Cliché Novojas and the situation in the language of the post-Soviet society.] Voprosy iazykoznanija. №4. 1996. (In Russian)
- 5 Kolesov V.V. (1991) Otrajenie rysskogo mentaliteta v slove. [Reflection of the Russian mentality in the word.] Chelovek v zerkale naýk. L., 1991. (In Russian)
- 6 Kýznetsova E.V. (1983) Iazyk v svete sistemnyh otnoshenii. [Language in the light of systemic relations.] Sverdlovsk, 1983. (In Russian)
- 7 Kýpina N.A. (1995) Totalitarnyi iazyk: slovar i rechevye reaktsii. [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions.] Ekaterinburg; Perm, 1995. (In Russian)
- 8 Kýpina N.A. (1993) Leksicheskaya sistema rysskogo iazyka v poiskah primitivov. [Lexical system of the Russian language in search of primitives.] Iazyk i kultura. Vtoraia mezhdunar. konf. Doklady. Kiev, 1993. S. 69. (In Russian)
- 9 Medýshevskii A.N. (1993) Demokratia i tiranija v novoe i noveishee vremja. [Democracy and tyranny in the new and modern times.] Voprosy filosofii, 1993, №10.
- 10 Seliev A. (1928) Iazyk revoliúcionnoj epohi. [Language of the revolutionary era.] M., 1928.
- 11 Toshovich B. (1994) Iazyk v konflikte. [Language in conflict.] Problemy iazykovoi jizni Rossiskoi federatsii i zarýbejnyh stran. M., 1994.
- 12 Han – Pir E. (1983) Iazyk vlasti i vlast iazyka. [The language of power and the power of language.] Vestnik AN SSSR №4. 1983.

References

- 1 Ahizer A.S. (1993) Rossia kak bolshoe obshchestvo. [Russia as a large society.] Voprosy filosofii. № 1. 1993. (In Russian)
- 2 Berdiaev N.A. (1990) Istoki i smysl rysskogo kommynizma. [The origins and meaning of Russian communism.] M., 1990. (In Russian)
- 3 Berlova O.A. (2003) Zaharova V.V. Igra na informatsionnom pole. [Playing on information foul.] M., 2003. (In Russian)
- 4 Zemskaya E.A. (1996) Klische novojaza i tsitatsna v iazyke postsovetskogo obshchestva. [Cliché Novojas and the situation in the language of the post-Soviet society.] Voprosy iazykoznanija. №4. 1996. (In Russian)

- 5 Kolesov V.V. (1991) Otrajenie rýsskogo mentalíteta v slove. [Reflection of the Russian mentality in the word.] Chelovek v zerkale naýk. L., 1991. (In Russian)
- 6 Kýznetsova E.V. (1983) Iazyk v svete sistemnyh otnoshenii. [Language in the light of systemic relations.] Sverdlovsk, 1983. (In Russian)
- 7 Kýpina N.A. (1995) Totalitarny iazyk: slovar i rechevyye reaktsii. [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions.] Ekaterinbýrg; Perm, 1995. (In Russian)
- 8 Kýpina N.A. (1993) Leksicheskaiá sistema rýsskogo iazyka v poiskah primitivov. [Lexical system of the Russian language in search of primitives.] Iazyk i kýtlyra. Vtoraia mejdýnar. konf. Doklady. Kiev, 1993. S. 69. (In Russian)
- 9 Medýshevskii A.N. (1993) Demokratia i tiranija v novoe i noveishee vremia. [Democracy and tyranny in the new and modern times.] Voprosy filosofii, 1993, №10.
- 10 Seliev A. (1928) Iazyk revoliútsionnoi epohi. [Language of the revolutionary era.] M., 1928.
- 11 Toshovich B. (1994) Iazyk v konflikte. [Language in conflict.] Problemy iazykovoi jizni Rossiiiskoi federatsii i zarýbejnyh stran. M., 1994.
- 12 Han – Pir E. (1983) Iazyk vlasti i vlast iazyka. [The language of power and the power of language.] Vestnik AN SSSR №4. 1983.

МРНТИ 81'23

Абишев Ж.Д.,

магистрант 2 курса Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: abishev.zhanibek@inbox.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА ПРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СПОРНОГО ТЕКСТА

Статья посвящена относительно новому направлению в прикладной лингвистике, в котором разрабатываются методы, позволяющие анализировать содержание текста, определяя, что говорится и что подразумевается, а также представлять его в ясной (эксплицитной) форме. Разбираются примеры анализа феноменов языка и речи, становящихся предметом спора в судах и тем самым важных для экспертизы текстов средств массовой информации. Важные результаты можно получить при анализе спорного слова не как лексической единицы языка, а как концепта, рассматриваемого в качестве ключевого слова духовной культуры, воплощающего в себе наши знания, мнения, предрассудки о мире бытия. На материале анализа концепта «клевета» в статье решаются некоторые задачи прикладного характера, связанные с лингвистической экспертизой конфликтного текста.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, спорный текст, коммуникативный конфликт, лингвистическая экспертиза текста, концепт, семантика.

Abishev Z.D.,

Research Assistant of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: abishev.zhanibek@inbox.ru

Use of the conceptual analysis of the language in the linguistic study of the controversial text

The article is devoted to a relatively new direction in applied linguistics, which develops methods that allow analyzing the content of a text, determining what is said and what is meant, and also presenting it in a clear (explicit) form. We analyze examples of the analysis of the phenomena of language and speech, which are the subject of dispute in the courts, and thus important for the examination of the texts of the mass media. Important results can be obtained when analyzing a controversial word not as a lexical unit of language, but as a concept considered as a key word of spiritual culture, embodying our knowledge, opinions, prejudice about the world of being. On the material of the analysis of the concept of "slander" in the article, some problems of an applied nature are solved, related to the linguistic expertise of the conflict text.

Key words: legal linguistics, controversial text, communicative conflict, linguistic examination of the text, concept, semantics.

Абишев Ж.Д.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің 2 курс магистранты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: abishev.zhanibek@inbox.ru

Даулы мәтінді лингвистикалық зерттеу барысында тілдің концептуалдық саралтамасын қолдану

Мақала қолданбалы лингвистиканың мәтін мәнін ашуға арналған, жақында пайда болған жаңа бағыттына арналады. Бұл жаңа бағыттың негізгі мақсаты – текст мәтінін зерттеуге арналған жаңа әдістер ойлап табу, сөз иесінің нені айттып және нені мензеп тұрғанын айқын формада ашып көрсету. Соңғы кезде сот отырысында жиі көрініс тауып отырған тіл мен сөйлеу феноменін

талдау мысалдары қарастырылып, бұқаралық ақпарат құралдары негізінде талдау жасалды. Кей жағдайда даулы сөздерді лексикалық тіл бірлігі ғана емес, күнделікті қолданыста біздің өмір жайлы көзқарасымызды қалыптастыратын, маңызды концепт деп қарастыру арқылы жоғары нәтижеге жете аламыз. «Жала жабу» концептінің негізінде қолданбалы лингвистиканың өзекті мәселелері жайлы сөз қозгалады.

Түйін сөздер: құқықтық лингвистика, пікірталас мәтіні, коммуникативтік қақтығыстар, мәтіннің лингвистикалық сараптамасы, тұжырымдамасы, семантикасы.

Введение

Сравнительно недавно сформировавшаяся как самостоятельная отрасль гуманитарного знания юрислингвистика (в европейской научной практике чаще эта наука именуется правовой лингвистикой) демонстрирует общую тенденцию к интеграции научных дисциплин и приоритет прикладных задач, решаемых современной наукой, в том числе и лингвистикой. Именно преимущественно прикладные задачи решает юрислингвистика, прежде всего такие, которые связаны с речевыми конфликтами, т.е. с использованием языка. Необходимо помнить тезис выдающегося мыслителя 20-го века Мартина Хайдеггера «Язык есть дом Бытия». И жизнь этого дома регулируется именно законами языка, которые во многом определяют законы морали и законы права. Понятно, правовое решение речевых конфликтов невозможно без лингвистического обеспечения, что наиболее явно проявляется в лингвистической экспертизе спорного текста (см. об этом (Баранов, 2010: 64), (Лингвистическая экспертиза спорного текста, 2009: 98) и др. работы).

Одно из главных правил проведения лингвистической экспертизы – оставаться в рамках компетенции специалиста-лингвиста и не решать сугубо юридические задачи. Так, при экспертизе конфликтного текста перед лингвистом часто ставится вопрос об оскорбительной направленности, например, газетной публикации. Однако при этом одновременно ставится вопрос и о клеветническом характере публикации. Обычно лингвист-эксперт отвечает, что этот вопрос сугубо правовой и на него должны отвечать судебные органы. Тем не менее, нередки случаи, когда собственно лингвистический анализ текста позволяет определить, считать публикацию клеветой или нет.

В одной из казахстанских газет была опубликована статья, которая была написана на материале интервью, взятого журналистом у независимого юриста Р.Г. Гайнуллина, против которого после появления публикации было возбуждено уголовное дело за распространение клеветы в

печати (истец – предприниматель Б.А. Алтаев). Перед лингвистом был поставлен такой вопрос: «Можно ли считать, что представленная на исследование газетная публикация с интервью независимого юриста Р.Г. Гайнуллина, по своей общей направленности, по своему содержанию соответствует понятию, которое в языке обозначается словом «клевета»?». Приводим краткий вариант заключения специалиста.

В статье использован материал из работы автора «Теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика: от противопоставления к взаимообогащению», опубликованной в издании: Waysof solving crisisphenomenainpedagogics, psychologyandlinguistics. – London, InternationalAcademyofSciencesandHigherEducation, Great-Britain. PublishedbyIASHE, 2012.

Эксперимент

Для ответа на поставленный вопрос целесообразно провести концептуальный анализ слова *клевета*, поскольку такой анализ в отличие от традиционного лексико-семантического позволяет установить все смысловые компоненты, которые содержит слово как выражение определенного понятия, именуемого концептом. В лингвистике представлено несколько определений термина концепт (от лат. *conceptus*) (см., в частности, работы (Вежбицкая, 1997: 113), (Хроленко, 2009: 89) и др.). Часто его отождествляют со словом *понятие* или *представление*. Обычно же концепт рассматривается как единица нашей когниции, т.е. как представитель всей суммы знаний о каком-либо явлении действительности. Не случайно в некоторых новейших словарях дается такое толкование слову *концепт*: «В лингвистике: исторически сложившийся целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений, относящихся к основополагающей ментальной, духовной или жизнеобразующей физической сфере бытия человека» (Вежбицкая, 1997: 362). В нашем случае для ответа на поставленный вопрос необходимо определить именно тот «целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых

значений» слова *клевета*, который следует соотнести с содержанием представленной на исследование публикации, прежде всего с содержанием интервью Р.Г. Гайнуллина.

Комплекс языковых значений, передающих наши знания о мире, которые представлены в концепте *клевета*, состоит из нескольких смысловых компонентов, отражающих разные аспекты анализируемого концепта (эти смысловые компоненты в лингвистической литературе принято заключать в лапки (‘.....’)).

Для установления первого смыслового компонента необходимо определить так называемую деривационную природу слова *клевета*. Это слово относится к отглагольным именам типа *дело, работа, забота, тревога, бег*. Слово *клевета* образовано от *клеветать*. Это - глагол несовершенного вида, и его видовая семантика формирует важнейший компонент концепта *клевета*. Несовершенный вид русского глагола имеет несколько значений. В нашем случае актуальным является значение, которое в видовой паре глагола проявляется в оппозиции ‘контролируемость - неконтролируемость’. При этом совершенный вид (СВ) способен обладать семантическим компонентом ‘неконтролируемость’, в то время как несовершенный вид (НСВ) обязательно связан с компонентом ‘контролируемость’. Наглядно такое соотношение можно продемонстрировать на таких примерах: *Не урони* (СВ) – *Не роняй* (НСВ), *Не разбей* (СВ) – *Не разбивай* (НСВ), *Не упади* (СВ) – *Не падай* (НСВ) и т.п. Как можно заметить, совершенный вид в этих парах обозначает действие, происходящее в случае неконтролируемости его со стороны субъекта, поэтому можно сказать *Не разбей случайно эту тарелку; Не споткнись в темноте о порог* и т.п. Несовершенный же вид в приведенных примерах обозначает действие, зависящее от субъекта, контролируемое им. Поэтому фразы типа **Не разбивай* случайно эту тарелку воспринимаются как неправильные. Показательно, что иностранцы, плохо владеющие русским языком, и в языковом сознании которых еще не сформировалась четко видовая оппозиция русского глагола, могут сказать: **Не открой окно* вместо *Не открывай окно*. Таким образом, *клеветать*, глагол несовершенного вида, содержит в своей семантике компонент ‘контролируемость’, т.е. обозначает действие, которое контролируется субъектом, полностью зависит от его целей и намерений. Именно этот семантический компонент мотивирует значение слова *клевета*, которое именует такое действие, состояние или

событие, которые контролируются субъектом, зависят от его воли, намерений и целей. Задачей лингвиста для ответа на поставленный судом вопрос является установление именно этих намерений и целей и соотнесение их с семантическим компонентом слова *клевета*. В этом слове, как и в слове *клеветать*, содержится семантический компонент ‘порочить, обесчестить’, реализующий видовое значение контролируемости. Содержится ли этот семантический компонент в представленной на исследование публикации и каковы же ее цели, намерения, прежде всего помещенного в ней интервью Р.Г. Гайнуллина.? В тексте интервью эта цель передана след. образом:

При изучении обстоятельств дела и истории взаимоотношений бывших партнеров на протяжении почти пяти лет возникает вопрос – отчего независимый юрист буквально сел «на хвост» предпринимателей? Он ведь и по сей день бьет во все колокола, пытаясь привлечь внимание финансовой полиции, органов внутренних дел и прокуратуры, комитета национальной безопасности, агентства РК по борьбе с коррупцией.

Как можно заметить, цель Р.Г. Гайнуллина – борьба с коррупцией и теневым бизнесом, а не желание опорочить и обесчестить кого-либо, т.е. нельзя считать, что у Р.Г. Гайнуллина, когда он давал журналисту интервью, было намерение оклеветать кого-либо, распространить через газету клевету. Таким образом, первый смысловой компонент концепта *клевета* ‘опорочить, обесчестить’ отсутствует в исследуемом тексте. Цель публикации – привлечь внимание общественности и правоохранительных органов к коррупции в теневом бизнесе.

Второй семантический компонент концепта *клевета* – ‘надуманность, ложность’. Этот семантический компонент обычно используется при толковании слова *клевета*: «Ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов» (Словарь русского языка, Т. II, 1984: 56). Для решения правовых вопросов и вопросов, связанных с коммуникативными (речевыми) конфликтами, важно не только проверить сообщаемую информацию на соответствие ее действительности, но и определить источник такой информации. Понятно, что первая часть этой задачи (соответствие информации действительности) не является предметом лингвистического исследования, но источник информации может быть установлен. Для этого необходимо провести семанти-

ческий анализ текста с использованием понятия авторизации. С помощью этой категории излагаемая в тексте информация квалифицируется в отношении источника и способа ее получения. Другими словами, говорящий (пишущий) обязан, сообщая информацию, во-первых, квалифицировать ее как свою или чужую, во-вторых, квалифицировать информацию по способу ее получения. В представленном на исследование материале в качестве средства выражения категории авторизации выступают ссылки на источник полученной информации:

Ко мне подходили родители, чьи дети были замешаны в «кладбищенском скандале», называя прямо организаторов сбора металлолома с могил. Вот когда я впервые услышал об Алтаеве как о главе группировки.

Этот и другие фрагменты из интервью Р.Г. Гайнуллина свидетельствуют о том, что сообщаемая им информация не является его выдумкой, а взята из указанных им источников. Таким образом, анализ содержания публикации с интервью Р.Г. Гайнуллина свидетельствует о том, что сведения о Б.А. Алтаеве не являются какой-то выдумкой Р.Г. Гайнуллина.

Третий обязательный семантический компонент концепта *клевета* – ‘негативная информация о ком-либо или о чем-либо’. В данном случае критерий достоверности или ложности сведений не учитывается, а только признак наличия отрицательной информации, поскольку даже ложные сведения о ком-либо, положительно характеризующие его, не относятся к клевете. Ср, комплименты, дифирамбы, восхваления, панегирики и т.п.

В исследуемом тексте присутствует негативная информация о Б.А. Алтаеве, а именно:

В прошлом Б.А. Алтаев возглавлял группировку, которая занималась хищением цветных металлов с городских кладбищ; заведомо ложные показания, фальсификация доказательств, мошенничество в крупном размере, нарушение правил бухгалтерского учета, уклонение от уплаты налогов, распространение наркотиков и порнографии.

Четвертый семантический компонент концепта *клевета* – ‘предосудительность’ - отражает так наз. деонтологический аспект рассматриваемого явления, в нашем случае - соответствие или несоответствие поступка этическим нормам поведения человека. Клевета, распространение клеветы в любом социуме рассматривается как нарушение общепринятых норм морали и поэтому считается предосудительным поступком,

осуждаемым людьми. В исследуемом тексте не обнаружено ни одного случая указания на аморальность поступков Р.Г. Гайнуллина, на предосудительность его действий. Более того, следует признать, что Р.Г. Гайнуллин, активно выступая против нарушений законов, норм поведения и т.п., находит поддержку и одобрение со стороны других людей, которые обращаются к нему за помощью:

Зная о том, что я «воюю» с Алтаевым, ко мне обращались и другие люди с просьбой пресечь этот беспредел в их районе. В основном, это женщины-пенсионерки, выступать открыто им мешает страх перед ним.

Таким образом, в представленной на исследование публикации отсутствует семантический компонент ‘предосудительность’, поэтому действия Р.Г. Гайнуллина нельзя считать аморальными.

Результаты и обсуждения

Проведенный концептуальный анализ слова *клевета*, позволяющий установить все его семантические компоненты, и сопоставление этих компонентов с содержанием публикации свидетельствуют о том, что только один семантический компонент (‘негативная информация’) существует в тексте. Три компонента (‘желание опорочить’, ‘надуманность’, ‘предосудительность’) отсутствуют в представленном на исследование материале. Между тем, совершенно очевидно, что для того, чтобы считать ту или иную публикацию клеветой, необходимо наличие в ней всех семантических компонентов, поскольку концепт (в нашем случае концепт *клевета*) – это «целостный, понятийно нерасторжимый комплекс языковых значений». Таким образом, считать представленную на исследование публикацию с интервью Р.Г. Гайнуллина клеветой нет лингвистических оснований.

Заключение

Приведенное лингвистическое исследование газетной публикации, основанное на концептуальном анализе слова *клевета*, решает прежде всего сугубо прикладные задачи, и вывод об отсутствии каких-либо собственно лингвистических оснований для признания журналистского материала клеветой отвечает на конкретно поставленный юридический вопрос. Тем не менее, такие экспертизы текста представляют не меньший интерес и для теоретической лингвистики,

поскольку анализируемый в них языковой материал позволяет увидеть новые аспекты той или иной лингвистической проблемы и вместе с тем

проверить состоятельность определенной научной концепции и соответствующего научно-исследовательского аппарата.

Литература

- 1 Баранов А.Н.Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта: Наука, 2010.
- 2 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари,1997.
- 3 Лингвистическая экспертиза спорного текста / Отв. ред. Г.Х. Аженова. – Алматы: «Әділ сөз», 2009.
- 4 Словарь русского языка. В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1984.
- 5 Толковый словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.
- 6 Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2009.

References

- 1 Baranov A.N. (1997) Lingvisticheskaya ekspertiza teksta. [Linguistic examination of the text.] M.: Russkie slovari, 1997.
- 2 Lingvisticheskaya ekspertiza spornogo teksta. (2009) [Linguistic examination of the controversial text.] Otv. red. G.H. Azhenova. Almaty: Adilsoz, 2009.
- 3 Slovar' russkogo jazyka. V 4-x tomax. – M.: Russkii jazyk, 1984.
- 4 Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. (2008) [Explanatory dictionary of the Russian language.] Pod red. N.Y. Shvedovoi. M.: Izdatel'skii centr «Azbukovnik», 2008.
- 5 Vezhbickaya A. (1997) Yazyk. Kul'tura. Poznanie. [Language. Culture. Cognition.] M: Russkie slovari, 1997.
- 6 Xrolenko A.T. (2009) Osnovy lingvokul'turologii. [Fundamentals of linguoculturology.] M.: Flinta: Nauka, 2009.

МРНТИ 81'23

Алдабергенқызы Л.¹, Томанова Н.М.²,

¹магистр филологии, ст. преподаватель, ²к. ф. н. доцент
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aldabergenkuzu@mail.ru, nuritom_8@mail.ru

**КОНТАМИНИРОВАННАЯ КАРТИНА МИРА
ПОЭТА-БИЛИНГВА
ВЯЧЕСЛАВА ШАПОВАЛОВА**

В статье рассматривается творческий контекст Вячеслава Шаповалова с точки зрения сочетания элементов христианской и мусульманской лингвокультур на примере стихотворений «Молитва на могиле Богоматери» и «Голос Манаса». Особое внимание уделяется актуализации прецедентных феноменов.

Ключевые слова: прецедентный феномен, контекст, культурное пространство, когнитивно-содержательное пространство, культурная полифония

Aldabergenkyzy L.¹, Tomanova N.M.²,

¹Master of Philology, senior lecturer, ²PhD, A/Professor
of al-Farabi Kazakh National University,

Kazakhstan, Almaty, e-mail: aldabergenkuzu@mail.ru, nuritom_8@mail.ru

**Contaminated picture of the world
of the bilingual poet Vyacheslav Shapovalov**

The article is considered about the creative context of Vyacheslav Shapovalov from the point of view of combination elements of Christian and Muslim linguocultures by the example of poems «Prayer on the Grave of the Mother of God» and «Voice of Manas». Particular attention is paid to the actualization of precedent phenomena.

Key words: precedent phenomenon, context, cultural space, cognitive-content space, cultural polyphony

Алдабергенқызы Л.¹, Томанова Н.М.²

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

¹филология магистрі, аға оқытушысы, ²доценті, ф. ғ. д.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aldabergenkuzu@mail.ru, nuritom_8@mail.ru

**Екі тілді ақын Вячеслав Шаповаловтың
контаминацияланған әлем бейнесі**

Мақалада Вячеслав Шаповаловтың «Молитва на могиле Богоматери» және «Голос Манаса» атты шығармаларындағы христиандық, және мұсылымадық лингвомәдениеттері элементтерінің бірігінегізіндеңі шығармашылық ерекшелігі қарастырылады. Прецедентті феномендердің қолданылуына аса назар аударылады.

Түйін сөздер: прецедентті феномен, контекст, мәдени кеңістік, когнитивті-мазмұндық, кеңістік, мәдени полифония

Введение

Индивидуально-авторская картина мира поэта-билингва Вячеслава Шаповалова складывается из фрагментов разных национальных картин мира под влиянием многих факторов историко-культурного, социально-политического и собственно лингвокультурного характеров. Творческий контекст Вячеслава Шаповалова сочетает элементы славянской (русской) и тюркской (киргызской) лингвокультур, христианской и мусульманской мифopoэтических картин мира. Вячеслав Шаповалов - русский поэт, воспитанный на кыргызской поэтической культуре, на наш взгляд, может считаться подлинно художественным билингвом, так как впитал в себя традиции и обычай тюркского народа, а также является профессиональным переводчиком, этнокультуроредом и исследователем языка кыргызского эпоса. Все поэтическое творчество Шаповалова – это органическое целостное, единое художественное полотно. Поэт, рожденный в так называемом им самим «азийском круге» разделил судьбу всех тех, кто в этом круге оказался. В созданном им портрете века главными темами стали время, история, душа, народ. Лингвопоэтическую картину мира Вячеслава Шаповалова можно назвать контаминированной картиной мира, в которой образ мира одного этноса (в данном случае кыргызского) воплощается в тексте (дискурсе) с помощью языкового кода другого этноса.

Эксперимент

Проиллюстрируем некоторые особенности культурного пространства поэтического дискурса В.Шаповалова на примере стихотворений, вошедших в поэтический сборник «В Азийском круге». Индивидуальная картина мира поэта-билингва определяет особенности когнитивно-содержательного пространства стихотворения «Молитва на могиле Богоматери».

Молитва на могиле Богоматери
Все, Ана Мария, я сделал, как научили:
свечку зажег и поставил – и попросил о прощенье,
встал на колени на коврик потертый. Глаза остывли:
слезы слглотнул – без них все равно плачевней.
Все, Пречистая, сделал я, как подсказали:
руки омыл и лицо из Твоего колодца.
Правда, вода была воплощена в металле:
нажмешь на кнопку – и благодать прольется.
Не было мне знамения, Богородица Пресвятая,

ничто не открылось душе, что было сокровенно.
Птаха в мандариновой роще что-то мне просвистала
на влажных Твоих серпантинах под колесами ситроена.
Все, Богоматерь, я сделал: и крестик купил у турка,
правда, к нему прибавил ятаган двустрый –
эфес у него эфесский, на таможне придется туго,
но таможня и горняя сфера – родные сестры.
Все я сделал, Марьям-Ана, в этот вечер,
хадж свой, убогий духом, у могилы Твоей завершая,
и если на зов ответить мне больше нечем,
то, значит, дошел и я до предела, до края.
Я все это вижу, и спокоен
при этом,
по фигу мне, что будет со мной и страною.
Что ж так больно мне, будто Тебя я предал?
Холодно, грустно, стыдно – но не пред Тобой одно.
Матерям, чьи могилы разбросаны по вселенной,
трудней, чем их детям, чьи могилы они потеряли.
Турецко-греческий ветер, непримиримо соленый,
воплощается молча в ветхом мемориале,
но сирота все ищет отца – и Отца обретает,
и ноша мира, взваленная на хрупкие плечи,
как эти масличные листья, не облетает, –
вечнозеленая.
Но матерям – не легче.
1996. Сельчук. (Шаповалов, 2003: 418-419).

Культурное пространство данного стихотворения в качестве ядерного компонента текстового комплексного смысла отмечено актуализацией прецедентных феноменов, прямо связанных с мировосприятием и мироисповеданием в христианской и мусульманской культурах. К числу прецедентных феноменов в культурной и эстетической макроструктурах анализируемого произведения относим прецедентные имена (*Мария – Марьям*), прецедентную ситуацию (*сыновье покаяние перед Матерью, переживающей утрату своего дитя, прототипическая основа ситуации – Иисус на Голгофе*), прецедентные тексты (*Библия и, отчасти, Коран*).

Прецедентные тексты на уровне текстопорождения представлены в анализируемом художественном контексте посредством культурно-эстетической переклички лексических единиц шаповаловского текста с лексикой и фразеологией канонических религиозных произведений. В конкретном определении текстостроение В.Шаповалова отмечено использованием большого ряда номинатов-бibleизмов – «Богоматерь», «Мария», «Пречистая», «Твой», «Богородица Пресвятая», «Твоя», «Тебе», «Тобой», «Отец», а также включением в поэтическую структуру номината из Корана «Марьям» (дан-

ный лексический ряд графически маркирован авторским написанием словоформ с прописной буквы). Культурно-эстетическая перекличка шаповаловского текста с каноническими религиозными произведениями усиливается ассоциативно-образными приращениями смысла, содержащимися в семантике словесного ряда, тематически связанного с христианским и мусульманским религиозным ритуалом, и культурой – «молитва», «свечка», «прощенье», «колени», «коврик потертый», «слезы», «руки», «лицо», «благодать», «знаменье», «душа», «крестик», «хадж», «могила», «зов».

В качестве же ядерных прецедентных феноменов, порождающих оригинальное культурное пространство и необычную эстетическую концептосферу текста стихотворения «Молитва на могиле Богоматери», предлагаем выделять прецедентные имена «Мария» и «Марьям»:

«Мария, Мариам, дева Мария, богородица, богоматерь, мать божья, мадонна..., в христианских религиозно-мифологических представлениях земная мать Иисуса Христа, иудейская девственница, чудесно родившая без разрушения своей девственности. <...> Православная и особенно католическая традиция предполагает физическое или духовное присутствие Марии при важнейших моментах страдания сына... Но евангельское повествование говорит только о присутствии Марии на Голгофе: она стояла «Иисуса»... (Мифологический словарь, 1991: 345).

«Марьям, в мусульманской мифологии мать Исы. Коранические эпизоды, связанные с Марьям ... в главных деталях и мотивах, восходят к христианским преданиям о деве Марии. ...» (Мифологический словарь, 1991: 348).

Контаминация прецедентных имен «Мария» – «Марьям» в контексте шаповаловского стихотворения, включение в поэтический дискурс посредством текстовой неологизации «Ана Мария» и «Марьям-Ана», где в авторской экспликации мифологические религиозные номинаты актуализируются в трансформированном виде, порожденном сложением тюркской (киргызской) нарицательной лексемы «ана» (мать) со священными для христиан и мусульман онимами, порождает контаминированную картину мира, в которой имеет место быть культурная полифония.

Оригинальная культурная полифония, таким образом, обусловлена творческим воссозданием образа Богоматери (из христианской мифо-поэтической картины мира) и образа Мариям

(из мусульманской мифо-поэтической картины мира), поэтически представленных в сочетании с образами «ординарных» матерей – кыргызских, турецких, греческих и многих других. Именно материнская линия лирического повествования является основной, и естественно базовый концепт поэтического дискурса словесно репрезентируется через ключевые знаки «ана» - «мать». Поэт, контаминируя религиозно-мифологические представления о божественных материах с характеристиками земных матерей, «чи могилы разбросаны по вселенной», воссоздает эстетическую прецедентную ситуацию «мать и сын», где есть как мотив материнских страданий, так и мотив сыновьего раскаяния. В текстовой экспликации автора-творца второй мотив доминирует. Ср.:

*«Что же так больное мне, будто Тебя я предал?
Холодно, грустно, стыдно – но не пред Тобой одною.
Матерям, чи могилы разбросаны по вселенной,
трудней чем их детям, чи могилы они потеряли».*

Высокая тональность поэтического контекста сочетается со сниженной. Сниженный фон повествования порождается иронией, идущей от художественного текстового «я»: «Я сделал, как научили», «сделал я, как подсказали» и другое. Ироническая тональность обусловлена обилием речевых средств с разговорно-бытовым ореолом: «металл», «кнопка», «птаха в мандариновой роще», «серпантин», «колеса Ситроена», «турок», «ямаган», «эфес», «таможня» и, конечно, «по фигу мне». В целом ирония и соответствующий сниженный речевой контекст – естественные атрибуты монолога «убогого духом», дошедшего «до предела, «до края», разочарованного в социально-бытовой обыденности «сына», ищущего «Отца» и обретающего «Его». Рассуждения лирического персонажа-повествователя, отмеченные доминированием минорных интонаций (ср. – «больно мне», «холодно», «грустно», «стыдно»), завершаются в тексте стихотворения относительно мажорными авторскими умозаключениями:

*«но сирота все ищет отца – и Отца обретает,
и ноша мира, взваленная на хрупкие плечи,
как эти масличные листья, не облетает, –
вечнозеленая».*

Когнитивное пространство стихотворения «Гослос Манаса», избранного для иллюстрации

глубинных особенностей поэтического дискурса В.Шаповалова, отмечено эстетической актуализацией прецедентного имени «Манас», относящегося к базовым положительным элементам народнопоэтического мифологического мироисследования кыргызов: «*Манас, мифо-этический герой киргизов, центральный персонаж одноименного эпоса, богатырь, совершающий подвиги во главе дружины из 40 витязей (кырк чоро)*» (Мифологический словарь, 1991: 337).

Голос Манаса

За сорок дней, за сорок дней в вышине,
сорок чоро – кырк чоро! – снятся мне,
глаза черны, да только раны в огне.
Прерви мой сон и возроди голос мой!

Твоя темна людская явь, молод ты,
теперь узнай, как душит скорбь высоты,
теперь услыши, как дышат кони в росе! –
акындарга керек емес эч нерсе...
Мои бои – твоя печаль: расскажи!
Слова мои – твоя печать: расскажи!
Твоя камча – мои плеча: расскажи!
Прерви мой сон и возроди голос мой!

Голос автора-творца, голос поэта, эстетически трансформируется в контексте второго стихотворения в голос Манаса, и в этом – главная особенность культурно-семантического пространства данного произведения. Лирический сюжет стихотворения в нашей интерпретации – это обращение мифического героя, находящегося в вышине инобытия, к своему молодому потомку из темной людской яви, призыв к действию через возрождение высот духа народного, содержащегося в мифопоэтических представлениях кыргызов.

Чингиз Айтматов в книге «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)» определяет эпос «Манас» как великое историческое творение кыргызов и приводит в качестве основного аргумента для развития данного тезиса слова Мухтара Ауэзова о «Манасе»: бесценная сокровищница истории целого народа, его героики, традиций, духовного наследия и великой культуры, передающаяся от поколения к поколению, из уст в уста языкок чистейшей поэзии, все более развиваясь и обогащаясь со временем; особенно категорично звучит оценочный компонент в таком высказывании: «Вырвать из жизни кыргызского народа «Манас» - то же самое, что отрезать язык всему народу» (Айтматов, 1996: 53).

Результаты и обсуждение

Вячеслав Шаповалов как большой знаток культуры кыргызского народа, поэт-билингв, как оригинальная языковая личность, погруженная в семиосферу русской и кыргызской духовности, не может не чувствовать исключительной значимости «Манаса» в формировании духовного потенциала не только кыргызского, но и многих других народов. В качестве прецедентного феномена в настоящее время эпос «Манас» можно отнести к числу универсально-прецедентных феноменов, известных любому современному полноценному *homo sapiens* и входящих в универсальное когнитивное пространство (Гудков, 2003: 104). Поэт В. Шаповалов, остро ощущая духовные ценности, заложенные в сокровищнице кыргызской культуры, посредством лирического обращения-монолога предупреждает о недопустимости утраты «голоса Манаса» и необходимости постоянного творческого возрождения его от поколения к поколению.

Поэтическая структура анализируемого стихотворения на собственно лингвистическом уровне отмечена художественной актуализацией вкраплений из кыргызской речи: «*кырк чоро*» – во второй строке четверостишья и «*акындарга керек емес эч нерсе...*» – в четвертой строке второго четверостишья. Эти лингвопоэтические единицы лирического контекста – свидетельство подлинного литературно-художественного билингвизма Вячеслава Шаповалова. Активной функциональной значимостью, в первую очередь, обладает второе вкрапление (русский перевод – «*Поэтам ничего не нужно*»), которое можно квалифицировать как духовное творческое кредо поэтов всех времен и всех народов.

Заключение

Обобщая наблюдения над особенностями культурного пространства поэтического дискурса Вячеслава Шаповалова, мы констатируем следующее:

1. Одаренная билингвальная творческая личность создает контаминированную картину, в которой в качестве доминантных компонентов, наряду с элементами русской словесной культуры, выступают и элементы кыргызской словесной культуры, христианской и мусульманской мифопоэтических картин мира.

2. Прецедентные феномены, являющиеся частью генезиса мира, представляющие русскую и кыргызскую словесные культуры, христианскую

и мусульманскую мифопоэтические картины мира, органически сочетаясь в шаповаловском поэтическом дискурсе, порождают феномен автопрецедентности. Автопрецеденты, в определении Д. Гудкова, представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанным с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные

ряды (Гудков, 2003: 103). В особых негомогенных условиях порождения и функционирования индивидуально-авторской картины мира, когда любой элемент творческой деятельности - это результат взаимодействия двух или нескольких языков, языковых культур и национальных сознаний и обладает субъективной познавательной, эмоциональной, аксиологической значимостью, автопрецедентными необходимо считать все единицы, участвующие в создании контамированной картины мира.

Литература

- 1 Шаповалов В.И. В Азийском круге: Избранное. Т. 1. Лирика. Поэмы. – Бишкек: Инновационный центр «Архи», 2003. – 608 с.
- 2 Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 485 с.
- 3 Айтматов Ч., Шаханов М. Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века). – Алматы: Раун, 1996. – 450 с.
- 4 Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гnosis», 2003. – 324 с.

References

- 1 Aitmatov C., Shakhanov M. (1996). Plach ohotnika nad propastyu (ispoved na ishode veka). [Lament of the hunter over the abyss (Confession at the end of the century)]. Almaty: Rauan, 450 p. (In Russian)
- 2 Gudkov D.B. (2003). Teoriya i praktika mezhekulturnoy kommunikazii. [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: Gnosis, 324 p. (In Russian)
- 3 Mifologicheskiy slovar. [Mythological dictionary]. (1991). Chief Editor E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet Encyclopedia, 485 p. (In Russian)
- 4 Shapovalov V.I. (2003). V Azhiyskom krige: Izbrannoye. [In the Asian circle: Favorites]. T. 1. Lyrics. Poems. Bishkek: Innovation Center «Archi», 608 p. (In Russian)

МРНТИ 16.01.45

Алиева С.Б.¹, Джолдасбекова Б.У.²,

¹к. п. н., ²д. ф. н. профессор

Казахского национального университета им. аль-Фараби,

Казахстан, г. Алматы, e-mail: aliyeva.s@gmail.com; Baiyan.Zholdasbekova@kaznu.kz

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-КАЗАХОВ РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основная цель авторов статьи – определить теоретические основы методики обучения студентов-казахов русскому языку. Во главу угла поставлена проблема обучения нерусскоязычных студентов литературному произношению русских слов. По мнению авторов статьи, наиболее перспективными являются технологии, использующие особенности фонетико-фонологической системы родного и неродного языка.

Ключевые слова: просодическая доминанта, сингармонизм, акустико-артикуляционная характеристика звуков

Aliyeva S.B.¹, Dzoldasbekova B.U.²,

¹PhD, A/Professor, ²DSc, Professor

of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,

e-mail: aliyeva.s@gmail.com; Baiyan.Zholdasbekova@kaznu.kz

Problems of training of Kazakh students in the Russian literary pronunciation: theoretical aspect

The main objective of authors of article – to define theoretical bases of a technique of training of Kazakh students in Russian. The problem of training of not Russian-speaking students in literary pronunciation of the Russian words is regarded as of paramount importance. According to authors of article, the most perspective are the technologies using features of fonetiko-phonologic system of native and nonnative language.

Key words: prosodic dominant, singarmonizm, acoustic and articulation characteristic of sounds.

Алиева С.Б.¹, Джолдасбекова Б.У.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

¹П. Ф. К., ²профессоры, ф. ф. д., Қазақстан, Алматы қ.,

e-mail: aliyeva.s@gmail.com; Baiyan.Zholdasbekova@kaznu.kz

Қазақ студенттерін орысша әдеби айтулы үйретудін міселелерінің теоретикалық аспектісі

Мақала авторларының мақсаты – қазақ студенттерін орыс тіліне үйрету әдістеменің теоретикалық негіздері. Орыс тілін білмейтін студенттерді орыс сөздерін дұрыс айтуға үйретудін мәселелері қарастырылған. Авторлардың ойынша, ана тіл мен өгей тілдің фонетика және фонология жүйесін қолданатын технологияларға назар аудару керек.

Түйін сөздер: просодиялық доминанта, сингармонизм, дыбыстардың акустикалық және артикуляциялық сипаттамасы.

Введение

Проблема обучения нерусскоязычных студентов, в частности, казахов, русскому произношению – одна из актуальнейших проблем в современном Казахстане. Общеизвестно, что в нынешней тюркоязычной среде, в которую входит и наша республика, изменились социолингвистические функции русского языка, к тому же в русском и казахском языках разные просодические доминанты (словесное ударение и сингармонизм). Но тем не менее, с нашей точки зрения, обучение литературному произношению в процессе преподавания русского языка в казахской аудитории обязательно предполагает уделение внимания фонетико-фонологической системе и русского, и казахского языка. Неслучайно Л.В. Щерба предупреждал, что методика преподавания неродного языка должна строиться «на основе сознательного отталкивания от родного языка» (Shcherba, 1963: 7).

Такой подход к обучению студентов-казахов русскому языку ориентирован на обучение звукам, ударению, интонации – совокупности всех средств, которые составляют материальную основу русского языка. Этот методический аспект всегда был в центре внимания ученых, занимавшихся составлением практических руководств по изучению русского языка, одним из разделов которых были предложения по обучению произношению русских букв.

Эксперимент

В русской филологии возникновение фонологии связано с именем Бодуэна де Куртенэ, который противопоставил господствовавшему в 60-70-ые годы 19 века историческому принципу описания языков тезис о необходимости изучения живых языков в их современном состоянии, а практике исследования разрозненных языковых явлений противопоставил освещение фактов языка в их взаимоотношении. Этот подход к решению проблемы приобрел особую актуальность в наше время, в условиях перехода Казахстана к трехъязычию.

Бодуэн де Куртенэ доказывал необходимость двоякого подхода к анализу звуков речи – акустико-физиологического и морфологического, который обуславливает двойное деление языка: произносительно-слуховое и семасиологическое-морфологическое (Baudouin de Courtenay, 1963: 66). В целом науку о звуковом строе Бодуэн де Куртенэ разделяет на антропофонику, психофо-

нетику и историческую фонетику. Психофонетика явилась прообразом современной фонологии. В России его деятельность стимулировала возникновение двух известных фонологических школ – Санкт-Петербургской и Московской.

Основателем Санкт-Петербургской школы Л.В. Щербой в работе «Русские гласные в качественном и количественном отношении» был дан всесторонний и развернутый анализ понятия фонемы, введено понятие типичного (или основного) оттенка, который находится в наименьшей зависимости от фонетической позиции (Shcherba, 1983:155). Рассматривая вопрос о механизме, обуславливающем членение потока речи, Л.В.Щерба приходит к пониманию фонемы как кратчайшей, далее неделимой единицы звуковой стороны языка. Ученый подчеркивал, что членение звуковой цепи на фонемы определяется смысловыми отношениями: «С точки зрения физиологии делимость нашей речи совершенно другая, и только смысл, возможности смысловой ассоциации дают нам ту или иную картину, ту или иную делимость нашей речи» (Shcherba, 1983: 114). Он определяет фонемы через понятие отдельного звука речи, как общего через частное, называя эти отдельные звуки, или звукотипы, фонемами: «Отдельные звуки получаются в результате анализа слов данного языка, и … это кратчайшие их отрезки, отсечение, прибавление и замена которых могут давать в данном языке другие слова или по крайней мере другие смысловые части слов» (Shcherba, 1983: 18).

Представители Московской фонологической школы не считали возможным игнорирование морфологической стороны учения Бодуэна де Куртенэ. Первым в этом плане трактовку фонемы дал Н.Ф.Яковлев, признававший фонемами звуковые различия, выделяющиеся в речи «как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различию значительных элементов языка» (Jakovlev, 1983: 129). По его мнению, кроме самостоятельных звуков речи (фонем), существует другой род языковых отличий, появляющихся в каждом языке в зависимости от смены соседних звуков в речи. Это комбинаторные варианты фонем, или звуковые оттенки фонем (Jakovlev, 1983: 128-134). Наиболее типичные для московской школы положения теории фонем в сжатом виде впервые были представлены в работе Р.И.Аванесова и В.Н.Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (1945 г.). Понятие фонемы раскрывается ими с позиции выяснения природы звуковых различий. В зави-

симости от двух видов звуковых различий – самостоятельных, независимых от фонетического положения звука в слове, и несамостоятельных, зависимых – выступают отдельные фонемы и позиционные разновидности. Позиции обладают двумя свойствами – различительности и обусловленности. Устанавливаются сильные позиции как позиции максимальной различительности и минимальной обусловленности. В этих позициях звуки являются инвариантами (основными разновидностями фонемы) и возглавляют классы соответствующих фонем.

С точки зрения МФШ, фонема – не звук, а класс звуков, устанавливаемый в результате лингвистического анализа внутри системных и, прежде всего, позиционных связей. Определение состава фонем как совокупности классов звуков необходимо, чтобы установить фонетический минимум позиционно различающихся звуков. Такой минимум необходим для обучения произношению и проведения сопоставительных исследований звуковых систем разных языков, для установления фонемо-буквенных соответствий в конкретном языке.

Основные фонологические категории русского языка (то есть основные дифференциальные признаки и соответствующие им артикуляционные особенности) – это те категории, на которых необходимо фиксировать внимание студентов при овладении ими русским произношением. Реализация входящих в категорию фонем позволяет обнаружить и зафиксировать те позиционные ограничения, которые накладываются на функционирование признака категории в речи.

В русском языке в системе консонантизма взаимодействуют две корреляционные категории, соотносимые с признаками глухости-звонкости и твердости-мягкости. Корреляция по глухости-звонкости реализуется в сильных позициях и нейтрализуется в слабых. Слабые позиции отражают ограничения, накладываемые на функционирование признака глухости-звонкости в речи, и выдерживаются они более последовательно, из чего можно заключить, что запрещающие правила имеют для языка большее значение, чем разрешающие. В методическом плане этот вывод означает, что главная задача обучения состоит в том, чтобы научить студента не делать ошибок, то есть сознательно следовать запрещающим правилам.

Корреляции твердых-мягких согласных – наиболее важные в русском языке по следующим причинам: 1) эти корреляции характеризуются

максимумом пропорциональности (симметричности) и в данное противопоставление вовлекаются 24 из 34 русских согласных, а если включить и квазифонологические противопоставления твердых и мягких заднеязычных, то получим 30 фонем, то есть почти весь консонантный состав; 2) различия по твердости – мягкости, хотя и являются «собственностью» консонантной системы, но затрагивают также гласные: «...наиболее постоянным акустическим признаком, различающим твердые и мягкие согласные в русском языке, является характер соседнего гласного, а не сами акустические свойства согласного» (Bondarko, 2001: 7). Этого нельзя сказать о других дифференциальных признаках согласных; в результате признак твердости-мягкости согласных превращается в характеристику целого слова, в равной мере существенную как для консонантной части, так и для вокальной.

Как видим, в русской фонетике новейшие тенденции свидетельствуют о расширении значимости противопоставления по данному признаку. Поэтому обучение произношению должно ориентироваться на определенную норму. Но в некоторых случаях допустимость двоякого фонологического истолкования тех или иных явлений может оцениваться с методической точки зрения, согласно которой выбор неканонического истолкования оказывается более оправданным.

Результаты и обсуждение

Казахская звуковая система стала объектом специального исследования со второй половины XIX века. История изучения казахской звуковой системы связана с именами В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Н.И. Ильминского, А. Байтурсынова, Х. Жубанова и других.

В небольшой работе Н.И. Ильминского [Ilminsky, 1860] дается описание звуков казахского языка, отнесенных автором к двум категориям: 8 звуков отнесены к группе гласных, девятнадцать к согласным. Даны отдельные сведения о некоторых артикуляционных особенностях казахского языка, комбинаторных чередованиях звуков и ударений, выделяются твердые и мягкие варианты согласных. В «Фонетике северных тюркских языков» В.В. Радлова (Radlov, 1882: 23-25) и в «Краткой грамматике казах-киргизского языка» П.М. Мелиоранского (Melioransky, 1894) рассмотрен широкий круг вопросов казахской фонетики, правильно подмечены фонетические особенности казахского

языка. И в той, и в другой работе выделены 9 гласных звуков и 20 согласных, твёрдая и мягкая разновидности “л” выделяются в качестве самостоятельных фонем, ошибочно утверждается, что казахские согласные қ, ғ, қ, ғ по месту образования являются гортанными. Нужно отметить, что для дореволюционных тюркологов типично нечеткое разграничение гласных [e] и [и] и отнесение сочетаний [γʷ], [γʷ] с гласными верхнего подъема к отдельным гласным, из-за чего автор насчитывал в казахском языке различное количество гласных.

Начиная с первой четверти XX века звуковой строй казахского языка начал подвергаться серьёзному анализу в работах Ахмета Байтурсынова и Х.К. Жубанова. А Байтурсынов рассматривает звуки с позиции сингармонизма как просодической доминанты казахской речи. Им составлен реформированный сингармонический казахский алфавит, описаны основные особенности сингармозвуков как значимых единиц, созданы принципы сингармонической орфографии (Baytursynuly, 2009).

Большой вклад в развитие казахской артикуляторной фонетики внёс Кудайберген Куанович Жубанов. Он дал подробную классификацию гласных и согласных звуков казахского языка. Х.Жубанову принадлежит разработка основных положений казахской фонетики; по его мнению, многие фонетические явления казахского языка, такие, как слияние и смещение слогов, ударение, и, особенно, законы сингармонизма, способствуют прочной связи элементов слов между собой (Dzubanov, 1966: 24-25). Разделяя взгляды А.Байтурсынова относительно сингармонического алфавита, К.Жубанов пишет следующее: «Соответственно природе казахских звуков, произносимых двояко: и твердо, и мягко, все буквы казахского алфавита, за исключением l, k, g (звуки которых произносятся исключительно мягко) обозначают и твёрдые, и мягкие разновидности соответствующих звуков, тем самым гласные освобождаются от возложенных на них лишних нагрузок – быть знаком различия твердости» (Dzubanov, 1966: 233). Далее Жубанов отмечает, что «сочетание твёрдого и мягкого звуков в одном слоге, часто даже и в целом слове, явление, невозможное для казахского языка» (Jubanov, 1966: 240), то есть слова в казахском языке могут быть только одного сингармотембра – либо твёрдого, либо мягкого. Наличие двух тембров в исконно казахском слове исключается.

В выявлении фонетических особенностей казахского языка большую роль сыграли труды по фонетике академика С.К. Кенесбаева, в которых рассматривается акусто-артикуляторная характеристика казахских фонем, анализируются слоговая структура слов, ударение, закон сингармонизма, звуковые изменения категории акцентуации (Kenesbaev, 1966: 240). В его статьях гласные казахского языка получили качественно новую классификацию, основанную на всестороннем артикуляторном изучении. Описание ведётся по трём признакам: подъёму, ряду, участию губ. С.К. Кенесбаев выделяет 11 вокалических фонем: девять монофтонгов [а, ә, օ, ө, ې, ى, γ, γ̄] и два дифтонга [и, γ̄]. Придерживаясь «физиологической» классификации, С. Кенесбаев делит гласные звуки на твёрдые – мягкие, губные-негубные, открытые-узкие. Он отмечает известную условность этой симметрии, то есть своеобразного дихотомического деления, так как абсолютно однотипных звуков, образованных органами произношения, в языке нет.

Однако акусто-артикуляторная характеристика гласных даётся С. Кенесбаевым на основе слухового анализа, а результаты экспериментального анализа показывают, что выдвигаемые им положения не всегда верны. Это касается гласного [ә], который определяется как гласный среднего подъема, гласные [i], [γ̄] – как гласные переднего ряда. Дифтонги [и], [γ̄] рассматриваются им как сочетания гласного с согласным. Классификация согласных проводится в трёх направлениях: по участию голоса и шума, по способу и месту образования.

Работа К.А. Арапбаева «Вокализм казахского языка» является крупным исследованием, в котором система гласных казахского языка рассмотрена с использованием методов структурной лингвистики в синхронном и отчасти историческом аспекте. Фонологический анализ казахского вокализма дается в парадигматическом и синтагматическом планах, определен состав гласных фонем и их основных вариантов, проведен спектральный анализ казахских гласных, прослеживается процесс развития казахского языка, затрагиваются вопросы морфологии. Все эти работы по казахской звуковой системе (кроме работ А.Байтурсынова) выполнены с позиций акцентно-фонемных теорий, то есть в казахском языке, как и в русском, предполагается наличие и понятия фонемы, и понятия словесного ударения.

Заключение

Как видим, сингармонизм в них проявляется как одна из просодических единиц, но не рассматривается как главная. Сингармофонологическое описание казахского звукового строя появилось в последние годы XX века в трудах казахского лингвиста А. Джунисбекова (Dzunisbekov, 2005), в работах В.М. Бельдияна (Beldijan, 2003) и М. Джусупова (Dzusupov, 1992). Термин *сингармофонологизм* был введен Махамбетом Джусуповым, последователем учения А. Байтурсынова, автором монографии «Фоне-

мография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма» (Dzusupov, 1995). Автор популярной методики обучения тюркоязычных студентов русскому языку считает, что при этом нужно не только научить артикуляции труднопроизносимых звуков, главное в этом процессе – научить слышать звуки чужого языка, ощущать функционально значимые и второстепенные функции этих звуков (Dzusupov, 1992). С нашей точки зрения, эта стратегия обучения нерусскоязычных студентов русскому языку является наиболее перспективной в условиях перехода Казахстана к трехъязычию.

Литература

- Щерба Л. В. Фонетика французского языка. – М.: Высшая школа, 1963. – 308 с.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. Значение языка как предмета изучения // И.А.Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
- Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. – Л.: Наука, 1983. – 155 с.
- Яковлев Н.Ф. Принципы фонемологии // Вопросы языкознания. – М., 1983. – № 6. – С. 128-134.
- Бондарко Л. В. Как мы говорим и что мы слышим // Говорящий и слушающий. – СПб., 2001. – С. 6-12.
- Ильминский Н.И. Материалы к изучению киргизского наречия // Ученые записки, издаваемые Имп. Казанским университетом. – Казань, 1860. – 200 с.
- Radloff W.W. Phonetik der nordlichen Turksprachen. – Leipzig, 1882.
- Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казах-киргизского языка. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897.
- Байтұрсынұлы А. Тіл – құрал. – Алматы: Сардар, 2009. – 348 б.
- Жубанов Х. К. Исследования по казахскому языку / Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер: Избранные работы. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 361 с.
- Кеңесбаев И. Қазақ тіл білімі туралы зерттеулер. – Алматы: Ғылым, 1987. – 352 б.
- Аралбаев Ж.А. Вокализм казахского языка / Очерки по экспериментальной фонетике. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 178 с.
- Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1980. – 78 с.; Қазақ тілі дыбыстарының артикуляциялық моделі. – Алматы: Аrys, 2005. – 108 б.
- Бельдиян В.М. Фонемы и их разновидности в казахском языке // Свет памяти: Сборник научных статей и библиограф. материалов. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. – С. 203–234.
- Джусупов М. Сингармонический звуковой строй в сопоставлении с несингармоническим (на материале казахского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 1992.
- Джусупов М. Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. – Ташкент: Узбекистон, 1995. –176 с.

References

- Aralbayev Dz.A. (1970) Vokalizm kazahskogo jazyka. [Vocalism of the Kazakh language.] Ocherki po ekperimental'noj fonetike. Alma-Ata: Nauka, 1970. 178 p. (In Russian)
- Baytursynuly A. (2009) Til – kural. Almaty: Sardar, 2009. 348 p. (In Russian)
- Bel'dijan V.M. (2003) Fonemy i ih raznovidnostiv kazahskom jazyke. [Phonemes and their varieties in the Kazakh language.] Svet pamjati: Sbopniknauchnyh statey i bibliograf.materialov. Omsk: OmGPU, 2003. P. 203–234. . (In Russian)
- Baudouin de Courtenay I.A. (1963) Znachenie jazykakakpredmetaizuchenija. [The meaning of language as a subject of study.] Baudouin de Courtenay. Izbrannyye trudyop obshemujazykoznaniju. M.: ANSSSR, 1963. T. 2. 391 p. (In Russian)
- Bondarko L.V. (2001) Kakmy govorim i shto mysllyshim. [How we speak and what we hear.] Govorjashyi slushajushy. SPb., 2001. P. 6-12.(In Russian)
- Dzunisbekov A. (1980, 2005) Singarmonizm v kazakhskom jazyke. [Singharmonism in the Kazakh language.] Alma-Ata: Nauka, 1980. 78 p.(In Russian); Kazakhtili dybystarynn artikuljazialyk modeli. Almaty: Arys, 2005. 108 p. (In Kazakh)
- Dzusupov M. (1992) Singarmonichesky zvukovoy stroyvsopostavlennii s nesingarmonicheskim (na materialekazakhskogo irusskogo jazykov): [Singharmonic sound system in comparison with nonsinguhonic (based on the Kazakh and Russian languages):] avtoref. dis. ... d-rafilol. nauk. Almaty, 1992. (In Russian)
- Dzusupov M. (1995) Fonemografija A. Baytursynova ifonologija singarmonizma. [A. Baytursynov's phonographography and the synharmonic phonology.] Tashkent: Uzbekiston, 1995. 176 p. (In Russian)

- Dzubanov K.K. (1966) Issledovaniyapo kazakhskomu jazyku. [Studies in the Kazakh language.] Kazakhtili zonindegi zertteuler. Alma-Ata: Nauka, 1966. 361 p.(In Russian / In Kazakh)
- Il'minsky N.I. (1860) Materialy k izucheniju kirgizskogo narechija. [Materials for the Study of the Kirghiz Wrath.] Uchenyje zapiski, izdavaemye Imp. Kazanskim universitetom. Kazan', 1860. 200 p. (In Russian)
- Kenesbaev I. (1987) Kazakh tili biliimi turaly zertteuler. Almaty: Gylym, 1987. 352 p. (In Kazakh)
- Melioransky P.M. (1987) Kratkaja grammatikakazakh-kirgizskojazyka. [Short grammar of the Kazakh-Kirghiz language.] SPb.: Tip. Imp. Akademii nauk, 1897. (In Russian)
- Radloff W.W. (1882) Phonetik der nordlichen Turksprachen. Leipzig, 1882. (In Deutsch)
- Shcherba L.V. (1963) Fonetika franzuzskogo jazyka. [Phonetics of the French language.] M.: Vysshaja shkola, 1963. 308 p. (In Russian)
- Shcherba L.V. (1983) Russkije glasnyje v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii. [Russian vowels in qualitative and quantitative terms.] L.: Nauka, 1983. 155 p. (In Russian)
- Jakovlev N.F. (1983) Prinzipy fonemologii. [Principles of phonemology.] Voprosyjazykoznanija. M., 1983. № 6. P. 128-134. (In Russian)

МРНТИ 81'23

Амирова Ж.Р.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: zhamir@mail.ru

КОНЦЕПТЫ «ЖАРАТҚАН И ЖАЛҒАН» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЗАХОВ

В статье рассматривается вопрос о лингвистическом потенциале субстантивированных слов выражать концептуальные значения благодаря их двойственной природе. Утверждается, что двойственный характер субстантиваторов, соединяющих в себе оценочную и предметную семантику, позволяет им становиться концептами и участвовать в формировании концептосферы казахского языка. На примере анализа субстантивированных причастий Жаратқан и жалғанс позиций когнитивной лингвистики показано, что концепты Жаратқан и жалған языковом сознании казахов играют большую роль, участвуя вместе с другими концептами созданием концептосферы данного языка. Формирование концептуального значения у субстантиваторов Жаратқан и жалғанс сложилось на основе наложения на их словарное значение этнического, культурного, конфессионального опыта и образа жизни казахов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептосфера, субстантивация, субстантиватор.

Amirova Zh.R.,

PhD, A/Professor of Kazakh National University Al-Farabi,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: zhamir@mail.ru

The concepts «Жаратқан и жалған» in the linguistic consciousness of Kazakhs

Paper reviews the matter of substantivized words linguistic potential that express the conceptual definitions because of their dual nature. It is stated that dual characteristics of the substantivates that unites appraisal and substantive semantics, allows to them to become concept and participates in forming concept sphere of the Kazakh language. In the context of a analysis substantivated participle Jaratkan and jalgan from the position of cognitive linguistics it demonstrated that concept of Jaratkan and jalganis plays key role in Kazakh's language consciousness participating with other concepts to make concepts sphere of this language. Formation of the conceptual definition of the substantivates Jaratkan and jalganis formed on the basis overlaying to vocabulary definitions Kazakh's ethnical, cultural, confessional experience and lifestyle.

Key words: Cognitive Linguistics, concept, concepts sphere, Substantivization, substantivator.

Әмірова Ж.Р.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеттің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы, e-mail: zhamir@mail.ru

Концепты «Жаратқан и жалған» в языковом сознании казахов

Бұл мақалада субстантив зат есімдердің синкретикалық жаратылысына бола, концептуалдық мағыналарды беру мүмкіндіктері, олардың лингвистикалық потенциалы қарастырылады. Субстантивтардың синкретикалық жаратылысы сапалық және заттық семантикасын байланыстыруына әкеледі, сол себептен олар концепт бола тұрып, қазақ тілінің концептосферасын құрайды. Қазақтардың тілдік санасындығы «Жаратқан и жалған» концептерді мысал ретінде

когнитивтік тұрғысынан талдауы бұл концептері қазақтардың тілдік санасында үлкен роль атқарады, осы тілдің концептосфераны құрайды. «Жаратқан и жалған» субстантиваттардың концептуалдық мағыналары лексикалық мағынасына этникалық, мәдени, конфессионалдық тәжірибе және қазақтардың омір салтысының арқасында пайда болды.

Түйін сөздер: когнитивтік лингвистика, концепт, субстантивация, субстантив.

Введение

Исследования в области когнитивной лингвистики являются актуальными, т.к. позволяют пролить свет на взаимоотношения языка и мышления человека в его конкретно-национальной и даже субъективно-личностной форме. Когнитивная лингвистика открывает широкие перспективы изучения языка во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами (Maslova, 2006: 13).

В теории когнитивной лингвистики концепт понимается как сложная единица, квант структурированного знания о мире, полученного в процессе познания человеком действительности. В результате познавательной деятельности индивида формируется информация, но эта информация в отличие от научной (объективной) информации может быть субъективной и личностно-оценочной. Как отмечают исследователи-когнитологи: «эти сведения... позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» (Kubryakova, 1997: 90). Это подтверждает мысль о том, что концепты связаны между собой и образуют, по мысли Д.С. Лихачева, концептосферу (Lihachev, 1997: 28). В понимании Д.С. Лихачева, концепты возникают на основе соединения словарного значения слова и этнического, культурного опыта человека (Lihachev, 1997: 37).

В данной статье рассматривается возможности субстантивированных причастий **Жаратқан** и **жалған** в казахском языке выражать концептуальное значение благодаря их двойственной природе: эти слова сохраняют в своей семантике категориальные признаки предмета и признака. Как известно, субстантивация слов различных частей речи обозначает переход их в класс имен существительных. Данное лингвистическое явление широко распространено в различных языках. Наиболее часто встречается переход прилагательных и причастий в класс существительных (Kazakh grammatisku, 2002: 341). В результате

перехода в класс имен существительных образуются субстантивированные слова, или субстантиваты.

Субстантиваты (прилагательные или причастия), становясь существительными, приобретают сложный синкетический характер семантики, в которой слились предметное и признаковое значение. Это позволяет им выражать конкретную и абстрактную семантику, выражать понятия, осложненные как обобщенно-отвлеченным знанием, например, конфессионально-религиозным, так и субъективно-личностным, бытовым.

В разговорной речи формируется субъективный и личностно-оценочный компонент концептуального значения, который сосуществует наряду с философским и абстрактным компонентами.

Эксперимент

Рассмотрение субстантивации с когнитивной точки зрения представляется нам перспективным. Концептуальный характер субстантиватов позволяет дать представление о картине мира казахского народа, отраженной в языке. Языковая картина мира казахского народа сложилась из древнейших философских и мировоззренческих представлений. Причем немаловажную роль в сознании народа играют религиозные, конфессиональные представления. В данной работе рассматриваются такие важнейшие концепты в языковой картине мира казахов, как концепты **Жаратқан** и **жалған**.

В «Казахской грамматике» подчеркивается, что количество субстантивированных причастий в казахском языке ограничено. Отмечается, что к ним можно отнести лишь следующие причастия: **жасаған**, **жаратқан**, **алған** (Kazakh grammatisku, 2002: 341).

Очевидно, что слово **жаратқан** представляет собой причастие от глагола **жарату** «создавать». **Жаратқан** встречается как причастие при употреблении его в качестве определения к существительному *иел* «господин», что буквально обозначает «создавший господин/господь». Смысловый перевод: «создатель мой господь»:

- Е, жаратқан ием, – деді Арзы апам, – жар бола ғөр!

(Ш. Мұртаза. Ақсай мен Көксай, 38).

Субстантивированная форма причастия *Жаратқан* обозначает божество, Бога, что эквивалентно русскому слову «Создатель», которое нередко пишется с большой буквы, что показывает особое отношение к его денотату со стороны говорящего. Следовательно, на словарное значение слова накладывается оценочное значение, обусловленное философско-религиозными представлениями носителей языка. Например, в приведенном ниже предложении сообщается о том, что «сам Создавший своими руками посадил два прутика из головье ручья»:

Осы жердің ерекше сипатын әйгелеу үшін Жаратқан өз қолымен осы бұлақ басына қос шыбық қадапты...

(М. Магауин. Қос Агаи, 85).

У казахов существует часто употребляемое в жизни выражение “Үа, Жаратқан!” букв.: «О, Создавший!». Это восклицание можно перевести на русский язык как «О, Создатель!».

Данное субстантивированное причастие, по нашему мнению, является одним из основополагающих концептов в языковом сознании казахов, т.к. происходит из религиозных представлений мусульман о Боге как создателе всего сущего на земле. Причем человек трактуется в мусульманской религии как раб божий: Құдайдың құлы / Жаратқанның құлы:

Жаратқанның құлысын,
Жағатұғын еңбек тап.

(Шәкәрім. Ажал жестсе, өлдің бе...)

Рассмотрим следующий субстантиват *жалған*, который в Толковом словаре казахского языка (Kazaktilinintysindirmesozdigi, 1959: 208) квалифицирован как имя существительное, хотя по своей форме восходит к причастию.

Так, в Толковом словаре казахского языка указывается: «ЖАЛҒАН II зат. Дүние. Жалғанды жалпағынан басып өтіп, Жасырып қайта тауып алдым бекіп(Жамбыл)»(Kazak tilinin tysindirme sozdigi, 1959: 208).

Этот факт свидетельствует о том, что произошла полная субстантивация причастия именно в этом значении. Очевидно, что это слово представляет собой субстантивированную форму причастия, которое в речевой практике казахов часто употребляется в качестве определения к слову *дүние*:

Ah, жалған дүние-ай! – деп курсінді Хадиша сүретті орамалмен сұртіп тұрып.

(Ш. Мұртаза. Шекиек шырылдайды, 83).

Как видим, в языковом сознании казахов закрепился концепт, выраженный субстантивированной формой причастия – *жалған*. Философский аспект данного понятия довольно сложен: оно зиждется на представлении об обманчивости бытия человека на земле и, несомненно, восходит к религиозной философии мусульманства. Не углубляясь в онтогенез данного понятия, отметим, что оно стало широко распространенным в бытовом сознании казахского народа. Представление о жизни как о чем-то обманчивом, переменчивом закрепилось в устойчивых выражениях типа *бұл жалғада* «в этой обманчивой жизни, в этом призрачном мире». Неслучайно, что данное слово часто встречается в поэзии Шакарима, призывающего человека философски взглянуть на свою жизнь как на обманчивую в отличие от настоящей жизни, которая настанет после смерти, поэтому не надо дорожить и цепляться за земную жизнь:

Енді есінді жисаңшы,
Манар тауға сыйсаңшы,
Аласұрып антықпай,
Бұл жалғанды қисаңшы.

(Шәкәрім. Ажал жестсе, өлдің бе...)

Когнитивная деятельность человека направлена на познание мира, осмысление себя в этом мире, поэтому когнитивная лингвистика тесно связана с другими науками, изучающими человека: психологией, логикой, философией, социологией. Идея о том, что язык сам является деятельности, а не её продуктом, принадлежит Вильгельму фон Гумбольдту. Великий ученый указывал, что «язык не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы предназначена поставить между собою и предметами» (Gumboldt, 1994: 171].

Эти слова Гумбольдта подтверждаются анализом приведенного примера, демонстрирующего, что у данного субстантивата сложилось абстрактно-значение с возвышенной оценочностью.

Рассматриваемый субстантиват вышел за пределы конфессиональной и философской сферы, и стал широко употребительным в обычной речевой деятельности казахов. В современном употреблении многие люди даже не задумываются над его религиозно-философским смыслом. Примером того, что субстантиват *жалған* в значении «мир/жизнь» часто употребляется в речи, служит следующий пример:

Бұл жалғанда өзіне арнап мүше сақтар, жамбас қақтар жақының болса – армансызың.

(Д. Досжан, Қымыз, 51)

В приведенном выше примере герой произведения рассуждает о том, что «если в этом мире (жизни) есть человек, который хранит лучшие куски мяса, чтобы угостить именно тебя, то ты просто счастливый». Очевидно, что здесь слово *жалған* обозначает просто «мир» или «жизнь».

Результаты и обсуждение

Итак, мы рассмотрели роль некоторых субстантиваторов в концептосфере казахского языка. На примере важных с точки зрения языкового сознания казахского народа, концептов *Жаратқан* и *жалғаны* стремились показать, что субстантивация используется в языке для выражения концептуальных смыслов, важных с точки зрения культуры народа. Воплощение этих смыслов в форме субстантиваторов неслучайно: языковое сознание народа выбрало именно такую форму, потому что субстантивация спо-

собна синтезировать сложный смысл составного понятия в простой форме. Субстантивированная форма, вероятно, в наибольшей степени соответствует выражаемому сложному концептуальному значению.

Заключение

Находится в пространстве казахского языка, означает знать его концептосферу и уметь использовать в своей речи концептуальные слова и понимать их концептуальное значение в конкретных речевых употреблениях. Субстантиваторы играют большую роль в казахском языке как концепты, которые в совокупности с другими образуют единую концептосферу данного языка. Это, например, такие концепты, как *Жаратқан* и *жалған* – «Создавший (Создатель) и Мир (Жизнь)». Данные концепты выражают основы мировоззрения казахов:

Литература

- 1 Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – 2-е изд.- М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
- 2 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов – М.: МГУ, 1997 – 247 с.
- 3 Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280 – 287.
- 4 Қазак грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. – Астана, 2002. – 784 с.
- 5 Қазақ тілінің түсіндірмे сөздігі. / Жалпы ред. басқарған И. К. Кенеспаев – Алматы: Каз. ССР Ғылым академиясының баспасы, 1959.- Бірінші том: А-К – 338 б.
- 6 Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

References

- 1 Gumboldt V. fon. (1984). Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 400 p. (in Russian)
- 2 Kazakh grammaticas. Fonetika, sozjasam, morfologia, sintaksis (2002). [Kazakh Grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax]. Astana, 784 p. (In Kazakh)
- 3 Kazak tilinin tysindirme sozdigi (1959) [Explanatory dictionary of the Kazakh language]. Almaty:Kaz. SSR Gylymaka-demisiyinbasasy, 338 p. (In Kazakh)
- 4 Kubryakova E.S., DemyankovV.Z.,Pankrats Y.G., LuzinaL.G. (1997). Kratkii slovar' kognitivnyh terminov [Short Dictionary of cognitive terms]. Moscow: MGU, 247 p. (In Russian)
- 5 Lihachev D.S. (1997). Konceptosfera russkogo yazyka. Russkaya slovesnost: Antologiya [The Concept of the Russian Language. Russian Literature: Anthology]. Moscow: Academia. 280–287 p. (In Russian)
- 6 Maslova V.A. (2006). Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. – 2-e izd [Introduction to Cognitive Linguistics2-ed]. Moscow: Flint: Science, 296 p. (In Russian)

МРНТИ 81'255

Ахметжанова А.И.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: ahmetzhanova.aynash@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

В статье проводится сопоставительное описание религиозной картины мира в русском и казахском мироустройстве посредством языкового выражения сакральных смыслов. На основе сопоставления исламской и православной картин мира прослеживается религиозно-мифологическая семантика концептов Бог, душа, категории время, вечность. В статье обосновывается, что «философичность» и мудрость казахского народа запечатлена в однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках, в которых сохранены национально-культурные следы устного народного творчества, традиций и обычаяев, религиозной философии и мифологического мировоззрения. Автор акцентирует свое внимание на том, что религиозный код культуры – это совокупность духовных ценностей, связанных со сферой сакрума и мировоззрением определенного этноса, соотносящимся с религиозной картиной мира.

Ключевые слова: религиозный код культуры, языковая картина мира, сакральные смыслы, религиозно-мифологическое мировоззрение

Akhmetzhanova A.I.,

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: ahmetzhanova.aynash@mail.ru

Religious code of culture in the Russian and Kazakh language pictures

In article the comparative description of a religious picture of the world in the Russian and Kazakh world order by means of language expression of sacral meanings is carried out. On the basis of comparison of Islamic and orthodox pictures of the world religious and mythological semantics of concepts God is traced, soul, categories time, eternity is proved In article that “philosophicality” and wisdom of the Kazakh people is imprinted in the same reactions to typical situations, in similar estimates and judgments, in proverbs, aphorisms, sayings in which national and cultural traces of folklore, traditions and customs, religious philosophy and mythological outlook are kept. The author focuses the attention that the religious code of culture is a set of the cultural wealth connected with the sphere of a sakrum and the outlook of a certain ethnus corresponding to a religious picture of the world

Key words:religious code of culture, language picture of the world, sacral meanings, religious and mythological outlook

А.И. Ахметжанова,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: ahmetzhanova.aynash@mail.ru

Әлемнің орыс және қазақ тілдік бейнелеріндегі мәдениеттің діни коды

Мақалада салттық мағынаның тіл арқылы берілуі орыс және қазақ дүниетанымындағы әлемнің діни бейнесін салыстырмалы сипаттау арқылы беріледі. Ислам және православие әлем бейнелерін салыстыру негізінде Құдай, жан концептілері мен уақыт, мәңгілік категорияларының діни-мифологиялық семантикасы қарастырылады. Мақалада қазақ елінің философиялық, көзқарасы мен даналығы бірыңғай жағдайтарға берілетін реакциялар, үқсас пайымдау мен бағалау, мақал-

мәтеддер мен қанатты сөздерде көрініс табатын және халық ауыз шығармашылығының, әдет-ғұрып пен мифологиялық дүниетанымының ұлттық-мәдени ізі сақталып, үрпақтан үрпаққа жалғасуна негізделеді. Автор ұлттық мәдениеттегі діни код ұғымының бойына әлемнің діни бейнесімен сәйкесетін белгілі бір этностиң дүниетанымы мен сакрум аясымен байланысты рухани құндылықтардың жиынтығы деген пікірге аса назарын аударады.

Түйін сөздер: мәдениеттің діни коды, әлемнің тілдік бейнесі, сакральды мағыналар, діни-мифологиялық дүниетаным.

Введение

Общеизвестным считается мнение о том, что код вырабатывается и реализует свою функцию в культуре, которая рассматривается как семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы. Стало быть, сама культура выступает как совокупность различных кодов. Культура, по мысли В.Н. Телия, появляется тогда, когда биологические факторы освоения мира начинают обретать социальную (моральную) и духовную (нравственную) мотивацию в формах архетипических моделей мира, анимизма, фетишизма, магии, религии и т.п., и эта мотивация представлена в виде знаков. Знаки (знаковые тела) для воплощения своих смыслов культура заимствует в природе, в артефактах, во внешнем и внутреннем мире человека (Teliya, 1996: 42). Таким образом, в культуре органически и иерархически упорядочиваются культурные коды – вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира и мировоззрению данного социума. Культурный код, по определению Д. Гудкова, – «это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках. Знаки – носители культурных смыслов – могут быть как вербального, так и иного характера» (Gudkov, 2003: 39).

Религия как особая семиотическая система заключает в себе самую сложную картину мира, в содержание которой входят компоненты разной психической природы – чувственно-наглядной, логической, эмоциональной, интуитивной, трансцендентной. И именно картина мира задается культурными кодами. Планом содержания религии выступает мифолого-религиозное сознание, включающая такие компоненты, как вера, мифопоэтика, образы, логика, иррационализм и мистика. Разграничивая термины *мифология* и *религиозное сознание*, Н.Б. Мечковская замечает: «В отличие от собственно мифологического сознания древности, понятие «религиозное сознание», во-первых, противопоставлено другим формам общественного сознания (таким, как обыденное сознание, мораль, искусства, науки и др.); во-вторых, религиозное сознание сложнее, чем мифологические представления древности: оно включает теологический или догматический компонент, церковную мораль, церковное право, церковную историю и другие компоненты; в - третьих, религиозное сознание индивидуализировано и присутствует в сознании отдельных членов социума (например, клириков и мирян, иерархов и простых священников) в разном объеме, в то время как мифологические представления носили коллективный (общеэтнический) характер и входили в сознание практически каждого члена первобытного коллектива» (Mechkovskaya, 1998:35). Такое противопоставление позволяет рассматривать религию не только как особую семиотическую систему, но и как целое мировоззрение, с которой не может сравняться ни одна другая форма мировоззрения по силе и глубине воздействия на умы и чувства людей.

Религиозная культура – это система, возникшая и развивавшаяся под определяющим влиянием той или иной религии (конфессии), обслуживающая сферу сакрума, в которой сочетаются «сверхчувственное» и «чувственное» социально-когнитивное содержание. Описание религиозного кода культуры невозможно без выявления особенностей национального менталитета и национального мировидения, а также определения особенностей национально специфического воплощения универсальных инвариантных представлений о мире. На наш взгляд, религиозный код культуры – это совокупность духовных ценностей, связанных со сферой сакрума и мировоззрением определенного этноса, соотносящимся с религиозной картиной мира, под которой понимается основной вербально-ментальный образ (элемент) видения мира человеком через призму его веры, религиозных

представлений, убеждений, объективируемый посредством фонда национального языка.

Эксперимент

Этническое своеобразие духовной и культурной жизни этносов в православной и исламской картинах мира на примере казахского и русского языков можно проследить путем сопоставления базовых концептов и ценностей языка сакрума, функционирование которых проецирует идеи святости и сакральности на все, что имеет отношение к религиозному культу. Так, понятийные планы концепта «Бог» в русском и казахском языках совпадают и лексические способы вербализации этого концепта в обоих языках представлены в многочисленных синонимах, расширяющих и конкретизирующих наполнение этого концепта: в русском языке – *Бог, Отец (небесный), Владыка, Господь, Всеявишний, Всемогущий, Создатель, Преславный* и др., в казахском – *Алла, Алла тасала* (из арабского языка), *Құдай* (из персидского языка), *Тәңір, Тәңірім* (исключительно тюркские слова), *Жаратушы, Жаратқан Ие, Құтқаруушы, Қабылдаушы, Қолдаушы, Қореаушы* и др. Несмотря на то, что христианство и ислам монотеистические религии, представления о Высшем существе: ислам – это не только религия, но и образ жизни, в котором «учение о боже в меньшей мере отделено от религиозных этико-правовых принципов и концепций» (Shmelev A.D., 2002); в христианстве преобладает абстрактно-логическое начало, концепция, догмат Бога.

В паремиологическом фонде русского языка концепт «Бог» находит разнообразное и порой весьма противоречивое воплощение. С одной стороны, имплицируется идея полной и безграничной власти Бога, его всемогущества: *Бог и рога прикует, так будешь носить, Бог накажет – никто не укажет, Дал бог денечек, дает и кусочек, Береженого Бог бережет* и т.д. С другой стороны, акцентируется мысль о том, что, несмотря на власть, силу и защиту со стороны Бога, человек сам должен заботиться о себе: *Бог-то бог, да и сам не будь плох, На Бога надейся, сам не плошай, Божьим именем сый не будешь*. В некоторых паремиях даже ставится под сомнение сила бога: *Богу молись, а к берегу гребись, Не до Бога, когда счастье у порога, Бог правду видит, да не скоро скажет, Не боги горшки обжигали*. Существующая несправедливость в социальных

различиях объясняется намерениями и высшим замыслом Бога: *Бог с бедного последнее сдирает, да богатого одевает, Бог сотворил два зла: приказного, до козла*. Как видно из приведенных примеров, в паремиях русского языка гораздо чаще власть Бога ставится под сомнение. Однако в русском языке много поговорок, в которых содержится мольба, просьба, обращенная к Богу с основным компонентом *дай* (этот глагол в призывах стоит в начале предложения): *Дай Бог в молодости грызть кости, а под старость мягкое, Дай Бог с тем венчаться, с кем и кончаться, Дай Бог тому честь, кто умеет ее несть* и т.д. В казахском языке такие призывающе-молитвенные обращения к Аллаху и Его восхваление встречаются как в структуре *дуа* – молитва «от себя», в которой содержится мольба, взывание, просьба, реализующиеся через глагол *бер* или *сақта/сақтай ғұр* (глагол-сказуемое в казахском языке стоит в конце предложения), так и в самых распространенных, широко бытующих, пословичных выражениях: *Иj, Алла! Сен бейбіт ғmіr берүшіcіs, бізге бейбіт ғmіr бер, Иj, Алла! Жіннұттыырызысын хисапсыз (мглишерсіз) бере ғұr, Алла! Сенен ақиқат жолымен тура жіргізуdi сүраймын, тақуалы ет, жомарт қыл, байлық бер; Алла ақырын берсіn, Алла берсе ўзаымен, қайырымен берсіn, Не тілесес тілегіsdi Құдай бередi*.

В отличие от русского языка, в казахском языке практически не встречаются высказывания с негативным оттенком, в которых содержалось бы критическое отношение к Творцу, напротив, превалируют паремии, в которых куль Аллаха включает признание его как всемогущего, бессмертного, милостивого и милосердного бога: *Алла атымен ант еттi, Алла аманат, Алла разы болсын, Алла жар болсын, Құдай сақтасын, Бірібіr Tjsipdis қолында* и т.д. Такое противопоставление теологического мировоззрения находит свое непосредственное отражение в языке и свидетельствуют, во-первых, о разном религиозном сознании, обусловленных конфессиональными различиями, во-вторых, самобытностью русского и казахского народов. «Философичность» и мудрость казахского народа запечатлена в однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях, в пословицах, афоризмах, поговорках, в которых сохранены национально-культурные следы устного народного творчества, традиций и обычаяев, религиозной философии и мифологического мировоззрения.

Результаты и обсуждение

Сопоставление концепта «Бог» в православной и исламской картинах мира через языковые средства русского и казахского языков основано, в большей степени, на различиях теологических взглядов в разных конфессиях, в то время как сопоставление концепта *душа/жсан* иллюстрирует языковые различия не только в духовной сфере народов, говорящих на разных языках, но и дает важные сведения о специфике национального мировидения и мировосприятия. Религиозно-мифологическая семантика этого концепта позволяет отнести его к ключевым как для русской, так и для казахской языковых картин мира. Согласно древнейшим архетипическим представлениям, *душа/жсан* – бесплотное существование, являющееся носителем жизни, способное существовать отдельно от тела. В обоих языках слова *душа/жсан* имеют несколько значений, основным из которых является религиозное толкование: *бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею* (Словарь В.И. Даля); *жан-жануарларға тіршілік беретін рух* (Толковый словарь казахского языка). Необходимым атрибутом религиозного сознания является способность к «мысленному, умному зрению, видению», предлагающему противопоставление объектов и ситуаций по линии материальное/идеальное, физическое/духовное, внешнее/внутреннее. «Русская языковая модель человека определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление *духа и плоти*, второе – как противопоставление *ума и сердца*» (Shmelev, 2002: 19).

В казахской наивной картине мира противопоставление плотского и духовного далеко не столь однозначно, проведение жесткой границы между ними – это скорее следствие достаточно поздних рефлексий и логико-философских построений на основании монотеистических взглядов. Безусловно, душа отлична от тела. Одна из реификаций концепта *души* моделирует ее как некое тело, помещенное внутри «настоящего» тела. Таким образом, *душа* сама оказывается телесной, которая может испытывать болевые ощущения (*душа болит*), в наивном представлении об аде, куда попадают грешные души, они испытывают телесные муки. Так, у казахов *жсан* – это самое уязвимое, испытывающее какую-либо физическую боль, место: *жанды жеріне*

тиin кетті, жсанына батты. Жаным – это самое проникновенное, полное нежности и любви, особенно по отношению к ребенку, обращение. Отличаются и представления о локализации души, представленные во фразеологизмах: у русских *душа уходит в пятки*, а у казахов – *жсаны тырнасының йшінде* (букв. на кончике пальцев).

В религиозно-мифологическом миропонимании *время* осознавалось как мера земного бытия и ассоциировалось с вечностью и Богом, а значит, истиной и духом. Согласно богословской традиции, восходящей к трудам бл. Августина, *время* противопоставляется *вечности* как форма земного существования области Божественного Абсолюта: «Вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничивающие длительность человеческой истории. В христианском мировоззрении понятие времени было отделено от понятия вечности, которое в других древних мировоззренческих системах поглощало и подчиняло себе земное время» (Gurevich, 1972: 99). Сознание средневекового человека наследовало понятие циклического времени, столь характерное для язычников в мифологической картине мира. Христианское сознание соединило в естественном синтезе характеристики цикличности и линейности времени. Дихотомия циклического и линейного времени находит отражение в языке в таких оппозитивах, как *время/пора; прежний, прошлый/минувший; нынче/сейчас*.

В казахской наивной картине мира *время/уақыт* определяется как пространство в бытии, осмыслилось в философии «кочевья» как эпическое и измерялось этно-бытовыми реалиями хозяйственного уклада жизни: *мал келетін уақыт* (время пригона скота); *ет асым, пісірім* (отрезок времени, приравненное приготовлению пищи). Такие слова казахского языка, как *уақыт, дұуір, заман-дүрін, кезең-сәт* заимствованы из арабского языка и означают время вообще. *Бей уақыт* – время захода солнца, когда даже большой человек, лежащий в постели, должен поднять голову, а здоровые люди в это время должны бодрствовать. По религиозным верованиям, это время, когда шайтаны могут вселить в спящего человека болезни. Названия временных отрезков суток в исламской картине мира соответствует пятикратному намазу. В казахском языке слова и сочетания слов, обозначающие время намаза, заимствованы из арабского и персидского языков: *тас намазы, бесін намазы, ўлы бесін, кіші бесін, құлама бесін, екінді намаз, намаздығер, ақшам намазы, құтпан намазы*.

Заключение

Актуализация религиозных истоков в национальном мировосприятии позволяет осмысливать концептуальные ценности этноса. В интерпретации религиозного кода культуры особую роль играет концептуальная система, сложившаяся в результате языковой концептуализации мира определенным этносом. Различия в духовной сфере разных народов наиболее отчетливо проявляются при сопоставлении религиозных картин мира, например, православной и исламской через сопоставление сакральных смыслов в картине мира русского и казахского языков. При этом сохранение самобытности культуры какого-нибудь народа связано с судьбами национальных языков: в казахском языке исламская религиозная лексика заимствована из арабского

языка – языка, на котором была написана священная книга мусульман – Коран, основу православной религиозной лексики в русском языке составляют слова, заимствованные из старославянского языка – сакрального языка славян, на который переводились богослужебные книги из греческого языка, и библейские – языковые единицы, заимствованные из Библии, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имен персонажей, реалий и сюжетов Библии.

Таким образом, религиозная картина мира задается культурным кодом, соотносящимся с древнейшими архетипическими представлениями человека, сопоставление которых в разных религиозных культурах и языках дает полную картину межконфессиональных и межкультурных различий.

Литература

- 1 Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 2 Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
- 3 Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
- 4 Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- 5 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 319 с.

References

- 1 Gudkov D.B. (2003) Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii. [Theory and practice of cross-cultural communication.] M.: Gnozis, 288 p. (In Russian)
- 2 Gurevich A.Ya. (1972) Kategorii srednevekovoy kultury. [Categories of medieval culture.] M.: Iskusstvo. 319 p. (In Russian)
- 3 Mechkovskaya N.B. (1998) Yazyk i religiya. [Language and religion.] M.: Agenstvo «FAIR». 352 p. (In Russian)
- 4 Shmelev A.D. (2002) Russkaya yazykovaya model' mira. [Russian language model of the world.] M.: Yazyki Slavyanskoy kul'tury. 224 p. (In Russian)
- 5 Teliya V.N. (1996). Russkaya frazeologiya. [Russian phraseology.] – M.: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury, 288 p. (In Russian)

МРНТИ 16.21.33

Байсалова Х.М.,

ассистент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: kbaysalova@mail.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ТЕКСТОВ-ЗАГОЛОВКОВ
(на материале электронных версий печатных изданий)**

В статье рассматриваются функции прецедентных текстов-заголовков, представленных в электронных версиях отечественных печатных изданий. Заголовки, являющиеся структурно-композиционными компонентами текстов, заслуживают особого внимания. В них авторами использованы различные приемы речевого творчества, такие как языковая игра, каламбур и т.п.

При приеме языковой игры автор умышленно совмещает в одном тексте несколько смыслов, что происходит благодаря семантическим трансформациям. При этом у адресата появляются те или иные смысловые аллюзии. Такие приемы имеют широкое распространение в заголовках статей, так как последние призваны привлечь внимание читателя, заинтриговать. От выбора и оформления заголовка зависит судьба газетной публикации, иногда за очень богатой по содержанию статьей стоит неверно выбранный заголовок, и наоборот.

Ключевые слова: прецедентные тексты, заголовки, публицистический стиль, функции, влияние, восприятие.

Baisalova Kh.M.,

Assistant Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: kbaysalova@mail.ru

**The functional purpose of precedent headline texts
(based on electronic versions of printed publications)**

The article deals with the functions of precedent texts-headlines presented in electronic versions of domestic printed editions. Headlines, which are structural and compositional components of texts, deserve special attention. The authors used various techniques of speech creativity, such as language game, pun, etc. in them.

While using the language game, author intentionally combines several meanings in one text, which is due to the semantic transformations of the precedent texts. At the same time, the addressee has some semantic allusions. Such techniques are widely used in the headlines of articles, since they are designed to attract the attention of the reader, to intrigue. The fate of the newspaper publication depends on the choice and design of the headline, sometimes for a very rich in content article there is a wrong headline and vice versa.

Key words: precedent texts, headlines, publicistic style, functions, influence, perception.

Байсалова Х.М.,

аль-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің асистенті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kbaysalova@mail.ru

**Прецедентті мәтін-тақырыптардың функционалды мақсаты
(баспасөз басылымдарының электрондық нұсқаларының материалдары бойынша)**

Мақалада отандық баспасөз басылымдарының электронды нұсқаларында ұсынылған прецедентті мәтін-тақырыптардың функциялары қарастырылады. Мәтіндердің құрылымдық және композициялық компоненттері болып табылатын тақырыптар ерекше назар аударуғалайық.

Оларда авторлар сөйлеу шығармашылығының әртүрлі әдістерін пайдаланған, мысалы, тілдік ойын, сезойнатым және т.б.

Тілдік ойынды қолданған кезде, автор бірнеше ойды бір мәтінде әдейі біріктіреді, бұл прецедентті мәтіндердің семантикалық өзгеруіне байланысты болады. Сонымен бірге, адресатта белгілі бір мағыналық аллюзияпайда болады. Мұндай тәсілдер мақалалардың тақырыппаттарында кеңінен қолданылады, себебі олар оқырманның назарын, қызығушылығын тудырады. Тақырыппаттың таңдалуынан және рәсімделуінен газет жарияланымының тағдыры шешіледі, ал кейде мазмұны бай әрі қаңық мақалаға дұрыс таңдалмаған тақырыппатнемесе керісінше беріледі.

Түйін сөздер: прецедентті мәтіндер, тақырыппаттар, публицистикалық, стиль, функциялар, әсер, қабылдау.

Введение

Прецедентность как лингвокультурологическое явление тесно связано с публицистическим стилем. Средства массовой информации в большей степени, чем художественная литература, отражают культурные представления, ценностные ориентации, национальный менталитет.

Активное употребление прецедентных текстов в современном публицистическом стиле ученые объясняют по-разному. Н.С. Валгина замечает, что сегодня в текстах средств массовой информации заметно ощущается тяга к переосмыслению старых речевых структур. По ее мнению, это можно объяснить «речевой вольницей» сегодняшнего дня, желанием переинчичить старые выражения, сообщив им смысловой негатив, свободно поиграть со словом, блеснуть остротумием. Прецедентный текст воспринимается адресатом только при наличии у него определенных фоновых знаний. Поэтому в литературе, рассчитанной на массового читателя, в основном используются тексты уровня школьной программы, массовой культуры (Valgina, 2003: 173). При этом старые, привычные высказывания рождают новые современные образы, но «выстреливают» они именно на фоне узнаваемого; в легкой, доступной форме освещается современная ситуация, факт современной жизни. На характер использования прецедентных текстов, по мнению Е.О. Наумовой, в значительной степени оказывают влияние «особенности массовой коммуникации» (Naumova, 2004: 98).

Прецедентные тексты, являющиеся «чужими» словами, выполняют не только информативную, но и эстетическую функцию.

Для интерпретации современных реалий журналисты используют различные прецедентные тексты, которые восходят к художественной литературе, языку, кинематографу, истории, политике и т.д. Понимание и адекватное восприятие читателем прецедентных текстов говорит о его принадлежности к данной эпохе и культуре.

Поэтому они являются частью коллективного фонового знания. Эффективность использования таких средств обусловлена ее узнаваемостью носителями культуры. «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируют, которым подражают, за которыми следуют» (Volodina, 2007: 519).

Эксперимент

Во многих исследованиях указываются такие основные функции прецедентного текста, как выразительность, экспрессивность, оценочность. Известные читателям высказывания отличаются яркостью, «брюскостью», и поэтому наиболее активно используются в заголовках, основная функция которых заключается в привлечении внимания, в возможности заинтриговать, увлечь читателя. На передний план ставится «коммуникативное намерение автора речи», которое должно согласовываться с характеристикой адресата (Arutynova, 1981, 356). Справедливо сказать, что прецедентные тексты успешноправляются с данной задачей. Апеллируя к уже имеющимся знаниям в прецедентных текстах, журналист задает определенный ракурс восприятия передаваемой информации и активизирует сознание читателя, сообщая информацию социально-психологического или общественно-значимого характера. При этом стереотипное, понятное для адресата высказывание вызывает в нем определенные ассоциации в результате наложения смыслов.

Чаще всего прецедентные тексты встречаются в заголовках газетных публикаций. Заголовки играют особую роль на страницах печатных изданий. Именно заголовки призваны привлечь внимание читателя, заинтриговать. Они также

знакомят его с содержанием газетной публикации. От выбора и оформления заголовка зависит судьба газетной публикации, иногда за очень богатой по содержанию статьей стоит неверно выбранный заголовок, и наоборот.

Заголовки, являющиеся структурно-композиционными компонентами текстов, заслуживают особого внимания. В них авторами использованы различные приемы речевого творчества, такие как языковая игра, каламбур и т.п. При языковой игре автор умышленно совмещает в одном тексте несколько смыслов. Это столкновение смыслов построено благодаря семантическим трансформациям прецедентных текстов. При этом у читателя появляются те или иные смысловые аллюзии.

Обращаясь к языковой игре, каламбуру, автор за основу берет общеизвестный текст, который преобразуется в другой, переиначененный текст, в результате чего происходит столкновение разных смыслов в одном высказывании.

Результаты и обсуждение

Журналистами активно используются прецедентные тексты-заголовки. Они делают заголовки статьи информативными, вносят в него оттенок субъективности. Особая роль прецедентных текстов-заголовков обусловлена акцентированной, сильной позицией, броскостью последних. Но адресат не всегда способен актуализировать прочитанный прецедентный текст-заголовок и даже соотнести его с информацией, передаваемой в статье. Так, в заголовке «*Почем фунт йены?*» [5] обыгрывается известное устойчивое выражение «*Почем фунт лиха*», имеющее значение «узнать сполна горе, трудности». В данном заголовке значение наполнилось новыми смыслами, сформировавшимися в языковом сознании читателя с помощью так называемых речевых импликатур (выводных знаний). Однако формирование новых смыслов может быть затруднено в связи с тем, что данный текст не знаком читателю.

В другой статье прецедентный текст «*Нашла коса на Каменку*» [6], о грандиозной авантюре с землями в Алматы, обыгрывается устойчивое выражение «*Нашла коса на камень*», которое означает «столкновение в непримиримом противоречии мнений, интересов, характеров, стремлений и т. п.». В исследуемом тексте выражение «*Нашла коса на Каменку*» выполняет дейктическую (указательную) функцию, а именно, указывает на конкретное содержание, которое будет раскрыто в самом тексте публикации.

Заголовок статьи «*Йети – цветы жизни*» [5] построен на каламбурном обыгрывании прецедентного выражения «*Дети – цветы жизни*» (обыгрывается звучание слов *йети* и дети).

Для более полного понимания прецедентного текста-заголовка необходимо соотнести его с исходным вариантом и содержанием публикации, в результате чего актуализируется ассоциативное восприятие.

В заголовке «*Блог вам в помощь*» [5] обыгрывается пожелание «*Бог вам в помощь*». Пожелания, как речевой акт, в прототипическом смысле часто сопровождаются невербальными действиями. Они служили средством воздействия на человека и имели цель изменить определенное положение дел или состояние объекта пожелания. Пожелания были связаны, в первую очередь, с религиозным мировоззрением людей, поэтому оказывали сильное воздействие на эмоционально-психическое состояние того, к кому оно относилось.

В статье «*Вера и Надежда Ангелины*» [5] автором решаются сугубо морально-этические проблемы. По содержанию и общей тональности цель публикации не только информировать читателей, но и сформировать у них определенное мнение. Данная статья характеризуется экспрессивным стилем, обилием приемов языковой игры, позволяющих автору показать свою позицию и воздействовать на адресата, прежде всего на сферу его эмоционального восприятия. Сведения о деятельности детского благотворительного фонда, приводимые в статье, говорят о намерении автора сформировать положительное мнение о нем у читателя и общественности в целом. Такая pragматическая установка обнаруживает себя и в самом заголовке статьи, трансформированном семантически. В заголовке статьи «*Вера и Надежда Ангелины*» обыгрывается прецедентное выражение «*Вера, Надежда и Любовь*».

В современных газетных заголовках прецедентные тексты встречаются, как показывает анализ русскоязычной прессы Казахстана, в своем первоначальном или трансформированном виде. Ср.:

Выпьем за любовь [5] – о браке, длящемся 50 лет;

И друг степей калмык [5] – о великой степи и др.

Использование известных выражений в неизменном виде приводит к переактуализации их смысла и наполняет злободневным содержанием, благодаря чему они предстают в качестве

одного из средств привлечения читательского интереса и воздействия на эмоциональную сферу личности. Так, в публикации, озаглавленной «*Яблоко раздора*» [5] речь идет о вопросе сохранения яблонь Сиверса – деревьев-прародителей всех яблонь в мире, – осложнением банальной проблемой – отсутствием финансирования. В материале под заголовком «*Что-то с памятью моей стало*» [5] говорится о старческом слабоумии. Работа банков с заемщиками освещается в статье «*Долг платежом красен*» [5].

Надо отметить, что трансформированные прецедентные тексты встречаются гораздо чаще. Известные изречения, образы, имена и др., несколько видоизмененные, но вполне узнаваемые, оказываются в новых, часто неожиданных контекстах, чем привлекают внимание и стимулируют любопытство, желание познакомиться с публикацией. В результате словотворчества журналиста известные стандартные речевые формулы становятся более экспрессивными, эксплицитно или имплицитно выражают оценку, порождают новые смыслы. Трансформация прецедентных текстов-заголовков достигается тремя способами: заменой, усечением или добавлением компонентов. Наиболее распространенным способом модификации прецедентного текста является замена компонентов:

Круговорот воды в бюджете [6] – о проблемах водоснабжения населения качественной питьевой водой и многомиллионных средствах, выделяемых из бюджета. Ср.: круговорот воды в природе и т.п.

Иногда использование журналистом прецедентного текста в заголовке «оправдано» и полностью раскрывает содержание газетной статьи:

Любовь их возрасту покорна [6]. Ср.: Любви все возрасты покорны. Содержание: Современная молодежь считает, что любовь живет три года. А вот Калиса Станова и Талап Макашев, чей стаж семейной жизни составляет 46 лет, убеждены в обратном. Супруги до сих пор влюблены друг в друга.

От сумы не зарекайся [6]. Ср.: От тюрьмы да от сумы не зарекайся. Содержание: Он был национальным героем. В его честь названы школа, аэропорт, автотрасса. Он награжден орденом Ленина и получил звание Героя Советского Союза. А сейчас он беженец (о сирийском летчике-истребителе, космонавте, весьма скромно живущем в Турции).

Прецедентные тексты, расцвеченные узнаваемыми образами, привлекают ассоциативными

связями, оригинальными вкраплениями. Фоновые знания, окружающие те или иные известные высказывания, оказывают воздействие на интерпретацию фактической информации, содержащейся в публикации. Нередко цитаты становятся средством иронии.

Заключение

Таким образом, прецедентные тексты оказывают определенное воздействие на восприятие, привлекают внимание, надолго остаются в памяти. Популярность их использования объясняется желанием авторов обратиться к знакомым для них, вызывающим соответствующие эмоции источникам – художественной литературе, устному народному творчеству, тексту песен и т.д.

На отбор языковых и речевых средств влияют как внешние, так и внутренние факторы. К внешним, экстралингвистическим факторам относятся характеристики самого печатного издания: предназначность для массовой аудитории, оперативность создания и «потребления» текста, периодичность выпуска издания, коллективное авторство и т.п. К внутренним, лингвистическим факторам относятся те «средства языка и речи, которые нацелены на формирование информативной и воздействующей сторон высказывания» (Kabanova, 1995: 31).

В совокупности эти факторы подчинены коммуникативной задаче публицистического текста. При этом на переднем плане стоит цель воздействия на читательскую аудиторию. Авторы создают яркие, емкие материалы, постоянно прибегают к созданию не только новых слов, но и новых, необычных сочетаний слов, семантических трансформаций фразеологизмов, синтаксических конструкций.

Творческий потенциал и даже талант журналиста раскрывается не столько в его способности создавать какие-то ни было яркие образы, сколько в умении постоянно «варьировать и трансформировать имеющийся в его распоряжении языковой материал» (Klushina, 2002: 202). Газетный текст должен быть доступен аудитории любого возраста, профессии и образования и, соответственно, восприниматься легко и быстро. Используемые журналистом языковые средства характеризуются общепонятностью и общедоступностью, так как жесткая прагматическая установка языка газеты отличает массовую коммуникацию от других функциональных стилей.

Литература

- 1 Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
- 2 Наумова Е.О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современной публицистике // Автореф. канд. филол. наук 24.11.04. – М.: МГУ, 2004. – 198 с.
- 3 Володина М.Н. Язык СМИ как отражение языковой действительности // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс следователей русского языка. – М.: МГУ, 2007. – С. 517–519.
- 4 Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
- 5 Общественно-политическая газета Время <http://www.time.kz/>
- 6 Экспресс-К: ежедневная общественно-политическая газета <https://express-k.kz/>
- 7 Кабанова Н.М. Из наблюдений над языком газеты // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. – Оломоуц: Медиум, 1995. – С. 31-32.
- 8 Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в средствах массовой информации // Человек в зеркале языка. – М.: Эксмо, 2002. – С. 202-213.

References

- 1 Arutiynova N.D. (1981). Factor adresata. [The recipient factor]. Moskva: Nauka, P. 356–367. (In Russian)
- 2 Kabanova N.M. (1995). Iz nabliyeniia nad iazikom gazeti. [Observing the language of the newspaper]. Olomouts: Medium, P. 31-32. (In Russian)
- 3 Klushina N.I. (2002). Iazikovie mehanizmi formirovaniia otsenki v sredstvah massovoi informatsii. [Linguistic mechanisms of formation evaluation in the media]. Moskva: Eksmo, P. 202-213.
- 4 Naumova E.O. (2004). Osobennosti funktsionirovaniia pretsedentnih tekstov v sovremennoi publitsistike. [Features of functioning of precedent texts in modern journalism]. Moskva: MGU, 198 p.
- 5 Obcshestvenno-politicsheskaia gazeta Vremia. (2017). [Public political newspaper Time]. <http://www.time.kz/> (In Russian)
- 6 Valgina N.S. (2003). Teoriia teksta. [The theory of the text]. Moskva: Logos, 173 p. (In Russian)
- 7 Volodina M.N. (2007). Iazik SMI kak otracsheniie iazikovo deistvitelnosti. [Media language as a reflection of linguistic reality]. Moskva: MGU, P. 517–519. (In Russian)
- 8 Ekspress-K: eschenedelnaia obcshestvenno-politicsheskaia gazeta. (2017). [Public political newspaper]. <https://express-k.kz/> (In Russian)

Баратов Ш.М.,

магистр пед. наук, преподаватель
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: baratov120590@gmail.com

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ПЕРЕВОД

В статье рассматриваются основные характеристики переводов научно-технических текстов, его виды, структуру построения, других переводов, терминологические особенности, а также их коммуникативные аспекты. Также работа отражает главные требования, которых необходимо придерживаться переводчику, имея дело с переводом такого рода текстов. Наряду со всеми сферами человеческой жизни современные времена также вносят корректизы в профессиональную деятельность переводчиков: появляются новые технологии и методы работы, разрабатываются новые подходы, развивается норма перевода. Поскольку эти тенденции оказывают непосредственное влияние на перевод как процесс и в значительной степени определяют перевод в результате, они также нуждаются в теоретической рефлексии, в том числе в отношении перевода научно-технических текстов.

Ключевые слова: научный текст, терминологические клише, коммуникативная парадигма.

Baratov Sh.M.,
Master of humanitarian science, teacher of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: baratov120590@gmail.com

Scientific and technical text and its translation

The article discusses the main characteristics of translations of scientific and technical texts, its types, structure of construction, other translations, terminological features, as well as their communicative aspects. Also, the work reflects the main requirements that must be followed by an interpreter when dealing with the translation of such texts. Along with all spheres of human life, modern times also make adjustments to the professional activity of translators: new technologies and methods of work are emerging, new approaches are being developed, and the norm of translation is developing. Since these trends have a direct impact on translation as a process and to a large extent determine the translation as a result, they also need theoretical reflection, including with regard to the translation of scientific and technical texts.

Key words: scientific text, terminological cliches, communicative paradigm.

Баратов Ш.М.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің оқытушысы, пед. ф. магистрі,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: baratov120590@gmail.com

Ғылыми-техникалық мәтін және оның аудармасы

Мақалада ғылыми-техникалық мәтіндердің аудармасының негізгі сипаттамаларын, оның типтерін, құрылымын, басқа аудармаларды, терминологиялық ерекшеліктерін, сондай-ақ, олардың коммуникативтік аспекттерін қамтиды. Сондай-ақ, жұмыс мәтіндерді аударумен айналысқан аудармашыдан кейінгі негізгі талаптарды көрсетеді. Адам өмірінің барлық салаларымен қатар қазіргі уақытта аудармашылардың көсіби қызметіне түзетулер енгізеді: жаңа технологиялар мен жұмыс әдістері пайда болады, жаңа тәсілдер өзірленуде және аударма нормасы дамып келеді. Осы үрдістер аудармаға тікелей әсер ететіндіктен, аударманы нәтиже ретінде айқындағандықтан, олар ғылыми және техникалық мәтіндерді аударуды қоса алғанда, теориялық рефлексияны қажет етеді.

Түйін сөздер: ғылыми мәтін, терминологиялық клишелер, коммуникативтік парадигма.

Introduction

The relevance of research is caused by the increased importance of the translation of scientific and technical literature as a way of exchanging and disseminating information in the world community. Based on the relevance, the purpose of the study carried out in this work was determined, which consists in studying the features of the translation of scientific and technical texts.

At present, there is a need to distinguish the scientific and technical translation not only as a special kind of translation activity and a special theory investigating this type of activity, as well as assigning the status of an independent applied discipline to the scientific and technical translation. From the point of view of linguistics, the characteristic features of scientific and technical literature extend to its stylistics, grammar and vocabulary.

The most typical lexical sign of scientific and technical literature is the richness of the text with terms and terminological phrases, as well as the presence of lexical constructions and abbreviations.

Among the urgent problems of modern translation studies, an important place is occupied by the development of such an industry as the translation of scientific and technical texts, since in connection with accelerating scientific and technological progress this type of translation activity is becoming more and more in demand. But, unfortunately, the degree of study of this topic is far from the desired completeness, in particular, the methods and methods of translating the accompanying technical documentation are not sufficiently studied.

Experiment

The objective reality surrounding people who are native speakers of language is not studied by these people in order to get a name, but in order, above all, to know this reality and act upon it. Any word, including a term, can be an instrument of knowing this reality only if a word or a term not only names an object, but also reports it. Thus, the main function of a term, like any word or phrase, is a communicative function.

Referring to the opinion of E.F. Skorokhodko (Скородько, 2004) we give the scientific term the following definition: a scientific term is a word, a stable word combination or abbreviation that expresses and to a certain extent classifies in a given system of scientific terminology a certain scientific concept, reflecting in its semantic structure the char-

acteristic features of the object of termination and interconnection of this object with others with sufficient accuracy for mutual communication.

As already mentioned, the subject of our research is the scientific text, and the object is the context and its influence on the translation of terms from the scientific text. Therefore, it is necessary to consider the notion of the context and the development of this definition in science (Халайдай, 2004).

Thus, in the course of the work we came to the following conclusions.

1. Translation of a scientific text is a special type of communication, and the model of speech activity of an interpreter is one of the components of cognitive activity. It should be noted that despite the development of the general methodology of translation, the peculiarities and difficulties in translating the terms of the scientific text have been little studied, while they play a fundamental role in conceptualization.

2. A necessary condition for achieving the accuracy of translation is a good acquaintance with the subject treated in the original. The translator must know the subject so fully that, in any form of presentation in the original, be able to correctly convey the contents of the statement without loss of information.

3. Terminological clichés – stable phrases whose meaning can not be deduced from the meaning of individual elements, are usually given in branch dictionaries, just as in general dictionaries basic idiomatic expressions, phraseological unity and fusion are given.

Thus, N.V. Aristov (Валеева, 2006) believes that the main problem in the translation of the scientific and technical text is the translation of terms. This is due to the fact that terms in any scientific text are frequency-based and play an important semantic role in it.

In this regard, T.R. Levitskaya (Левицкая, 2005) in her work points out that in the overwhelming majority of cases when translating scientific and scientific-technical text terms are used already existing scientific literature already existing in the relevant field. The stock of special scientific (or scientific and technical) knowledge in this field can not, of course, be replaced by the skillful use of dictionaries, although it is necessary. The basic prerequisite for a correct translation is the knowledge of the subject in question.

E.F. Skorokhodko, whose position we will adhere to in this paper, writes that the translation of scientific and technical literature has a number of features compared to the translation of fiction. These features

are associated with the specifics of the language of scientific and technical literature.

The main requirements for the language of scientific and technical literature are the brevity of the presentation and the accuracy of the wording. In this regard, the language of scientific and technical literature is characterized by saturation with special terms and abbreviations, the traditionality in the use of vocabulary, the preference of some syntactic turns to others, and so on.

Results and discussion

The paper presents a working definition of the concept of «Scientific and technical text and its translation», it contains a detailed analysis of the use of scientific texts and its translation and indicates the main factors and reasons for using scientific texts in lexical and grammar transformations in technical translation.

In the introduction, the goal and tasks are formulated, and the methods of investigation are determined. In the first chapter, the main provisions of the theoretical side of the study are determined: the determination of the characteristics of the scientific and technical text, the classification of transformations. The second chapter, devoted directly to the research and analysis of scientific and technical translation, consists in the extremely precise and accurate transmission of information to the reader.

This is achieved by the logical substantiation of the actual material, without clearly expressed emotionality. The style of scientific and technical literature can be defined as formally logical, providing illustrative examples that show the lexico-grammatical models revealed as a result of the research. The conclusion contains the main results obtained in the paper. Functionalism as a principle of modern linguistics is difficult to define accurately and unequivocally, and, moreover, unlike anthropocentrism, it is hardly possible to name any direction or teaching about a language that does not take into account its communicative aspect. The provision that the language is functionally functional has never been challenged by anyone and has not been questioned, because even at an intuitive level it is perceived as sufficiently obvious and does not require any scientific justification. It is not accidental that any attempt to define a language begins with the establishment of exactly what function it performs,

and only after this step (definition of function), other aspects of the language that are considered to be fundamentally relevant within the framework of the corresponding approach to the scientific object under consideration are included in the definition. Functionalism is thus in the very nature of language. It is another matter to what extent this property of the language becomes independent, a special aspect of scientific (linguistic) comprehension, scientific reflection.

Apparently, we should agree with those who believe that functionalism as a linguistic principle was realized and formulated in the Prague school of structuralism (the school of functional linguistics). And it is wrong to oppose modern linguistic functionalism and classical structuralism. After all, all the basic postulates of structuralism – dichotomy «language – speech», «paradigmatics – syntactics», «internal linguistics – external linguistics», types of opposition, etc. – are based on the functional nature of the language.

The opposite of receiving an addition is the reception of the omission. This method involves ignoring in the translation process some semantically redundant words that do not carry an important semantic load, and their meaning is often comprehensively restored in translation. The most traditional example of semantic redundancy is the use of so-called paired synonyms, often manifested in the scientific and technical literature of the English language. However, in the Russian language such a manifestation does not occur, and in its translation one of the synonyms is not repeated, and two words are replaced by one. For example (Волкова, 2000).

This indicates that the present model is relevant and suitable for predicting the severity of ring bore contact for varying engine operating and lubrication conditions.

Такое согласие результатов свидетельствует о том, что данная модель весьма пригодна для расчета степени износа поверхностей соприкосновения поршневых колец и цилиндра при различных условиях работы и смазки двигателя.

Among other grammatical transformations in the texts under study, one can find such a transformation as a permutation. General reorganization of the structure of the sentence in the translation including such transformations as changing the order of the words of the sentence and replacing the individual members of the sentence in the translation.

Литература

Скороходько Е.Ф. Вопросы перевода английской технической литературы (перевод терминов). – Киев, электронная версия, 2004.

Халайдай М.А. Лингвистическая функция и литературный стиль. – Н.У., электронная версия, 2004.

Валеева Н.Г. Жанро-стилистические характеристики научных текстов. Введение в исследования перевода. – Москва: Издательский дом Российского университета дружбы народов, 2006. – 125 с.

Левицкая Т.Р. Проблемы перевода. – М., электронная версия, 2005.

Волкова З.Н. Научно-технический перевод, английский и русский языки, выпуск 1. Медицина. – М.: УРАО, электронная версия, 2000.

References

Skorohodko E.F. (2004) Voprosy perevoda anglijskoj tekhnicheskoy literatury (perevod terminov). [Questions of translation of English technical literature (translation of terms).] Kiev, electronic version, 2004.

Halliday M.A. (2004) Lingvisticheskaya funkciya i literaturnyj stil'. [Linguistic Function and Literary Style.] N.Y., electronic version, 2004.

Valeeva N.G. (2006) ZHanro-stilisticheskie harakteristiki nauchnyh tekstov. Vvedenie v issledovaniya perevoda. [Genre-stylistic characteristics of scientific texts. Introduction to translation studies.] Moscow: Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2006. 125 p.

Levitskaya T.R. (2005) Problemy perevoda. [Translation problems.] M., electronic version, 2005.

Volkova Z.N. (2000) Nauchno-tehnicheskij perevod, anglijskij i russkij jazyki, vypusk 1. Medicina. [Scientific and technical translation. English and Russian languages. Release1. Medicine.] Engineering. Agriculture». M., ed. «URAO», electronic version 2000.

Жетыбаева Ш.Р.,

магистрант 2 курса Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: shynara.zhety@gmail.com

ПОНЯТИЕ “КОНЦЕПТ” КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье рассматриваются определения лингвокультурологии как науки интегративного типа, предложенные Сепиром и Уорфом, З.К. Сабитовой, В.А. Масловой, Е.О. Опариной, В.В. Воробьевым, В.В. Красных. Автор определяет лингвокультурологию как науку о взаимодействии языка и культуры и выделяет концепт как одну из ключевых единиц лингвокультурологии. Он отмечает, что термин “концепт” до сих пор не имеет однозначного определения в науке. Автор предлагает понимать под концептом единицу ментального лексикона человека, в котором отражен фрагмент картины мира народа. Специфику концепта он видит в наличии в нем национально-культурного компонента.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концепт, язык, культура.

Zhetabyayeva Sh.R.,

Research assistant of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: shynara.zhety@gmail.com

“Concept” as an important component of linguoculturology

The article deals with the definitions of linguoculturology as a science of integrative type, proposed by Sepir and Whorf, Z.K. Sabitova, V.A. Maslova, E.O. Oparin, V.V. Vorobyov, V.V. Krasnykh. The author defines linguoculturology as a science on the interaction of language and culture and singles out the concept as one of the key units of linguoculturology. He notes that the term “concept” still has no unambiguous definition in science. The author suggests to understand concept as a unit of mental lexicon of a person, in which reflected a fragment of human’s picture of the world. He sees the specifics of the concept in the presence of national and cultural specifics in it.

Key words: linguoculturology, cognitive linguistics, concept, language, culture.

Жетыбаева Ш.Р.,

әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университетінің 2 курс магистранты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: shynara.zhety@gmail.com

“Концепт” тұжырымдамасы лингвокультурологияның маңызды бөлігі ретінде

Мақалада лингвокультурология Сепир және Уорф, З.К. Сабитова, В.А. Маслова, Э.О. Опарин, В.В. Воробьев, В.В. Красных ұсынған интегративтік типтегі ғылым ретінде анықталған. Автор лингвокультурологияның тіл мен мәдениеттің өзара әрекеттестігі ретінде анықтайды және тұжырымдамасы лингвокултурологияның негізгі бірліктерінің бірі ретінде таңдайды. Ол “концепт” терминінің ғылымда әлі де айқын анықтамасы жоқ екенін атап өтеді. Автор концепті адам әлемінің бейнесін бейнелейтін адамның психикалық, лексиконының бірлігі ретінде түсінуді ұсынады. Концептің ерекшелігі ретінде оның ұлттық, және мәдени ерекшеліктерді қамтитындығын қарастырады.

Түйін сөздер: лингвокультурология, когнитивтік лингвистика, концепт, тіл, мәдениет.

Введение

Отличительной чертой современной науки можно назвать объединение нескольких дисциплин в новую отрасль знаний, то есть своеобразную интеграцию. На стыке лингвистики с другими гуманитарными науками, например: психологией, когнитологией, культурологией, этнологией, возникают новые отрасли знаний. Так появились лингвокультурология, когнитивная лингвистика, этнолингвистика. Благодаря подобной интеграции лингвистика расширила круг своих интересов и проблем.

Особое внимание сейчас уделяется когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, так как для современного общества характерен повышенный интерес к национальной и мировой культуре, к вопросам связи языка и культуры. Например, в Послании Президента Республики Казахстан отмечается, что наращивание потенциала казахстанцев требует развития культуры и идеологии: “Идеалом нашего общества должен стать казахстанец, знающий свою историю, язык, культуру, при этом современный, владеющий иностранными языками, имеющий передовые и глобальные взгляды” (*Poslaniye Prezidenta Respublikii Kazakhstan*, 2018: 11).

Эксперимент

Известный казахстанский лингвист З.К. Сабитова определяет предметом когнитивной лингвистики соотношение языка и сознания. Она отмечает роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта. Иными словами, когнитивная лингвистика рассматривает язык в качестве средства доступа к процессам мышления, анализирует процессы восприятия, категоризации, осмыслиения мира и накопления знаний (Sabitova, 2014: 13). Другое, активно разрабатываемое научное направление интегративного типа, лингвокультурология представляет собой науку о взаимодействии языка и культуры. Главной задачей лингвокультурологии является изучение того, как передается ментальность народа, его культура через язык.

В современной научной литературе существует несколько подходов к определению лингвокультурологии. Например, согласно точке зрения Сепира и Уорфа, лингвокультурология является целостным теоретико-описательным исследованием объектов как функционирующей

системы культурных ценностей. Эти объекты обязательно должны быть отражены в языке.

В.А. Маслова определяет лингвокультурологию как “отдельную отрасль лингвистики, которая возникла на стыке лингвистики и культурологии”. Согласно такому подходу, лингвокультурология как наука опирается на понятийный аппарат лингвистики, языкоznания, этнолингвистики, культурологии (Maslova, 2011: 11).

Е.О. Опарина определяет лингвокультурологию в качестве “гуманитарной дисциплины, объектом изучения которой является национальный язык и культура народа, воплощенная в нем” (Oparina, 2012: 65).

Российский исследователь В.В. Воробьев под лингвокультурологией понимает “комплексную научную дисциплину, которая изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании” (Vorobiev, 2011: 36).

Несколько другой подход у В.В. Красных. Она рассматривает лингвокультурологию как “дисциплину, предметом изучения которой является отражение и фиксация культуры в языке и дискурсе, связывая их с национальной картиной мира”. Именно выделение дискурсной составляющей, описание языковой и национальной картины мира является отличительной особенностью данного подхода (Krasnykh, 2002: 12).

Для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии ключевым понятием является термин «концепт». В настоящее время в науке существует множество определений и интерпретаций значения этого термина. Главной причиной существования множества значений этого термина является тот факт, что лингвокультурология и когнитивная лингвистика достаточно молодые науки с неоформленным понятийным аппаратом. Каждый исследователь стремится заполнить существующие пустоты и дает собственное определение терминам. Проанализируем основные из них. Обратимся к одному из первых определений термина «концепт».

Впервые термин «концепт» был употреблен в русистике в начале XX века. С.А. Аскольдовым в статье «Концепт и слово». Он дает этому понятию следующее определение: “Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода” (Askoldov, 2011: 269).

Российская исследовательница Е.С. Кубрякова определяет концепт как некий “квант” знания, “оперативную содержательную единицу па-

мяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике” (Kubryakova, 2013: 90). Исследователь указывает, что концепты представляют собой посредников между словами и экстралингвистической действительностью, и самые важные из них кодируются именно в языке. Существуют некие общечеловеческие концепты, но в зависимости от собственно лингвистических, pragматических и культурологических факторов они по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках.

М.В. Пименова отмечает, что “то, что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира, это и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира” (Pimenova, 2004: 9).

Автор одного из первого словаря концептов русской культуры Ю.С. Степанов отожествляет концепт с понятием, но отмечает, что “в отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, они переживаются”. Исследователь указывает на эмоциональную составляющую концепта (Stepanov, 2001: 43).

В.А. Маслова разделяет точку зрения Ю.С. Степанова о том, что концепт и понятия тесно связаны между собой, но указывает на их главное различие – “наличие у концепта оценочности и эмоциональности, экспрессивности, содержательного культурного значения, а понятие содержит лишь смысл, оно лишено культурного значения” (Maslova, 2004: 29).

В.В. Красных определяет концепт так: “максимально абстрагированная идея “культурного предмета”, не имеющая визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные” (Krasnykh, 2003: 196). Таким образом, в концепции В.В. Красных концепт может быть только единицей высокой степени абстракции, имеющей национально-культурную специфику, называемой словом, и включающей словесные ассоциации на имя концепта.

Можно выделить ряд общих смыслов понятия “концепт” из приведенных выше определений: знание, единица ментального лексикона, единица концептуальной системы человека, посредник между словом и реальной действительностью, представление о фрагменте мира, культурная идея, культурная ценность, представление о мире, часть ментальности народа.

С нашей точки зрения, ассоциативные связи имени концепта принадлежат сфере вербализации концепта и не могут входить в его содер-

жание, а лишь отражаются в языковой форме, позволяют описать его содержание. Кроме того, концепт может не иметь субстантивного наименования и вообще какого-либо языкового наименования.

Результаты и обсуждение

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт будучи единицей концептуальной системы, в которой отражен фрагмент картины мира народа, представляет собой ментальную единицу. Вслед за В.В. Красных мы считаем, что концепт отмечен национально-культурной спецификой.

Наличие национально-культурной специфики в содержании концептов отмечает также А. Вежбицкая, которая определяет концепт как “объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность” (Vezubitskaya, 2001: 45).

О присутствии культурно-этнического компонента в содержании концепта пишут и другие исследователи, например, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышик, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев и другие.

Подводя итоги, выделим основные показатели концепта, формирующие его основу:

во-первых, концепт является константой культуры, он представляет собой нечто существующее постоянно или продолжительное время;

во-вторых, концепт динамичен, т.е. он может впитывать в себя новые смыслы, утрачивать старые;

в-третьих, можно выделить существование универсальных, мировых концептов и национальных, имеющих этнокультурную маркированность концептов.

В-четвертых, концепт одновременно существует как инвариант, функционирующий в коллективном сознании, и как вариант, функционирующий в сознании отдельного индивида.

Заключение

Резюмируя вышесказанное отметим, что в современной науке существует множество интерпретаций понятия «концепт». Под концептом подразумевают некое понятие, которое имеет культурную значимость для народа, отражает его связь с внешним миром. Напри-

мер, для казахского народа актуален концепт «Степь», для русского «Береза». Если для казахского этноса «степь» является символом свободы, то для русского народа в этом понятии нет никакой культурной составляющей, нет эмоциональной связи. Таким образом, концепт

является важной составляющей лингвокультурологии и отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии, своей ментальной природой, поскольку именно в сознании человека осуществляется взаимодействие языка и культуры.

Литература

- 1 Послание Президента Республики Казахстан от 10 января 2018 года «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции». Электронный ресурс // Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g.
- 2 Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. – М.: Флинта, 2014. – 236 с.
- 3 Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академия, 2011. – 305 с.
- 4 Опарина Е.О. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. – М., 2012. – № 2. – С. 65-70.
- 5 Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Издательство РУДН, 2011. – С. 36-37.
- 6 Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гnosis, 2002. – 284 с.
- 7 Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к теории текста: антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 2011. – С. 267-279.
- 8 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Наука, 2013. – 309 с.
- 9 Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: Графика, 2004. – 385 с.
- 10 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, – 2001. – 690 с.
- 11 Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Минск: ТетраСистемс, – 2004. – 289 с.
- 12 Красных В.В. Русское культурное пространство: концепт «Я»// Материалы международного симпозиума «Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста». – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч. 1. – С. 196-201.
- 13 Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

References

- 1 Askoldov S.A. (2011). Koncept i slovo. // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k teorii teksta: antologiya / Pod obshch. red. V.P. Neroznaka. [Concept and word. Russian literature. From the theory of literature to the theory of text: anthology / Under total. ed. of V.P. Neroznak]. M.: Academiya, p. 267-279. (In Russian)
- 2 Krasnykh V.V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. M.: Gnozis, 284 p. (In Russian)
- 3 Krasnykh V.V. (2003). Russkoye kul'turnoye prostranstvo: kontsept «Ya». [Russian cultural space: the concept of «I»] Proc. Sci. Conf. "Problems of verbalization of concepts in the semantics of language and text". Volgograd: Peremena, part 1, P. 196-201. (In Russian)
- 4 Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. (2013). Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / Pod obshch. red. Ye.S. Kubryakovoy. [A brief dictionary of cognitive terms / Under the general. ed. Of E.S. Kubryakova]. Moscow: Nauka, 309 p. (In Russian)
- 5 Maslova V.A. (2011). Lingvokul'turologiya: Uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy. [Linguoculturology: Textbook for students of higher educational institutions]. M.: Akademija, 305 p. (In Russian)
- 6 Maslova V.A. (2004). Kognitivnaya lingvistika: ucheb. pos. [Cognitive Linguistics: textbook.]. Minsk: TetraSystems, 289 p. (In Russian)
- 7 Oparina E.O. (2012). Leksika, frazeologiya, tekst: Lingvokul'turologicheskiye komponenty // Yazyk i kul'tura. [Vocabulary, phraseology, text: Linguistic and cultural components // Language and culture]. - № 2, P. 65-70. (In Russian)
- 8 Pimenova M.V. (2004). Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii. [Soul and spirit: features of conceptualization]. Kemerovo: Grafika, 385 p. (In Russian)
- 9 Poslaniye Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 10 yanvarya 2018 goda «Novyye vozmozhnosti razvitiya v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii». [Message of the President of the Republic of Kazakhstan from January 10, 2018 «New opportunities for development in the conditions of the fourth industrial revolution】. Electronic resource // Access mode: http://www.akorda.kz/en/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazahstana-10-yanvarya-2018-g. (In Russian)
- 10 Sabitova Z.K. (2014). Lingvokul'turologiya: uchebnik. [Linguoculturology: textbook]. Moscow: Flint, 236 p. (In Russian)
- 11 Stepanov Yu.S. (2001). Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. [Constants. Dictionary of Russian culture.]. M.: Akademicheskii proekt, 690 p. (In Russian).
- 12 Vezhibitskaya A. (2001). Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. [Understanding of cultures through the medium of key words.]. M.: Yazyki slavyanskoi kultury, 288 p. (In Russian)
- 13 Vorobiev V.V. (2011). Lingvokul'turologiya: teoriya i metody. [Linguoculturology: theory and methods]. M.: Izdatelstvo RUDN, P. 36-37. (In Russian)

IRSTI 16.01.11

Zhussanbayev S.R.,

Assisting-teacher of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: sabit.zhussanbayev@gmail.com

A CASE OF REFUSAL IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

The article considers the peculiarities of refusal in Russian culture. It covers both the main means of implementation of this speech act's direct and indirect forms and socio-cultural characteristics that determine the level of tolerance in the situation of interpersonal communication.

Key words: direct refusal, indirect refusal, tolerance, intercultural communication, communicants.

Жусанбаев. С.Р.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің оқытушысы,
Қазақстан, Алматы, e-mail: sabit.zhussanbayev@gmail.com

Тұлғааралық қарым-қатынасты қабылдамау жағдайы

Мақала орыс мәдениетіндегі бас тартудың ерекшеліктерін қарастырады. Бұл мақалада сөйлеу актісінің тікелей және жанама формасын іске асырудың негізгі құралдарын, сондай-ақ, тұлғааралық қарым-қатынас жағдайында төзімділік деңгейін анықтайтын әлеуметтік-мәдени көрсеткіштерді көрсетеді.

Түйін сөздер: тікелей бас тарту, жанама бас тарту, төзімділік, мәдениетаралық қарым-қатынас, коммуниканттар.

Жусанбаев С.Р.,

Ассистент-преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: sabit.zhussanbayev@gmail.com

Ситуация отказав межличностной коммуникации

В статье рассматриваются особенности отказа в русской культуре. Вней приведены основные средства реализации прямой и косвенной формы данного речевого акта, а также социокультурные параметры, детерминирующие уровень толерантности в ситуации межличностного общения.

Ключевые слова: прямой отказ, косвенный отказ, толерантность, межкультурное общение, коммуниканты

Introduction

In the process of communication, a person often encounters the need to abandon a specific proposal, instruction or request to perform an action. The implementation of this speech act is difficult for people of one language community, in view of the fact that «refusal, as an unfavorable speech action, requires special politeness and observance of the rules of speech behavior» (Formanovskaya, 2002: 137). In intercultural communication, such

difficulties are complicated by the presence of problems of the discrepancy between reject structures in different speech communities, since the choice of a specific form for performing a specific function in communication is due to sociolinguistic parameters and cultural characteristics (Beebe, 1990). In this regard, of considerable interest is the study of the key language means for implementing the refusal, which determine the tonality and the further successful development of the dialogue.

The relevance of the research topic is conditioned by the use of refusal in various spheres of human life, and also by the poor knowledge of the means of implementing such a complex phenomenon in the communication of representatives of different cultures.

The aim of the work is to establish the semantic and functional characteristics of language tools for the implementation of the communicative act of refusal in interpersonal communication.

Experiment

The object of the study is the communicative situation of refusal in interpersonal communication, the subject of research is the linguistic characteristics of the statement-refusal that is part of the dialogical unity. The method of socio-contextual analysis was used to study the individual preferences of communicants of various failure tactics; the method of functional analysis of language units in a failure situation. Material for the study of this work served as fragments of dialogues selected from plays in which there are situations of failure. E.I. Grigoriev defined the refusal as follows: «Refusal is an act of not accepting the intention of the addressee, which is often presented in the speech acts of the request, demand, and proposal» (Grigoryev, 1996: 22). The situation of refusal is psychologically extremely complex and unpleasant for perception; therefore, it requires an understanding of the intent of the speaker. It affects the choice of the lexico-syntactic model in the course of the speech act, because defining from the whole variety one, the form, the addressee necessary to him, depending on the desire to express the idea of the utterance more categorically, or vice versa, more tolerant, addresses either direct or indirect refusal.

A direct act of rejection occupies an important place in the development of communication. «The pragmatic function of such a statement is clearly pronounced, and the speech act is only an act of refusal, in which the intention of the speaker is also clear and unambiguous» (Postoenko, 2001: 77). The most typical methods of its expression are lexico-grammatical means, while at the syntactic level this phenomenon realized in a simple non-exclamatory sentence. Depending on the additional language tools used, direct refusal can be delineated into two types: categorical and relaxed. Let us consider examples of categorical direct refusal: The classical way of expressing a direct categorical refusal is a syntactically independent functional no word that serves as an indicator that the interlocutor does not

want to continue the conversation or does not support this topic of conversation:

- Tell you who they are looking for?
- No (Pinter, 2006: 126).

Such lexical units as of course, definitely, oh, oh, already in combination with a negative particle there is no increase in objection or disagreement, reducing the degree of tolerance.

“Then I just have to take you out for a bit of fun.” I will show you some places.

- Oh, no, it is not for me (Pinter, 2006: 128).

As a rule, in such constructions, there is no negative phrase with a particle behind the functional word, underscoring the undesirability of the action: I will not go, I do not agree to this. Repeating the predicate of the initial replica with the particle does not also reflect a categorical direct failure. Such a remark is used in response to motivation and does not contain a reason that could make refusal more tolerant:

- Give him.
- I will not give it (Pinter, 2006: 134).

So the predicate in the replica-stimulus is in the imperative mood (give, sit down), and in case of refusal it is duplicated, becomes negative and goes into the form of a simple future tense of indicative mood (I will not give, I will not sit down).

The analysis showed that in 67% of cases, a direct categorical refusal with a low degree of tolerance was used in a situation of communication of familiar people (where 17% reflect status-marked dialogue, 50% - status-neutral) and 33% fall on communication of close people. Most often men resort to this refusal. This degree of tolerance is because in the business and interpersonal communication of familiar people, the level of empathy is much lower than in the communication of loved ones.

Let us now consider a relaxed direct refusal. Unlike single use, there is no functional word, repeated repetition, often followed by an explanation of failure, sounds less categorical for the addressee:

- “We will owe a couple of coins, so ...”

- No, no, I will not take money either, I am grateful to you (Pinter, 2006: 147).

To increase the degree of tolerance of refusal, appeals, interjection of thanks and forms of speech etiquette are also used, especially in response to the invitation, the proposal:

“Maybe we should leave her here.” Let’s ask her?

“I’m afraid not, Father.” We must return home to the children (Pinter, 2006: 154).

In 45% of cases, modal modifiers are used as a direct softened failure: I do not want, I cannot, and

I do not need. In such speech situations, there is no functional word:

- Accompany it.
- I do not want to go with him (Pinter, 2006: 159).

In this example, the negative modal verb does not want to simultaneously express the refusal to perform the action and indicates its cause - unwillingness (I will not go, because I do not want).

However, when a semantic synonym is used in a speech - I do not want it, the refusal acquires a categorical intolerant form, because it reflects the speaker's firm intention:

“Where can I put my suitcase?”

“You can leave him in the hallway.”

“You mean that every time I need to get something, I have to run to the hallway?” <...> and besides, I do not want to sit at the same table with a stranger (Pinter, 2006: 166). An analysis of dialogical speech showed that a relaxed refusal is characteristic of people in close relationships. Therefore, the frequency of its use at the intimate-personal level was 41%. In 24% of cases, a relaxed refusal was applied in the status-marked dialogue of familiar people and in 29% in status-neutral. Most of the addressees who used this speech act are women.

Results and discussion

Indirect forms of expression of refusal are «sentences containing indicators of illocutionary force for one type of illocutionary act, which are pronounced for the implementation of an illocutionary act of a different type» (Searle, 1986: 151). Speaking of implicit refusal, we mean statements that, despite their negative meaning, do not contain in their structure traditional grammatical markers of negation and at the same time are equivalent to negative sentences.

The analysis of examples of indirect refusal showed that this speech act is represented by the following most typical lexical-syntactic constructions: a proposal presented by the motivation for refusal; rhetorical question; utterance, expressed motivation. Let us consider each of the above constructions in more detail.

1. Proposals submitted by the motivation of the refusal. In this design, the refusal is hidden behind its cause and in form represents the speech act of the message. In view of avoidance of negative word forms by the speaking use and an appeal to the listener's logic, this option of an indirect refusal is more tolerant for the addressee of all:

- We can meet in a break.

- Yes, we can meet in the middle of the day. However, if we only have an hour, is it worth it to stalk so far. I am already old for this (Pinter, 2006: 203).

In order for the interlocutor to rethink his proposal, the speaker builds his statement according to the scheme, yes, but also uses vocabulary that shows the unfavorability of the action: the phrase only emphasizes the lack of time, the verb tugging reflects the complexity of the path, and the pronoun increases the negative connotation of the noun dal.

2. The rhetorical question in most cases thematically and logically connected with the replica-stimulus:

“Cannot she lie down on the couch?”

“Such a lovely girl, and on the sofa?” (Pinter, 2006: 206)

Here the refusal to interrogative utterance is expressed in the form of a counter question. The lexico-grammatical bundles of sentences are the repetition of the word sofa and the use of a personal pronoun, which means a girl.

There were also cases when the communicant, through this design, stressed the irrelevance of the replica-stimulus or expressed irony, mockery, sarcasm, irritation, discontent, contempt, etc.:

“Give me your trousers, dammit!”

- Come on, are you leaving? (Pinter, 2006: 210)

In this example, the addressee knows that the addressee is going to leave, but since his communicative goal is to deny the request and at the same time to intensify the irritation of the interlocutor, he turns to the rhetorical question.

It should be noted that gender is an important factor in the expression of certain emotions through a rhetorical question. Therefore, the female representatives, through indirect speech act of refusal expressed surprise and indignation, and representatives of the male - irritation, reproach and sarcasm.

3. A statement expressed by motivation. This design is the most intolerant of the interlocutor. This type of indirect failure characterized by the fact that in most cases the addressee prompts the addressee himself to perform the action specified in the replica-stimulus:

- Fill in the tax returns, well, it's worth it.

“Look, young man, if you want me to fill out all these pieces of paper, well, just pay me in that case.” Otherwise, fill them yourself, to health (Pinter, 2006: 214).

Among the statements presented by the motivation, there are examples containing a component of negative evaluation. At the same time, the object of the request and the interlocutor can be evaluated:

"We're taking him to Monty."

"He can stay here."

- Do not say stupid things (Pinter, 2006: 220).

In this situation, the object of speech is subjected to an evaluation. For its transmission, the speaker uses a stable phrase-do not say nonsense, i.e. evaluates the offer of the addressee as stupid, inappropriate.

Analysis of the examples showed that in most cases men in non-oral communication use the statements presented by the motivation.

Thus, the frequency of their use among this group of communicants was 56%. In dialogues on intimate-personal and social topics, this indicator is the same and for 44%.

Refusals, like other speech acts, reflect the fundamental cultural values of the speech community, which may at first sight not be seen by a representative of another culture. Our analysis showed that Russian-speaking communicants prefer indirect re-

fusal of direct communication with an explanation of the reason. It was also revealed that the tolerance of refusal largely depends on the gender characteristics of the interlocutors. Thus, female addressees tend to use a relaxed tolerant form of rejection, while male addressees are categorical, with a large number of explicit unguarded designs. With an insignificant social distance, the linguistic means and content of the speech act of refusal are more diverse and emotionally colored than in the case of a large one: in equal-status communication, both forms of refusal are equally freely used, and in the status-marked dialogue, the categorical refusal prevails.

The results we obtained reflect the preferred form of denial of members of the Russian-speaking community, depending on their gender, social status and proximity to the interlocutor. These data will help to avoid misunderstandings and overcome potential difficulties in the course of intercultural communication.

Литература

- 1 Григорьев, Е. И. Прагматический аспект речевой просодии: дис. д-рафилол. наук : 10.02.04 / Григорьев Евгений Иванович. – М., 1996. – 262 с.
- 2 Пинтер, Г. Коллекция / Г. Пинтер. – СПб. : Амфора, 2006. – 560 с.
- 3 Постоенко, И. А. Ситуация несогласия / отказа в динамике английской речи :дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Постоенко Ирина Анатольевна. – Хабаровск, 2001. – 183 с.
- 4 Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М., 1986. – С. 151–169.
- 5 Формановская, Н.И. Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 214 с.
- 6 Beebe, L. M. Pragmatic transfer in ESL refusals / L.M. Beebe // Developing communicative competence in a second language. – New York : NewburyHouse, 1990. – P. 55–73.

References

- 1 Beebe L.M. (1990) Pragmatic transfer in ESL refusals. Developing communicative competence in a second language. New York: Newbury House, 1990. P. 55-73.
- 2 Formanovskaya N.I. (2002) Speech communication: Communicative-pragmatic approach. M.: Russian language, 2002. 214 p.
- 3 Grigoriev E.I. (1996) Pragmatic aspect of speech prosody: dis. Dr. Philol. Sciences: 10.02.04. Grigoriev Evgeniy Ivanovich. M., 1996. 262 p.
- 4 Pinter G. (2006) Collection / G. Pinter. St. Petersburg: Amphora, 2006. 560 p.
- 5 Postoenko I.A. (2001) The situation of disagreement, refusal in the dynamics of English speech: dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.04. Postoenko Irina Anatolyevna. Khabarovsk, 2001. 183 p.
- 6 Serl J.R. (1986) What is the speech act. J.R. Searle. New in foreign linguistics. Iss. 17. M., 1986. P. 151-169.

Kassymova R.T.,

DSc, Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: rashida-kas@mail.ru

HIERARCHY OF SEMANTIC CONNECTIONS OF WORDS IN THEMATIC GROUPS

In this article hyper-hyponymic relations are considered as one of the basic principles of the organization of the dictionary. A detailed examination of the inventory of relations between words within the thematic group allows us to theoretically comprehend the notion of a thematic group, to determine its role and place in the semantic space, the relationship between objects and phenomena of the surrounding reality and their reflection in thinking. Thematic groups of words are considered by us as tools for managing the learning process. The results of associative experiments allow us to present a picture of the connections of words in the minds of native speakers. A large number of repeated reactions to the same stimulus are presented in the given picture. An active vocabulary of students can be formed with the help of associative links transitioning into logical links, which are the same for all people. Experimental research has shown that for educational purposes it is necessary to distribute words in thematic groups in accordance with their internal "subordination": hierarchy, core / periphery, hyper-hyponymic relations.

Key words: hyponymy, categorization, paradigmatic connection, semantic field, thematic group.

Қасымова Р.Т.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, п. ф. д.,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: rashida-kas@mail.ru

Тақырыптық топтардағы сөздердің семантикалық байланыстарының иерархиясы

Осы мақалада байланыс гиперо-гипонимикалық негізгі сөздік үйімдастыру қағидаттарының бірі ретінде қаралады. Сөз арасындағы қарым-қатынастарды зерделеудің толық зерттеуі тақырыптық топтың тұжырымдамасын теориялық тұрғыда түсінуге, оның семантикалық кеңістіктері ролі мен орнын, айналады шындықтың объектілері мен құбылыстары олардың арасындағы қатынастар және ойлаудағы көріністеріне байланысты анықтауға мүмкіндік беріледі. Сөздердің тақырыптық топтары оку үдерісін басқаруға арналған құралдар ретінде қарастырылады. Ассоциативті эксперименттердің нәтижелері бірдей ынталандыруға көп рет қайталантын реакциялардың бар екендігін көрсететін жергілікті сойлеушілердің ойларындағы сөз байласуарының суретін ұсынуға мүмкіндік береді. Эксперименттік зерттеулер көрсеткендей, білім беру мақсатында тақырыптық топтарға ішкі «бағыныстылығына» сәйкес бөлу керек: иерархия, ядро / периферия, гипер-гипонимикалық қатынастар.

Түйін сөздер: гипонимия, санаттау, парадигматикалық байланыс, семантикалық өріс, тақырыптық топ.

Касымова Р.Т.,

Д. П. Н. профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: rashida-kas@mail.ru

Иерархия семантических связей слов в тематических группах

В данной статье рассматриваются гиперо-гипонимические связи как один из основных принципов организации словаря. Детальное рассмотрение инвентаря отношений между словами в рамках тематической группы позволяет теоретически осмыслить понятие

тематической группы, определить ее роль и место в семантическом пространстве, отношения между предметами и явлениями окружающей действительности и их отражением в мышлении. Тематические группы слов рассматриваются нами как инструменты управления учебным процессом. Результаты ассоциативных экспериментов позволяют представить картину связей слов в сознании носителей языка, в которой отмечается большое число повторяющихся реакций на один и тот же стимул. Формирование активного словарного запаса учащихся может идти от ассоциативных связей к логическим, являющимися едиными для всех людей. Экспериментальное исследование показало, что в учебных целях необходимо распределение слов в тематических группах в соответствии с их внутренней «субординацией»: иерархия, ядро/периферия, гиперо-гипонимические отношения.

Ключевые слова: гипонимия, категоризация, парадигматическая связь, семантическое поле, тематическая группа.

Introduction

Such feature of the dictionary as its semantic continuity, is caused by the fact that each word enters certain semantic links with the meanings of other words: hyper-hyponymic; synonymous; paronymic; antonymic; word-formation, etc. According to the representative of the Kazan linguistic school N.V. Krushevsky, it is never impossible «... to lose sight of the basic nature of language: the word is the sign of a thing. Idea of a thing and idea of the word designating this thing are bound by the law of association in inseparable couple ... If idea of a thing is inseparable with idea of the corresponding word, what follows from this? Words have to be classified in our mind in the same groups, as the things they signify » (Krushevsky, 1981: 252-254). It means that we keep idea of meaning and idea of sounding in the memory before we start talking.

Although the term “hyponymy” is also not among traditional terms of semantics, the concept in linguistic literature is considered as a language universal and as one of the basic principles of the organization of lexical structure (J. Layonz, S. Ullman, V.G. Admoni, A.A. Ufimtseva, etc.). In a number of researches hyper-hyponymic communications in lexicon between meanings of different words are analyzed (Yu.D. Apresyan, M.V. Nikitin, Yu.S. Stepanov, Yu.N. Karaulov, M.V. Lysyakova, etc.), within one word the hyponymic relations between meanings are less investigated (E. Ginzburg).

Another term is worth mentioning here, equinomy, which means the relation of concepts and names of one subject area and one level of generalization (cf.: birch, oak, pine, maple).

L.A. Novikov uses the term of a sogiponima for designation of the words corresponding to specific concepts on the relation to each other: a poodle – a terrier – a mastiff – a sheep-dog – the borzoi (Novikov, 1987: 76). Genus-species relations are

the reflection of hierarchy of the general – private in things.

The hyponymy is defined as one of the main paradigmatic relations in the semantic field and as the hierarchical organization of his elements based on the genus-species relationship. In the context of hyponymic relations in lexicon as a private opposition of the genus-species nature «... hyponyms act as the marked elements, and hyperonyms represent a basis of such opposition» (Kuznetsova, 1989: 45). Along with this the scientist specifies «the second possible type of the hyponymic relations in lexicon which are the oppositions of the words designating a part and the whole, for example: a branch – a tree, the carburetor – the engine (Ibid, 1989: 45); hyponyms in these examples are names of *parts*, while hyperonyms act as the names of the *whole*. According to M.V. Nikitin, the hyperonym and hyponyms are the same as the generic and species concepts (Nikitin, 1974: 40). The research of the hyponymic relations has allowed putting forward the following thesis important for language semantics: “the genus-species principle of classification ... is an abstraction of the relationship between genus and species in wildlife” (Stepanov, 1981: 76).

Experiment

It is known that scientific classification originates from the ordinary one. The divergence between these ways of knowledge is explained by the fact that scientific knowledge has the research tools applied to comprehend the essence of objects and processes. The researcher delving into studying of different fragments of reality can formulate more exact and complete definitions that can't be told about ordinary classification.

In daily reality «by naming a subject, we place it in a certain cage of the most complex naive systematization at once, being unaware of it. Onomasiological processes aren't less closely connected with

thinking, than processes classification» (Frumkina, 1985: 29). Each of us has situations when we get to «the nominative deadlock» because of ignorance of a name of concrete subject.

We have offered primary school pupils of control and experimental classes of Kazakh language schools tasks to check their abilities on: a) correlation of a word with the subject picture; b) identification of nature of communication between a word incentive and a word reaction; c) definition of word meanings of concrete lexicon; d) finding of an excess word; e) association of group of words in a word. For example, the analysis of data of a test has allowed us to allocate four types of answers for finding an excess word when the examinee: 1a) reproduces one sign; b) reproduces one function; c) introduces this subject into a concrete situation; 2) refers a word to a certain category; 3) translates into native (Kazakh) language; 4a) wrong; b) there is no answer.

Carrying out experimental work at school has shown that the role of a language guess based on anticipation in the process of semantization of meanings of new words is large enough, and this way of an explanation of words gives the chance to trainees to predict and foresee the meaning of an unknown word and develops ability to an anticipation and stimulates interest in a word.

The types of semantic processes (associations) allocated on the basis of these psychophysiological experiments correspond to types of a contextual guess about a word meaning on a basis of: similarities of concepts; oppositions; expansions (transition from a specific concept to patrimonial) and narrowings (transition from a generic term to specific) concepts (for example: a) expansion: chicken, a rooster, a duck, a goose is a poultry; b) narrowing: furniture – a table, a chair; sweets – candies, cake, fruit jelly, a zephyr); hierarchy (shift) of concepts; associative transfer of concepts on categories: a) the reason – the investigation: the five – joy; b) part and whole: the handle – an umbrella; c) subject and material: a duck – plasticine; d) action – an object – the figure: to water – a flower – the girl; e) the figure – an object: the pupil – the book.

Results and discussion

It is known that in any dictionary «denotative» and «significative » groups of words are to be distinguished: 1) denotative lexicon tends to designate objects of the external world, denotations; 2) significative lexicon tends to designate concepts, significances. If the first assume the enumeration of their

components on the principle «a part – whole», then the second groups of words reflect the logical relations of the genus and species: so, for instance, «in the everyday use we define a sofa as a type of furniture without hesitating, and a plate as a kind of ware (in the dictionary by Ojegov in this question there is no unity: a chair – a sort of furniture ..., a sideboard – a sort of case ..., whereas a case – a piece of furniture, etc.) though in strict sense the sofa and a case, without being interchangeable, represent parts of furniture» (Guard, 1976: 132).

In the hyponymic relations the kernel acts as a patrimonial name, and it means that existence of a sort, or superordinate , is an indicator of a certain semantic link between hyponyms, their equality in relation to a hyperonym and independence of each of them. Scientists designate this type of paradigmatic communications by the term “inclusion” that assumes inclusion of an element in a class: “distribution of a lexical unit of X is included in distribution of unit Y according to what the value of unit of X is richer according to contents, than value of unit Y” (Novikov, 1987: 28).

So, firstly, the hypo-hyperonical relations are considered as the hierarchical organization of elements of the semantic field which are based on the genus-species relations (M.A. Krongauz, J. Layonz, M.V. Lysyakova, A.D. Bridge, M.V. Nikitin, L.A. Novikov, etc.); secondly, as a categorization sensu stricto, i.e. categorizing an object with its recognition as a member of this category (L. Wittgenstein, E.S. Kubryakova, J. Lakoff, A.D. Bridge, E. Roche, R.M. Frumkina, etc.); thirdly, as the conceptualization, which is a process closely connected with the process of categorization, since the peculiarity of conceptualization as one of the most important processes of human cognitive activity consists in understanding the information that comes to it and leading to the formation of concepts, conceptual structures and the entire conceptual system in the human brain (A.A. Zalevskaya, E.S. Kubryakova, M.V. Nikitin, etc.).

Conclusion

The system approach to lexicon: the transition from studying the external side of linguistic division – the connection of words with extralinguistic factors (the lexicon was considered only as a building material), to the identification of internal, structural links of lexical units – allows us to assert that it is the semantic links that basically determine the process of the words choice. Words are combined into

thematic groups by lexical relations, which are the reflection of links in objective reality. All types of semantic links between lexemes in the dictionary serve as the most important principle of the organization of the dictionary in consciousness of the person.

It is through the influence of semantic links on the dictionary that it represents a holistic hierarchical structure. Due to the influence of semantic links on the dictionary it represents a holistic hierarchical structure.

Литература

- 1 Крущевский Н.В. Очерк науки о языке (Извлечения) // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 1. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 252-257.
- 2 Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Под ред. Л.А. Новикова. – М.: Русский язык, 1987. – 160 с.
- 3 Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.: ил.
- 4 Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974. 222 с.
- 5 Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981. – 360 с.
- 6 Фрумкина Р.М. Смысл и сходство // Вопросы языкознания. – 1985. – № 2. – С.22-31.
- 7 Караполов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.

References

- 1 Karaulov Yu.N. (1976). General and Russian ideography. Moscow: Nauka, 355 p. (In Russian)
- 2 Krushevsky N.V. (1960). Essay on the science of language (Extracts). History of linguistics of the XIX-XX centuries in essays and extracts. Part 1. M.: Uchpedgiz, P. 252-257. (In Russian)
- 3 Kuznetsova E.V. (1989). Lexicology of the Russian language. Moscow: Higher School, 216 p. (In Russian)
- 4 Nikitin M.V. (1974). Lexical meaning in word and word combination. Vladimir, 222 p. (In Russian)
- 5 Modern Russian. Theoretical course. Lexicology. Ed. L.A. Novikov . Moscow: The Russian Language, 160 p. (In Russian)
- 7 Stepanov Yu.S. (1981). Names. Predicates. Suggestions (Semiological grammar). M.: Nauka, 360 p. (In Russian)
- 8 Frumkina R.M. (1985). Sense and similarity. Questions of linguistics . No 2. P. 22-31. (In Russian)

Kogay E.R.,

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: elmira_kogay@live.ru

**THE CONCEPT OF «SAMARKAND»
IN SIGNATURE WORLDVIEW
OF YAVDAT ILYASOV**

The article deals with the substantial components of the basic concept of «Samarkand». National-cultural and individual layers are identified. It holds in-detail description of the etymology of the word of Samarkand. The encyclopedic dictionaries, etymological dictionaries and the works of the famous contemporary writer Yavdat Ilyasov were considered as the material of description. The researcher highlights language means that represent the concept of «Samarkand»: lexical units in the literal sense, metaphorical designations, comparisons, epithets. The focusing on the context of language units representing the concept of «Samarkand» gives an opportunity to reveal the periphery of the concept, to describe the meaning shades that are not fixed in any lexicographical sources, and finally to discover the peculiarities of studied concept in linguocultural aspect.

Key words: space, city, Samarkand, concept, marker, world view.

Когай Э.Р.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетіндегі доценті, ф. ғ. к.,
Казакстан, Алматы к., е-mail: elmira_kogay@live.ru

**Явдат Ильясовтің жеке авторлық болмыс бейнесіндегі
«Самарқанд» концепті**

Мақалада «Самарқанд» концептінің құрылымдық компоненттері қарастырылады. Ұлттық-мәдени және жеке авторлық, пікірлер анықталады. Мақала авторы «Самарқанд» сөзінің этимологиясына толық сипаттама береді. Зерттеу нысаны ретінде энциклопедиялық сөздіктер, этимологиялық сөздіктер және атақты жазушы Явдат Ильясовтің еңбектері қолданылады. Зерттеу барысында «Самарқанд» концептін сипаттайтын реңкті сөздер, метафоралық анықтаулар, теңеу, эпитет, мағыналы сөздер секілді лексикалық бірліктер айқындалады. Тікелей «Самарқанд» концептін қолдану контекстін қарастыру арқылы концепт өрісінің перифериясын дәлдеп, сөздіктерде бекітілген мағыналық реңктерді, сонымен қатар лингвомәдени ерекшеліктерін белгілеу жүзеге асырылады.

Түйін сөздер: кеңістік, қала, Самарқанд, концепт, маркер, болмыс.

Когай Э.Р.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, е-mail: elmira_kogay@live.ru

**Концепт «Самарқанд» в индивидуально-авторской картине мира
Явдата Ильясова**

В статье рассматриваются содержательные компоненты концепта «Самарканд». Выявляются национально-культурный и индивидуально-авторский слои. Автор статьи подробно описывает этимологию слова Самарканд. Материалом описания послужили энциклопедические словари, этимологические словари и произведения известного современного писателя Я.Х. Ильясова. Исследователем были выделены языковые средства, презентирующие концепт «Самарканд»: лексические единицы в прямом смысле, метафорические обозначения, сравнения, эпитеты.

Обращение к контексту употребления языковых единиц, репрезентирующих концепт «Самарканда», позволило выявить периферию концепта и описать смысловые оттенки, не зафиксированные лексикографическими источниками, обнаружить лингвокогнитивные особенности исследуемого концепта.

Ключевые слова: пространство, город, Самарканд, концепт, маркер, картина мира.

Introduction

The concept of space as much as that of time is fundamental, and the interest of a wide range of scientists to it is a proof. Time and space, distance and duration, landscape and epoch – these are two dimensions specifying the life of a man.

Space characterizes the expanse of world, its structure and dimensionality. House, settlement, country, cosmos, universe are manifestations of space. According to the anthropocentric worldview there is an individual in the center of space. Man is the measure of all things, the point of origin. In reference to a man there is a distant area and the vicinity; they disperse in a ripple-like pattern.

A settlement, in our case the urban one, is within the vicinity like a house. On the one hand, it separates a man from the wide world (for a reason in Russian the words *город* “a town” and *городить*, *отгороджливать*, “to fence” are of the same root), on the other, it links the man with it.

Experiment

According to the “Etymological Dictionary of the Russian Language” by Max Fasmer, the Russian word *город* is close in its meaning to the Ukrainian word *город*, old-Slavic *градъ*, Bulgarian *градът*, Slovenian *grad*, Czech *hrad*, Polish *grod* upper-Lusatian *hrod*, Kashubian *gard*, Polabian *gord*, Lithuanian *gardas* that means “a fence”, Sanskrit *grhas* that means “a house”, Avestan *gōrə**). It is a site limited in size with buildings arranged to meet their functional requirements. First of all, they are houses, streets, public and religious buildings. All these urban elements together create its look, its identity. The architectural look is unique for any town. We never confuse a western town of churches and the statehouse with an eastern town of mosques and bazaars as well as a medieval town of stonework buildings and historic sites with a contemporary city of glass and concrete residential buildings.

ii) Towns and cities are inhabited by people, they are personified by those who live and work in it (by their lifestyle). It is the residents of a city who feature its look adding to its mood, culture, traditions, and history. Residents of Almaty and Tashkent, Dushanbe and Fergana, Bukhara and

Samarkand differ by their ethnicities, languages, occupations, behavior, character, mentality.

iii) Towns and cities are places with their specific cultural heritage and history that is, *a propos*, brings the opposition “ancient city vs. contemporary city”. There are other oppositions as well: urban way of living vs. countryside way of living, settled way of living vs. nomad way of living. Cultural features of a city represent the layer of conceptual significance, and it is a point of special interest. It was vividly described in fiction, for example St.Petersburg by Fedor Dostoevsky and Nikolai Gogol, Moscow by Mikhail Bulgakov and Marina Tsvetaeva, a generalized image of a provincial Russian town by Anton Chekhov, Dublin by James Joyce, Paris by Honoré de Balzac.

In the contemporary literature about Central Asia the concept of Urban Locality is represented by Dushanbe, Samarkand, Bukhara, Tashkent, Almaty, Bishkek, etc.

Results and discussion

Let us discuss in detail the symbol of Samarkand based on novel by Ya. Ilyasov “Snake-Charmer”. “Snake-Charmer” by Yavdat Hasanovich Ilyasov, a popular novelist, translator, script writer and pamphleteer, is a novel about the ups and downs of a challenged life of unparagoned Ghiyath ad-Din Abu'l-Fath Umar Ibn Ibrahim al-Khayaam Nishapuri – a bright scholar, gifted architect and hedonistic poet (Ilyasov Ya.H.: http://royallib.ru/read/ilyasov_yavdat/zaklinatel_zmey.html#0).

Nishapur, Samarkand and Bukhara shared the years of his life. Description of Samarkand in “Snake-Charmer” speaks volumes about interpretation of the Urban Locality concept represented by the “Samarkand” marker. “Afar, in sapphire gauze, *Samarkand* emerged as a giant ship breaking with its upright bow the bluish-green waves of the sea of groves, woods and fertile fields” (Ilyasov Ya.H.: http://royallib.ru/read/ilyasov_yavdat/zaklinatel_zmey.html#0). “Fresh silky breeze flows through the lilac-blue valley, rustles leaves of pomegranate trees and clean pages of a future book. It is fresh and clean in *Samarkand*. On the side of tall public buildings touched by sun, the glimmer of dawn gradually replaces the salmon color of burned brick

walls by bright sienna; in the deep blue shade the vague shapes of sycamores get more pronounced against the walls they lean on and start turning from nephrite green to its warmer hues with a hint of reddishness. It is still cool and darkish under a wide-branching elm on the patio. Somewhere in the female part of the house the voices of awoken kids could be heard” (Ilyasov Ya.H.: http://royallib.ru/read/ilyasov_yavdat/zaklinatel_zmey.html#0).

Let us discuss the etymology of the “Samarkand” proper name. An interesting version is written in the traveler’s notes titled “Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo to the Court of Timur (1403-1406) by the Castilian ambassador for Henry III”. “The city is so large, and so abundantly supplied, that it is wonderful; and the name of Samarkand or Cimes-quinte is derived from the two words *cimes* great, and *quinte* a settlement. The supplies of the city do not consist of food alone, but of silks, satins, gauzes, taffetas, velvets, and other things... The city is also very rich with merchandize that comes from other parts ...linen and skins, ...musks...rubies and diamonds, perals and rhubarb...spices...” (de Clavijo R.G.: http://rbedrosian.com/Downloads/LeStrange_Tamerlane.pdf).

Ancient Samarkand was also named Afrasiab in ancient written records. According to archeological digs “the central part of Samarkand was located in a settlement called Afrasiab, and in Hellenic sources the same place was named Marakanda (Gafurov B.G., 1989: 95). B.G. Gafurov sides with V.A. Livshitz that the initial Sogdian proper name *Afrasiab* was *Parshavap* (means “at the Black River”) pronounced as *Parsiab* in Tajik. In the course of time it got transformed to *Afrasiab*” (Gafurov B.G., 1989: 95).

R.G. de Clavijo, a keen and intelligent person, described Samarkand in detail in his Traveler’s Notes “The city of Samarkand is situated in a plain and surrounded by an earthen wall. It is a little larger than the city of Seville, but outside the city there are a great number of houses, joined together in many parts, so as to form suburbs. The city is surrounded on all sides by many gardens and vineyards, which extend in some directions a league and a half, in others two leagues, the city being in the middle. In these houses and gardens there is a large population ... Amongst these gardens, which are outside there are great and noble houses...Many streams of water flow through the city, and through these gardens ...In the city there are many open places in which they sell meat, cooked in many ways, fowls and other birds very nicely dressed; and they are always selling, day and night, in these places”...” (de Clavijo R.G.: http://rbedrosian.com/Downloads/LeStrange_Tamerlane.pdf).

LeStrange_Tamerlane.pdf)

In the F.A. Brockhaus and I.A. Efron’s Encyclopedic Dictionary there is an interesting piece of information adding to the Clavijo’s notes and to our understanding of the concept of Urban Locality. “The founding time of Samarkand (Marakanda in Greek, Semasygan in Chinese) is unknown; probably it is one of the most ancient cities of Middle Asia. Folk stories consider rulers Kaikasy or Afrosiab who lived 3,000-4,000 B.C. to be the founders of the city. The etymology of its name is obscure; probably it goes back to the name of someone known as Samara, the legendary leader of Turks. In 329 B.C. the city was conquered by Alexander of Macedonia; according to Quintus Curtius, the city was protected by a 70 stadia long wall and in the center of it there was a citadel surrounded by one more wall. From the VII through IX centuries Samarkand was ruled by the Arabs. In the IX century (from 889 to 1004 A.D.), Samarkand was the capital of a state covering the area between Syr-Daria and Amu-Daria. In the XI century it was conquered by the Seljuks, in 1221 it was leveled by Genghis-Khan regardless to being protected by the 110,000 strong men local army. In 1369 Samarkand became the capital of great Timur who decorated the city with magnificent mosques, gardens and palaces and elevated it to the unprecedented prosperity and glory. All wealth of Asia gravitated here, representatives of all nations and beliefs, scholars and craftsmen moved here. In 1499 Samarkand was occupied by Uzbeks under Shaybani’s leadership who had the royal residence in Bukhara. From 1784 Samarkand was under the power of the Bukhara Khanate Manghud dynasty, and finally in May 2, 1868 the city passed into hands of the army of Russian Empire” (Brockhaus F.A., Efron I.A.: <http://bookre.org/reader?file=634851&pg=38>).

Conclusion

Samarkand is not only a large trade center but the center of education and arts that attracts scholars, poets, artists. Such lexical units as *scholar*, *artist*, *poet*, *observatory*, *library* distinctly form the link “City of Samarkand is the City of arts and science”.

The unique architecture and history of the city are preserved in the names of its landmarks: Shah-Zinda mosque, Gur-e-Amir Mausoleum, Til-a-Kari Madrasah, Registan, Uluugh-Bek Observatory, Bibi-Khanym Mosque, Khodja-Ahrar Madrassah, Afrosiab and so on. All these proper names are markers of the concept of Urban Locality represented by “Samarkand”.

Translation to English by A.B. Lambert.

Литература

- 1 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Прогресс, 1986, т.1. – 576 с.
- 2 Даляр В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Русский язык, 1978, т. 1. – 700 с.
- 3 Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» и «Қ».
- Выпуск I / Отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Наука, Восточная литература, 1997, т. 5. – 368 с.
- 4 Таджикско-русский словарь (онлайн) // https://sahifa.tj/tadzhiksko_russkij.aspx
- 5 Узбекско-русский словарь (онлайн) // https://sahifa.tj/uzbeksko_russkij.aspx
- 6 Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 296 с.
- 7 Касевич В.Д. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 279 с.
- 8 Советский энциклопедический словарь. / Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.
- 9 Ильясов Я.Х. Заклинатель змей // http://royallib.ru/read/ilyasov_yavdat/zaklinatel_zmey.html#0
- 10 de Clavijo R.G. Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo to the Court of Timur (1403-1406) by the Castilian ambassador for Henry III”, translated by Clements R. Markham . – London, 1856 // http://rbedrosian.com/Downloads/LeStrange_Tamerlane.pdf
- 11 Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х книгах. – Душанбе: Ирфон, 1989, т.1. – 381 с.
- 12 Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 82-х т. и 4 доп. т. – М.: Терра, 2001 // <http://bookre.org/reader?file=634851&pg=38>

References

- 1 Brockhaus F.A., Efron I.A. (2001). Entziklopedicheskiy slovar'. [Encyclopedic Dictionary]. M.: Terra // <http://bookre.org/reader?file=634851&pg=38> (in Russian)
- 2 Dal V.I. (1978). Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. [Explanatory Dictionary of Live Great Russian Language]. M.: Russkiy yasik, 700 p. (in Russian)
- 3 de Clavijo R.G. (1856). Puteshestviye posla Lui Gonsalesa Klavicho ko dvoru Timura (1403-1406). [Narrative of the Embassy of Ruy Gonzales de Clavijo to the Court of Timur (1403-1406) by the Castilian ambassador for Henry III”, translated by Clements R. Markham]. London // http://rbedrosian.com/Downloads/LeStrange_Tamerlane.pdf(transl. from Engl.)
- 4 Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhturkskiye leksicheskiye osnovy na bukvy «К» i «Қ». Vipusk I. (1997). [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Para-Turkic and Inter-Turkic Lexical Roots of Words Starting with «К» and «Қ»]. Issue #1]. M.: Nauka, 368 p. (in Russian)
- 5 Fasmer M. (1986). Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. [Etymological Dictionary of the Russian Language]. M.: Progress, 576 p. (in Russian)
- 6 Gafurov B.G. (1989). Tadzhiki: Drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya. [Tajiks. Paleo, Ancient and Medieval History]. Dushanbe.: Irfon, 381 p. (in Russian)
- 7 Ilyasov Ya. Ch. Zaklinatel' zmey [Snake-Charmer] // http://royallib.ru/read/ilyasov_yavdat/zaklinatel_zmey.html#0 (in Russian)
- 8 Kasevich B.D. (1996). Buddizm. Kartina mira. YAzyk. [Buddhism. Worldview. Language]. SPb.: Peterburgskoye vostokovedeniye, 279 p. (in Russian)
- 9 Maslova V.A. (2004). Vvedeniye v kognitivnyu lingvistiku: Uchebnoye posobiye. [Introduction to Cognitive Linguistics: Textbook.]. M.: Flinta, 296 p. (in Russian)
- 10 Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. (1984). [Soviet Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya enciklopedia, 1600 p. (in Russian)
- 11 Tadzhiksko-russkiy slovar' (onlayn) [Tajik-Russian Online Dictionary] // <https://sahifa.tj/tadzhiksko-russkij.aspx> (in Russian)
- 12 Uzbeksko-russkiy slovar' (onlayn) [Uzbek-Russian Online Dictionary] // https://sahifa.tj/uzbeksko_russkij.aspx (in Russian)

IRSTI 16.01.11

Koilybayeva S.S.,

Research Assistant of the Al-Farabi Kazakh National university,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: ssaltanatcc@gmail.com

ON THE SYSTEM OF MODERN LINGUISTICS PARADIGMS

The article is devoted to the description of the leading paradigms of the era and the dominant research methods that are realized as ways of scientific cognition. The article deals with the concept of "paradigm" in the historiography of science, analyzes the concepts of "paradigms", their applicability to humanitarian knowledge, various paradigm systems in linguistics, studies the modern cognitive paradigm of linguistic knowledge, outlines the transition to an integral paradigm for describing the language. That is why the state of any field of science is characterized through the prism of the leading paradigms of the era and the dominant methods of research, which are realized as ways of scientific cognition.

Key words: paradigm, method, anthropocentrism, functionalism, linguistic paradigm.

Койлыбаева С.С.,

Ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: ssaltanatcc@gmail.com,

Қазіргі заманғы лингвистиканың парадигмалар жүйесі турашы мәселелер

Атальыш мақала ғылыми таңым тәсілдері ретінде зерделенетін басты зерттеу әдістері мен осы кезеңдегі жетекші парадигмаларды сипаттауға арнаған. Мақалада тарихнама ғылымындағы «парадигмалар» ұғымы қарастырылады, «парадигмалар» ұғымының гуманитарлық ілімде қолданылуы талданады, лингвистикадағы түрлі парадигмалар жүйесі мысалға көлтірледі, лингвистикалық білімнің қазіргі заманғы когнитивті парадигмасы зерттеледі, тілді сипаттаудың интегралды парадигмасына ауысу перспективалары атап өтіледі. Сондықтан да ғылымның қандай да бір саласының жай-күй ғылыми таңым тәсілдері ретінде зерделенетін осы кезеңдегі жетекші парадигмалар мен басты зерттеу әдістері арқылы сипатталады.

Түйін сөздер: парадигма, әдіс, антропоцентризм, функционализм, лингвистикалық парадигма.

Койлыбаева С.С.,

докторант PhD Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: ssaltanatcc@gmail.com

К вопросу о системе парадигм современной лингвистики

Статья посвящена описанию ведущих парадигм эпохи и доминирующих методов исследования, которые осознаются как способы научного познания. В статье рассматривается понятие «парадигмы» в историографии науки, анализируются понятия «парадигмы», в их применимости к гуманитарному знанию, приводятся различные системы парадигм в лингвистике, исследуется современная когнитивная парадигма лингвистического знания, намечаются перспективы перехода к интегральной парадигме описания языка. Состояние какой-либо области науки характеризуется сквозь призму ведущих парадигм эпохи и доминирующих методов исследования, которые осознаются как способы научного познания.

Ключевые слова: парадигма, метод, антропоцентризм, функционализм, лингвистическая парадигма.

Introduction

The problems of leading trends in modern linguistics are considered in the article. When characterizing each of them, an aspect of the language that determines the subject-content area of the direction and its place in the general system of linguistic paradigms is taken into account. The paradigms under consideration are grouped around two basic principles of modern linguistics – anthropocentrism and functionalism.

Experiment

The set of meanings embedded in the concept of a linguistic paradigm is associated with the complexity and inexhaustibility of the object of study (human language) and, strangely enough, the maturity of the science that studies and describes it. It is also obvious that there is need to establish the initial, most general, invariant property that determines other possible, particular implementations of this concept and its particular interpretations. The interpretation of the state of modern linguistic theory as a «paradigm in a paradigm» does not remove methodological issues, the solution of which depends on the «model of posing problems.» Therefore, the most acceptable one should recognize the «world outlook» interpretation, which considers the linguistic paradigm as a system of certain views on the language, according to which the generally accepted theory, model, model of solving linguistic problems, the style of scientific thinking and, finally, methods of linguistic research are formed. In the aggregate, this set of features in each scientific school, in each separate direction of modern linguistics, naturally manifests itself in different ways, which determines the uniqueness of one or another scientific school (Lee, 2003).

Results and discussion

In the twentieth century, several «views» of the language, generally recognized and dominant in the linguistic community, were formed (naturally, within the framework of the corresponding general scientific paradigms). These linguistic paradigms can be characterized as follows. Firstly as, the view of language as a system of signs, the content of which is determined by their relationship to each other (a system of values). Within this paradigm (immanent) achieved the best results, as it is known, schools of structuralism, many theoretical principles and methods of scientific research which were general sci-

tific heritage not only in linguistics, but also in other human sciences and fields of knowledge. Secondly as, the view of language as the activity of speaking subjects, carried out in certain conditions of communication and with a certain set-up and purpose (linguopragmatic paradigm). Thirdly as, the view of language as an instrument whose main purpose is verbal (verbal-speech) communication (communicative paradigm). Fourthly as, the view of language as a form of consciousness and thinking, in which the system of knowledge of man about the world, speaking and thinking in one language or another (the cognitive paradigm) is realized.

Naturally, the listed paradigms of knowledge in the linguistics of the 20th century in accordance with the «ideological» approach to the concept of «linguistic paradigm» are highlighted in the most general and fragmentary survey of the state of affairs in the linguistics of the period under review. Here only the most notable paradigms are indicated, about which there are often disputes and discussions in the scientific community and which, so to speak, constantly «on hearing» (Lee, 2003). There are, however, other lists of «views» on the language as an object of linguistics and, accordingly, a different list of paradigms of knowledge in the science of language. So, for example, Yu.S.Stepanov, describing the main «images of the language,» or «views of the language,» in the twentieth century, believes that they can be reduced to the following: «language as the language of the individual» (1), «language as family language »(2),« language as a structure »(3),« language as a system »(4),« language as a type and character »(5),« computer approach to language »(6),« language as the space of thought and as the house of the spirit »(7) (Stepanov, 1995: 8). In the opinion of Yu.S.Stepanov, these «images of the language,» or linguistic paradigms, are not arranged in the order of a historical or chronological change of scientific epochs that completely deny each other: «... throughout the 20th century, primarily mainly in the bosom of linguistics, different definitions of the language and, consequently, different «images» of each other. This evolution can be put in touch – but not too harsh – with the change of «styles of scientific thinking», or, as some prefer to say, «paradigms.» However, evolution proceeded in such a way that each subsequent definition did not replace the previous one entirely, but included some of its features (Stepanov, 1995: 7). The promotion of anthropocentrism as a leading principle had far-reaching consequences, primarily due to the formation of new concepts and, in part, the branches of modern linguistics. Formed under the influence of

anthropocentrism and non-traditional approaches to the description of individual language systems, levels of language and their units. The inclusion of the so-called human factor in the problematics of linguistic research has put the functional approach to language (the principle of neofunctionalism) among the leading modern general scientific principles.

Functionalism as a general scientific principle and as a special approach to language in linguistics was understood and understood ambiguously. Moreover, some researchers in general doubt the very possibility at this stage of development of our knowledge of the language of creating fairly complete and explicit descriptions, in particular the functional grammar of a particular language, which really would adequately correspond to the requirements of functionalism in its strict sense. It is obvious only that the formulation of such a task is perceived in modern linguistics as quite realistic, and it is to a certain extent solved both in theoretical concepts and in specific descriptions.

Becoming the leading general scientific principles of modern linguistics, anthropocentrism and functionalism in many ways determine the ways of further development of linguistics and at the same time force to change the ideas about the purposes and tasks of scientific research. These changes are connected first and foremost with the rejection of rigid, categorical schemes for describing the language (rejection of the definitional principle of description), from a purely taxonomic approach to the analysis of the linguistic system and with a reorientation to descriptions and explanations (the principle of explanation: «In place of AS-linguistics (the primacy of taxonomy), the successes of which marked the present century, WHY-linguistics (the primacy of explanation) will come»(Kibrik, 1995: 219). At the heart of the cognitive approach to language is understanding it as a phenomenon that is not considered «in itself and for itself» as an autonomous entity, but as one of the manifestations of man's cognitive abilities; «Inside us and for us.» Unlike the «non-cognitive» approach to language, which presupposes the study of external manifestations of language, cognitive linguistics proclaims the need to consider language as it is represented in the mind of a person in his head. It is argued that language processes are served by cognitive structures and mechanisms. This view of language connects linguistics with psychology and testifies to the possibility of identifying cognitive linguistics as an interdisciplinary branch of knowledge, which includes a whole series of cognitively oriented sciences. (Lee, 2003) Language, as is known, forms thinking activity, therefore cognitive

science is engaged in scientific analysis of language as a means of cognition. The term «cognition» (from the Latin *cognitio, cogitatio* – cognition, cognition) refers to «... the cognitive process or the totality of mental (mental, mental) processes of perception of the world, simple observation of the environment, categorization, thinking, speech, etc., serving the processing and processing of information coming to a person or from outside through various sensory-perceptual channels, or already internalized and reinterpreted by a person ». (Kubryakova, 1996: 81) Cognitive coverage receives problems of language categorization and language conceptualization of the world, problems of the language picture of the world. But the closest relationship and direct interaction are manifested in the generality of the problems of cognitive linguistics and psycholinguistics, which sometimes gives rise to identify these branches of scientific knowledge. Thus, considering the question of the place and status of cognitive linguistics in the system of modern paradigms of knowledge and evaluating its contribution to the development of linguistic problems, V.B. Kasevich writes: «In the field of semantics, the contribution of cognitive scientists is definitely positive. But is this enough to propagate the emergence of «new linguistics»? It seems more appropriate to say that the developed approaches and results enrich linguistics, but in no way create a new object (more precisely, a subject) of research, or even a new method. First of all, of course, we can talk about enriching psycholinguistics – indeed, psycholinguistics, if we consider it as a theory, and not simply as a method, is designed to adequately reflect the mental relations and operations actually inherent in the native speaker; without this, its existence simply loses its meaning». (Kasevich, 1998: 20)

Conclusion

Considering language and language processes as one of the modes of cognition and focusing on the study of mental representations in language, cognitive linguistics naturally narrows and limits the scope of its research interests. After all, language is not only a cognitive mechanism, but also an instrument through which a person realizes his communicative and pragmatic intentions. In modern Kazakhstani linguistics, the greatest creative development has been given to cognitive, communicative and pragmatic methods of research. These methods have their own theoretical basis, certain goals and a proven scientific apparatus. The cognitive method is based on the philosophical idea of the unity of lan-

guage and consciousness and includes the following categorical apparatus: the linguistic personality; picture of the world; concepts / metaphors – as clusters of knowledge and the main elements in the picture of the world; interpretation – as a process of understanding reality. Cognition, which gave the name to the method, is the subject's basic knowledge of the world, including background knowledge (presup-

positions). The linguistic personality interprets the surrounding reality through interpretation, turning it into concepts / metaphors. The result of the interpreting linguistic-mental activity of linguistic personalities (of a separate subject or collective) is the construction of a picture of the world (individual or collective) reflecting the understanding and perception of the person surrounding his reality.

Литература

- 1 Ли В.С. Парадигмы знания в современной лингвистике: Учебное пособие для магистрантов по направлению подготовки “Лингвистика: русское языкознание”. – Алматы: Казак университеті, 2003. – 134 с.
- 2 Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995.
- 3 Кибrik А.Е. Куда идет современная лингвистика? // Лингвистика на исходе XX века. Т.И. Тезисы международной конференции. – М.: МГУ, 1995.
- 4 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.
- 5 Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб: Наука, 1998.

References

- 1 Kasevich V.B. (1998) O kognitivnoy lingvistike. [About cognitive linguistics]: General Linguistics and Theory of Grammar. SPb: Science, 1998. (in Russian)
- 2 Kibrik A.E. (1995) Kuda idet sovremennaya lingvistika? [Where is modern linguistics going?]: Linguistics at the end of the twentieth century. T.I. Theses of the international conference. Moscow: Moscow State University, 1995. (in Russian)
- 3 Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., PankratsYu.G., Luzina L.G. (1996) Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. [A brief dictionary of cognitive terms.] Moscow: Moscow State University, 1996. (in Russian)
- 4 Lee V.S. (2003) Paradigmy znaniya v sovremennoy lingvistike: Uchebnoye posobiye dlya magistrantov po napravleniyu podgotovki “Lingvistika: russkoye yazykoznanie”. [Paradigms of knowledge in modern linguistics: A manual for undergraduates in the direction of preparation “Linguistics: Russian linguistics”] Almaty: Kazakh University, 2003 134 p. (in Russian)
- 5 Stepanov Yu.S. (1995) Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti. [Alternative World, Discourse, Fact and Principle of Causality]: Language and Science of the End of the 20th Century. Moscow: Nauka, 1995. (in Russian)

Lee V.S.,

DSc, Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail li-vs@mail.ru

ABOUT NATIONAL – CULTURAL SPECIFICS OF AN ETHICAL COMPONENT OF SEMANTICS OF A WORD

In article are considered problems of a language categorization and conceptualization of reality. This perspective not means is connected with the doctrine about a language picture of the world. Under a language picture of the world, the special image of reality represented by categories of a certain language, its semantics is understood. It has caused the special nature of representation in semantics of language of the real world in all his manifestations, since the physical world and ending by the social world. Such character of a categorization of reality is called a naive picture of the world, according to it it is necessary to speak about naive physics, naive biology, naive astronomy, etc. This row includes also naive ethics. Its categories are shown in an ethical component of semantics of a word. This component is caused by historical and traditional and national and cultural features of this or that language. In article these provisions are considered on Russian material in the analysis of ethical and estimated components of semantics of words and paremias.

Key words: language picture of the world, word, semantics, connotation, conceptualization, ethical component of semantics.

Ли В.С.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры, ф. ғ. д.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail li-vs@mail.ru

Сөз мағынасының этикалық құрауышының ұлттық-мәдени ерекшелігі туралы

Мақалада тілдік ақиқаттың категоризациясы мен концептуалдығының мәселелері қарастырылады. Бұл мәселе әлемнің тілдік бейнесі жайындағы танымына тікелей қатысты. Әлемнің тілдік бейнесі деп нақты бір тілдің күй-қалпын, оның танымдық, мазмұнын айқындаушы санатының (категориясының) ерекше образын түсінуге болады. Сонымен әлемнің тілдік шынайы мағынасында, табиғи әлемінен бастап әлеуметтік дүниесіне дейін ерекше сипаттау ексерілген. Ақиқат дүние танымының тілдік категоризация сипатын физика, астрономия, биологияны аңғал түсініп, оны танып, т.с.с. әлемнің аңғал бейнесін айтуда болады. Осы қатарға аңғырт этика да кіреді. Оның санаттары сөз семантикасының этикалық құрауышында айқындалады. Ол құрамдас бөлігі сол немесе өзге тілдің тарихи-дәстүрлік және ұлттық-мәдени ерекшеліктеріне негізделген. Мақалада осы ұғымдар сөздің және фразеологиялық семантикасының этикалық және пайымды құрауыштарын талдау арқылы орыс тілінің материалында қарастырылған.

Түйін сөздер: әлемнің тілдік бейнесі, сөз, мағынасы (семантика), коннотация, концептуалдық, мағынасының этикалық құрауышы.

Ли В.С.,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, Алматы, e-mail li-vs@mail.ru

О национально-культурной специфике этического компонента семантики слова

В статье рассматриваются проблемы языковой категоризации и концептуализации действительности. Эта проблематика непосредственно связана с учением о языковой картине мира. Под языковой картиной мира понимается особый образ действительности,

репрезентируемый категориями определенного языка, его семантикой. Этим обусловлен особый характер представления в семантике языка реального мира во всех его проявлениях, начиная с физического мира и кончая социальным миром. Такой характер категоризации действительности называется наивной картиной мира, в соответствии с этим следует говорить о наивной физике, наивной биологии, наивной астрономии и т.п. В этот ряд входит и наивная этика. Ее категории проявляются в этическом компоненте семантики слова. Этот компонент обусловлен историко-традиционными и национально-культурными особенностями того или иного языка. В статье эти положения рассматриваются на материале русского языка при анализе этического и оценочного компонентов семантики слов и паремий.

Ключевые слова: языковая картина мира, слово, семантика, коннотация, концептуализация, этический компонент семантики,

The modern perspective connected with a language categorization and conceptualization of reality is extremely difficult and varied. This perspective, as we know, is directly connected with the doctrine about a language picture of the world. Having passed through stages of search, delusions and pseudo-problems, the doctrine about a language picture of the world unites in itself several approaches and the directions. First, the tradition connected with studying of actually language (naive) picture of the world as a language image of the real world is carried on. In such understanding of a language picture of the world it is put in one row with such pictures of the world as physical and in general the scientific picture of the world, the Takky language picture of the world biological, mythological, religious, philosophical, etc. fairly notices, is no other than «reconstruction of an integral, though «naive», prescientific view inherent in language of the world» (Apresyan, 1995: 350). Secondly, in the doctrine about a language picture of the world the problem of communication of language and categories of knowledge and knowledge is developed, i.e. processes of a categorization of consciousness in language and formations of national and cultural concepts are established. Thirdly, under the influence of the principle of anthropocentrism the problem which can be formulated so is developed: «person in language» or «a language picture of the person». Fourthly, the so-called individual and author's picture of the world is investigated. The last direction, however, in a smaller measure is connected with the doctrine about a language picture of the world because it is interested in image of the world not in language per se, and in consciousness of the certain individual. It is related to a problem of the language personality, to style of thinking of this or that author as creator of a discourse rather. Thus, modern concepts of a language picture of the world often operate with the concepts which haven't received scientific identification therefore a remark of some linguists that expression «the world picture» contin-

ues to remain at the level of a metaphor, it is necessary to recognize partly fair.

At all possible approaches to understanding of a language picture of the world it is necessary to distinguish the conceptual picture of the world connected with the conceptual sphere human consciousnesses and the language (naive) picture of the world which is under construction on the system of so-called semantic «filters» of this or that language. Obviously, the conceptual picture of the world is richer language as not only various types of thinking, but also knowledge which are filled up by data of sciences and practice by means of which our representation about the world, on the one hand, are enriched, and from other side participate in creation of the first are specified and change (cf. various substances, put at various times in such concepts as Earth, atom, fire, air, soul, spirit, death and many other; in this sense the history of the concept «person» and also various definitions of the person in modern science is characteristic that is transmitted through such terms as homo sapiens, homo faber, homo loquens, etc.

However, despite differences between a conceptual picture of the world and language map of the world, they are connected with each other: "Language, – B.A. Serebrennikov writes, – couldn't carry out a role of the means of communication if he isn't connected with a conceptual picture of the world. This communication is carried out in language in the double way. Language means separate elements of a conceptual picture of the world. This is expressed usually in creation of words and means of communication between words and offers. Language explains the maintenance of a conceptual picture of the world, connecting in the speech among themselves words" (Serebrennikov, 1988: 107).

Thanks to such communication the language picture of the world represents one of types of those pictures of the world which can apply for a global, overall picture of the world as elements of a language picture of the world are connected through

a conceptual picture of the world with world pictures physical, biological, mythological, religious, etc. It isn't casual in this regard that several linguists in a language picture of the world allocate "naive physics", "a naive geometry", "naive anatomy", "naive psychology", etc. ("naive" = language here). In this number of pictures of the world naive ethics as in it the archetypic, deep way of knowledge of the person as a social reality, a way of life of the individual in human society is fixed in a language form are of special interest. Since the most ancient sacral monuments to writing, finishing intimate reflections of philosophers and thinkers naive ethics have fixed so-called eternal moral values in a language form. On the other hand, thanks to language in which there lives any person naive ethics are self-sufficient also a self-price as in her moral stereotypes crystallize by means of language forms, first of all words and paremias.

It is clear also why naive ethics in principle an idioethnic; in her national vision of the world, national mentality and all cultural and historical experience of these or those people is shown. For an illustration of the Russian naive-language ethics and so-called naive semantics we will give only some examples from Yu.D. Apresyan's work: "... from the analysis of couples of words of type to praise and flatter, praise and хвалить-ся, to promise and promise, look and spot, to listen and laugh (at someone) and to mock, the witness and the observer, inquisitiveness and curiosity, to dispose and mistreat, servile, to be proud and proud, criticize and to blacken, try to obtain and covet, to show (the bravery) and to be drawn (the bravery), to complain and peach and others similar it is possible to take idea of fundamental precepts of the Russian naive and language ethics. Here some of them: "it is bad to pursue the mercenary aims" (to covet, flatter, promise); "it is bad to intrude in private life of other people" (to spot, overhear, the observer, curiosity); "it is bad to humiliate the dignity of other people" (to mistreat, mock); "it is bad to forget about the honor and a dignity" (to kowtow, servile); "it is bad to exaggerate the advantages and others shortcomings" (to brag, be drawn, кичиться, to blacken); "it is bad to tell the third parties that it isn't pleasant" (to peach, sneak) to us in behavior and acts of our neighbors, etc. Of course, all these precepts – no more than common truths, but it is curious that they are fixed in word meanings" [Apreksyan 1995: 351]. Interesting observations of this sort over the Russian YaKM are presented in many works (see, in particular, (Vezubitskaya, 1997; Maslova, 2008; Hrolenko, 2009; Shmelyov, 2002 and other).

Specific connotations inherent in the cited and many other words form naive ethics of language. She is accurately traced also in proverbs, sayings, idiomatics and phraseology, i.e. in a paremia of any language. So, exclusively moralizing connotation such Russian expressions as "The apple never falls far from the tree", "Have two boots – couple", "Scratch my back and I'll scratch yours", etc. It is interesting to note that many figurative expressions-idioms are used with accurate ethical assessment on a scale "approving (positive) – disapproving (negative)", for example:

APPROVING (+) – without cease, without unbending a back, with soul, without ulterior motive, to keep the mouth shut, to live the own way, etc.

DISAPPROVING – to play the fool, to do nothing, send dogs, to waste the words, to wash the dirty linen in publi, pick to pieces, to sling mud, long tongue, etc.

It is important to note at the same time what as "moralizer" and the ethical judge in the Russian language consciousness usually acts itself speaking, owing to what ethical assessment of any act проводит-ся according to the scheme: "I" – (+), "not I" – (-), (+), and it cause some kind of semantic coordination based on rules of naive ethics. If such phrases as "I work all year without cease", "I to it with soul...", "I am able to keep the mouth shut", etc., corresponds to pragmatical standards of Russian, the statements constructed without respect for norms of naive ethics are perceived or as improbable, sometimes even abnormal (* I waste the words; * I sling mud at the neighbors; * I send all day dogs, etc.) or as expressing bragging, self-irony or a call to the standard norms (I have such work now – all day to play the fool (to send dogs), etc.).

It is quite obvious why the use in such cases of expressions with disapproving ethical assessment in combination with an otkritsaniye is more typical: I don't waste the words; I never speak about people for eyes; It is bad to wash the dirty linen in public, etc.

The egocentric nature of the organization of norms of naive ethics the yazykokvykh of the stereotypes used in certain situations of communication and speech interaction obukslovlivat the system of so-called speech (pragmatical) cliches (in various types of interaction). The Linguoprismatic behavior of communicants at the same time is defined not only their social status, but also instructions proceeding from this set by norms of language ethics. These standards of naive morals are universal in the substantial and semantic relation, but are specific on the value and ways of expression in each language

(cf., for example, system of language transmission media of politeness, very difficult from the point of view of the European, in Chinese, Japanese, Korean, etc. the vostochknykh languages). At the same time components of an ethical connotation are indispensable accessory of semantics and pragmatics of a word or a phraseological unit, pokety in certain conditions they perform function of differential signs. So, for example, “circular” interpretation of stereotypes of an izvikneniye “Excuse (those)” – “Forgive (those)” perhaps only to a certain limit, and it is connected not only with subtleties of a semantic protivopostavleniye in these two formulas, but also with differences in naive ethics (cf.: Excuse me for these words – Forgive me for these a slokva, but it is impossible: My God, forgive me for such words-? *gospod, izkvin me for such words).

The share semantic (lexical) and connotive (naive and ethical) in semantic structure of the considered words is various as in lexemes of one

language (cf. Russian So long! and Prior to a meeting in Moscow!), but also in the words equivalents of different languages. For an illustration of this situation we will provide the following quote: “Russian-German comparison of pragmatical cliches has shown on the example of expression of gratitude and apology what in these cases in Russian of a cliche is more literal, than in German. It means that literal meaning, semantics, though in the reduced look, but is present; if apology is in Russian said, then speaking consciously undertakes at least the minimum share of fault; if he expresses a gratitude, then he is really grateful so minimization of an occasion isn’t obligatory. Degree of politeness of pragmatical cliches also in the many cases is caused by a cultural context” (Ratmayr, 1997: 21). Really, the national and cultural context including and a historical and cultural component, causes features of a spiritual and moral basis of any people and its language.

Литература

- 1 Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 456 с.
- 2 Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.
- 3 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 346 с.
- 4 Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Терра Систем, 2008. – 243 с.
- 5 Хорленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. -232 с.
- 6 Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 275 с.
- 7 Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкоznания. – 1997. – № 1. – С. 15-22.

References

- 1 Apresjan Ju.D. (1995) Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. [Integral description of the language and systemic lexicography.] M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. 456 p. (In Russian).
- 2 Hrolenko A.T. (2009) Osnovy lingvokul'turologii. [Fundamentals of linguoculturology.] M.: Flinta: Nauka, 2009. 232 p. (In Russian).
- 3 Maslova V.A. (2008) Kognitivnaja lingvistika. [Cognitive linguistics.] M.: Terra Sistem, 2008. 243 p. (In Russian).
- 4 Ratmajr R. (1997) Funkcional'nye i kul'turno-sopostavitel'nye aspekty pragmaticheskikh kliches [Functional and cultural-comparative aspects of pragmatic clichés] Voprosy jazykoznanija. 1997. № 1. P. 15-22. (In Russian).
- 5 Serebrennikov B.A. (1988) Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke? [How is the picture of the world reflected in the language?] Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1988. S. 87-107. (In Russian).
- 6 Shmelev A.D. (2002) Russkij jazyk i vnejazykovaja dejstvitel'nost'. [Russian language and extralinguistic reality.] M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 275 p. (In Russian).
- 7 Vezhbickaja A. (1997) Jazyk. Kul'tura. Poznanie. [Language. Culture. Cognition.] M.: Russkie slovari, 1997. 346 p. (In Russian).

МРНТИ 81'23

Сагымжанова Т.Т.,

магистрант 2 курса Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: talshyn.95@mail.ru

**КОНЦЕПТ И ОБРАЗ
КАК КАТЕГОРИИ ГУМАНИТАРНЫХ ОТРАСЛЕЙ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с установлением природы концепта как центральной категории современных когнитивно-ориентированных отраслей гуманитарного знания. Одним из важнейших путей решения этого вопроса – установление связей и отношений между концептом и образом. Образ является ведущей категорией постижения окружающей действительности. Соответственно, он, как и концепт, когнитивен. Вместе с тем, образ – одна из ведущих категорий эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. Однако образ – это еще и способ постижения мира бытия человека и общества в целом, универсальная, емкая информационная единица, обладающая когнитивно-эстетическими свойствами и способная объективировать собой огромные информационные ресурсы. Это позволяет сделать вывод об общих истоках концепта и образа.

Ключевые слова: концепт, образ, слово, лексическое значение, представление, когнитивная лингвистика, художественный текст.

Sagymzhanova T.B.,

Research assistant of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: talshyn.95@mail.ru

**Concept and image as a category of humanitarian branches
of scientific knowledge**

The article deals with issues related to the establishment of the nature of the concept as a central category of modern cognitive-oriented branches of humanitarian knowledge. One of the most important ways to resolve this issue is to establish links and relationships between the concept and the image. The image is the leading category of comprehension of the surrounding reality. Accordingly, it, like the concept, is cognitive. At the same time, the image is one of the leading categories of aesthetics, which characterizes a special way of mastering and transforming reality that is unique to art. However, the image is also a way to comprehend the world of human being and society as a whole, a universal, capacious information unit that has cognitive-aesthetic properties and is capable of objectifying huge information resources. This allows us to draw a conclusion about the common origins of the concept and the image.

Key words: concept, image, word, lexical meaning, representation, cognitive linguistics, artistic text.

Сагымжанова Т.Б.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің 2 курс магистранты,
Қазақстан, Алматы қ, e-mail: talshyn.95@mail.ru

**Концепт пен бейне ғылыми білімнің
гуманитарлық саласының санатындағы**

Бұл мақалада гуманитарлық білімнің осы заманғы когнитивті-бағдарлаулық саласының орталық санаты сияқты болып концепт табиғатының тұрақтануының сұрақтары қаралады. Сонымен қатар, бейне – бұл ерекше, өнерге ғана тән, шындықты игеру мен қайта құрудың эстетикасын

сипаттайтын жүргізуші санаттың бірі. Бұл сұрақты шешудің маңызды жолдарының бірі – концепт беріненің арасындағы қатынас пен байланысты қою. Бейне қоршаған шындыққа жетудің жүргізуші санаты болып табылады. Сәйкесінше ол концепт сияқты когнетивті. Бірақ та берінен – бұл тағы да адам мен қоғамның болмыс өлеміне жетудің жолы, құрамында өзіне үлкен хабар қорын біріктіруге қабілетті когнетивті-эстетикалық қасиеті бар, әмбебап, сыйымды, хабарлық бірлік. Бұл концепт пен беріненің ортақ бастауы жайында қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: концепт, беріне, сөз, лексикалық мағына, түсінік, когнетивті лингвистика, көркем мәтін.

Положительное решение вопроса о существовании концепта невозможно без изучения проблемы взаимоотношения и соположения концепта и образа, их таксономических отношений. В современной науке образ представляет собой чрезвычайно широкое понятие, используемое в различных парадигмах знания, прежде всего гуманитарных..

Когнитивная природа образа отмечалась издавна. В философии образ определяется как «результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека» (Абрамов, 1989: 433). Г.Гегель, расшифровывая явление образа, определял его место между «непосредственной чувственностью и принадлежащей области идеального мыслю», так как именно образ, по мнению философа, мог одновременно, не нарушая собственной целостности, представлять и «понятие предмета», и его «внешнее бытие». В психологии при толковании образа внимание максимально акцентируется на работе человеческого сознания: образ – это и механизм, и результат, и форма целостного комплексного отражения предметов и явлений в сознании человека.

В филологии, в науке о языке образ также всегда находился на особом положении. А.А. Потебня видел в создании образов потенциал развития языка и мышления. По мнению ученого, образы есть средства сокращения умственных усилий, это «заместители тех масс мыслей, из которых они возникли» (Потебня, 1976: 520). В начале XX века Аскольдов-Алексеев подобные образы, которые он сравнивал с «туманным нечто», или мельканием мысли, назовет концептами.

На рубеже ХХ – ХХI столетий понятие концепта прочно войдет в науку о языке и отчасти заместит собой образ в том смысле, в котором его понимал А.А. Потебня. Однако образ как таковой не утрачивает своей актуальности. Последние научные достижения и открытия в области когнитивной, нейро-лингвистики и проч. позволили более точно определить место и

роль образа в когнитивных процессах, происходящих в человеческом сознании. Исследователи сошлись во мнении, что образ – это универсальный способ познания окружающей действительности, уникальный «сосуд» для хранения и передачи информации. И это первая ступень познания, с одной стороны, и вербализации помысленного – с другой. Предположительно, именно образы формируют наивную (донаучную) картину мира. Этим их роль не ограничивается. Формирование научной картины мира также невозможно без участия образов, раскрывающихся в абстрактных, отвлеченных понятиях и подобных им. Особую роль здесь приобретает язык, поскольку именно он решает задачу материализации образов.

В процессе изучения концепта как языкового, психологического, социального феномена исследователи разработали различные теории, раскрывающие его структуру, этапы объективации в языке, их объединяет убежденность в том, что образ и концепт – понятия иерархически связанные.

Многие ученые, среди которых В.В. Колесов, Ю.С. Степанов, Л.А. Шестак, Н.Ф. Алефиренко, утверждают, что первичное воплощение концепта происходит в образе. Очень наглядна и убедительна в этом плане теория В.В. Колесова, где определяется не только внешняя проявленность концепта в слове, но и устанавливаются условные хронологические рамки этапов его развития. Ученый, анализируя концепт как феномен Бытия, определяет в его «жизни» четыре этапа. Первый этап – «концепт данной культуры» вербализуется в «психологически представленном образе», который имеет денотативное значение и десигнат, но не представлен референтом. Подобные образы чаще всего встречаются в искусстве и народном творчестве: например, русалка, леший или созданные воображением художника какие-либо фантастические персонажи, однако это может быть и нечто реально существующее в природе бытия, но до какого-то определенного момента не наделенное именем в данной культуре.

ре. З. Попова, И. Стернин называют их «концептуальные лакуны»).

Следующим этапом в материальном развитии «концептуума» (термин В.В. Колесова) становится постепенное оформление образа как понятия, то есть образ приращивает референт. Как следствие, концепт фиксируется в лексических единицах, которые, в свою очередь, фиксируются лексикографами и получают должное толкование в словарях. Этот процесс многоступенчатый и довольно длительный. Интересные наблюдения по этому поводу были сделаны А.А.Потебней. В своих трудах он развивал идею о связи и взаимовлиянии языка и сознания, слова и мысли. И считал, что «на слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли», потому что именно слово служит «средством к ее созданию», более того «оно вынуждается работой мысли – служить необходимым для самого мыслящего средством создания мысли из новых восприятий и при помощи прежде воспринятого». «Слово, – продолжает ученый, – не есть внешняя прибавка к готовой уже в человеческой голове идее ... оно есть ... средство создавать ... идею» (Потебня, 1976: 311). Таким образом, слово суть «средство создания мысли», с одной стороны, а с другой – средство познания человеком самого себя и окружающего его мира: «Чтобы уловить свои душевные движения, – рассуждает Потебня, – чтобы осмысливать свои внешние восприятия, человек должен каждое из них объективировать в слове и слово это привести в связь с другими словами» (Потебня, 1976: 171). В результате констатируется наряду с «внешней» «внутренней формой» слова как «ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» (Потебня, 1976: 320), «каким в существующем слове представлено прежнее слово, от которого произошло данное» (Потебня, 1976: 355). А наряду с «ближайшим значением» во внутренней форме слова существует также «далнейшее значение». И если «ближайшее значение» определяется как «народное», общезвестное, «общесловарное значение» (термин Л.В.Щербы) слова, то «далнейшее» значение формируется на его наполненности личностным употреблением, соответственно с эмоциональными, чувственными, научно–познавательными и прочими признаками. Как Щерба, так и Потебня видели одной из приоритетных задач языкоznания своего времени изучение именно «ближайшего значения» слова, которое в дальнейшем получит статус лексического. Но для современной лингвистики несравненно больший

интерес представляет «далнейшее значение». Теперь оно определяется как «психолингвистическое значение слова» или «психологически реальное значение» для носителей языка (Попова, 2007: 86), и в значительной степени служит объективации концепта. Л.В.Щерба этот вариант существования слова в сознании определял как «энциклопедическое значение», в котором мы сегодня видим все признаки понятия.

Показательны в этом смысле и исследования академика В.В. Виноградова. Как отмечает В.В. Колесов, «Виноградов материализовал идеальную форму и представил ее как знак; например, он соединил семантику внутренней формы (корня слова) с лексемой в целом, тем самым придавая «внутренней форме» суперсегментный характер. Внутренняя форма превратилась в материально-идеальный компонент структуры слова, что сближает ее с понятием «концепта» в работах современных семасиологов ... Для нас важно, что именно с внутренней формой слова В. Виноградов связывал когнитивную функцию языка («толкование действительности», по выражению А. Потебни), то есть признавал за концептом статус гносеологически важного средства познания» (Колесов, 1992: 30). Таким образом, внутренняя форма слова, или значение слова как способ познания действительности становится объективной номинализацией концепта. Однако при всей их природной схожести категорически нельзя уравнивать между собой концепт и внутреннюю форму, проявленную в лексическом значении слова («ближайшее значение») и понятии («далнейшее значение»).

Дальнейшее развитие концепта связано с мифологизацией, т.е. развитие культуры приводит к созданию символа на базе понятия.

Безусловно, вербализация концепта в языке сугубо диахронична. Каждый этап – это значительный отрезок истории культуры данного народа. И для того чтобы четвертый этап вступил в законные права, а материализованный в символе концепт вернулся в исходное состояние «чистого бытия», необходимо, чтобы появились новые знания о мире, произошло переосмысление системы ценностей, общественного устройства, мироздания. Иными словами необходима культурная революция в обществе (Колесов, 1992: 35).

Подобные взгляды на многослойную, повременную вербализацию концепта постулируют многие современные исследователи. «Концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному актуальны для

людей данной культуры» (Попова, 2007: 45). И практически везде образ представляется первичной формой воплощения концепта «в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой он становится явлением, приобретает определенное семиотическое воплощение» (Алефиренко, 2003: 83).

Общепризнан факт зависимости концепта в процессе его вербализации от образа. Здесь следует обратить внимание, однако, и на способ создания образа и условия его существования.

Многие современные исследования посвящены подробному анализу уже закрепившихся за лексемами концептов, например, работы А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой и группы «Логического анализа языка» по изучению русских культурных концептов *Тоска*, *Хандра*, *Любовь* и др. Но не меньший интерес для познания природы концепта представляет собой непосредственно процесс объективации Логоса, концептуума в какой-либо единице языка и в сознании человека определенного типа культуры. Слово (мы говорим о русском языке) в качестве материальной оболочки концепта не менее интересно как предмет исследования, чем сам концепт. Здесь мы вновь возвращаемся к идеям, высказанным А.А. Потебней, Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым, В.В. Колесовым. В большинстве своем лексемы, имеющие отношение к вечным аспектам бытия, как то: Образ, Человек, Любовь, Мир и т.п., даже с развитием научно-технического, гуманитарного прогресса не устаревают, но как бы раскрывают доселе скрытый в них лексический, смысловой потенциал, или новые грани образа.

И в этом смысле чрезвычайно важной задачей становится отследить процесс вербализации концепта на начальной стадии, т.е. через формирование образа.

Представители лингвопоэтики, литературоведения, герменевтики и других смежных с языкоznанием наук утверждают, что создание образа невозможно без контекста. Поскольку первичная содержательная форма концептуума – образ – извлекается из контекста, лучшего, более профессионального способа создать какой-

либо образ, чем художественное произведение, сложно предположить.

Художественный текст как один из способов изложения новой идеи, образа представляется действительно отличным проводником и репрезентантом концептуального первосмысла, поскольку содержательная форма концептуума – образ – извлекается из образного контекста. Эту взаимозависимость ощущал В.Г. Белинский, гениальный литературный критик. Он определял главным индикатором силы таланта поэта и писателя как раз умение создавать образы: «Кто не одарен творческою фантазиею, способностью превращать идеи в образы, мыслить, рассуждать и чувствовать образами, тому не помогут сделаться поэтами ни ум, ни чувство, ни сила убеждений и верований» (Алефиренко, 2003: 83). В свою очередь В.В. Виноградов, В.В. Колесов, Б.А. Ларин и другие лингвисты также неоднократно подчеркивали важность силы таланта художника, интуиции поэта и философа, которые способны осознать и выразить адекватное концепту представление, так как исходным моментом экспликации концепта в словесной форме является именно образное представление, или, по выражению В.В. Виноградова, «первонаучальное представление», образы, которые в дальнейшем лишь укрепляются, обретя максимальное воплощение, подкрепленное Словом. Так определяется еще одна точка соприкосновения и взаимопроникновения языкоznания и литературоведения, психологии, философии, эстетики и поэтики.

Итак, как философская научная категория образ синтетичен, следовательно, равноценен для различных парадигм знания, в том числе лингвистики и литературоведения. С одной стороны, он объединяет в себе разные чувственно воспринимаемые аспекты объекта. С другой стороны, уже обладая формой, образ включает все возможные выводимые из нее или ассоциируемые с ней содержательные характеристики, а «содержательность» образа позволяет искать в нем истоки и предпосылки для развития семиотических концептов.

Литература

- 1 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Отв. ред. Н.Ю Шведова. – Москва: Азбуковник, 2008. – 1175 с.
- 2 Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
- 3 Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2. Выпуск 3. – 1992. – №16. – С. 30-39

- 4 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. – Москва: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
- 5 Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – Москва: Искусство, 1976. – 616 с.
- 6 Эстетика: Словарь/ Абрамов А.И. и др.; Под общ. ред. А.А. Беляева. – Москва: Политиздат, 1989. – 445 с.

References

1. Abramov A.I., Belyaev A.A. (1989) .Estetika.Slovar' [Esthetics: dictionary] Moskva:Politizdat, 445 (In Russian)
2. Alefirenko N.F. (2003). Problemy verbalizatsii kontsepta: Teoreticheskoe issledovanie. [Problems of verbalization of the concept: Theoretical study]. Volgograd: Peremena ,96. (In Russian)
3. Kolesov V.V. (1992). Kontsept kul'tury: obraz – ponyatie – simvol. [The concept of culture: the image – the concept – the symbol]. Sankt-Peterburg. 30-39. (In Russian)
4. Popova Z.D.(2007). Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. Uchebnoe posobie [Cognitive Linguistics] Moskva:Vostok- Zapad, 314.(In Russian)
5. Potebnya A.A. (1976). Estetikaipoetika. [Esthetics and poetics.] Moskva: Isskustvo, 616. (In Russian)
6. Shvedova N.YU. (2008). Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov. [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words] Moskva: Azbukovnik 1175. (In Russian)

Sansyzbayeva S.¹, Smatayev N.²,

¹PhD, A/Professor, ²Master of Philology, Assisting teacher
of al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: sksansyzbaeva@gmail.com, nurmukhammed.smatayev@gmail.com

ADDITIONAL NOMINATION OF ZOO-VERBS IN RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES

The main subject of the article is the questions of education and semantics of zoomorphic verbs in Russian and Kazakh languages. The problems related to the national and cultural peculiarities, and word-forming features of verbs formed from zoomorphisms in Russian and Kazakh languages are to be examined in the article. The study showed that many Russian zoomorphic verbs belong to the number of poly-semantic units and have this variety in the sphere of portable metaphorical meanings. The article indicates the fact that Russian verbs derived from animal names are more often a characteristic of a person's behavior, his actions, while Kazakh zoo-verbs can characterize not only the behavioral abilities of a person, but also his external data. The article contains lexicographic data from various dictionaries of Russian and Kazakh languages. The results of lexicographical data help to identify the most frequent problems associated with the issues of national and cultural specifics of these lexical units.

Key words: metaphorical nomination, zoomorphic verbs, linguistic picture of the world, animal names, comparative approach

Сансызбаева С.К.¹, Сматаев Н.К.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

¹Доценті, ф. ғ. к., ²окытушысы, филология магистрі, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: sksansyzbaeva@gmail.com, nurmukhammed.smatayev@gmail.com

Орыс және қазақ тілдеріндегі зооморфтық етістіктердің қосалқы номинациясы

Мақалада орыс және қазақ тілдеріндегі зооморфтық етістіктерінің құрылу және семантикалық ерекшеліктерінің пайда болу мәселелері орын алады. Мақалада орыс және қазақ тілдеріндегі зооморфизмдерден туындаған етістіктердің сөзжасамдық ерекшеліктері және ұлттық-мәдени өзгешеліктеріне байланысты мәселелер қарастырылады. Зерттеу негізінде орыс тіліндегі зооморфтық етістіктердің көбісі полисеманттардың (көп мағыналы сөздердің) құрамына жататыны, олардың семантикасында аудиспалы және метафоралық мағынаналары өрісінің кеңдігі жайлы түйін пайда болды. Сонымен қатар, мақалада орыс тіліндегі жануарлар атауынан туындаған етістіктердің адамның іс-әрекетін көбіне сипаттайтыны, қазақ тілінде адамның тек қана әдетіне ғана тоқталмай, оның сыртқы бейнесін де көрсететіне назар аударылды. Мақалада автор орыс және қазақ тілдеріндегі лексикографиялық мәліметтеріне сүйенген. Орыс және қазақ тілдеріндегі сөздіктердің мәліметтері осы лексикалық бірліктерінің ұлттық-мәдени ерекшеліктеріне байланысты кездесетін көптеген сұрақтарын айқындаиды.

Түйін сөздер: метафоралық номинация, зооморфтық етістіктер, әлемнің тілідік бейнесі, жануарлар атауы

Сансызбаева С.К.¹, Сматаев Н.К.²

¹к. ф. н. доцент, ²магистр филологии, ассистент преподавателя
Казахского национального университета им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: sksansyzbaeva@gmail.com, nurmukhammed.smatayev@gmail.com

Вопросы вторичной номинации зооглаголов русского и казахского языков

Предметом рассмотрения в статье являются вопросы образования и семантики зооморфических глаголов русского и казахского языков. В статье рассмотрены проблемы, связанные с национально-культурной спецификой и словообразовательными особенностями глаголов, образованных от зооморфизмов русского и казахского языков. Исследование показало, что многие русские зооморфические глаголы относятся к числу полисемантов, обладают разнообразием сем в сфере переносных, метафорических значений. В статье обозначается факт, что русские глаголы, производные от названий животных, чаще всего, являются характеристикой поведения человека, его поступков, в то время, как казахские зооглаголы могут характеризовать не только поведенческие способности человека, но и его внешние данные. В статье приводятся лексикографические данные из различных словарей русского и казахского языков. Результаты лексикографических данных помогают выявить наиболее частые проблемы, связанные с вопросами национально-культурной специфики данных лексических единиц.

Ключевые слова: метафорическая номинация, зооморфические глаголы, языковая картина мира, названия животных

Introduction

As is known, in nominations that have arisen due to a rethinking of ready-made linguistic units, the word appears in a secondary function for it. To zoomorphic verbs are those linguistic units that are used in a figurative, metaphorical sense, respectively, they belong to the area of secondary nomination.

Many researchers are inclined to believe that in the theory of nomination, mono-semantic and poly-semantic phenomena are of great importance. Thus, the Russian zoomorphic verb *ишачить* (work like a donkey), on the one hand, can be characterized as mono-semantic, since it concretizes the notion of «work»; on the other hand, the same zoo-verb can be regarded as a way of expressing additional information: *ишачить* is not just «to work» but «work hard», «resignedly», «tense», etc.

As the analysis of factual material shows, many Russian zoomorphic verbs are among the poly-semantic, have this variety in the sphere of portable, metaphorical meanings. However, being derived from zoomorphic nouns, many of them are formed most often on the basis of only one proper lexical sema. Thus, the Russian zoo-verb *крыситься* (to act like a rat) represent only the first interpretation of "rat" zoomorphism (compare.: rat – 1. «evil, mean man», 2. «bureaucrat» – clerical rat, 3. «thief» – port rat, etc.) , as a result of which rats mean «angry, angry». Similarly, from the two sema-morphisms, the ass «stubborn», «stupid» only the second turned out to be the dominant one and entered the semantic structure of the zoomorphic verb – «stupid, unsuccessfully sharp».

Experiment

There are a number of zoomorphic nouns of the Russian and Kazakh languages, in the derivational nests of which there are no corresponding verbal forms, for example: *осетр* (salmon), *крокодил* (crocodile), *боров* (male pig), *индюк* (turkey) etc. in Russian. And in Kazakh *қарлығас* (a swallow), *сұңқар* (a screech), *доңыз* (a pig), *мысық* (a cat), etc. in Kazakh, as well as idioms, such as: *вертеться как белка в колесе* (literally – spinning like a squirrel in a wheel), *порхать как бабочка* (literally – flutter like a butterfly), *уставиться как баран на новые ворота* (literally – staring like a ram on a new gate), *как баран на воду* (literally – like a ram on water) do not have their verbal equivalent in Russian, unlike phraseology like a *собаку съесть на чем либо* (to eat a dog on anything) that can be replaced zoomorphic a noun verb (Abakumova, 1994: 94).

In Russian, there are also a number of colloquial, petty zoo-verbs, probably formed on the basis of comparative constructions, such as *растолстеть как корова*, *как кабан – раскороветь, раскабанить* (literally, to grow fat like a cow, like boar – to become like a cow, boar), etc. It should be noted that these zoomorphic verbs lack a non-fictitious form.

The formation of zoomorphic verbs occurs, in our opinion, in a logical sequence from direct nomination to secondary (indirect), for example, a straight (*лиса*, a fox as an animal) and indirect (*лиса*, as an cunning); the latter in external form is divided into folded (*лисить*, literally – act like a fox) and unfolded (*прикидываться лисой*, literally – pre-

tend to be a fox). In the Kazakh language, the direct (*тұлқи* (a fox) – animal), indirect (*тұлқи*, a fox as an cunning): folded (*тұлқілену*) and deployed (*тұлқи бұланға салу*, literally – enact fox's trick), which can be represented schematically as follows.

The dominant number of Russian zoomorphic verbs is characterized by negative appraisal, negative connotation. Thus, the semantic field of Russian-language zoo-verb with a common component of the *собака* (dog) is the most vivid example of the expression of negative connotative features. Zoomorphism the dog characterizes a scoundrel, a nasty, unruly, greedy, greedy person (Stepanov, 1997: 679). These connotative signs were also reflected in zoomorphic verbs, *собачить*, *собачиться* in the sense of «scolding, reviling», «quarreling, and scolding». More detailed interpretation of this kinomorphic verb was in the «Explanatory dictionary of the living great Russian language» by V. Dahl: «*Собачить* (fool around like a dog), *шалить* (be naughty), *дурить* (to fool), *пакостить* (to foul), *портить что изъ шалости кого* (to spoil by foolishness), *бранить* (to scold), *ругать* (to berate), *поносить* (to revile)». In the negative function, the following verbs are also used: *присобачить* with the meaning «to do smth. hastily, somehow, «*кобенить*», meaning: 1. «crunch, cramp» , 2. «drag on yourself, carry that cumbersome, heavy», 3. «scourge, cast a malicious spells».

Verbs *кобениться*, *выкобениваться* usually used in meanings: the first – «to be obstinate, not agreeing to anything, forcing someone to beg, to be haughty, etc.», the second meaning of the verb is obsolete in the Russian language – «to make unnatural gestures, grimaces, to curl, to break down». The obsolete form of these verbs derived from the metaphor of *nec – psimъ* (to act like a dog), *psовать* (frequently to act like a dog), etc., have a negative connotative meaning: «scolding, scolding», the values of these zoo-verbs in dialectal use «spoil, ruin, harass, jabber, gossip» are fixed by V. Dahl.

The only zoo-verb, derived from the name of an animal *собака* – *насобачиться* – can be used in a neutral-positive function «to learn something» thoroughly, thoroughly, to acquire an experience in smth. ». As we know, a certain use of linguistic units, their semantics often find motivation in the history, daily and cultural traditions of a particular linguistic community. Thus, Uspensky points out: «The perception of a dog as an unclean animal causes a special prohibition to use it as food; there is even a words saying to eat animal died in the dog hunt; it is believed that if a child eats a piece of bread, sniffed by a dog, he will fall ill with a disease called «dog

old age». Hence the expression of a *собаку съесть на чем или на что* (literally – eat a dog) can be explained on what or what «to learn to a subtlety any science, skill, etc. » (Uspenskiy B, 1996: 73), which is equivalent to the expression *собаку съесть на чем или на что* on what or what a kinomorphic verb *насобачиться*.

Kazakh kinomorphic verbs, derived from the word *um*, are represented by a whole series of word-forming derivates. On the basis of Kazakhs' ideas, as already noted in the previous section, the metaphor of a *собака* (dog) has, mainly, negative connotative meanings, which is undoubtedly reflected in the semantics of the derivatives of kinomorphic verbs. Thus, in lexicographical sources, the verbs derived from the kinomorphing of *um* are fixed on the following meanings: *иммену* (literally – to became a dog) means «to become extremely shameless, to deserve mistrust and disrespect»; *ummecy* (to act like a dog) is used in the sense of «enmity». Following zoo-verb, *итшилеу* (literally – to passively act like a dog in hard circumstances) stands for «experiencing difficulties, deprivations, adversities». close to it in meaning is the kinomorphic verb *итырықтау* «get tired to exhaustion»; *итекметей* means «walking with an ugly gait»; verbs *итину*, *итарышылану* have the meaning of «beg, poke, sycophant». It should be noted that Kazakh kinomorphic verbs in the semantic plan are presented more widely.

Zoo-verb *обезьянничать* (literally – to act like a monkey) is the most commonly used in the Russian language and its definition is well known: «blindly imitate someone, adopt someone's behavior, and copy someone». Interesting and exhaustive in this regard is the characterization of V. Dahl, who points out: «By adaptation and playing of the monkey, so is the man who is stupid and stupidly unstable, or are keen on jerks, writhes, breaks, twists can be tagged».

In the semantic field with the meaning of imitation in the Russian language, along with the zoomorphic verb of *обезьянничать*, you can include the verb *ногайничать* (to act like a parrot) with metaphorical meanings: «to repeat other people's thoughts, words, to be a parrot» and even «to be like a monkey, adopt and chatting in vain».

It should be noted that for Kazakhs, due to various extra linguistic factors, many animal images were especially attractive, which, undoubtedly, was reflected in the language, in figurative linguistic units – metaphors. Certain zoomorphisms served as an appeal to children in the Kazakh language, which, naturally, was also characteristic of the Russian language (for example, Russian *чижик* (siskin),

рыбка (fish), *ласточка* (swallow) etc.), but this nominative class of nouns of the Kazakh language has derivational variants – zoo-verbs. Thus, zoo-verb *құлышынды*, descended from the nomination *құлышын* (my cade), has the connotative meaning of «loving, nurse, caressing (the child)», sometimes this zoo-verb acts in the sense of «wailing for the deceased child».

Russian verbs derived from animal names, most often, are characteristics of a person's behavior, his actions. Thus, the verb *жеребячиться* (literally – frolicking horse) expresses the meaning of «light-mindedly, without restraining frolic, naughty» where the basis for the zoomorphic verb is the identity of the behavior of the young horses with the behavior of frolicking people. The verb *свинячить* is used in the sense of «behaving like a pig, doing something, leaving behind mud, mess, pollute somewhere, spoiling». In the same way, the out-of-date form of the verb *павлиниться* (literally – peacocking) has the meaning «take an arrogant, arrogant appearance; be proud of, brag about»; the verb *ворониться* (to act like crow), which is used more often in the form of a perfect kind *проворониться*, acts in the sense of «being scattered, inattentive, inefficient». If the zoomorphism of the *ишаак* (donkey) in the Russian language, despite the negative connotation, has some indication of the ability to work (pay attentions to the word «ишаачить – to perform a hard, ungrateful job»), then only «dullness, stupidity» are related to the «zoological affinity» of the donkey – *осел* (semantically comes close to the word ass). Therefore, we can see definition of the word *ослить* (depress) – «to make silly, unsuccessful jokes» (Uspenskiy, 1996: 94).

Kazakh zoomorphic verbs can characterize both human behavior. For example: zoo-verb *арыстанышылау* with the meaning «to strive for something inaccessible»; *жолбарысышыну* – «to be brave, pretend to be brave (in this example, there is an ironic assessment when characterizing a person)», zoo-verb *кіркесмену*, derived from the name of the animal *кірекей* (she-bear), means «behaving like a bear, trying to seem terrible (about a woman)», and external data: gait, physical. For example, zoo-verb *сирышилау* stands for «getting up with difficulty»; *қазаңдау* means «walking, quickly moving with your feet, hopping», the zoo-verb *борсылдау* has the meaning of «breathing loud, hard, quickly tired etc.».

Results and discussion

As is known, the semantics of zoomorphic verbs is based on one of the properties, qualities, attri-

butes, characteristics characteristic of the animal from whose name the verb was formed. So, a striking example of the identity of the behavior of an animal with human behavior is the zoomorphic verb *ежисься* (literally – to act like a hedgehog), based on empirical observation of people over a hedgehog, which turns into a ball, seeing or feeling danger, instinctively defending itself. Therefore, *ежисься* means «to shake all over (from cold, illness, etc.)»; as well as «be embarrassed, be embarrassed; be indecisive, hesitate». The Kazakh zoomorphic verb *кірпілену* characterizes a person who is dissatisfied, angry and aggressively reacting to others who do not want to answer questions that behave extremely cautiously; the projection here, apparently, was carried out on the basis of the connotative value of the zoomorphism of the hedgehog – «prickly».

As mentioned above, zoomorphic verbs of the Russian language are characterized mainly by negative connotations, rare zoomorphic verbs have positive connotative meanings, among which the verb *голубить* with the meaning of «caress, love, cherish» and return zoo-verb *голубиться* with the meaning «to be taken up, caressed; with whom, to be blessed, to fall in love, to be gentle. Hence, the use of a comparative construction cooing like doves.

Despite the fact that zoo-verb do not find an analogy in the Kazakh language, which is apparently due to the cultural traditions of the peoples, a number of zoo-verbs with a positive connotation are represented in the Kazakh language. Thus, the verb *жсанаттанау*, Derived from the name of the animal *жсанат* (raccoon), stands in the sense of «blossom, get prettier»; zoo-verb to *құндыздаду* has a meaning similar to the value of the previous zoo-verb *жсанаттанау*, which can only be supplemented with signs «to shine, to dazzle with beauty». That is completely incomparable with the connotation of the Russian zoomorphic verb derived from the *выдра* (otter) – *выдроглазить* (literally – to look naughty).

The majority of zoomorphic verbs, as analysis shows, correlate with comparative idioms. For example, *работать как ишаак* (literally – work as a donkey) – *ишаачить* (to act like a donkey), *подражать как обезьяна* (to mimic like a monkey) – *обезъянничать* (to act like a monkey).

Similar examples from the Kazakh language: *маймылдай бұралаңдау* (literally – wriggle like a monkey) – *маймылдану* (literally – to act like a monkey), *итиш салпақтай* (literally – walk around like a dog) – *итшилдеу* (literally – to act like a dog), *сиырдай қозғалу* (literally – to move like a cow) – *сирышилау* (literally – to act like a cow).

The history of the meaning of zoomorphic verbs is closely connected with the history of the functioning of word combinations, especially phraseological idioms: the word can arise because of the breakdown of phraseological turnover, or, on the contrary, the word appears as a result of the curtailment of phraseological idiom. For example, *извиваться змеей* (literally – wriggle like a snake) – *змеиться* (literally – to become a snake). Another important feature of zoomorphic verbs is that they constantly replenish synonymous series. The semantic structure of zoomorphic verbs is implied not just by a verb with a more general, broad meaning in accordance with the semantic criterion, but also by a verb-dominant of the synonymous series. Therefore, synonymous

dictionaries fix zoomorphic verbs. For example, according to the dictionary of synonyms Aleksandrova's, synonymous with verbs *trash*, *mess* is a zoo-verbs *свинять* (literally – to act like a pig); *frown*, *scowl*, *frown* – *набычиться* (literally – to become a bull); to *descend*, *to run wild*, *to grind* – *оскотиниться* (literally – to become a bitter), etc.

The conclusion

Thus, zoomorphic verbs of Russian and Kazakh languages are the units of secondary nomination and generally are collocated with background knowledge of native speakers in Russian and Kazakh languages.

References

- 1 Abakumova O.B. (1994) Semantika otyimennogo glagola: na materiale glagolnyih proizvodnyih ot nazvaniy zhivotnyih v russkom i angliyskom yazyikah. [Semantic of nominated verbs: based on the names taken from animalistic feature words in Russian and English] Diss. kand. filol. nauk. (Dissertation for PhD) Orel, 1994. 174 s.
- 2 Stepanov Yu.S. (1997) Konstantyi. Slovar russkoy kultury. Opyit issledovaniya. [Wordbook of Russian culture. Experience of research] M.: Shkola «Yazyiki russkoy kultury», 1997. 824 s.
- 3 Uspenskiy B. (1996) Mifologicheskiy aspekt russkoy ekspressivnoy frazeologii [Mythological aspects of the Russian expressive phraseology] Uspenskiy B. Yazyik i kultura [Language and culture]. M., 1996. S. 103-119.

Туманова А.Б.¹, Зуева Н.Ю.², Григорьева И.В.³,

¹д. ф. н. профессор, ²к. ф. н. доцент, ³докторант PhD

Казахского национального университета им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: a.tumanova@inbox.ru; nataliazueva@rambler.ru; grigorjevai@mail.ru

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС»

Статья посвящена проблеме определения сути термина «художественный дискурс» в современной лингвистической науке. В ней представлен краткий обзор научной литературы по интерпретации основных понятий дискурс, текст, речь, помогающий авторам выразить к ним свое отношение и понимание. В процессе настоящего исследования выявлена потенциальная возможность толковать понятие художественный дискурс не только с помощью понятий текст, художественный текст, но и посредством установления соотношения данного термина с термином «творческий контекст». Объектом для исследования послужили труды зарубежных, российских и казахстанских ученых по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: художественный дискурс, текст, художественный текст, контекст, творческий контекст.

Tumanova A.B.¹, Zueva N.YU.², Grigoryeva I.V.³,

¹DSc, Professor, ²PhD, A/Professor, ³PhD doctoral of Kazakh National University Al-Farabi, Kazakhstan, Almaty, e-mail: a.tumanova@inbox.ru; nataliazueva@rambler.ru; grigorjevai@mail.ru

To the question of the determination of term «art discourse»

Article is devoted to a problem of definition of an essence of the terms «discourse», «art discourse» in a cognitive-discourse paradigm of the language. In it the short review of scientific literature on interpretation of the basic concepts a discourse, text, speech, which help authors to express to them the relation and understanding is submitted. In the course of the real research potential opportunity to interpret concept an art discourse not only by means of concepts the text, the art text, but also by means of establishment of a ratio of this term with the term «creative context» is revealed. As object for research works of foreign, Russian and Kazakhstan scientists on the considered perspective served.

Key words: art discourse, text, art text, context, creative context.

Туманова А.Б.¹, Зуева Н.Ю.², Григорьева И.В.³,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

¹профессоры, ф. ғ. д., ²доценті, ф. ғ. к., ³PhD докторантты, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: a.tumanova@inbox.ru; nataliazueva@rambler.ru; grigorjevai@mail.ru

«Көркем дискурс» терминнің анықтау мәселесі

Бұл мақалада қазіргі лингвистикалық ғылымдағы «көркем дискурс» терминнің мәнін анықтау проблемасы қарастырылады. Онда түсіндіру негізгі ұғымдарды дискурс, мәтін, сөйлеу, қомектесетін авторларға білдіру, оларға өз қарым-қатынас және түсінуі ғылыми әдебиеттер бойынша қысқаша шолу ұсынылған. Осы зерттеудің барысында мәтіннің ұғымдардың қомегімен, әдеби мәтін, сонымен қатар мерзімі қарым-қатынас құру арқылы ғана емес, көркем дискурс тұжырымдамасын «шығармашылық контекст» түсіндіру әлеуеті анықталды. Зерттеу нысаны жоғарыда аталған мәселелер бойынша шетелдік, ресейлік және қазақстандық ғалымдардың еңбектерінде негізделген.

Түйін сөздер: көркем дискурс, мәтін, көркем мәтін, контекст, шығармашылық контекст.

Введение

В связи с изменениями научной парадигмы знаний в лингвистике конца XX и в начале XXI веков отмечается тенденция рассмотрения существующих языковых фактов с новой точки зрения, при этом, не отбрасывая принятые уже положения, определения, концепции или теории. В результате наблюдаются процесс интеграции научных направлений и появление междисциплинарных наук, таких, как лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика, лингвоантропология, этнолингвистика, прагмалингвистика и др. Частотно отмечается, что и терминология новых смежных наук формируется путем изменения первоначального значения термина, расширения или взаимоналожения семантики, или просто заимствования понятий и т.д. Такого рода изменения в конечном счете приводят к появлению многозначных единиц, к ним относится термин «дискурс», а также термин «художественный дискурс», определению сути которого посвящается данная статья.

Исследование вопроса

В лингвистической науке всегда считаются актуальными исследования ученых, посвященные ярким проявлениям языкового творчества, каковыми признано считать художественные тексты. В них наиболее ярко проявляется языковая личность писателя/поэта, его творческий контекст, индивидуально-авторский слог. В этой связи стиль писателя приравнивается понятию дискурс писателя. Если говорить о соотношении понятий дискурс и художественный дискурс, то с учетом вышеизложенного употребление словосочетаний «художественный текст» и «художественный дискурс» нами рассматривается как синонимичное. При этом в науке отмечается более широкий спектр смыслов, включаемых в понятие художественный дискурс. Далее на основе анализа научных трудов известных ученых по данной проблематике мы попытаемся это показать (И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский, Ю.Н. Караполов, Дейк ван Т.А., А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.В. Красных, С.Н. Покидышева, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин, Н.В. Кулибина, Н.А. Слюсарева, В.И. Тюпа, Х.Х. Махмудов, Б.М. Джилкибаев и др.).

Результаты и обсуждение

В научных исследованиях последних десятилетий данный термин все чаще используется при

описании системы взаимодействия «писатель – текст – читатель». Термин удобен тем, что он охватывает не только составляющие компоненты цепочки, но и экстралингвистические факторы, что собственно, и направляет внимание исследователя на понимание текста, созданного для читателя, как дискурса. Художественный текст – это многоплановое, метафорическое отражение действительности, его отличает прагматическая направленность, связанная с эстетической функцией – воздействием на читателя (см работы: Н.Д. Арутюновой, О.В. Абрамовой, А.В. Бондарко, В.В. Богданова, В.Г. Гак, Г.А. Золотовой, Е.И. Дибровой, Е.В. Падучевой, Б.А. Серебренникова, Е.Н. Ширяева, Т.В. Шмелевой и др.). Наблюдения показали, что художественный текст является инициатором смыслов, и декодирование этих смыслов возможно в процессе анализа дискурса, в пределах которого выявляются авторское миропонимание и мировосприятие, объективная и субъективная оценка изображаемого, внеtekstовые факторы.

В современной лингвистической науке отсутствует однозначность понимания художественного дискурса, нет и точного определения данному явлению, что способствует широкому пониманию в его применении. Одни ученые соотносят понятие художественный дискурс с языком/стилем того или иного писателя (художественный дискурс Ч. Айтматова, М. Шаханова, О. Сулейменова и др.). При этом часто под данным термином подразумеваются все произведения одного писателя как целое (О.Ф. Кучеренко и др.). Однако при такой трактовке термина «художественный дискурс» не принимается во внимание роль реципиента.

Ряд ученых подходит к трактовке данного термина с более широких позиций – рассмотрение совокупности художественных произведений в культурно-историческом аспекте (Ю.Н. Караполов, Дейк ван Т.А., А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.В. Красных, С.Н. Покидышева и др.). Так, художественный дискурс – «сложное иерархически организованное единство всей совокупности художественных текстов, находящихся в тесном и динамическом взаимодействии с различными вариантами их вербального или невербального выражения, включая множество экстралингвистических факторов, необходимых для успешной реализации этих текстов в данном культурно-историческом контексте» (Pokidysheva, 2015: www.krugosvet.ru). При таком понимании термина «художественный дискурс» в научных исследованиях пред-

усматривается главным образом анализ жанров художественных произведений.

Кроме того, в науке выделяется и узкое понимание художественного дискурса – дискурса, рождающегося в процессе чтения художественного произведения, представляющее собой индивидуально-авторское смысловое и структурное единство, адресованное читателю. По мнению Н.В. Кулибиной, дискурс – это «последовательный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального (а не мыслимого) читателя...» (Kýlibina, 2001: 57-64). А В.И. Тюпа считает, что автор художественного произведения является организатором художественного дискурса как коммуникативного события между автором и читателем. Исследователь вполне справедливо отмечает, что автор порождает виртуальную реальность воображаемого художественного мира, виртуальную фигуру автора-творца и виртуального адресата своего текста. Однако, нельзя согласиться с мнением ученого о том, что реальный же читатель должен обладать способностью актуализировать заложенный автором потенциал художественного текста, в противном случае коммуникативное событие (дискурс) не состоится (Тýура, 2002: 56). На наш взгляд, художественное произведение как неповторимое отражение объективной действительности, как феномен индивидуально-авторского мировидения, мировосприятия и создано художником слова с учетом потенциального читателя (а не конкретного, реального читателя), такого, каким он представляет его себе. А это все в целом и составляет неповторимый художественный дискурс того или иного писателя/поэта. Иными словами созданный писателем художественный дискурс – это творческий, живой процесс, который позволяет читателю представить себя в той или иной социальной позиции/ситуации, развивает чувство идентичности, создает эффект присутствия и т.п. Автор художественного произведения производит отбор тех языковых, паралингвистических, стилистических средств, которые, на его взгляд, наиболее полно отражают авторские мироощущения, представления, идеи, духовные ценности. Кроме того, невербальные элементы художественного дискурса являются важной и неотъемлемой его частью и выступают как равноправные составляющие художественного дискурса наряду с вербальными средствами, помогая воссоздавать реальную языковую картину (ситуацию) мира. А также следует отметить, с одной стороны, они помогают автору кодировать информацию об

эмоциональном состоянии героев произведения, а с другой стороны, помогают читателю декодировать эту информацию, воссоздавать объективную картину описываемого и др.

Талантливый писатель, изображая события реальной жизни, пропускает их через себя, через свое мировоззрение и тем самым представляет свое неординарное миропонимание, живой портрет эпохи. В таком понимании художественный дискурс, по мнению известного казахстанского ученого Х.Х. Махмудова, предстает как художественный контекст, в котором ярко проявляется природный дар художника слова в выборе особых приемов и методов обработки языкового материала, в распределении выразительных средств языка и создании оригинальной образно-речевой системы. Тогда подобный художественный дискурс признается «творческим контекстом» (Mahmýdov, 1989: 283). Понятие творческий контекст трактуется ученым как данное от природы (как лицо, как голос), как социально мотивированная стилистическая система писателя, как проявление творческого «лица» / личностного «вкуса», как «средоточие авторской индивидуальности» (Mahmýdov, 1989: 283; Djilkibaev, 1984: 3-12). Все это в целом вбирает в себя часто употребляемый и более современный термин «художественный дискурс». Описание синонимичного использования понятий творческий контекст и художественный дискурс выходит за рамки данной статьи (см монографию: Тýманова, 2010: 265).

Исследование содержания определений терминов «текст», «контекст», «художественный дискурс» показало, что происходит детерминологизация, в результате чего понятие контекст равняется понятию среда, и все указанные «контексты» не равняются с понятием текст. В целом это сближает понятие художественного контекста с понятием художественного дискурса, потому-то на функциональном уровне они в существенной степени совпадают. Это совпадение обусловлено идентичными чертами указанных сущностей: коммуникативная их природа (погруженность их в жизнь), когнитивная мотивированность речетворческой деятельности плюс творческое начало, особенно характерное для художественного процесса. Однако, на наш взгляд, и сами понятия творческий контекст и художественный дискурс есть отражение поступательного развития науки о языке в функциональной ее парадигме. Не случайно такая идентификация данных понятий предстает как дань разным этапам развития лингвистики, в первом случае свя-

занная с проблемами стилистики, во втором – с новыми течениями в когнитологии.

Заключение

Таким образом, проведенный краткий обзор научных исследований по вопросу определения термина «художественный дискурс» позволяет сделать вывод о том, что данный термин вос-

требован в современной лингвистике: с точки зрения функционального подхода он намного шире смысла термина «художественный текст»; он удобен с позиций pragmatики при рассмотрении семантической цепочки «писатель – произведение – читатель»; он является результатом различных междисциплинарных изысканий; он является показателем нового этапа развития лингвистики.

Литература

- 1 Покидышева С.Н. Когнитивная образность художественного дискурса: сопоставительный анализ когнитивных образов литературно-художественного текста и его киноадаптации // Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки. обращения 20.12.2015.
- 2 Кулибина Н.В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя // www.krugosvet.ru. 2001. (дата обращения 20.12.2015). □ С. 57-64.
3. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). – Тверь: Тверьский ун-т, 2002. □ 252 с.
- 4 Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи. □ Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. □ 283 с.
- 5 Джилкибаев Б.М. Стилистическая система и контекст автора // Исследование языкового мастерства писателя: Сборник научных трудов. □ Алма-Ата: КазГУ, 1984. □ С. 3-12.
- 6 Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира писателя-билингва. – Алматы, 2010. – 265 с.

References

- 1 Pokidysheva S.N. (2015). Kognitivnaja obraznost' hudozhestvennogo diskursa: sopostavitel'nyj analiz kognitivnyh obrazov literaturno-hudozhestvennogo teksta i ego kinoadaptacii [Cognitive figurativeness of an art discourse: comparative analysis of cognitive images of the literary and art text and its film adaptation] //www.krugosvet.ru. (date of the address 20.12.2017). (in Russian).
- 2 Kýlibina N.V. (2001). Hudozhestvennyj diskurs kak aktualizacija hudozhestvennogo teksta v soznanii chitatelja [Art discourse as updating of the art text in consciousness of thereader] //www.krugosvet.ru (date of the addresses 20.12.2017). P. 57-64. (in Russian).
- 3 Tiúpa V.I. (2002). Hudozhestvennyj diskurs (Vvedenie v teoriju literatury) [Art discourse (Introduction to the theory of literature)]. Tver. 252 p. (in Russian).
- 4 Mahmúdov H.H. (1989). Russko-kazahskie lingvostilisticheskie vzaimosvazi [Russian-Kazakh lingvostilistichesky interrelations]. Alma-Ata. 283 p. (in Russian).
- 5 Djilkibaev B.M. (1984). Stilisticheskaja sistema i kontekst avtora [Stylistic system and author's context] Research of language skill of the writer: Collection of scientific works. Alma-Ata. P. 3-12. (in Russian).
- 6 Týmanova A.B. (2010). Kontamirovannaja jazykovaja kartina mira pisatelja-bilingva [Contaminated language picture of the world of the bilingual writer]. Almaty. 265 p. (in Russian).

Утепова Р.И.¹, Туманова А.Б.²,

¹ст. преподаватель, ²д. ф. н. профессор

Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: roza_utepova69@mail.ru; a.tumanova@inbox.ru

АВТОРСКАЯ ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ В ПОЭТИКЕ О.СУЛЕЙМЕНОВА: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Данная статья посвящена сложному вопросу определения специфики поэтического творчества казахстанского поэта Олжаса Сuleйменова. В ней представлен краткий обзор научных трудов современного периода, посвященных выявлению авторской этимологизации в поэтике. В процессе настоящего исследования установлена потенциальная возможность считать авторскую этимологизацию О. Сuleйменова как особый показатель его поэтического текста. Объектом для исследования послужили исследования зарубежных, российских и казахстанских ученых, которые выбраны нами в качестве теоретической основы для дальнейших изысканий по рассматриваемой проблематике. Использованы методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный.

Ключевые слова: авторская этимологизация, внутренняя форма слова, поэтический текст, двуязычие.

Утепова Р.И.¹, Туманова А.Б.²,

¹senior lecturer, ²DSc, Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: roza_utepova69@mail.ru; a.tumanova@inbox.ru

Author's etymologization in the poetics of O. Suleimenov: to the theory of the question

This article is devoted to the complex issue of defining the specific nature of the poetry of the Kazakh poet OlzhasSuleimenov. It provides a brief overview of scientific works of the modern period devoted to the identification of author etymologization in poetics. In the process of this study, a potential opportunity to consider the author etymologization of O. Suleimenov as a special indicator of his poetic text is revealed. The object of the study was the fundamental research of Russian and Kazakhstani scientists, which we selected as a theoretical basis for further research on the subject matter under consideration. Methods of analysis and synthesis, comparative and descriptive are used.

Key words: author etymologization, internal form of a word, poetic text, bilingualism

Утепова Р.И.¹, Туманова А.Б.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ¹аға оқытушысы, ²профессоры, ф. ғ. д.,
Казақстан, Алматы к., e-mail: roza_utepova69@mail.ru; a.tumanova@inbox.ru

О. Сүлейменовтің поэзиясындағы авторлық этиологиялану: мәселенің теориясына

Бұл мақала қазақ, ақыны Олжас Сuleйменов поэзиясының ерекшелігін анықтаудың күрделі мәселесіне арналған. Мақалада ақынның авторлық этиологиялануын анықтауға арналған қазіргі заманның ғылыми жұмыстарына қысқаша шолу берілген. Зерттеу барысында О.Сuleйменовтің авторлық этиологиялануын оның поэтикалық мәтінінің ерекше көрсеткіші ретінде қарастыру мүмкіндігі пайда болды. Зерттеу нысаны ретінде шетелдік, ресейлік және қазақстандық ғалымдардың іргелі зерттеулері негіз болды, олар біз қарастырылып отырған тақырып бойынша әрі қарай зерттеу үшін теориялық негіз ретінде көмекші құрал болып таңдалды. Таңдау және синтездеу, салыстырмалы және сипаттамалы әдістер қолданылады.

Түйін сөздер: автордың этиологиялануы, сөздің ішкі формасы, поэтикалық мәтін, қос тілділік.

Введение

Творчество выдающегося казахстанского русскоязычного поэта Олжаса Сулейменова всегда было и остается предметом пристального внимания и научного исследования. В фокусе предмета изучения оказывались и жанровые особенности произведений поэта, его ритма, специфика тематики и проявления неординарной языковой личности, индивидуально-авторские особенности поэтического слога, концепты и концептосфера автора, символы мифологии и др. В науке существует огромное количество работ, в которых представлен анализ произведений О. Сулейменова с самых разных позиций. Назовем фамилии некоторых российских и отечественных исследователей: Б. Слуцкий, Л. Мартынов, А. Вознесенский, Л. Аннинский, В. Кульчицкий, С. Марков, Р. Рождественский, Р. Казакова, М. Каноат, М. Карагаев, Х. Махмудов, А. Жовтис, Н. Ровенский, Р. Тамарина, М. Ауэзов, С. Куттықадам, С. Абдулло, Б. Канапьянов, Д. Накипов, К. Бузабагарова и многие другие.

О важной роли О. Сулейменовав литературе совершенно справедливо пишет известный таджикский ученый Сатторзода Абдунаби так: «Оставаясь плоть от плоти казахом, Олжас творит на русском языке, избрав тем самым свежий, непроторенный путь обогащения своей национальной культуры, литературы. Поэт мыслит на русском языке и тем самым привносит в него свое видение мира, все многовековые культурные традиции родного народа. Не утратив своей культуры, он обогащается другой. Не зря он пишет, «Ябываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!», «Я – сын двух миров!» (Сатторзода Абдунаби, 2016: 11).

Поэтическое творчество О. Сулейменова – благодатный очень ценный материал для дальнейших исследований, этим объясняется и наш выбор темы для изучения. В данной статье нашей целью является рассмотрение вопроса об авторской этимологизации на материале научных исследований и попытка обосновать мысль о том, что данный тип этимологизации является особым показателем поэтического текста Олжаса Сулейменова. В работе используются методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный.

Исследование вопроса

Известно, что стремление этимологизировать, то есть выводить значение одного слова из

другого/их, апеллируя при этом к своему языковому чутью или к объективным знаниям языка и культуры, присущие не только ученному-филологу, но и любому носителю языка. В этой связи этимологизация – это явление, которое имеет место как в обыденной речи, так и в языке художественной литературы, прежде всего в поэтической речи.

В современной науке можно условно выделить следующие типы этимологизации: историческая (объективная), произвольная (авторская) и смешанная (например, в философских сочинениях П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, С.Л. Франка).

Описанию явления поэтической этимологизации, авторской этимологизации посвящены работы А.А. Потебни, Г.О. Винокура, В.В. Кожинова, Р. Якобсон, В.П. Григорьева, О.И. Северской, В.Н. Топорова, Л.В. Зубовой, Л. Аннинский, Л. Мартынов, В.В. Владимиров, Е. Сидоров и др.

Традиционно в языке поэзии этимологизация тесно связана с такими смежными явлениями, как актуализация внутренней формы слова, словообразовательная мотивация, анаграмма, паронимическая аттракция. Однако, как известно, она не тождественна ни одному из них. Уточним содержание данных терминов.

Понятие «внутренняя форма слова», или «ближайшее этимологическое значение», введенное в свое время А.А. Потебней, было переосмыслено Г.О. Винокуром применительно к художественному языку как произведению искусства: «Смысл литературно-художественного произведения представляет собой известное соотношение между прямым значением слов, которыми оно написано, и самим содержанием. ... Хлеб в романе Толстого означает и то, что это слово означает всегда, и то, что оно означает в содержании романа, одновременно, и вот это и подчеркивается в обозначении этого слова термином «внутренняя форма» (Винокур, 1959: 247). Так, внутренняя форма слова в художественной речи – как раз то прямое значение этого слова, которое связывает между собой звуковую форму и специфическое, только в данном произведении искусства возникающее художественное значение.

В художественном языке «все стремится стать мотивированным со стороны своего значения. Здесь все полно внутреннего значения, и язык означает сам себя независимо от того, знаком каких вещей он служит. На этой почве объясняется столь характерная для языка искусства

рефлексия на слово. /.../ поэтическое слово в принципе есть рефлектирующее слово» (Винокур, 1959: 248). Но идея внутренней формы слова именно в понимании А.А. Потебни, по мнению В.В. Кожинова, все-таки оказывается очень перспективной в применении к искусству слова, особенно в тех случаях, когда поэтическое слово связано с этимологизацией. Разные способы поэтической этимологизации, оживления внутренней формы слова на основании лингвистического чутья или свободного, не претендующего на какую-либо достоверность лингвистического фантазирования, представляет собой частное, локальное явление, и это только один из способов получения образной энергии. Однако исследование поэтического языка Маяковского, Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама, Заблоцкого, Пастернака, Мартынова, Кирсанова и др. невозможно без широкого анализа этих явлений (Кожинов, 1965: 256).

Актуализация внутренней формы слова является обязательным компонентом этимологизации, но не любое оживление внутренней формы слова можно назвать этимологизацией. Так, для доказательства можно привести рассуждение по этому поводу Натальи Азаровой. «... Если сравнить два текста М.И. Цветаевой: а) «*Совсем ушел. Со всем – ушел.*» (Цветаева, 326); б) «*Рас – стояние: версты, мили... // Нас рас – ставили, рас – садили, // Чтобы тихо себя вели, // По двум разным концам земли*» (Цветаева, 285) – то очевидно, что лингвопоэтические приемы очень схожи. И в первом и во втором тексте имеет место актуализация внутренней формы слова, причем без произвольной пересегментации, в обоих случаях особое внимание уделяется дополнительной семантизации предлога, однако первый пример – это типичная этимологизация частично демотивированного слова, а во втором этимологизация не является задачей поэта, а скорее – обращается внимание именно на семантизацию словообразовательной структуры слова» (Азарова, 2007: 88).

Прием этимологизации может служить основанием для формирования понятия или построения целого текста, в частности поэтического текста. Например, в стихотворении Д. Хармса «Разрушение»: «*Неделя – вкрапление духа путь // Неделя – вешка знак семи. // Неделя – великанка дуля // Неделя – в буквах неделима // так неделимая неделя // для дела дни на доли делит /...//...//...* (в тексте статьи стихотворение приводится в неполном объеме). Как видим, этимологизирующееся понятие «неделя» является клю-

чевым в данном стихотворении. Все языковые единицы концентрируются вокруг него, определяя тем самым структуру всего стихотворения. Поэт открыто определяет реальную (языковую) этимологию в строчках «Неделя – в буквах – неделима». А далее, понятие «неделимой недели» подвергается разрушению при помощи целого ряда уже не языковых, а поэтических этимологий, демонстрирующих аналитический процесс интерпретации и создание концепта при помощи реализации максимально возможных этимологических валентностей слова («делит» и «делимость» трактуются как «дело», «дела», «длится», «долго»; доля, не-доля). Хармс показывает, что насильственный процесс деления на доли (воплощающийся через консонантную этимологизацию в непрерывном переразложении внутренней формы слова) – это процесс разумный, операциональный, рациональный: «*Видишь новая неделя // стала разумом делима*»(там же).

Для этимологизации Флоренского характерно чисто поэтическое отождествление слова и вещи. Отождествление слова с вещью находит у Флоренского выражение в органической метафоре: слово имеет плоть, плоть определяется этимоном, но кроме того слово имеет костяк, представленный артикуляцией звуков: «...если возьмем слово “береза”, то как внешний факт налична некоторая артикуляция и происходящие отсюда звуки б-е-р-е-з-а; это – костяк слова... Плоть этого слова определяется его этимоном – от корня бере...» (Азарова, 2007: 88).

Наблюдения показали, что актуализации внутренней формы слова в поэтическом тексте способствует авторская этимологизация, включающая подлинную этимологию, поэтическую, или мнимую, ложную этимологию, а также паронимическую аттракцию. «Существует как бы целая шкала этимологизаций: от прямой и непосредственной, до ... связывания очень далеких и даже не очень похожих слов» (Кожинов, 1965: 256).

Термин «ложная этимология» представлен в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой как «новое осмысление заимствованного или исконного слова, основанное на ошибочном понимании этимологического состава» (Ахманова, 1966: 529). В.В. Кожинов отличает ее от «народной этимологии», которая стремится к осмысливанию непонятных слов и приводит к изменению формы (Кожинов, 1965: 256).

Наиболее удачным применительно к художественному слову, видимо, можно считать термин «поэтическая этимология», введенный Г.О. Ви-

нокуром и зафиксированный в «Поэтическом словаре» А. Квятковского. По Квятковскому, поэтическая этимология – «это вид двойного или тройного параллелизма, когда поэт подбирает к первому члену сопоставления фонетически близкие слова, подчеркивая тем самым единство звуковой структуры стиха. Такой отбор аллитерируемых слов накладывает на стих особый ассоциативный отпечаток, отклоняющий порой мысль от прямого логического развития» (Квятковский, 1966: 222). Примерно также понимал поэтическую этимологию Р. Якобсон: «в современной поэзии, где на согласных сосредоточивается исключительное внимание, звуковые повторы ... освещаются часто поэтической этимологией» так что представление об основном значении связывается с повторяющимися комплексами согласных, а различающие гласные становятся как бы флексией основы, внося формальные значения либо словообразования, либо словоизменения» (Якобсон, 1987: 300). Данное явление Б.В. Томашевский называет «звуковой метафорой», а В.П. Григорьев «паронимической аттракцией».

В числе описываемых нами художественно-поэтических приемов, существует и намеренная этимологизация. Это, когда автор, не претендуя на подлинность этимологии, тем или иным способом эту этимологизацию подчеркивает, в отличие от паронимической аттракции, основанной именно на контекстуально-ассоциативных связях близкозвучных слов.

По мнению Л.В. Зубовой, под поэтической этимологией понимается намеренное переосмысление слова с опорой на его звуковую структуру, связанное савторским толкованием, а под паронимической аттракцией – прием контекстуального сближения близкозвучных слов с целью создания особых ассоциативных связей между ними (8, 1987, 16). В своем исследовании мы придерживаемся данных Л.В. Зубовой толкований понятий.

Результаты и обсуждение

Этимологизация в поэзии О. Сулейменова не сводится только к художественно-эстетическому использованию подлинной этимологии, восстановлению утраченных связей между словами. Наделение безобразного слова внутренней формой производится посредством поэтической, или ложной этимологии, паронимической аттракции.

Ученые отмечают отличительную черту поэзии О. Сулейменова как ярко выраженную

лингвистическую направленность, которая выражается в разнообразных приемах авторской этимологизации (Л.Аннинский, Л. Мартынов, В.В. Владимиров, Е. Сидоров и др.). Так, Л. Аннинский называет это «филологической мистификацией», Е. Сидоров – «изощренной игрой в семантику и звучания», «этимологическими упражнениями». Польский переводчик советской литературы А. Дравич говорит о «словесных странствиях путями Хлебникова». Имя В. Хлебникова в связи с творчеством О. Сулейменова упоминается и французским критиком Л. Робелем: «Сейчас мы наблюдаем обогащение форм письма на русском языке людьми, которые приходят «извне», из области нерусского языка. Если говорить о замечательных современных поэтах и прозаиках, пишущих по-русски, необходимо отметить Айтматова и Сулейменова, поэта поразительного, в некотором роде продолжателя Хлебникова» (Владимиров, 1980, 133-134) (цитируется по статье Владимира). По словам В. Владимира, у Сулейменова очевиден интерес к закреплению корневой природы ассоциации, этимологии слова; поэтически интерпретируя проблему развития знака, он активно пытается постигнуть тайный смысл слова – первобытный, еще необремененный многозначием (там же).

А вот что говорит по этому поводу сам О. Сулейменов: «Вспомним Пушкина, который сказал: объясните значение слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений. /.../ Язык есть объективное хранилище знаний о наших встречах, о взаимодействии этносов на историческом пути. Особенно меня интересуют взаимоотношения тюрко-славянских культурных миров» (Сулейменов).

Главные причины авторской этимологизации в поэзии – активизация образных средств, стремление к преодолению автоматизма речи, поиск «незамутненного смысла». Однако в поэтическом языке О. Сулейменова не менее значительным фактором обращения к этимологизации, по-видимому, явилось его двуязычие. Повышенное внимание к слову как характерная черта двуязычных индивидов отмечалась еще Л.В. Щербой: «соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, – как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, – естественным образом останавливает на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства. Это делает его, естественно, более восприимчивым к анализу и восприятию слова, произносимого и читаемого» (Щерба, 1957: 53).

Авторская этимологизация выражается в восстановлении подлинной этимологии, в поэтической этимологии и в паронимической аттракции как в одном из способов отражения картины мира поэта. Интересной в связи с этим представляется точка зрения некоторых ученых на связь этимологизации с мировидением языковой личности. Как считает Т.В. Цивьян, противопоставление научной и народной этимологии, как истинной и ложной, относительно. Если с точки зрения интереса к языковой истории и теории, максимальной исторической и хронологической глубины ценной является именно научная этимология, то с точки зрения мировидения предпочтительной может стать народная этимология, которая стремится к прояснению внутренней формы «темных» слов и удовлетворяется ближайшими семантическими сопоставлениями. Пока носитель традиции может объяснить происхождение лексемы, он поддерживает функционирование своей модели мира. Недаром сейчас народная этимология все шире включается на равных правах в лингвистические исследования широкого плана, предлагающие не только описание семантики или истории языка, но реконструкцию языкового сознания, характера языка, что, в конце концов, выводит и в другие области знания, связанные с представлениями человека о мире (Цивьян, 1990: 57).

Нередко такого рода этимология являются свернутым, зашифрованным смыслом обряда, магического действия, текста. То, что было бы без колебания отброшено научной этимологией, модель мира не только подбирает, но в некоторых случаях и предпочитает, – как раз потому, что тем самым язык теснее связывается со средой обитания.

Важной представляется мысль исследователя о том, что механизм семантической, языковой аттракции в этой связи может быть составлен с механизмом хранения информации в модели мира, в частности, с мифологизацией истории. Аналогия заключается в том, что вариации семантической мотивировки слова могут быть подчинены модели мира, заложены в ее систему. «Слово, проживая свою жизнь во времени и пространстве, неизбежно варьирует свои семантические связи, что отнюдь не противоречит стабильности и устойчивости модели мира. «Сигнификативная» интерпретация соответствующих лексем или реконструируемых на их основе фрагментов текста позволяет делать заключения не только о картине мира в соответствующей традиции, но и о менталитете ее но-

сителей. Последнее возвращает к идеи об интернациональности, «работе над моделью мира», подборе слов, «подходящих» под те или иные представления, т.е. соответствующих заданию. Это, в свою очередь, подтверждает предположение, что «самый первый этимон» мог быть выбран по той же семантической или иной аттракции, по которой сейчас действует классическая народная этимология. Тогда совпадение народной и научной этимологии, хотя бы в некоторой части, могут оказаться неслучайными» (Цивьян, 1990: 57).

Не отождествляя два разных явления: мифопоэтическое творчество народа и индивидуально-поэтическое творчество автора – можно все же отметить в них некоторую параллель.

Анализируя явления народной этимологии и этимологической магии как мифопоэтический прием, включающийся в сложную семантическую и поэтическую организацию целого текста, Н.И. Толстой и С.М. Толстая подчеркивают, что любое осознаваемое сходство на уровне формального языкового выражения становится знаком внутренней связи денотатов. Такое неразличение обусловлено особенностью народного языкового и мифологического сознания, в котором всякое внешнее сходство предполагает, подразумевает, сигнализирует внутреннюю связь и символическое тождество. В данном смысле сходство звучания свидетельствует об определенном тождестве смысла, а само соположение сходно звучащих слов в тексте актуализирует их символическую связь и возможность логического взаимодействия. Древнее мифопоэтическое сознание не только не упускает из виду этих затменных или стертых в языке связей, но и актуализирует, напрягает, или даже воскрешает их, нагружая дополнительной символической и магической функцией (Толстой, 1988: 252-262).

По мнению Н.И. Толстого и С.М. Толстой, то же происходит в поэтическом сознании и поэтическом языке. Различие состоит в том, что сближение в поэтическом тексте имеет эстетическую, а не магическую функцию и является актом индивидуального творчества; оно однократно, ограничено рамками одного текста и в принципе невоспроизводимо, тогда как в фольклорно-мифологическом тексте оно устойчиво, повторяется нередко даже в разных традициях. Сходство этимологической магии и поэтической этимологии ученые видят в том, что аттракции могут быть подвержены слова с отчетливой внутренней формой, этимологически прозрачные и имеющие очевидные словообразовательные и

семантические связи. Этимологическая магия, как и поэтическая этимология, принципиально допускает множественность этимологических истолкований и семантических притяжений слова (там же).

Выводы

Таким образом, авторская этимологизация ярко выражена в поэтике О.Сулейменова, об-

условленная активизацией образных средств, стремлением к преодолению автоматизма речи, поиском «незамутненного смысла», а также его двуязычием. Как народная этимология и этимологическая магия являются отражением мифо-поэтической модели мира, так и авторская этимологизация – один из способов (показателей) образного отражения картины мира автора, прошедшей сквозь призму художественно-эстетического восприятия.

Литература

- 1 Сатторзода Абдунаби. Творчество Олжаса Сулейменова и таджикское национальное самосознание // Сборник трудов, 2016. – 11 с.
- 2 Винокур Г.О. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1959. – 247 с.
- 3 Кожинов В.В. Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. – М., 2001. – 256 с.
- 4 Азарова Н. Этимологизация как конструктивный прием философских и поэтических текстов XX века//Преподаватель XXI века. – 2007. – №3. – С. 87-93.
- 5 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 529 с.
- 6 Квятковский А. Поэтический словарь. – М., 1966. – 222 с.
- 7 Якобсон Р.О. Работы по поэтике. Факсимile. – М., 1987. – 300 с.
- 8 Зубова Л.В. Языки современной поэзии. – М.: Новое литературное обозрение, 1987. – С. 16.
- 9 Владимиров В.В. Многоговорческое и литературное творчество. – М., 1980. – С. 134.
- 10 Сулейменов О. Интервью газете «Правда», 27.01.89.
- 11 Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 53.
- 12 Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М., 1990. – С. 57.
- 13 Толстой Н.И и Толстая С.М. Славянская этнолингвистика // Вопросы теории. – 1988. – 252 с.

References

- 1 Azarova N. (2007) Etimologizatsiya kak konstruktivnyy priyem filosofskikh i poeticheskikh tekstov KHKH veka. Prepodavatel' KHKH veka, [Etymologization as a constructive device of philosophical and poetic texts of the twentieth century. Teacher of the XXI century], 2007, №3. 87–93 p.(In Russian)
- 2 Akhmanova O.S. (1966) Slovar' lingvisticheskikh terminov. [Dictionary of linguistic terms] M., 1966. 529 p.(In Russian)
- 3 Yakobson R.O. (1987) Raboty po poetike. Faksimile. [Works on poetics. Facsimile] 1987. – 300 s. (In Russian)
- 4 Kozhinov V.V. (2001) Kak pishut stikhi. O zakonakh poeticheskogo tvorchestva. [How to write poetry. On the laws of poetic creativity] M., 2001. 256 p.(In Russian)
- 5 Kvyatkovskiy A.(1966) Poeticheskiy slovar'. [The Poetic Dictionary] M.,1966. 222 s.
- 6 Suleyimenov O. (1989) Interv'yu gazete «Pravda». [Interview to the newspaper «Pravda»] 27.01.89.
- 7 Shcherba L.V. (1957) Izbrannyye raboty po russkomu yazyku. [Selected works on the Russian language] M., 1957. 53 p.(In Russian)
- 8 Sattorzoda Abdunabi.(2016) Tvorchestvo Olzhasa Suleyimenova i tajik national'noye samosoznaniye [Olzhas Suleyimenov's creativity and Tajik national identity. Collected Works]. Sbornik trudov, 2016. 11 p. (In Russian)
- 9 Tsiv'yan T.V. (1990) Model' mira i yeye lingvisticheskiye osnovy. [The Model of the World and Its Linguistic Foundations]. 1990. 57 p. (In Russian)
- 10 Tolstoy N.I. i Tolstaya S.M. (1988) Slavyanskaya etnolinguistik. Voprosy teorii. [Slavic ethnolinguistics. Questions of theory]. 1988. 252 p. (In Russian)
- 11 Vladimirov V.V. (1980) Mnogoyazychiye i literaturnoye tvorchestvo. [Multilingualism and literary creation.] M., 1980. 134 p.(In Russian)
- 12 Vinokur G.O. (1959) M.: Shkola «YAzyki russkoy kul'tury». [School «Languages of Russian Culture».] 1959. 247 p.(In Russian)
- 13 Zubova L.V. (1987) YAzyki sovremennoy poezii. [Languages of modern poetry.] M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 1987. 16 p.(In Russian)

Рузиева Л.Т.,

Таджикский национальный университет,
Таджикистан, г. Душанбе, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРФОГРАФИИ
ТАДЖИКСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН
В РУССКОМ ТЕКСТЕ**

Статья посвящена вопросу орфографии таджикских собственных имен в русском тексте и русских собственных имен в таджикском тексте. Работа носит сопоставительный характер. В работе подробно анализируется написание таджикских собственных имен в русских текстах различных стилей и жанров, а также принятые в переводческом деле принципы и способы передачи имен собственных в принимающем языке. Особое место в статье уделено склонению собственных имен, что для автора имеет принципиальное значение. По мнению автора, следует различать употребление собственных имен в литературном языке и в языке юридическом, официальном. Одни собственные имена могут склоняться в литературном языке и оставаться без склонения в документах. Другие имена в строгом литературном стиле остаются без склонения, а в разговорном языке склоняются, что также проникает в литературный язык.

Ключевые слова: орфография собственных имен, способы передачи собственных имен, принимающий язык, русский текст, таджикский текст, сопоставительный анализ.

Rusiyeva L.T.,
Tajik national University, Tajikistan, Dushanbe,
e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

Some questions of spelling of the Tajik own names in the Russian text

The article is devoted to the issue of spelling of Tajik proper names in the Russian text and Russian proper names in the Tajik text. The work is of a comparative nature. The work analyzes in detail the writing of Tajik proper names in Russian texts of various styles and genres, as well as the principles and methods of translating the proper names in the receiving language. A special place in the article is given to the declension of own names, which for the author is of fundamental importance. In the author's opinion, one should distinguish between the use of proper names in the literary language and in the language of the legal, official language. Some proper names may be inclined in the literary language and remain without declension in the documents. Other names in strict literary style remain without declension, and in the colloquial language they tend to, which also penetrates into the literary language.

Key words: orthography of own names, ways of transferring own names, accepting language, Russian text, Tajik text, comparative analysis.

Рузиева Л.Т.,
Таджик ұлттық университеті, Тәжікстан, Душанбе,
e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

**Орыс мәтініндегі тәжік жалқы
есімдер орфографиясының негізгі мәселелері**

Мақалада тәжік тілінде орыс тіліндегі тиісті атаулардың жазылуы және тәжік мәтініндегі ресейлік атаулары туралы мәселе қарастырылған. Жұмыстың салыстырмалы сипаты бар. Жұмыста әртүрлі стильдер мен жанrlардың орыс тіліндегі мәтіндерінде тәжік тілінің дұрыс жазылуын, соңдай-ақ қабылдаушы тілдегі тиісті аттарды аударудың принциптері мен әдістерін егей-

тегжейлі талдайды. Мақаладағы ерекше орын автордың түбегейлі маңызы бар өз атауларының құлдырауына беріледі. Автордың пікірі бойынша, әдеби тілде және құқықтық, мемлекеттік тілдің тілінде тиісті атаулардың пайдаланылуын ажыраты білу керек. Кейбір жеке атаулар әдеби тілге бейімделіп, құжаттаудан бас тартуы мүмкін. Қатаң әдеби стильдегі басқа атаулар әдебиет тіліне еніп, олар әдеттегідей тілге түседі.

Түйін сөздер: жеке атаулардың орфографиясы, жеке атауларды аудару жолдары, тіл, орыс мәтіні, тәжік мәтіні, салыстырмалы талдау.

Введение

Вопросы орфографии таджикских названий, а, следовательно, и собственных имен, тесно связаны с особенностями передачи этих названий в русском языке.

В основу разработанных правил практической транскрипции собственных имен положен принцип наиболее близкой передачи их фонемного состава.

Эксперимент

В современном русском языке все собственные имена принято писать с прописной буквы. Итак, в современном таджикском языке 35 букв. Почти все буквы совпадают с русскими, но некоторые буквы произносятся по-разному. В таджикский алфавит включены буквы:

- 1) *F* – русское *г* придыхательное, близкое к украинскому;
- 2) *Ӣ* – русское *и* долгое;
- 3) *Ӯ* – русское *к* придыхательное;
- 4) *Ӱ* – русское *у* долгое, близкое к *о*;
- 5) *Ӯ* – русское *х* придыхательное, близкое к немецкому *h*;
- 6) *Җ* – близкое к русскому сочетанию *дж*;
- 7) Буква *Ӯ* отсутствует. Она заменена буквой *с*: *сирк*, *лексия*.
- 8) русский твердый знак *ъ* не имеет звука, а в таджикском языке произносится как что-то близкое к *ъе*.

Буква *ӣ* передается двумя звуками *и* и долгое *ӣ* (дифтонг). Она может употребляться в начале и в середине слова: *Амирiddин*, *Фазлиddин*, *Исмо-ил*, *Ислом*, *Исмат* и т.д.;

Буква *ӯ* передается звуком *у*

- a) *Ҳӯсрав* – *Хусрав*
в арабских собственных именах.
- b) *Абдўманон* – *Абдуманон*
Абдуллоҳ – *Абдуллоҳ*

Буква *э* передается двумя звуками *э* и *e*. В начале слова пишется *и* передается буква *э*

Эргаш – Эргаш
Эшмат – Эшмат

Пишутся слитно собственные имена арабского происхождения. Арабский artikel *al* с именем *Алберунї* – *Алберуни*; *Алхоразмї* – *Алхоразми*.

Собственные имена пишутся раздельно, если употребляются вместе с чинами, должностями, профессиями, прозвищами и кличками, причем только собственные имена пишутся с прописной буквы, а упомянутые чины, должности, клички, прозвища с маленькой буквы, даже если есть изофат (долгое *ї*) *й* – *Мирзо-Шариф* – *Мирзо Шариф*; *шоҳ Аббос* – *шах Аббос*; *Шокири муаллим* – *учитель Шокир*; *Набии мироб* – *мираб Наби*.

Если чины, должности, клички, прозвища употребляются после собственного имени и без изофата (долгое *ї*), то они пишутся слитно,

Аҳмадмаҳдум – *Ахмадмаҳдум*,
Юлдошкамандир – *Юлдошкамандир*

Собственные имена пишутся с прописной буквы, если в таджикском написании есть изофат:

Човидї Ораз – *Джовид Ораз*
Маликаї Фатхуддинї Абдулкарим – *Малика Фатхуддин Абулкарим* и нет изофата:

Мирзо Собир – *Мирзо Собир*

Собственные имена пишутся с прописной буквы, если употребляются с суффиксами *-ї*; – *зода*; – *зод*; – *иён*; – *пур*; – *духт*.

Ансорї – *Ансори*;
Мирзозода – *Мирзозода*; *Салимпур* – *Салимпур*;

Афсаҳзод – *Афсаҳзод*; *Зафардуҳт* – *Зафардуҳт*;

Нодириён – *Нодириён*

Таджикский суффикс – *ӣ* передается в русском написании, как *и*: *Рудакї* – *Рудаки*; *Ҷомї* – *Джами*.

С прописной буквы пишутся также:

a) имена бога: *Худо*, *Худованد*, *Парварди-гор*, *Яздон*, *Оллоҳ* - Аллах. Слова *ибн*, *бинт*, *ва-лад* между собственным именем и именем отца пишутся раздельно и с маленькой буквы: *Абуали ибни Сино* – *Абуали ибн Сино*; *Нодира бинти Назар* – *Нодира бинти Назар*. Слово *ибн* пишется с большой буквы и раздельно в начале слова:

Ибни Сино – Ибн Сино; Ибни Ямин – Ибн Ямин.

С большой буквы пишутся исторические лица:

Ашкониён – Ашкониды

Сосаниён – Сосаниды

Тохириён – Тохириды и т.д.

С большой буквы пишутся слова, обозначающие династию, род:

Анварҳо – Анвары

Одинаевҳо – Одинаевы

При образовании уменьшительно-ласкательных имен в таджикском языке нередко используются русские уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые свободно присоединяются как к русским, так и таджикским основам, (к мужским-чик,-ик, при этом *к* → *ч*, *Зафарбек* – *Зафарбечик*; *Курбанбек* – *Курбанбечик*).

Если основа оканчивается на гласный, присоединение уменьшительно-ласкательного суффикса не всегда возможно (*Муса-Мусатик*) → (*ик* → *тик*); *Сахи-Сахитик* → (*ик* → *тик*). А такие, как *Абдулло*, *Ходжа*, *Садри* остаются без изменений.

К женским именам присоединяются суффиксы – *ечк-* (*а*), *енък* (*а*)-*онъка*; – *очка* и др. *Лола* – *Лолочка*, *Рано* – *Рано(и)ечка*, *Гуля* – *Гуленъка* и др.

Также широко используется суффикс *-к(а)*. У мужских и женских имен, придающих им бытовую, «домашнюю» обстановку: (*Аброр-Аброрка*; *Адиба* – *Адика* и т.д.).

Следует отметить, что в настоящее время суффикс *-к(а)* и в таджикских личных именах утратил былой пренебрежительно-уменьшительный оттенок. В последнее время в обиходной речи стали употребляться ласкательные имена девочек, оформленные по мужскому роду (*Шахноза* – *Шахнозчик*; *Дильдора* – *Дильдорчик*).

Заемственные из других языков слова, употребляемые в значении личных имен, не усваиваются механически. Они перестраиваются, подвергаются фонетической ассимиляции (не-привычные звуки и звукосочетания приспособливаются к нормам родного языка), приобретают формы склонения, т.е. претерпевают все изменения фонетического, орфографического и морфологического характера.

Все личные имена, заемственные из русского и через русский употребляются в таджикском языке в соответствии с законами его грамматического строя. Например: в таджикском языке твердые и мягкие согласные не различаются. Они подчиняются существующему в языке закону сингармонизма. Поэтому мягкие соглас-

ные русского языка в заемствованных именах произносятся либо твердо (*Маруся*), либо мягко (*Очилбек*). Хотя на письме эта мягкость не отмечается (*Очилбек*). В то же время таджикское «гул» в личных именах в русском произношении и написании передается мягкой согласной (*Гул(ъ)сара*, *Гул(ъ)нора*).

В настоящее время некоторые русские имена настолько приспособились к фонетике таджикского языка, что их трудно отличить от исконно таджикских имен (*Александар* – *Искандар*).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что имена личные часть – словарного состава, чутко отзывающаяся на все большие события в жизни народа, их изучение может дать определенный материал для выяснения культурных и экономических связей таджикского и других народов.

Русский язык флексивный, синтетический. Это значит, что отношения между словами в нем выражаются внутри слова с помощью изменения их окончаний, согласно определенным правилам. Это в одинаковой степени относится к именам нарицательным и собственным, своим и заемзованным. В склоняемом слове должно быть неизменяемая основа, состоящая минимум из двух фонем.

Тем не менее, в повседневной практике наблюдается немало отклонений от существующей нормы. Особенно это касается употребления собственных имен.

Результаты и обсуждение

Мода не склонять иностранные слова, даже если их окончания поддаются склонению, а количество фонем превышает требуемый минимум, появилась в XIX веке у людей, хорошо владевших иностранными языками. В своей речи они произносили заемственные слова на иностранный лад, а в письмах писали их латинскими буквами. Естественно, что в таком виде подобные слова не могли склоняться. По мере освоения этих слов русским языком они стали писаться русскими буквами, произношение их приблизилось к русским орфоэпическим нормам, хотя и не вполне подчинялось им, но отсутствие склонения так и осталось грамматической характеристистикой.

Количество несклоняемых слов значительно увеличилось в XX веке благодаря увеличению числа заемствованных слов. В связи с этим, разбирая вопрос о склонении или не склонении собственных имен, в современном языке необходимо

мо очень четко сознавать, в каком стиле и жанре и с какими целями употреблено имя, потому что в этой области, как ни в одной другой, норма определяется жанром, и что хорошо для жанра, недопустимо в другом. Родовая принадлежность имени, фамилии определяется полом человека, зовущегося этим именем.

Для того, чтобы мужские имена, прозвища, фамилии в русском языке могли склоняться, они должны оканчиваться либо на согласный, либо на -*a*: *Аббос, Аброр, Джума, Джура*. Твердость или мягкость конечного согласного на склоняемость не влияет. Оканчивающиеся на согласный имена склоняются без исключений. Но оканчивающиеся на согласный фамилии, кроме фамилий с суффиксами – *ов*; *ин*, вызывают затруднения, неловкость, нерешительность. В свете новых положений, упомянутых выше не следует склонять фамилии, по нашему мнению, с суффиксами – *и*; *зода*; – *зод*; – *иён*; – *пур*; – *духт*, и собственные имена мужского рода, оканчивающиеся на – *о*: – *Абдулло*.

Для склонения женских имен, прозвищ, фамилий имеется больше ограничений, чем для склонения мужских антронимов. Если в последних поддаются склонению слова, оканчивающиеся на твердый, мягкий согласный и на – *a*, то женские антронимы, оканчивающиеся на твердый согласный, не могут склоняться из-за

противоречия между родом слова и его окончанием, а склонение женских антронимов, оканчивающихся на мягкий согласный идет на убыль. Таким образом, склоняются лишь антронимы, оканчивающиеся на – *a*: *Адиба, Фируза, Зулфия*.

Женские фамилии, оканчивающиеся на – *ова*, – *ева*, – *ина*, склоняются как обычно. А женские фамилии, оканчивающиеся на суффиксы – *и*; – *зода*; – *зод*; – *иён*; – *пур*; – *духт*, как отмечалось выше, не склоняются.

Анализ собственного склонения показывает, что при решении вопроса – склонять или не склонять то или иное имя – необходимо, прежде всего, обращать внимание на речевой стиль. Следует различать употребление собственных имен в литературном языке и в языке юридическом, официальном. Одни собственные имена могут склоняться в литературном языке и оставаться без склонения в документах. Другие имена в строгом литературном стиле остаются без склонения, а в разговорном языке склоняются, что также проникает в литературный язык. Но нам кажется, что наш язык не должен терять своей самостоятельности, национального колорита, именно поэтому мы советуем придерживаться определенной нормы употребления и склонения собственных имен при передаче их в русском тексте.

Литература

- Горбачевский А.А. Слово об именах// Памир. –1968. – №1.– С. 88-89.
 Горбачевский А.А. Таджикские собственные имена в русском тексте // Русский язык: теория и методика преподавания. – Душанбе, 1987. – С. 95-103.
 Суперанская А.В. Склонение собственных имен в современном русском языке. Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 117-146.

References

- 1 Gorbachevsky A.A. (1968). Slovo ob imenah [A word about names] Pamir. No.1. P. 88-89.
- 2 Gorbachevsky A.A. (1987). Tadzhikskie sobstvennye imena v russkom tekste [Tajik proper names in the Russian text] Russian language: theory and methodology of teaching. Dushanbe. P. 95-103.
- 3 Supernanskaya A.V. (1965). Sklonenie sobstvennyh imen v sovremennom russkom jazyke. Orfografija sobstvennyh imen [Declination of proper names in modern Russian. Orthography of own names]. M., 1965. P. 117-146.

1-бөлім
ӘДЕБИЕТТАНУ

Раздел 1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Section 1
LITERARY CRITICISM

Jabarkhil Khoshalkhan,

Magister of Kabul University,
Afghanistan, Kabul, e-mail: khoshalJ@gmail.com

CULTURE AND LITERATURE OF AFGHANISTAN

The statue is considered by the culture and literature of the Afghan peoples and its strangers. It is connected with the philosophical theories and moral values of the narrow values. It is also possible to communicate a single or a wedding or a music, as well as many, many, or different things to offer. On the planet art is hunting for many generations. One of the most famous discoveries – the art of Gandhara, between 1 and 7 years, is based on the Greek-Buddhist art. From the 1900's, the use of western methods in art began.

Key words: literature, culture, association, art, multifaceted.

Джабрахил Хошалхан,
Кабул университетінің магистрі,
Афганистан, Кабул қ., e-mail: zhibek0709@gmail.com

Ауғанстан әдебиеті мен мәдениеті

Мақалада афган халқының мәдениеті және әдебиеті және оның шығу тарихы қарастырылған. Философиялық теорияларды және халықтық құндылықтарымен байланыстырады. Сондай-ақ, бір және бірнеше мәдениет көздерін байланыстыруши ретінде музыканы қарастырады, сондай-ақ, көпшілікке арналған, олар әр шахтаның әрқайсысын ұсынатын болар еді. Жергілікті өнер көптеген ғұмырдарды оятады. Гандала өнерінің ең көрнекті көріністері – 1 және 7 ғасырлар аралығындағы, грек-буддисттік өнерге негізделген. С 1900-х жылдардың басында өнердегі қытай әдістерін қолдану.

Түйін сөздер: әдебиет, мәдениет, байланыс, өнер, көптілділік

Джабрахил Хошалхан,
магистр Кабулского университета,
Афганистан, г. Кабул, e-mail: khoshalJ@gmail.com

Культура и литература Афганистана

В статье рассматривается культура и литература афганского народа и его источники. Выявляется связь с философскими теориями и нравственными установками народных ценностей. Рассматривается также связь одной и той же музыки и, как правило, многоязычные, которые я буду представлять каждый шаг за шагом. Местное искусство охватывает много веков. Один из самых известных видов – искусство Гандхара между 1 и 7 веками, основанное на греко-буддийском искусстве. С 1900-х годов нация начала использовать западные методы в искусстве.

Ключевые слова: литература, культура, связь, искусство, многоязычие.

Introduction

The culture of Afghanistan has been around for over two millenniums, tracing record to at least the time of the Achaemenid Empire in

500 BCE. Afghanistan translates to “Land of the Afghans” or “Place of Afghans” in the nation’s official languages, Pashto and Dari. It is mostly a tribal and rural society with different regions of the country having their own native

language. Despite some differences, majority of the Afghans live by the same tradition and behave the same. For example, they all practice Islam, celebrate the same holidays, live in the same type of houses, dress the same, feel the same way about women's freedom, consume the same food, listen to the same music, and are usually multilingual, which I will present every one step by step. Art: Local art has spanned many centuries. One of the most famous kinds is the Gandhara art between the 1st and 7th century based on Greco-Buddhist art. Since the 1900s, the nation began to use Western techniques in art.

Art is largely centered at the National Museum of Afghanistan, the National Gallery of Afghanistan and the National Archives of Afghanistan in Kabul. There are a number of art schools in the country. The Center for Contemporary Arts Afghanistan (CCAA) in Kabul provides young people to learn contemporary paintings. Traditionally, only men have been involved in theater acting. Recently, in theater arts, women have begun to take center stage. Afghanistan holds the 47th largest club in the Middle East, the Jiffa Zayin, with a capacity of 180.

Experiment

Afghanistan is known for making beautiful oriental rugs. The Afghan carpet has certain prints that make them unique to Afghanistan. Greco-Buddhist Art: Greco-Buddhist art was prevalent in Afghanistan from the 4th Century BCE to around the 7th Century CE due to the Islamic Conquest. Many of these art forms have been found in the archaeological site of Hadda, Afghanistan. Islamic Art: After the Islamic conquest of Afghanistan, Afghan art changed dramatically from previous Greco-Buddhist works, due to the adoption of Islam. Afghan local materials such as lapis lazuli were adapted for use in Islamic Art. Mosques built in Afghanistan and in the Arab world are built with elaborate tiling styles. Many of these styles were influenced from Chinese ceramics. Afghanistan served as a conduit for introduction to these Chinese ceramic styles and techniques due to its strategic location on the Silk Road.

Jewelry: Afghan art includes jewelry and gold pieces. A famous collection of this art is in the Bactrian Hoard, which was found in burial mounds in Sheberghan in Jowzjan Province, Afghanistan. Some of these artifacts were briefly displayed in the United States.^[2] The artifacts are a mixture of coins, necklaces, bracelets, and other

assorted gold jewelry. Some of these treasures date from the Bronze Age.

Sculpture in Afghanistan: Art in Afghanistan includes sculpture as well, with ancient works such as the Budd has of Bamiyan. These works were destroyed by the Taliban after they denounced the works as idols (2004:121).

Music: Since the 1980s, the nation has witnessed several wars so music has been suppressed and recording for outsiders minimal. Many musicians and singers continued to play their trade in the cities of other countries. Pakistani cities such as Peshawar, Karachi and Islamabad are important centers for the distribution of Afghan music. Lyrics across the country are typically in both Pashto and Dari. Hindi songs from Bollywood films are also very popular in Afghanistan.

Afghans enjoy music by playing many types of instruments. They also enjoy performing the Attan, which is considered the national dance of Afghanistan. What is typically heard in the country are folk songs or ballads. The main traditional Afghan music instruments includes:

Mini Harmonium, Santur, Chang – like a harmonica, Rubab – 6 stringed instrument, Dol (big drums), Tabla – Small drums, Sitar, surnay, Flute, Dayereh, Tanbur, shpely.

Poetry and philosophy: Poetry in Afghanistan has long been a cultural tradition and passion. It is mainly in Pashto and Dari languages, although in modern times it is also becoming more recognized in Afghanistan's other languages. Classic Pashto and Dari poetry plays an important role in the Afghan culture. Poetry has always been one of the major educational pillars in the region, to the level that it has integrated itself into culture. Some notable poets include Rumi, Khushal Khan Khattak, Jalāl ad-Dīn Muhammad Balkhī, Rahman Baba, Nazo Tokhi, Ahmad Shah Durrani, Al-Afghani, Rabi'a Balkhi, Ghulam Muhammad Tarzi, Khalilullah Khalili, Khwaja Abdullah Ansari, Nasir Khusraw, Jami, and many others. Architecture: The region has made major contributions to the world, architecture. UNESCO has acknowledged Afghanistan's role by declaring the Minaret of Jam and the Valley of Bamiyan, home of the famous Budd has destroyed by the Taliban, World Heritage Sites.

Other examples of universally important contributions to architecture may be found in Herat, Mazari Sharif Ghazni and Kandahar. Sport: The sports in Afghanistan are run by the Afghan Sports Federation, which promotes football, cricket, basketball, volleyball, golf, handball, boxing,

taekwondo, track and field, skating, chess, and other sports. Cricket and football are the most popular sports in Afghanistan. The Afghanistan national cricket team, which was formed in 2001, has held matches against all other international cricket teams. The Afghanistan national football team was founded in 1922, joined FIFA in 1948 and the Asian Football Confederation (AFC) in 1954. Although it did not play in any international games from 1984 to 2003 due to the war, it is now striving and hoping to make it to FIFA. The Afghanistan women's national football team was formed in 2007. Clothing: The country's traditional male clothing usually includes a jame/kala (dress), lungee (turban), karakul, pakol, topi, kufi (hats), and a chapan (coat). Traditional Afghan clothes may sometimes vary by regions and in some cases by different ethnicities.

Education: Education in Afghanistan includes K-12 and higher education, which is supervised by the Ministry of Education and Ministry of Higher Education in Kabul, Afghanistan. There are about 10,000 schools of which 4,000 were built in the last decade. More than 100,000 teachers were trained and recruited in the same period. It was reported in 2011 that more than seven million male and female students were enrolled in schools.

Higher education is provided by about 43 universities throughout the country. There is also one military college, located in Kabul. Recently with help from UNESCO, over 1,000 women have taken the university entrance exam.

As of 2011, about 62,000 students are enrolled in different universities around the country.

Languages: Pashto and Dari are both the official languages of Afghanistan, Pashto without official the national language of Afghanistan. **Religion:** Islam is the main religion of Afghanistan and over 99% of Afghans are Muslims. Approximately 80-89% of the population practice Sunni Islam, while the remaining 10-19% practice Shi'a Islam, and 1% followers of other religions. Besides Muslims, there are 1000's of Sikhs and Hindus living in the country. They are usually found in the major cities such as Kabul, Kandahar, Herat, and Jalalabad. **Holidays:** Afghanistan's religious holidays are nearly the same as Islamic holidays. Some of the most important include Eid ul-Fitr (end of Ramadan), Eid ul-Adha, Ashura, and Mawlid. Religious minorities of Afghanistan, such as the Hindus, Sikhs, and others celebrate holidays unique to their respective religion.

National and traditional

Afghan Independence Day (19 August).

Mujahideen Victory Day (28 April).

Nowruz - New Year's Day (21 March).
International Women's Day (March 8).
Remembrance Day for Martyrs and Disabled (4 May).

National Labour Day.
Months of the Afghan calendar
Wray, Ghwayay, Ghbargolay, Chengakh,
Zmaray, Wağay, Təla, Lağam, Līndəi, Marğumay,
Salwāğā, Kab.

Pages in category Museums in Afghanistan

Results and discussion

Afghan National Anthem: The Afghan National Anthem has been re-written several times in the 20th century due to regime changes. The current anthem was adopted in 2006. According to article 20 of the Constitution of Afghanistan, "The national anthem of Afghanistan shall be in Pashto language with the mention of "God is Greatest" as well as the names of the ethnicities of Afghanistan. The lyrics were written by Abdul Bari Jahani and the music was written by German-Afghan composer Babrak Wassa. **Emblem of Afghanistan:** The national emblem of Afghanistan has appeared in some form on the flag of Afghanistan since the inception of that nation.

The latest incarnation of the coat of arms has the added inscription of the shahadah in Arabic at the top. Below it is the image of a mosque with amehrab that is facing Mecca with a prayer mat inside. Attached to the mosque are two flags, taken to stand for flags of Afghanistan. Beneath the mosque is an inscription that states the name of the nation. Around the mosque is a garland. The emblem of Afghanistan bears the Islamic calendar year 1298 (1919 in the Gregorian calendar), the year Afghanistan gained independence from the British Empire. **Flag of Afghanistan:** The flag of Afghanistan was adopted by the Afghan Interim Administration on December 22, 2001. This flag is similar to the one flown in Afghanistan during the monarchy between 1930 and 1973. The difference is the addition of the shahadah at the top of the coat of arms (seen in gold/yellow) in the center. This flag consists of three stripes of the colors black, red, and green. This has been present on most flags of Afghanistan in the last twenty years. The center emblem is the classical emblem of Afghanistan with a mosque with its mihrab facing Mecca.

Afghanistan has had more changes of its national flag during the 20th century than any other country in the world. It has had a massive 20 different flags since the first flag when the Hotaki dynasty was established in 1709 that made Afghanistan

independent. Main principles: Although not exclusive, the following ten principles form the major components of Pashtunwali. They are headed with the words of the Pashto language that signify individual or collective Pashtun tribal functions. Melmastia (hospitality) – Showing hospitality and profound respect to all visitors, regardless of race, religion, national affiliation or economic status and doing so without any hope of remuneration or favour. Pashtuns will go to great lengths to show their hospitality. (Internet resource) Nanawatai (asylum) – Derived from the verb meaning to go in, this refers to the protection given to a person against his or her enemies. People are protected at all costs; even those running from the law must be given refuge until the situation can be clarified. Nanawatai can also be used when the vanquished party in a dispute is prepared to go in to the house of the victors and ask for their forgiveness. (It is a peculiar form of “chivalrous” surrender, in which an enemy seeks “sanctuary” at his enemy’s house). A notable example is that of Navy Petty Officer First Class Marcus Luttrell, the sole survivor of a US Navy SEAL team ambushed by Taliban fighters. Wounded, he evaded the enemy and was aided by members of the Sabray tribe who took him to their village. The tribal chief protected him and sent word to nearby US forces. Badal (justice) – To seek justice or take revenge against the wrongdoer. There is considered to be no time limit to the period in which revenge can be taken. Justice in Pashtun(afghan) lore needs elaborating: even a mere taunt (or “Paighor”) is regarded as an insult which usually can only be redressed by shedding the taunter’s blood. If he is out of reach, his closest male relation must suffer the penalty instead. Badal may lead to a blood feud that can last generations and involve whole tribes with the loss of hundreds of lives. Normally blood feuds in this male-dominated society are settled in a number of ways. Tura (bravery) – Afghan(Pashtun) must defend his land, property, family and women from incursions. He should always stand bravely against tyranny and be able to defend the honour of his name. Death can follow if anyone offends this principle. Sabat (loyalty) – Loyalty must be paid to one’s family, friends and tribe members. Pashtuns can never become disloyal as this would be a matter of shame for their families and themselves. Imandari (righteousness) – Afghan(Pashtun) must always strive for good in thought, word and deed. Pashtuns must behave respectfully to people, animals and the environment around them. Pollution of the environment or its destruction is against the Pashtunwali. Isteqamat – Trust in God (known as

“Allah” in Arabic and “Khudai” in Pashto). The notion of trusting in the one Creator generally comports to Islamic idea of belief in only one God (tawheed). Ghayrat (courage) – afghan (Pashtun) must demonstrate courage. Their honour, or pride, has great importance in Pashtun society and must be preserved. They must respect themselves and others in order to be able to do so, especially those they do not know. Respect begins at home, among family members and relatives. If one does not have “Ghayrat” they are not classed as a Pashtun. Namus (protection of women) – afghan (Pashtun) must defend the honour of women at all costs and must protect them from vocal and physical harm. Nang (Honor) – afghan(Pashtun) must defend the weak around him. loya jirga: A loya jirga is a type of jirga regarded as “grand assembly”, a phrase in the Pashto language meaning “grand council.”

A loya jirga is a mass meeting usually prepared for major events such as choosing a new king, adopting a constitution, or discussing important national political or emergency matters. It is also used for resolving disputes in Afghanistan, but also in the Pashtun areas of Baluchistan, Khyber Pakhtunkhwa and FATA in Pakistan. In Afghanistan, the loya jirga was originally attended by the Pashtuns, but later included other ethnic groups. It is a forum unique among the Pashtun tribes in which, traditionally, tribal elders meet together. History: The ancient Aryan tribes, who are hypothesized to have spoken Proto-Indo-Iranian, came down in intermittent waves from Central Asia and Afghanistan and then moved to ancient India (in the early 2nd millennium BC). They practiced a sort of jirga-system with two types of councils – simite and sabhā. The simite (the summit) comprised elders and tribal chiefs. The king also joined sessions of the simite. Sabhā was a sort of rural council. It was used over time for the selection of rulers and headmen and the airing of matters of principle. From the time of the great Kushan ruler Kanishka to the 1970s, there were sixteen national loya jirgas and hundreds of smaller ones. The institution, which is centuries old, is a similar idea to the Islamic “shura”, or consultative assembly. The phrase loya jirga is Pashto and means “grand council”. The institution, which is centuries old, is a similar idea to the Islamic “shura”, or consultative assembly, BBC world. In the Afghan society, the loya jirga is still maintained and very strongly practiced, mostly in front of tribal chiefs or with them to solve internal and external tribal problems or disputes with other tribes. (2008: 25-29) When the Afghans took the power they tried to legitimize their power with

such a Jirga. While in the beginning only Pashtuns were allowed to participate in the Jirgas, later other ethnic groups like Tajiks and Hazaras were allowed to participate as well, however they were little more than observers. The members of the Jirgas were mostly members of the Royal Family, religious leaders and tribal chiefs of the Afghans. King Amanullah Khan institutionalized the Jirga. From Amanullah until the reign of Mohammed Zahir Shah (1933–1973) and Mohammed Daoud Khan (1973–1978) the Jirga was recognized as a common meeting of regional Pashtun leaders. The first in – 1707-1709 — Loya jirga was gathered by Mir Wais Hotak at Kandahar in 1707, but according to Ghulam Mohammad Ghobar it was gathered in Manja in 1709.

Afghan national dance. Attan: Attan is a form of dance that originated in the Pashtun regions of Afghanistan, the Federally Administered Tribal Areas, Khyber Pukhtunkhwa, Pakistan and north Balochistan. Attan began as a folk dance conducted by Afghans in the time of war or during wedding or other celebrations (engagement, new year and informal gatherings). It is now considered the national dance of Afghanistan. The performance of the attan dance in the open air has long been customary in the Afghan culture. Performed in a large circle to the accompaniment of drums and pipes, the dance begins slowly but grows in momentum for two or three hours without a break except for changes in tempo or changes in song. Its duration differs – anywhere from 5 to 25 minutes. Origin: Attan is a traditional Afghan dance. It is said to be one of the oldest forms of Afghan Pagan dance. Some identify Attan as a religious ceremony of early Zoroastrians placing it 2000 BCE, while others have placed even older going back to King Yama's celebration of Nowruz and warriors dancing and circling around the fire. This was later modified into an Islamic dance to allow the dancers to get "closer to God." This virtual Attan practised by many Afghan poets and mystics had even reached to corners of Turkey, known in Europe as the Rumi Dance. It is usually performed with a Dhol, which is a double-headed barrel drum. The dance can be anywhere from 5 minute to 30 minutes long. (2008:10) There are many different regional variations of Attan, the most famous being Kabuli, Paktiyaya, Mazari, Shenwari, Kandahari, Sistani, Herati, Pashayi, and Nuristani. During King Yama's time, Attan was performed before going to a war because it used to give the army the confidence that they could win the battle wedding: In Afghan nation the wedding is the biggest pleasant this happiness is from a

celebration in which they invite their relatives. And of the relatives and friends are participated in this wedding celebration and they celebrate to gather if any one left from invitation they become sad than the host should to say forgiveness. Us we mentioned the wedding party celebrates on a special traditional method. First of all between boys and girls are have a secret love relations and they take agreement from each other than the boys' parents should visit girls home for engagement to engaged the girl for their son or nephew, in this case girls before says to their mother that I like this boy, And mother says to his husband to give the positive answer to guests for engagement and they give some dry fruit and a handkerchief to boy's parents as a commitment and giving a promise that my dater is for your son. The boy's parents going to their house and they celebrate this first steep. Than they are taking the engagement party this is also as a weeding but in some deferens, boys family are get all the expenses on their self and they are going as a group to girl home with a lot of happiness. And they are doing Matrimony in front of Mullá than they announce the engagement in this time all relatives and friends are came around and celebrating whit music. From girl's home this time they caring an expensive handkerchief and some dry fruit and this handkerchief should be making by girl herself after this boy should to get by himself the girl's jewellery expenses and should to bring her all cloths in Eids and in new ear day. When weeding time arrive near boys are become ready for this expenses and also he given the expenses of this celebration of bout females and they invite about 1000 or 1500 people this counting is deferent it belongs to their relation sheaf. Than the boy's niberhods, relatives and friends are going to girls home with music and they bring the Bride on this time they doing Afghan dance (attan) and they celebrate it (internet resource).

Conclusion

As a result, we can say that the culture, literature of Afghanistan and in general the people of the people of Afghanistan is very unusual, it has a historical appearance. Comparing it with other cultures of different nations, we can say that it is very rich. Afghan national dance. Attan: Attan is a form of dance that originated in the Pashtun regions of Afghanistan, the Federally Administered Tribal Areas, Khyber Pukhtunkhwa, Pakistan and north Balochistan.

Afghanistan has had more changes of its national flag during the 20th century than any other country

in the world. It has had a massive 20 different flags since the first flag when the Hotaki dynasty was established in 1709 that made Afghanistan

independent. Main principles: Although not exclusive, the following ten principles form the major components of Pashtunwali.

References

- Article Sixteen of the Constitution of Afghanistan. Retrieved June 13, 2012. From among the languages of Pashto, Dari, Uzbeki, Turkmani, Baluchi, Pashai, Nuristani, Pamiri (alsana), Arab and other languages spoken in the country, Pashto and Dari are the official languages of the state, 2004. P.121 (In English)
- Banting, Erinn (2003). Afghanistan: The land. Crabtree Publishing Company. p. 4. ISBN 0-7787-9335-4. Retrieved 2010-08-22. (In English)
- Country Profile: Afghanistan (2008) (PDF). Library of Congress Country Studies on Afghanistan. August 2008. P. 25-29. (In English)
- First-ever oil paintings found in Afghanistan. (2008) CNN. April 24, 2008. P. 310.
- MAPS: AFGHANISTAN'S ETHNO-LINGUISTIC GROUPS. (2015) Institute For The Study Of War. (In English)

Абдулина А.Б.,

д. ф. н. профессор

Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Қазақстан, г. Алматы, e-mail: alma.abd@gmail.com

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ
НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛОЙ
ПРОФЕССОРА М.М. БАГИЗБАЕВОЙ**

В статье систематизированы методологические подходы к анализу региональной специфики русской народной традиции, разработанные фольклористической школой профессора М.М. Багизбаевой, одного из ведущих ученых отечественной науки. Концептуальный подход к проблеме изучения и квалификации народных традиций в русском фольклоре Казахстана, базирующийся на определении состава и процесса формирования регионов, степени изученности системы устно-поэтического наследия, теоретически и практически осуществлен в комплексе научно-исследовательских проектов, ставших заметным явлением в современной фольклористике. Сотрудниками фольклорной лаборатории, возглавленной профессором М.М. Багизбаевой, систематизированы приоритетные для современной науки методология и принципы региональных изысканий, описан и введен в науку солидный фонд рукописного архива Казахского национального университета имени аль-Фараби.

Ключевые слова: фольклористика, школа, методология, принципы, профессор М.М. Багизбаева, регион, традиция, изучение, русский фольклор.

Abdulina A.,

DSc, Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: alma.abd@gmail.com

**Methodological principles
of studying folk traditions by the folklore school
of Professor M.M. Bagizbaeva**

The article systematizes methodological principles, to the analysis of the regional specifics of the Russian folk tradition, developed by the folklore school of Professor M.M. Bagizbayeva, one of the leading scientists of national science. The conceptual approach to the problem of studying and qualifying folk traditions in the Russian folklore of Kazakhstan, based on the definition of the composition and process of the formation of regions, the degree of study of the oral and poetic heritage system, has been theoretically and practically implemented in a complex of research projects that have become a notable phenomenon in modern folklore studies. Employees of the folklore laboratory, headed by Professor M.M. Bagizbayeva, systematized priority for modern science methodology and principles of regional research, described and introduced into science a solid fund of hand-written archives of the Kazakh National University named after al-Farabi.

Key words: folklore studies, school, methodology, principles, professor M.M. Bagizbayeva, region, tradition, study, Russian folklore.

Абдулина А.Б.,

әл-Фараби ат. Қазак ұлттық университетінің профессоры, ф.ғ. д.,
Қазақстан, Алматы к., e-mail: alma.abd@gmail.com

**Профессор М.М. Багизбаевың фольклорлық мектебінің
халықтық дәстүрді оқытудың әдіснамалық негіздері**

Мақалада отандық ғылымның жетекші ғалымдарының бірі профессор М.М. Багызбаевың фольклорлық мектебінде дайындалған орыс халқының дәстүрлі аймақтық ерекшеліктерін талдайтын әдіснамалық тәсілдер жүйеленген. Ғылыми зерттеу кешендерінде теориялық және практикалық жағынан жүзеге асқандығы қазіргі фольклористикада айқын байқалатын, ауызша айтылатын поэтикалық мұраның зерттелу дәрежесі, құрамы мен аймақтық қалыптастыру үдерісін анықтайды Қазақстандағы орыс фольклорының ұлттық дәстүрлік квалификациясы мен оқыту мәселелеріне тұжырымдама жасайды. Профессор М.М. Багызбаева басқарған фольклорлық зертхана қызыметкерлерімен қазіргі заманғы ғылымға арналған әдіснама мен аймақтық ізденістердің басымдық принциптері жүйеленіп, Әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің қолжазба мұрағатының мол корына енгізілген.

Түйін сөздер: фольклористика, мектеп, әдіснама, үстанымдар, профессор М.М. Багызбаева, аймақ, дәстүр, оқыту, орыс фольклоры.

Введение

В «Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан» формулируется следующее: «С древности историко-культурный ареал Казахстана определяли полигэтничность и многоконфессиональность. По сей день страна не утратила своей уникальности, определяемой этими факторами, в связи с чем создание объективной картины истории республики становится одним из главных факторов формирования общенационального единства, воспитания гражданственности и патриотизма казахстанцев» (Kaz. Pravda: <http://www.kazpravda.kz>). Развивая идею национального единства и отмечая важность открытия Ассамблеи народов Казахстана, президент Н.А. Назарбаев, на встрече с прессой 2 мая 1996 года, подчеркнул: «Казахстану важно сохранить культурные и гуманистические связи с Россией, соблюдая интересы региональной и субрегиональной интеграции, усиливая акценты на ценности мирного созидания, уважении духовной, материальной культуры и истории всех этнических групп Казахстана» (Kaz. Pravda: <http://www.kazpravda.kz>).

Эксперимент

Проблема национального самосознания всегда существовала у каждого народа как один из импульсов «народного духа» и его созиатально-творческой роли. Главным источником в этом процессе всегда становился фольклор и другие компоненты народной культуры (Dundes, 1979: 404; Novikov, 2002: 1).

В начале XX века разработка теории литературного региона, предпринятая Пиксановым Н. и в наиболее полном виде выраженная им в книге «Областные культурные гнезда» (Piksanova N., 1928), продолжена советской наукой в лице Сакулина П. (Sakulin, 2006), Жирмунского В. (Zhirmunskij, 1979) других. Профессор Пиксанов, выдвигая задачу регионального изучения культуры и, в частности, литературы, достаточно подробно осветил историю вопроса, включая обзор германской, итальянской, французской культурной ситуации, подчеркивая при этом, что в этих странах со значительно меньшей территорией, нежели Россия, вопрос о региональном изучении явлений литературы и фольклора поставлен и решается давно. Например, в изложении литературно-исторического процесса немецкие учёные всегда уделяли большое внимание местным литераторам, говоря о них: швабские поэты, ѹенские романтики, цюрихская школа и т. д.

То же самое касается Италии, где Флоренция, Милан, Венеция признаны как отдельные художественные миры, жившие и до сих пор живущие своей особой жизнью. Во Франции издана трехтомная хрестоматия, в которой опубликованы произведения поэтов – «областников» за целых шесть столетий. Важность концепции Пиксанова и его последователей заключалась в том, что литература и фольклор выступали в ней как элементы региональной культуры или «литературного гнезда», а региональный аспект предлагал системное понимание историко-культурных закономерностей формирования и развития литературного и народного творчества. Как подчеркивает Выходцев в статье «Современное

состояние русского фольклора на Беломорье» с характерным подзаголовком «Проблема регионального обследования»: «Среди многих задач и проблем, которые стоят перед фольклористами-собирателями, важнейшей является проблема систематического регионального освоения фольклора» (Vyhodcev, 1984: 5).

В современной зарубежной науке близкая, по сути, гипотеза изложена в труде Жоржа Роберта А. «Своевременность и адекватность индивидуального опыта», опубликованном Калифорнийским фольклорным обществом в журнале «Западный фольклор» (Georges, Robert A., 1987). Таким образом, проблема регионального изучения поставлена во главу угла современной фольклористики.

Наука Казахстана в лице представителей разных отраслей и сфер откликнулась на актуальные вызовы времени, к их числу относится и гуманитарный кластер. В системе вузовской науки признание и поддержку получили инициативы ученых, занимающихся вопросами языка, литературы, устно-поэтических традиций, теоретическими и методологическими проблемами филологии. К ним относятся значительные научные результаты, полученные фольклористами Казахского национального университета под руководством доктора филологических наук, профессора, академика Маи Михайловны Багизбаевой.

Начиная с середины XIX века, народная поэзия привносилась в Казахстан в процессе его колонизации, при этом каждая волна переселенцев вносила свою долю в общий культурный фонд. Являясь составной частью общерусской национальной культуры, устные произведения русского населения Казахстана были наделены своеобразными чертами, которые проявились в жанровом составе, тематике, приёмах и способах создания местных локальных вариантов и новых текстов. Их типологическое исследование позволяет восполнить необходимые аспекты исторического просвещения, тем более что специфика русского устного творчества в его бытovanии на территории Казахстана, как свидетельствуют источники, вплоть до XX столетия оставались малоизвестными науке и обществу.

В контексте заявленной актуальности особое значение приобретают инициативы, благодаря которым новые результаты восполнили «белые пятна» истории и культуры. Данному уровню соответствует вклад фольклористов Казахского национального университета имени аль-Фараби, деятельность которых была скоординирована

профессором Маей Михайловной Багизбаевой в конце семидесятых годов XX века и нацелена на проблему изучения неизвестных науке фактов бытования русского фольклора в разных регионах Казахстана. В результате деятельности лаборатории «Русский фольклор Казахстана» в научный оборот введены как неизвестные факты бытования фольклорных традиций, так и методологические принципы исследования фольклора в региональном аспекте

Фольклористической школой и лабораторией под руководством профессора М.М. Багизбаевой сформулирована проблема изучения русского устного традиционного искусства на территории Казахстана, разработана конструктивная парадигма перспективных изысканий, заключавшаяся в понимании регионального фольклора как ценнейшего материала для осмыслиения судеб устной народной поэзии и отдельных её жанров в аспекте динамики и своеобразия художественной культуры этнических регионов в системе взаимопроникновения и взаимодействия различных поэтических традиций.

Результаты и обсуждение

На протяжении столетий в России сформировались такие известные центры народной поэтической культуры, как Онежье, Печорский регион, Поморье, Алтай, Забайкалье и другие. В то же время публикации фольклора нередко осуществлялись по принципу административного деления (республики, области, районы, сёла). Таким образом, в науке сформировалось актуальное направление определения и принципов специального подхода к изучению фольклора, в результате чего были предложены различные дефиниции: этнокультурный район, этнический регион, этнографический регион, культурный, литературно-фольклорный регион. Профессор М.М. Багизбаева, инициатор изучения русского народного искусства слова в его бытovanии на территории нашей республики, стала основателем научной лаборатории «Региональное изучение русского фольклора Казахстана». В соответствии с перспективным планом сотрудниками лаборатории была разработана методология регионального сбора, научного описания и исследования произведений разных жанров от носителей во всех регионах Казахстана. Установлено, что выделение региона в его пространственно-временных координатах важно, прежде всего, как предварительное условие для эффективного изучения бытования фольклора. Регион при

этом понимается как территория обследования, но не область в ее политико-административных рамках, а исторически сложившийся культурно-экономический территориальный комплекс, который необходимо рассматривать в его развитии. Немаловажно выделение региона для картографирования, без чего невозможно осуществление планирования и прогнозирования собирательской работы, подведение итогов и теоретических обобщений. Особое значение приобретает систематичность в подходе к проблеме регионального изучения фольклора. Именно систематическое освоение, а не стихийное и избирательное, позволяет не просто с максимальной полнотой узнать и записать фольклор, но и дает важнейшие источники для решения научных проблем принципиального значения.

Таким образом, проблема регионального изучения фольклора получила более широкую, с одной, и более специальную, с другой стороны, трактовку.

Более широкое истолкование предполагает изучение не просто песен, сказок, преданий и других жанров в их местном выражении, а исследование фольклора в художественной системе региона, что подразумевает изучение совокупности эстетических и этических идеалов народа, находящих образное воплощение в различных формах творчества, будь то фольклорные или литературные, выступающие в качестве равноправных элементов единой художественной и всегда конкретной региональной системы.

Заключение

В результате предпринятых изысканий разработаны принципы архивирования полученных данных по специально выработанной системе каталога рукописных текстов, подготовлены и изданы собранные материалы, осуществлена публикация научных статей и монографий (Bagisbaeva, 1977-1990; Abdulina, 1998-1999).

Специфика отдельных регионов установлена методами сравнительно-исторического и сравнительно-типологического сопоставления с другими регионами, входящими в состав единой политico-административной единицы по принципу этногенетической, историко-этнографической и культурной общности. Исследованы традиции и их синтезирование в фольклоре Семиречья, Северного, Восточного, Западного Казахстана. Описаны состав, поэтика и современное состояние жанров песенного фольклора, сказочной и несказочной прозы, обрядовой поэзии, паремий и частушек, детского фольклора. Составлены электронные каталоги и архивы рукописных материалов, таблицы статистических и тезаурусных исследований.

К работе были привлечены сотрудники, студенты и аспиранты вузов Казахстана, деятели культуры и науки других стран содружества. Руководитель проекта профессор М.М. Багизбаева предоставила возможность воспользоваться собранными материалами ученым из России, Украины и вузов Казахстана, была подготовлена информация по запросам Международной ассоциации фольклористов, Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Национального Совета по фольклору, Фонда Культуры и Фонда Сороса, Челябинского государственного университета. Подготовлены молодые специалисты для многих вузов Казахстана, результаты исследований широко освещались на телевидении и радио. Тем самым деятельность фольклористической школы под научным руководством профессора М.М. Багизбаевой внесла значительный вклад в теорию и методологию современной фольклористики, решив насущные задачи и открыв новые страницы русской устной традиции в ее нюансах и многообразии форм.

Литература

- 1 Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан // Казахстанская правда, 5.07.1995. <http://www.kazpravda.kz>.
- 2 Dundes Alan. Metafolklore and Oral Literary Criticism.// Reading in American folklore.- New York.-1979. P. 404-415. (in Engl.); Новиков Н.В. Фольклор как феномен эстетической культуры общества : Аспекты генезиса и эволюции. – М., 2002 – 187с.
- 3 Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведческий семинар. – М.; Л., 1928. – 148с.
- 4 Сакулин П. Н. Синтетическое построение истории литературы. – М., 1995. – С. 72-74
- 5 Жирмунский В. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Избр.тр. – Л.: Наука. 1979. – 493 с.
- 6 Выходцев П.С. Современное состояние русского фольклора на Беломорье // Русский фольклор. Ежегодник Пушкинского Дома АН СССР, Л.: Наука, 1984. – Вып.22. – С. 5-29

7 Georges Robert A. Timeliness and Appropriateness in Personal Experience Narrating //Western Folklore. – California Folk. Society-April.,1987. – Vol. 46.- No 2. – P.136-138 (in Engl.)

8 Багизбаева М.М. Фольклор семиреченских казаков. – Алма-Ата: Мектеп, ч.1 -1977.-280с.; ч.2 –1979. – 310с; Багизбаева М.М. Русский фольклор Восточного Казахстана. – Алма-Ата, 1991, 510с.; Абдулина А.Б. Исторические судьбы народной лирики в региональном аспекте (на материале русского фольклора Казахстана). – Алматы: КазГУ. – 1996. – 225с.; Абдулина А.Б. Методология и проблематика регионального изучения фольклора: На материале русского фольклора Казахстана. – Алматы: КазГУ, 1999. – 105с.

References

- 1 Abdulina. A (1996). Istoriceskie sudby narodnoj liriki v regionalnom aspekte (na materiale russkogo folklora Kazahstana). [Historical destinies of folk lyric poetry in the regional aspect (based on Russian folklore of Kazakhstan)]. 225 p. (in Russian)
- 2 Abdulina A. (1999) Metodologia i problematika regionalnogo izucenija folklora: na materiale russkogo folklora Kazahstana. [Methodology and problems of regional study of folklore: On the material of Russian folklore of Kazakhstan.] Almaty, 105 p. (in Russian)
- 3 Bagisbaeva M. (1977). Folklor semirecenskish kazakov. [Folklore of Semirechye Cossacks.] Alma-Ata: Mektep, 280 p.; 310 p. (In Russian)
- 4 Bagisbaeva M. (1991). Russkij folklor Vostocnogo Kazahstana. [Russian folklore of East Kazakhstan.] Alma-Ata: Ruan, 510 p. (In Russian)
- 5 Vyhodcev P. (1984). Sovremennoe sostojanie russkogo folklora na Belomorje. [The current state of Russian folklore on the White Sea coast.] Russkij folklor: Eghegodnik Pushkinskogo Doma AN SSSR. L.:Nauka, 1984. Vyp. 22. 5-29 pp. (in Russian)
- 6 Dundes Alan. (1979) Metafolklore and Oral Literary Criticism. Reading in American folklore. New York, P. 404-415. (in Engl.)
- 7 Georges Robert A. (1987) Timeliness and Appropriateness in Personal Experience Narrating. Western Folklore. California Folklore Society-April. Vol. 46. No 2. P.136-138 (in Engl.)
- 8 Koncepcija stanovlenija istoriceskogo soznanija v Respublike Kazashstan. [The concept of the formation of historical consciousness in the Republic of Kazakhstan.] (5.07.1995): <http://www.kazpravda.kz>.
- 9 Novikov N.V.(2002) Folklor kak fenomen esteticeskoy kultury obszhestva: Aspekty genesisa I evolucii. [Folklore as a phenomenon of the aesthetic culture of society: Aspects of genesis and evolution.] M., 187 p.
- 10 Piksanov N. (1928) Oblastnye kulturnye gnezda. [Regional cultural nests: Historical and local lore seminar.] L., 148 p.
- 11 Sakulin P. (1995) Sinteticeskoe postroenie literatury. [Synthetic construction of the history of literature.] M.: Nauka, 72-74 pp.
- 12 Zhirmunskij V. (1979) Sravnitelnoe literaturovedenije: Vostok i Zapad.– L: Nauka, 493 p.

ГРНТИ 17.04.41

Абишева У.К.,

д. ф. н. профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: Abisheva.O.K@gmail.com

ПОЭТИКА ПОВЕСТЕЙ С. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

В статье исследуются особенности поэтики прозы С.Н. Сергеева-Ценского начала XX веков, влияние художественно-изобразительных открытий символизма на творчество художника. Воплощение новых художественных открытий символизма нашло отражение в драматическом психологизме произведений, броской, выразительной художественной символике, в модификации жанровых форм. Раннее творчество писателя, объединив два метода (реалистический и модернистский), позволило выразить авторскую концепцию мира и человека. В повестях писателя отступает либо сильно ослабляется эпичность. В них часто нет сложного, законченного сюжетногоузла, который, как правило, обязателен для жанров XIX века. Меняется характер самого конфликта повести, значительно возраст «удельный вес» внеfabульных связей, проявляется тенденция свободного сюжетостроения, отражающая сложные формы отношений человека и мира.

Ключевые слова: повесть, поэтика, художественный метод, жанровая модификация, поэтика, символизм, психологизм, пейзаж, символ, картина мира.

Abisheva U.K.,

DSc., Professor of Kazakh National Al-Farabi University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: Abisheva.O.K@gmail.com

S. Sergeyev-Tsenskie's stories poetics

This article is concerned with the ideas of the richness and diversity of neo-realism as a literary method. The S.Sergeyev-Tsenskie's prose of the beginning of the twentieth century had been experienced a serious impact of modernism. The narratives of the "The forest swamp", "Movements", "The fields sadness" and the writer's stories is shown that realism is closely connected with symbolism, and reflected in the plots, the philosophical concept of writer and psychology of the works. In the stories of the writer, the epic features have weakened. The finished plot, which, as a rule, is obligatory for genres of the XIX century is replaced by a lyrical plot. In the story, the "specific weight" of extrafabulary ties has significantly increased. In it there is a tendency to free plot construction, reflecting complex forms of human-world relations.

Key words: novel, poetics, artistic method, genre modification, poetics, symbolism, psychology, landscape, symbol, world picture.

Әбішева Ұ.К.,

әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің профессоры, ф. ғ. д.,
Казақстан, Алматы к., e-mail: Abisheva.O.K@gmail.com

C. Сергеев-Ценский повестерінің поэтикасы

Мақалада неореализм бағытының жан-жақтылығы мен көркемдігі шығармашылық әдіс ретінде зерттелінеді. ХХ ғасырдың басындағы С.Н. Сергеев-Ценскийдің прозалық туындылары модернизмнің үлкен ықпалына ұшырауының нәтижесі жөнінде пікір келтірілген. «Лесная топь», «Движение», «Печаль полей» повестері мен әңгімелеріне жасалған талдауда реализм мен символизм бағытының қалай ұштасқандығы көрсетіледі. Жазушының повестерінде эпикалық сипат сиреген. XIX ғасыр жанрына тән аяқталған сюжет лирикалық сюжетке алмастырылған. Повестеfabуладан тыс байланыстардың «маныздылығы» айтартықтай өскен, адам мен әлем қатынасының күрделі құрылымдарын көрсететін еркін сюжеттіккүрылым үрдісі туындағын.

Түйін сөздер: роман, поэтика, көркемдік әдіс, жанрлық модификация, поэтика, символизм, психология, ландшафт, символ, әлем бейнесі.

Введение

В прозе 1900-1910-х годов С.Н. Сергеев-Ценский обращается к созданию произведений, в которых философские, нравственно-этические темы воплощаются в резко очерченных, подчеркнутых обобщенно-символических образах. Эти тенденции настойчиво заявляют о себе в рассказах и поветях писателя («Молчальники», «Тундра», «Погост», «Счастье», «Маска», «Дифтерит», «Взмах крыльев», «Поляна», «Бред», «Сад», «Недра» и др.). В этот период в творчестве художника идут поиски своего стиля. Творческие импульсы модернизма активизируют жанровые искания прозы Сергеева-Ценского. Они во многом определяются принципиально новыми требованиями искусства рубежа веков. В поэмах в прозе «Молчальники», «Лесная топь», «Печаль полей», «Движения» наблюдается большая свобода в обращении с жанровыми формами, смелое нарушение их границ, стремление сделать лирику законным элементом прозы. Литературные жанры, которым писатель отдает предпочтение, синтетичны, подвижны и динамичны. Жанровый синтезизм произведений, наличие особенного лиризма, драматизма определяют глубину постижения действительности художником, обеспечивают многогранное изображение жизни. Лиризм в них приобретает не подчиненное, а доминирующее значение. Художник создает чрезвычайно эмоциональные, драматичные, насыщенные символикой произведения, не укладывающиеся в традиционные рамки реалистического рассказа или повести.

Результаты и обсуждение

В «Леснойтопи» (1905), повести переломной и, безусловно, знаковой, автор отказывается от броской символики ранних вещей, он пытается в этом произведении пристальнее взглянуть на действительность. История осмыслиения этой повести Сергеева-Ценского (как впрочем, и многих других его произведений) в советском литературоведении тенденциозна. Внимание исследователей было сосредоточено на социальной проблематике произведения, повесть рассматривалась как сугубо реалистическое произведение. Заостряя социальное содержание произведения, исследователи, как правило, не обращали внимания на его художественно-изобразительный план.

И действительно, на первый взгляд, повесть написана в совершенно реалистической манере, ее отличает плотное, густое письмо, бытовые подробности, но в то же время она содержит

немало граней и оттенков художественного исследования мира и человека, характерных для модернизма. Композиционным центром повести является судьба молодой крестьянки Антонины. Этико-философская содержательность концепции человека, воплощенная в произведениях Сергеева-Ценского, свидетельствует о том, что художник в своем искусстве намеренно стремится к преодолению антитезы между реализмом и модернизмом. При внешней близости к реалистической традиции принцип подхода к человеку и действительности у него иной. Это ощущается в трактовке характера главной героини, средствах художественной выразительности. Уже в начальных эпизодах повести ощутима эмоциональная сгущенность субъективно-окрашенного видения мира, присущая символизму. В сцене, описывающей, как деревенские дети Филька и его сестра ловят на реке раков, присутствует атмосфера чего-то тревожного, загадочного: «Что-то острое режущей змейкой прошло вдоль спины, точно чай-то коготь. Антонина ухватилась за Филькину рубаху и не выпускала ее из рук. Филька нагнулся над водой вынуть колпачок, и нагнулась Антонина, и оба увидали, вдруг, вздрогнув и застыв, как недалеко, в трех шагах от них, за камышами поднялась из воды зеленая тинистая человечья голова, старая, яркая, как сноп зеленых молний, фыркнула и поплыла к ним; потом рука взмахнула, тонкая, с длинными пальцами» (Sergeyev-Tsensky, 233).

Сложный стилевой рисунок повести достигается плавным движением от реалистического письма к символическому. В системе средств символизации наиболее значительную роль художник отводит пейзажу. Повесть пронизана чувством тревоги, ожидания неотвратимо нарастающего страшного психологического взрыва, которое достигается пейзажными описаниями. Густой непроходимый лес, земля с болотными испарениями становятся ключевыми деталями пейзажа. Эти чрезвычайно существенные для повести образы несут в себе символическую нагрузку: «Лениво висели густые белые туманы. Они выползали по ночам из лесных болот, как из глубоких нор, сплетались гибкими руками и цепенели. И под тройной оградой – занавесок, тумана и туч – темно было в бердоносовском доме, как в слепых глазах Агафьи <...>. Сквозило неясное, широкоглазое, беспокойное и немое и заслоняло то, что было вблизи, облаками дали. Кто-то колдовал кругом, и зияла топь. Потом стали подыматься туманы, плотные и серые, как войлок, и ревниво окутали лес, чтобы никто не видал, как жадно в тысячу открытых

ртов пили, спеша и давясь, земные недра» (Сергеев-Ценский, 263).

Пейзаж используется для выражения, изломов жизни главной героини, после замужества и рождения ребенка-урода она еще больше замыкается, становится подозрительной, ей кажется, что все говорят о ней и ее ребенке-уроде. Антонину охватывает то жалость, то злость, она замыкается, часто плачет. Образ болотной топи несет идею всевластности судьбы и бессилия героини в противостоянии ей: «Толь было видно с обеих сторон; она тускло поблескивала засыпающими глазами, прячась за стволами и мягкими обомщенными кочками, как живая. Тихо дышала холодным дурманом испарений, чуть слышно переплескивала где-то вдали, подкрадываясь ближе, как живая; и, как живая, подымалась и вливалась в душу ледяными струйками, быстрыми и острыми, как уколы булавки: уколет и отскочит. На кочках торчали жидкие кусты, и кочки были похожи на бородавки топи, а кусты на волосы. Тихо было, и тишина была властная, как чьи-то длинные, спутанные в крепкую сеть руки» (Sergeyev-Tsensky, 296).

После смерти ребенка, намеренно оставленного в горящей избе, Антонина терзается, мучается еще больше. Она словно накладывает на себя епитимью за смерть своего ребенка, связываясь с больным-сифилитиком, разрушая свою жизнь в слепом и иррациональном порыве. Героиня словно стремится к смерти. Образ болотной топи разрастается до образа-символа, присутствует в самых разных эпизодах, изображающих ощущение детского страха в лесу, сопровождает взрослую жизнь героини, существует как жуткое предзнаменование ее гибели в finale, в страшной сцене изнасилования и убийства Антонины артелью рабочих с торфяных разработок, на которых она случайно набредает в лесу. В этом эпизоде важна одна небольшая деталь: тела рабочих, глумящихся над Антониной, «пахнут болотной топью». Поэма демонстрирует тонкую технику разработки и передачи мельчайших человеческих ощущений, подвижности и зыбкости человеческого сознания, что также характерно для модернизма.

Особенный интерес в творчестве писателя второй половины 1900-х годов представляет повесть «Печаль полей» (1909), произведение сложной жанровой модификации. В ней переплетены разные родовые начала (эпос и лирика), что дало возможность художнику определить ее жанр как поэму. Произведение отличается оригинальностью, усложненностью формы, подчас «зашифрованностью» текста. Оно также напи-

сано в реалистической манере, но многие образы и детали в нем подчеркнуто символичны. Взаимопроникновение этих двух планов (конкретно-описательного и символического) дает неожиданный эффект: произведение отнюдь не воспринимается в социально-бытовом ключе, но в то же время его нельзя прочесть только в символическом плане. Между реалистичностью, предметностью и символическим планом есть какая-то неуловимая грань перехода, сюжет с его бытовыми подробностями приобретает некую призрачность. И наоборот, символическая отвлеченность получает у художника конкретно-зримые очертания.

Известно, что символизм как новый творческий метод познания действительности и человека формировался в процессе вытеснения социальной типизации (основы реалистического метода) «космической» символизацией героев и картин реальной жизни и истории. «Эвристические» возможности этого метода художественного познания свойственны и неореалистической прозе Сергеева-Ценского. Жизнь сознания, духовные устремления героев в его повести «Печаль полей» являются более сущностными, чем социально-очерченный характер.

Движение сюжета повести имеет свои закономерности, оно достигается не столько развитием действия, сколько психологическим переживанием персонажей. Фабула как таковая слабо выражена, сюжетом движет развитие, нарастание, спад эмоций главных героев, Анны и Ознобишина. Хрупкая, тонкая, нежная, почти бесплотная Анна, сильная красивая фигура, открытое лицо Ознобишина гармонично сочетаются с любовно запечатленными картинами природы, голубизной небесного простора. Анне, живущей своей особенной психологической напряженной, потаенной от других, неведомой им жизнью сопутствуют знаки судьбы. Она сама прочитывает в происходящем вокруг и видит в опрокинутых силачом Никитой подводах, смерти Игната, встрече с калекой недобрые предзнаменования.

Изменения в жанровой системе реализма, приход в начале 1910-х годов к повести, отчетливо ориентированной на романную структуру, был важным явлением в жанровой системе реализма начала XX века («Деревня», «Суходол» Бунина, «Поединок» Куприна) (Keldysh, 144). Структурно-художественные начала повести «Печаль полей» имеют также романную потенцию, полифоническая жанровая структура, ее хронотопическая масштабность расширяют жанровые границы.

Проявление признаков романа (выраженное, правда, не так ярко как у Бунина) можно увидеть в способах композиционной организации. В композиции произведения особое значение приобретают побочные сюжетные линии, вставки-«микроописания» (термин Б.А. Успенского). Это качество во многом наследуется от жанра романа. Все эти вставные рассказы (микроистории Игната, калеки-крестьянина, линии Никиты Дехтянского, Ознобишина—деда и др.) призваны восполнить развитие действия сюжета. Эти небольшие, сжатые главки-новеллы позволяют автору создать впечатление сюжетного движения, расширяют художественное пространство и время, определяют разветвленную символику повести.

Основным средством выражения авторского начала в произведении также становится пейзаж, изображение которого имеет характер символических обобщений, художник придает пейзажу многозначность. Одухотворенная природа в «Печали полей» приобретает черты живого существа, и становится загадочной, непостижимой, реальные пейзажные зарисовки оказываются эмблематическим выражением жизни человеческого духа. Образ полей, положенный в основу образной системы поэмы, разрастается в образ-символ, наполненный глубинным национальным смыслом. Такая многозначность и поэтичность пейзажных зарисовок также оказывает серьезное влияние на жанровую природу произведения, привнося в него лирическое начало.

Лирический образ полей в повести вбирает в себя многообразные смысловые наслонения – от ассоциативных перекличек с судьбой Анны, с ее неутоленной жаждой материнства, до поэтических обобщений большого масштаба. Этот образ, с одной стороны, – предметная, историческая реальность, а с другой – символ, вступающий в сложное взаимодействие со всей образной системой. Многократно варьируясь, повторяясь, мотив «тоски о нерожденном» сливается с чувством общности национальной судьбы, ее истоков, а образ полей перерастает в символ России, ее широты и невыявленной мощи. Постоянное возвращение к пейзажным описаниям, содержащим это образ, создает определенное эмоциональное настроение, приводит к достижению автором психологической напряженности в повести.

Неувядимо тонкими, поэтическими нитями описания полей связаны с напряженно-эмоциональным психологическим состоянием персонажей. Внутренне тесно связана с полями Анна, к полям обращен лирический монолог автора, в

зияющеее чернотой пространство полей уезжает в поисках покоя, обретения душевного равновесия Ознобишин. Эмоциональная лирическая атмосфера всего текста «намагничивает» чувственно-конкретный образ, выполняющий роль образа-символа, наполняя его новыми обертонами смысла.

В повести Сергеева-Ценского наряду с многократно повторяющимися сквозными символическими образами, важны ритмические отрывки, лирические отступления, несущие основную смысловую нагрузку. Эти лирические отступления можно считать лейтмотивными в организации художественного мира повести, так как они многократно варьируются, создают настроение единства жизни и вечности.

Так, пейзажные описания в поэме отличаются тем, что они не только подчинены тем или иным субъектным ощущениям его персонажей, определенному их психологическому переживанию, но, как правило, являются собственно «персонажем» повествования. В этой особенности поэтика повести сближается поэтикой символизма. Чрезвычайно интенсивное субъективно-личностное начало повествования, выражено в авторских лирических обращениях.

Лирические отрывки имеют хотя и весьма отдаленную, опосредованную, но важную связь с гоголевским лиризмом, как и сам факт жанрового определения Сергеевым-Ценским произведения как поэмы, о чем мы уже упоминали выше.

Стремление к ритмической упорядоченности повествовательного дискурса выразилось в том, что композиционное целое повести характеризуются ритмической и последовательной сменой эпизодов. Подобная ритмизация актуализирует значимость ритма в символистской и модернистской прозе. Ритмическая организация в данном случае выступает не только как композиционная форма, но и как архитектоническая форма. Масштабы пространственной сферы произведения постепенно изменяются, расширяясь от узкого, конкретного пространства усадьбы к более широкому, масштабному, от мира усадебной жизни – до мира бесконечного.

Символически значимым является также мотив дороги, к которому стянуты все внутренние сюжетные линии произведения. Он содержится уже в начале повести, в которой описывается путь в Сухотинку Никиты Дехтянского. По дорогам ездит в своих хозяйственных хлопотах главный герой, не зная сам ответа, зачем он строит новый завод. Как будто подчиняясь неведомой страшной силе, перед которой бессилен, кружит по дорогам Ознобишин-дед. Неуемная жизненная

энергия, природная сила не дают ему остановиться, но не может уехать, спрятаться от себя самого. Отсюда чувство пустоты и страшные, жестокие его поступки, в которых он каеется, исповедуется помраченному сознанием отцу, рассказывает о себе страшные истории, в которых повинен.

Длинные дороги, напоминающие бесконечную печаль жизни Анны, тихие и пустынные, они вписаны художником в общий символический Контекст произведения. Названный мотив выражает в повести идею кружения, повтора, неизвестности: «сплелись – расплелись, сошлись – разошлись, межа с межой, дорога с дорогой, и кто скажет, куда они ведут, кого и зачем? Легли по земле вот теперь, когда вечер, приготовились отдохнуть, натрудившись за день, дышат вокруг себя за версты и версты темным, тяжелым, безрадостным и густым глядят кратко и, может быть, молятся всем просторам: «Враг, сатана, откатись» (Сергеев-Ценский, 352)

Весьма важны в поэме звуковые образы –очные шорохи и шумы, пугающий хохот загадочного хозяина ночи птицы-гагача. Они являются метафорическим аналогом неведомой силы, которая властвует над судьбами людей и земли. Мотив тишины выражен в загадочном, странном немотном безмолвии просторов, окружающих усадьбу, в описании тихих летних дней, сосредоточенной, напряженной тишине усадьбы. Он символически скрещивается в финальных эпизодах произведения с мотивом дороги. Ночь после смерти Анны, очень долгая, тихая, пустынная, в которой звучит голос Маши, читающей заупокойную молитву в гулкой тишине дома. Затем Озношибин, покидая усадьбу, едет с Машей по тихой зимней дороге. Все указанные мотивы входят в поэму Сергеева-Ценского, об разуя ее систему.

Неореалистическая проза 1900-10-х гг. С.Н. Сергеева-Ценского отражает богатство и много гранность неореализма как метода синтетического, осваивающего художественные достижения

модернизма (реализма, символизма и импрессионизма). Произведениям автора присуща много плановость фабульных линий, художественных образов, полифоничность. Как писатель-неореалист Сергеев-Ценский смело экспериментировал в области формы, часто нарушая границы между жанрами и родами литературы; лиризм во все возрастающем объеме проникал в его повести, в малые жанры, изменяя характер эпики, обретавшей более высокую эмоциональную насыщенность.

Заключение

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что в 1910- годы в развитии повести С.Н. Сергеева-Ценского обозначились новые тенденции. В средней жанровой форме отступает либо сильно ослабляется эпичность. В ней часто нет сложного, законченного сюжетногоузла, который, как правило, обязателен для жанров XIX века. Меняется характер самого конфликта повести. Она отходит от сюжета-«ситуации», в структурной организации произведений значительно возрастает «удельный вес» внефабульных связей. В неореалистической прозе писателя 1900-1910-х годов проявляется тенденция все большей свободы сюжетостроения, отражающая сложные формы отношений человека и мира. Сюжет теряет линеарность, в нем усиливается психологизм, отличительной чертой названных произведений является всеобъемлющий лиризм, сплавляющий в произведение в единое целое.

Поэтику нового реализма значительно обогатили художественные открытия символизма и модернизма, расширившие его возможности. Прежде всего это сказалось в стремлении к созданию образов-символов, в лейтмотивной структуре, суггестивности художественного текста, повышенном внимании к семантике ритма. Они открыли новые возможности эстетического освоения действительности для писателя, расширив функции художественного слова в его прозе.

Литература

- 1 Сергеев-Ценский С.Н. Собр.соч.: В 8 т., т.1.- М., 1955.
- 2 Келдыш В.А. Русский реализм начала XX в. М., 1975.С.144.

References

- 1 Sergeyev-Tsenskiy S.N. Sobraniyesochineniy: V 8 t.omakh: tom 1. M. 1955.[Sergeyev-Tsensky S.N. Collected Works: In 8 volumes, vol. 1. Moscow, 1955]. (In Russian).
- 2 Keldysh V.A. Russkiyrealizmnachala XX veka. M., 1975.S.144. [Keldysh V.A. Russian realism of the beginning of XX century. Moscow, 1975]. (In Russian).

МРНТИ 170111

Айнабекова Г.Б.,

PhD докторант 2 курса Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: gulzhan.aynabekova@gmail.com

**МОТИВ И ФОРМЫ ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ
В КАЗАХСТАНСКОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ
(на материале книги Н.Черновой «Степной Вавилон»)**

В статье рассматриваются особенности художественной прозы казахстанской поэтессы Н. Черновой. На основе её новой книги «Степной Вавилон», представленной в жанре повести и рассказов исследуются трансформации основных мотивов «память», «воспоминания о детстве» и «любовь к жизни». Также рассматриваются и лингвостилистические особенности повествовательной прозы в аспекте авторского восприятия действительности сквозь призму детских воспоминаний.

Ключевые слова: мотив, память, детство, рассказ, повесть, жанр, сказка, любовь, трансформация.

Ainabekova G.B.,

PhD doctoral student 2-year of Al Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: gulzhan.aynabekova@gmail.com

**Motive and forms of its transformation in the Kazakh Russian prose
(on the material of N. Chernov's book "Steppe Babylon")**

The article deals with the peculiarities of the artistic prose of Kazakh poet G. Chernova. On the basis of her new book "Steppe Babylon", presented in the genre of stories and novels studied the transformation of the main motives of "memory", "memories of childhood" and "love of life." Also considered and linguostilistic features of narrative prose in the aspect of the author's perception of reality through the prism of childhood memories.

Key word: motive, memory, childhood, story, genre, fairy tale, love, transformation.

Айнабекова Г.Б.,

әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университетінің 2 курс PhD докторантты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: gulzhan.aynabekova@gmail.com

**Қазақстан орыс прозасының мотиві мен оның түрленуі
(Н. Чернованың «Степной Вавилон» кітабының желісі бойынша)**

Мақалада ерекшеліктері көркем проза қазақстан ақын Г. Чернова. Негізінде оның жана кітап – "Дала" Вавилон, ұсынылған жанры повесть және әңгімелер зерттеледі трансформация негізгі себептері "жады", "естеліктер мен балалық шағы туралы" және "өмірге деген махаббат". Сондай-ақ, қаралады және лингвостилистические особенности повествовательной прозы аспектінде авторлық шындыққа қабылдау призмасы арқылы балалар естеліктер.

Түйін сөздер: мотив, естелік, балалық шақ, әңгіме, повесть, жанр, ертегі, махаббат, трансформациясы.

Введение

Родина Надежды Черновой – Иртыш и Прииртышье, бескрайняя степь с её своеобразной красотой, родной Баянул.

Почти через двадцать лет краски степного колорита и своё поэтическое восприятие мира Н. Чернова переносит из лирики в прозу. Если степной пейзаж в поэтических строках автора отражается ярко и звонко, переливаясь многоцветием красок и звуков бесконечного пространства, то в прозе в этой же интонации жизнь воспринимается как единственное и неповторимое явление, в границах которого человек осуществляет свои помыслы и надежды. При этом традиционная для женской лирики тема любви, пронизывающая все предыдущие книги стихов Н. Черновой, в особенности в сборнике «Только о любви», в прозе откликается «широким и полноводным» повествованием. В этом повествовании, так же как и в поэтических произведениях живут знакомые образы и мотивы: памяти и воспоминания, веры и надежды, ревности и смятения, радости и благодарности от сбывающихся чувств и неувядающих эмоций, от обретённого счастья и неизбежной печали. В прозе любовь к родной земле, любовь к своим истокам, женская любовь определяют истинную меру жизни, также как они определяли её в стихах:

А напоследок надо мало: Растёт ромашка у межи... «Люблю!» кому-нибудь скажи, Как лето всем лугам сказало – И счастье возрасти в дом, Как в раннем детстве залетало, Когда шиповник над прудом Цвёл только алого накала. И в наше сердце проникало Лучом горячим и прямым Лишь то, что радость вызывало к живым.

Обо всём этом: о жизни и любви и многих других чувствах, которые соединяют времена, роднят людей и не знают ни временных, ни земных границ поэтесса художественно развёртывает в прозаическом произведении. «Всё в этой книге правда, всё было на самом деле, пережито автором, и всё – художественный вымысел» (Чернова, 2015: 3).

На почти трёхстах страницах книги вместе с реальными персонажами ожидают и литературные герои, которые вобрали и соединили в себе черты многих людей довоенных и послевоенных лет 20-го столетия. «Время ушло, уходят и поколения, с их неповторимыми, яркими судьбами, с говором западно-сибирским, казачьим, степным, с обычаями и бытом Прииртышья, где жили разные народы, являя собой своего рода Степной Вавилон» (Чернова, 2015: 3).

Эксперимент

В композиционном плане книга состоит из двух частей, каждая часть включает в себя по семнадцать рассказов-эпизодов. Первая часть носит название «Мороз-трава. Повесть в рассказах», вторая – «Великие скитания. Повесть в рассказах». Заглавие пятнадцатого рассказа-эпизода в первой части «Степной Вавилон» стало заголовком всей книги.

Творчество Н. Черновой является собой пример тесной связи поэзии и прозы в лице одного автора. Повествование в «Степном Вавилоне» продвигается короткими рассказами. Переходы от одного рассказа к другому отличаются не только жанрово-сюжетной, но и временной непоследовательностью. Картины бытия в книге озарены поэзией детства, которая пронизывает её повествовательную структуру. Даже о самых трудных моментах жизни, сложных перипетиях человеческих судеб, исторических невзгодах автор прибегает к слегка ироничной, полу-сказочно окрашенной интонации. Основными движущими элементами таких сюжетных линий выступают мотивы памяти, истории и любви к родной земле. По признанию самой Н. Черновой: Не надо океанов и морей: мне хватит капли родины моей....

Именно память позволяет человеку быть тем, чем он является, действовать в окружающем мире, осознавать своё собственное «я», учиться, любить. Недаром часто вместо «разлюбил» говорят – позабыл: «Не захочет написать, – значит, позабыла, значит, надо понимать, вовсе не любила» (слова из песни военных лет). Согласно закону регрессии или обратного развития памяти французского психолога Т. Рибо в книге «Память в её нормальном и болезненном состоянии», в случае с амнезией сначала забывается то, что усвоено недавно, потом забвение распространяется на то, что усваивалось прежде. И только в самом конце утрачиваются воспоминания о детстве (Коломинский, 1986).

В прозе Н. Черновой трансформация мотива памяти в мотив любви закономерна: шестнадцатый по счёту рассказ первой повести «Мороз-трава» называется «Первая любовь», в нём повествуется о первой любви Анюты, «готовой умереть от любви». Через все рассказы обеих повестей сквозным мотивом проходит память детства. Рассказы-воспоминания автора – это взгляд из детства на описываемые взрослым автором события и характеры персонажей. Для автора мотив памяти приобретает личностный смысл

и побудительную силу, связанные с желанием и удовлетворением потребности высказаться, осветить свои жизненные ценности, интересы и идеалы, подвести какие-то итоги, поделиться своими размышлениями об изменчивости жизни, о быстротечности времени. Мотивы памяти и любви как совокупность внешних и внутренних условий, вызывают авторскую активность и определяет сюжетную направленность «памятной прозы» окрашенной любовью к далёкому детству. В последнем семнадцатом рассказе первой повести «Клад» она пишет: «Отшумела, отстрадала, отрадовалась эта жизнь. Уже и наша на исходе. Нет больше чёрной лестницы в бывшем доме купца Гаврилова. Нет звонкой мостовой на улице Чехова. Нет школы, где мы учились. Нет дома, где останавливался Абай. Дом снесён. И соседние дома повалили, а сады сами вымерли, ушли вместе с нашим детством. Течёт по улицам песок (Чернова, 2015: 126).

В её рассказах немало присказок, они буквально рассыпаны по страницам повестей и рассказов: «Жизнь прошла – осталась зола! Хороша золка – moet до шёлка! Зола – не зла – отмоет до бела! Бери золку – не будешь волку! Золица – што птица, не возьмёшь – разлетится!», «Тёмна душа – не стоит ни гроша, а на светлу – всяк охотится» и т.п. (Чернова, 2015: 98).

Мотив памяти – это «нервный узел» авторских повестей в рассказах. Обращение к такому узлу вызывает взрыв эстетических эмоций, приводит в движение цепочку ассоциаций, способствующих правильному восприятию произведения, обогащающих его.

«Грызли мы ещё плитки прессованного фруктового чая и киселя, которые от старости делались каменными. Все эти лакомства нищего детства, которых мы стеснялись в юности, кажутся мне теперь такими прекрасными и бесконечно дорогими» (Чернова, 2015: 96).

Последний рассказ второй части книги «Эпилог», как все предыдущие заканчивается сказкой, которую девочке «плетёт Катя – матушка Шурале»:

- В некотором царстве, в некотором государстве, на Острове, вот как примерно наш, трава росла. До самого неба – одна трава. И надоело ей травой быть: век за веком одно и то же, любому надоест. Хлеб, говорят, и тот приедаится. Токо вот што-то я, грешница, хлебушко никак не разлюблю, да некому мене из городу привезть.. – всхлипывает Катя, но сказку не бросает... (Чернова, 2015: 284).

Так и живут в рассказах «Степного Вавилона» введённые посредством мотива памяти сказки – другое жанровое образование. Это уже относится к вопросу о трансформации жанра. Что же касается трансформации мотива, то этот вопрос тесно связан с функцией композиции произведения.

Результаты и обсуждение

Художественная проза Н. Черновой вписана в современную литературу, интеллектуальную, ироничную, с особой, «отстранённо-припоминающей» интонацией, с проникновенным тоном (Ананьева, 2010: 322). Такая проза освещает непосредственный внутренний опыт, передавая сильные переживания и глубокие чувства автора, порой облекаясь в полусказочные формы повествования. В советской литературе 60-70-х годов был подобный опыт с ярко выраженным мотивом «память». Так, первая часть книги А. Клёнова «Поиски любви», изданной в 1967 году, носит название «Память». В ней помещены стихи, близкие по своей стилистике и образно-поэтическому настрою поэзии Г. Черновой: «В углу над крапивой и мяты Душистые розы цветли, И в сладость тычинок измятых, Гудя, забирались шмели, А дождь самоцветами капал, Играя на солнце косом. И девочке мальчик царапал – Люблю – на ладони шипом. Но девочка только смеялась, Зажав между пальцами кровь. С тех пор повелась и осталась И сладкой, и горькой любовь» (Клёнов, 1967: 159).

При сходном мотиве почти о такой же любви к различным ситуациям в жизни пишет в своих рассказах и Н. Чернова в воспоминаниях сквозь призму детских впечатлений, оставшихся в памяти. Особенности детских впечатлений отразились и в языковом плане. Тексты рассказов наполнены эмоционально окрашенной народной лексикой сказочного свойства: « – Ну так вот, которая, значит, трава в дудку пошла – конями стали. Долгоноги, гривы шелковы до земли – красавцы кони! Обдуваны – всюду званы, летуны пернаты, все из ваты, с забубёнными головушками, с листом резным – те людями обернулися. С тех пор и нету им покою: вот уж скитаются, девушка, вот скитаются – пока прахом не лягут. Эх, девушка, а обдуваны летают себе, а кони бегают, а птицы кричат, а рыбы едят друг дружку – не хотели травами расти, глупои. Вот и сказка вся...» (Чернова, 2015: 285).

Заключение

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что при всём богатстве жизненного материала, привлекаемого автором из глубин своей памяти, в центре непосредственного содержания её произведения «Степной Вавилон» стоят соз-

данные автором характеры, изображение галереи разнообразнейших характеров, которых запечатлило её детское сознание и сохранило в памяти, чтобы воспроизвести их с потрясающей любовью. И это писательский дар позволил ей превратить свои воспоминания в образы, волнующие читателя своей жизненной убедительностью.

Литература

- 1 Чернова Н. Степной Вавилон: Проза. – Алматы, 2015. – 288 с.
- 2 Коломинский Я.Л. Человек: психология. – М.: Просвещение, 1986. – 223с.
- 3 Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Второе исправленное и дополненное, издание. – Издательство «НАУКА», Москва, 1975. – 720 с.
- 4 Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 208 с.
- 5 Ананьева С. Русская проза Казахстана. – Последняя четверть 20 века – первое десятиление 21 века. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. – 356 с.
- 6 Клёнов А. Поиски любви. – М., «Советский писатель», 1967. – 500 с.
- 7 Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М., 1976. – 548 с.

References

- 1 Ananeva S. (2010). RusskayaprozaKazahstana. – Poslednyayachetvert 20 veka – pervoedesyatilenie 21 veka. [Russian prose of Kazakhstan. – The last quarter of the 20th century – the first decade of the 21st century]. Almaty: ID «Zhibek zholyi», 356 s.(In Russian)
- 2 Kayda L.G. (2004). Stilistikateksta: otteoriikompozitsii – k dekodirovaniyu: uchebnoeposobie. [Stylistics of the text: from the theory of composition to decoding: a textbook]. M.: Flinta, 208 s.(In Russian)
- 3 KolominckiyYa.L. (1986). Chelovek: psihologiya. [Man: psychology]. M.: Prosveschenie, 223 s.(In Russian)
- 4 Kondakov N.I. (1975). Logicheskiyslovar-spravochnik. Vtoroeispravlennoe i dopolnennoe, izdanie. [A logical dictionary-reference. The second revised and enlarged edition]. Izdatelstvo «NAUKA», Moskva, 720 s.(In Russian)
- 5 Klyonov A. (1967). Poiskilyubvi.[The search for love]. M., «Sovetskiypisatel», 500 s.(In Russian)
- 6 Timofeev L.I. (1976). Osnovyiteoriiliteraturyi. [Fundamentals of the theory of literature]. M., 548 s.(In Russian)
- 7 Chernova N. (2015). StepnoyVavilon: Proza. [Steppe Babylon: Prose]. Almaty, 288 s.(In Russian)

МРНТИ 17.07.41

Джаламова Ж.Б.,

ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: zhanna-dz@mail.ru

АВТОРСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ПРИШВИНА

Художественная система М.М. Пришвина в спектре автор-герой не претерпела серьезных изменений и всегда обладала определенной устойчивостью. И в ранних произведениях писателя, и в более зрелой прозе мы находим схожие принципы взаимоотношений автора и его героев. История текста пришвинских произведений создает необходимые условия для реконструкции авторского замысла в его движении и претворении. Оригинальность, то есть авторская глубина мотивно-образной содержательности в произведениях Пришвина постигается лишь с помощью текстологической атрибуции. В сфере текстологических изысканий воссоздается «Автор» во всех аспектах его художественного претворения.

Ключевые слова: автор, герой, авторская позиция, повествователь, авторское сознание, образ автора.

Dzhalamova Zh.B.,

Assistant Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: zhanna-dz@mail.ru

Author's narrative in the early works of M.M. Prishvin

Artistic system of M.M. Prishvin in this aspect, the author-hero has not undergone serious changes in and has always had a certain stability. And in the early writings of the writer, and in more mature prose, we find similar principles of the relationship between the author and his characters. The history of the text of the works of Chuvashev creates the necessary conditions for the reconstruction of the author's design in his movement and implementation. Originality, that is, the author's depth of motivational-figurative content in the works of Prishvin is comprehended only with the help of textual attribution. In the field of textual research, the author is recreated in all aspects of his artistic implementation.

Key words: author, hero, author's position, narrator, author's consciousness, author's image.

Джаламова Ж.Б.,

әль-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: zhanna-dz@mail.ru

Михаил Пришвиннің алғашқы туындыларындағы авторлық баян

М.М. Пришвиннің көркемдік жүйесі аталған автор –кейіпкер түргысынан үлкен өзгерістерге ұшыраған жоқ және әрқашан белгілі бір тұрақтылықты сақтап келді. Жазушының бұрынғы шығармаларынан да, кейінгі шығармаларынан да автор мен оның кейіпкерлерінің өзара әрекеттесуіндегі үқсастықтарды аңғарамыз. Пришвин шығармаларының мәтін тарихы қозғалыстағы және алдын ала туындастын автор ниетін қайта құруға қажетті жағдай жасайды. Бірегейлік, яғни Пришвин шығармаларындағы мазмұнның мотивтік-образдық, авторлық тереңдеуіне тек тестологиялық атрибуция арқылы қол жеткізуге болады. Текстологиялық зерттеулер аясында оның барлық көркемдік туындау негізіндегі «Автор» бейнесі сомдалады.

Түйін сөздер: автор, кейіпкер, авторлық позиция, баяндаушы, авторлықтаным, автор образы.

Введение

Художественная литература на рубеже веков становится воплощением духа авторства. Личностное начало приобретает особую значимость, авторская индивидуальность активируется, что находит выражение в самой структуре художественного произведения. Системный и целостный анализ литературного произведения подразумевает обязательное обращение к понятиям автор и герой, повествователь и образ автора. Проблема авторского дискурса становится доминирующей выступает в качестве объекта серьезных научных исследований в литературоведении. Это обусловлено развитием литературы, которая все сильнее акцентирует внимание на личностном, индивидуальном почерке и характере творчества, где все время возникают и актуализируются разнообразнейшие формы «поведения» автора в художественном произведении. Современное литературоведение рассматривает художественное произведение как оригинальный результат творческой лаборатории писателя и как особый мир, как некое высказывание, где повсеместно осуществляется авторский диалог с читателем. В зависимости от того, на чем сосредоточены интересы исследователя, можно акцентировать внимание и на образе автора в художественном литературном произведении соотношении авторского голоса с голосами различных персонажей. Интерес к проблеме отмечает определенно очерченная историческая перспектива. Проблема автора возникла очень давно. Понятие об авторе как лице эмпирико-биографическом и всецело несущего ответственность за сочиненное им произведение укореняется, по мнению В.В. Прозорова, вместе с признанием в истории культуры самоценности творческой фантазии, художественного вымысла, суждения писателей о своеобразии литературного дела (Prozorov, 1999: 12).

Эксперимент

Творческая биография М.М. Пришвина прояснилась с достаточной определенностью лишь в восьмидесятые годы, с завершением в 1986 году восьмитомного собрания сочинений. Наиболее полное по сей день издание включило ряд произведений, не публиковавшихся при жизни писателя, либо после выхода в свет в 20-30 годы не переиздававшихся. Заинтересованные исследователи получили очевидное доказательство

неполноты официально подтвержденного ранее пришвинского наследия.

По сути, несколько поколений читателей познавало художественный мир М.М. Пришвина по правленым различными издательствами, с множеством купюр и амплификаций, редакциями текста. В результате возникли в осознании и оценке мировосприятия писателя серьезные недоразумения и перекосы. Лишь достаточно узкий круг исследователей владел квалифицированной информацией об истинном положении дел с пришвинским наследием.

Исследование проблемы было не самоцелью, оно позволило понять особенности мировоззрения писателя, увидеть новые грани художественной концепции мира, уточнить некоторые черты поэтики его прозы. объективированный образ человека-писателя, который в реальности может быть представлен лишь неким вариантом, выведенным из множества образов, сформированных у сторонних наблюдателей этого человека, с одной стороны, с другой – собственное представление писателя: о себе как личности и о себе как авторе. И наконец, еще одна граница разделяет представление писателя о себе как об авторе и тот образ автора, который сформируется у читателя. Для массовой культуры характерно не различие образов писателя и автора и даже образов писателя и рассказчика, повествователя, лирического героя, там, где таковой имеется. И уж тем более велико искушение полностью идентифицировать героя автобиографической художественной прозы и личность того, кто эту прозу создавал. С этой точки зрения координируется решение проблемы в эстетике М.М. Пришвина. Для Пришвина мир всегда тайна. Принятие мира как тайны, поиски Небывалого, духовные по своей сути, легли в основу очерка «За волшебным колобком» (1906) с характерным подзаголовком – «Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии» (Prishvin, 1982: 1). Уже в предисловии автор признается, что путешествие является лишь поводом, на самом деле он «желал бы напомнить о той стране без имени, без территории, куда мы в детстве бежим... Я пробовал в детстве туда убежать. Было несколько мгновений такой свободы, такого незабываемого счастья... В светящейся зелени мелькнула страна без имени и скрылась» (Prishvin, 1982: 182). Писатель размышляет о возможности уйти в эту страну, не испытывая духовной жажды. Интеллектуально-рассудочное отношение к миру, его реалиям совмещено в этих записках с поисками вечного, нетленного, того, что не исчезает, а лишь уходит

вглубь, оставаясь сущностной основой жизни. Фокусом совмещения реального и ирреального, действительности и сказки является, авторское «я». Авторское «я» – тот центр, который объединяет философские, эстетические, психологические моменты писательской позиции.

Герой-повествователь – путешественник, этнограф, ищущий «тайную жизнь прошлого в настоящем», – главная ипостась образа автора. Это «герой пути», духовный странник. Мотив поиска в произведениях М.М. Пришвина своими генетическими корнями прорастает к русской народной сказке. Сказочным героям, чтобы достигнуть «нового царства», нужно совершить неимоверные подвиги, преодолеть несчетные препятствия и прежде всего – бесконечное расстояние, отделяющее нашу действительность от лучшего «волшебного мира». Очевидно, что именно этот принцип конституируется в повествовании автора. Весьма примечательно, что все пришвинские персонажи и, прежде всего, сам автор-повествователь либо находятся в пути, либо достигают «иной» земли после длительного передвижения во времени и пространстве. На пути испытаний, герой может приобретать магические силы, чудесных помощников, с ним могут совершаться различные метаморфозы. Путь-дорога сказочных героев является собой «цепь потерь», бед, ошибок, падений, а также находок, приобретений, судьбоносных встреч, роковых совпадений. Странствия весьма актуальны в фольклоре. Фольклорные герои проходят испытания, которыми наполнены их пути-дороги, а выбор дороги, как известно, это еще и выбор жизненного пути, особой траектории судьбы «фольклорного человека». Как можно судить, мотив странствования, или пути сопровождается в пришвинском повествовании поисками «заповедного» места (чаши ли, царства ли, земли обетованной), или правды истинной. Этот мотив институализируется в решающих точках соединения в круге творчества писателя и, следовательно, должен, согласно наблюдениям Б. Гаспарова конституироваться в других мотивах и создавать вместе с ним систему семантических смыслов. «В итоге любой факт теряет свою отдельность и единство, ибо в любой момент и то и другое может оказаться иллюзорным: отдельные компоненты данного факта будут повторены в других сочетаниях и он распадается на ряд мотивов и в то же время станет неотделим от других мотивов, первоначально экспонировавшихся в связи с, казалось бы, совершенно иным фактом» (Gasparov, 1996: 49). Условие адекватного вос-

приятия текста, таким образом, – интерпретация мотивно-образной системы в ее целостности, когда нарушение одного звена влечет за собой потерю всего целого.

Мотив пути в авторском образном претворении актуализирует ключевые положения статьи Е. Трубецкого «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» (Trubetzkoy, 1990:107). Объединяющее начало пришвинской и восточных традиций художественного поиска в претворении отмеченного мотива видится еще в одной констатации, подтвержденной в статье русского философа убеждающими доказательствами. «Ищут этих новых земель все те, кому так или иначе тесно в рамках быта. Но есть точка, где ищащие разделяются. Одни удовлетворяют потребности в «новой земле» естественными житейскими способами. Другие, напротив, преисполняются отвращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному» (Rybachenko, 1984: 7).

«Непреодолимое влечение к чудесному» испытывают все пришвинские персонажи и, прежде всего, сам автор-повествователь или рассказчик. Главной семантической и структурообразующей доминантой «Колобка» является мотив – странствия. Перед нами – двойное путешествие – странствие: странствует герой-повествователь, очень близкий физическому автору, странствуют герои очерка, которые постоянно находятся в поле внимания автора. Их пути-дороги совпадают или расходятся, рисуя причудливую изломанную траекторию.

Следует отметить, что сами названия глав в очерке обнаруживают отчетливую хронологическую семантику: «Лес», «Красные горы», «Море», «Полночь», «Из записок на Северной Двине», «По морю на лодке к святым островам», «Солнечные ночи», «Река Нива и озеро Имандр», «Солнечные ночи в Хибинских горах», «Белая ночь» и так далее.

Структура пространства традиционно обнаруживает горизонтальную и вертикальную характеристики, которые имеют архетипические точки схождения. Небо и земля формируют здесь вертикальный вектор. Небо – это высшая реальность, организующая пространство мечты. Земля и вода, формируя горизонтальную плоскость, властвуют над людьми. Вода на Севере в функциональном плане близка земле, она питает землю и кормит поморов. Берег Белого моря является той точкой, где во время «нездешних грэз» «светлой ночью» сходятся, как показывает Пришвин, бытие и инобытие.

В «Колобке» актуализировано движение по кругу, о чем свидетельствует семантическая структура ключевого слова, вынесенного в название – «Колобок», главной темой которого является значение «круглый». Если обратить внимание на траекторию передвижения героя-повествователя, то можно обнаружить удивительную вещь: герой, начав свое путешествие из Архангельска через Соловецкие острова, мимо Карелии, Лапландии, на Олений остров, по Гольцовой реке обратно к Имандре, а потом в Архангельск совершает некое подобие круга. Вернувшись в Архангельск, он снова отправляется в путь теперь уже другим маршрутом (Канин Нос – остров Сосновец – Мурман – Норвегия – Александровск – Варбэ – Нордкап – Нордкин – Гаммерфест – Трамсе – Лофотенские острова – Трондхейм – Стокгольм – Архангельск), таким образом, тоже совершая круг уже другого масштаба, большего по своему диаметру. Два круга, маленький и большой, дополняют друг друга. Географическое перемещение по кругу есть отражение духовного, ментального движения писателя и его героя-повествователя – «возвращение к себе». Сам Пришвин осознавал свой метод как круговое воплощение темы, исходящей из ее фокуса, центра.

Суть понимания образа автора в произведении, творческого метода писателя объясняет сам Пришвин: «Я предлагаю им [писателям] для будущей огромной синтетической работы художественного сознания воспользоваться и моим «этнографическим» методом художественного изображения действительности... вещь нужно описать точно (этнографически) и тут же описать себя в момент интимнейшего соприкосновения с вещью... путь... мне открывается в работе искания момента слияния себя самого с вещью, когда видимый мир оказывается моим собственным миром. Так смотрят на мир наши неграмотные крестьяне, и так все мы, образованные и деятельные люди, пожалуй, будем смотреть, когда освободимся от философской заумности» (Prishvin, 1986: 141).

Автор-повествователь, он же и герой, этнографически точно описывает окружающую действительность, но это лишь повод к изучению жизни души человека. Образ автора уже в предисловии задается в двух плоскостях: с одной стороны, интеллигент, созерцатель, путешественник, с другой – сказитель, воскрешающий образ прекрасной мифологической Руси. Здесь же начинают звучать, перекликаясь, две струны: объективно-рациональная, сухая, почти

протокольная (очерковое перечисление географических реалий путешествия) и поэтическое признание: сердце писателя находится в поисках «страны светящейся зелени». Совпадение первых писательских шагов с работой Пришвина-фольклориста весьма символично. У героя-повествователя есть потребность обратиться к истокам народной души, в которой существуют, по мнению М.М. Пришвина, два пласта: христианский и языческо-мифологический. Мироощущение героя связано со славянской мифологией, которая постоянно присутствует в повествовании. Кажется, что это мифологическое мироощущение очень близко герою-интеллигенту, так сильна фольклорно-сказовая стихия постижения древней Руси с ее Марьями Моревнами, бабушками-задворенками, Иванами-Царевичами и, конечно, волшебным колобком, за которым и идет герой.

Характерным приемом М.М. Пришвина является обыгрывание диалектизмов в речи поморов, странников, причем значение многих диалектизмов объясняется автором с позиций лексикографа, что органично вписывается в ткань повествования и не выглядит чужеродным элементом: приехали не вовремя – в сухую воду; место отлива – куйпога; навалуха – случайное, непрочное счастье, не настоящее счастье; ромша – промысловая артель из восьми человек; порато – очень; буйно – брезент; юровщик – человек, который идет впереди и за ним остается след; ропаки – высокие плавучие льдины.

«Я изучил язык поморов, напрягая все свое внимание, чтобы запомнить своеобразные выражения нашего перевозчика...» (Prishvin, 1982: 223), – признается герой-повествователь, акцентируя внимание читателя на завораживающей интонации речи простых людей, многие из которых тоже ищут свой путь к «свету истинному». М.М. Пришвин плетет затейливый рисунок, путая нити рассказа, заставляя читателя переходить из одной сферы речи в другую; все синкретично, все спаяно. Мир рисуется с разных точек зрения. Писатель незаметно осуществляет процесс временного и пространственного переключения. Реальное, земное, настоящее таит вневременное, трансцендентное, и точкой пересечения этого является авторское «я», задающее вопрос, обращенный к самому себе: «Где это было, когда это было, что это было?» У М.М. Пришвина нет готового ответа. Он находится в постоянном диалоге со своими героями, и прежде всего с героями-повествователем, соглашаясь и не соглашаясь с ним, отстраняясь от него, присматрива-

ваясь к нему, а иногда сливаясь с ним. Языковая личность автора многогранна, он блестяще реализует субъектно-речевые сферы персонажей, точка зрения которых проявляет авторскую позицию. Вместе с тем при всей многогранности «я» повествователя в сознании читателя он воспринимается как нечто целостное, единое, что определяется личностью самого автора.

Результаты и обсуждение

Структура образа автора может быть различной. В связи со спецификой жанра в текстах с главенствующим документальным началом есть два повествовательных плана – план настоящего (на этом уровне действует повествователь, автор текста) и прошлого (реконструируемый авторской памятью образ собственного «я»). Таким образом, происходит как бы раздвоение субъекта. С одной стороны, это предполагает некую отстраненность автора от себя в прошлом. С другой стороны, автобиографическое произведение предполагает совпадение автора и героя. Автор является всеведущим, осведомленным обо всех описываемых событиях. Он субъективен, утверждает справедливость высказываемых им оценок; его интенцией является исповедальность, то есть изначальная установка на подлинность того, о чем повествуется. Автор наделяет героя своей биографией, судьбой, характером. Тем не менее эти две фигуры не всегда тождественны, хотя многие структурные особенности

произведения создают видимость совпадения. К ним относятся форма повествования от первого лица, внешнее сходство автобиографического героя с автором, совпадение их имен. Но вернее будет сказать, что в автобиографическом герое автор не отражает зеркально, а скорее осмысливает свою биографию, не копирует реальность прямо, а творчески преображает ее. Это утверждение в полной мере применимо к прозе М.М. Пришвина.

Заключение

Итак, существование разных взглядов на проблему соотношения автора и героя свидетельствует о возможном многообразии трактовок взаимоотношений этих двух категорий. Многоаспектный анализ литературного произведения позволяет определить степень дистанцированности создателя текста от его героя, что особенно важно при разговоре о произведении с главенствующим автобиографическим началом. Здесь границы между художественной и документальной реальностью часто могут быть размыты. Основываясь на вышеперечисленных доводах относительно очерка М.М. Пришвина «За волшебным колобком», можно сделать вывод, что данное произведение можно считать таким, где автор «перевоплощается» в главного героя. Он выступает в тексте не как наблюдатель, а как активный действующий и переживающий субъект.

Литература

- 1 Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение.- М.: Высшая школа, 1999. – С. 11- 21.
- 2 Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Художественная литература, 1982, т. 1. – 620 с.
- 3 Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
- 4 Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. – 1990. – №2. – С. 100-118.
- 5 Рыбаченко Н.В. Жанровые особенности ранних очерков М.М. Пришвина: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филолог. наук: 10.01.02 / Одесский государственный университет. – Одесса: 1984. – 16 с.
- 6 Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Художественная литература. – 1986, т.8. – 824 с.

References

- 1 Gasparov B.M. (1996) Yazyk, pamyat, obraz. Lingvistika yazykovogo sushestvovaniya. [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. M.: Novoye literaturnoye obozrenie, 352 p.(In Russian)
- 2 Prishvin M.M. (1982). Sobranie sochinenii. [Collection of works].v. 8 t.,t.1. M.: Hudozhestvennaya literature, 620p. (In Russian)
- 3 Prishvin M.M. (1986) Sobranie sochinenii. [Collection of works].v. 8 t.,t.8. M.: Hudozhestvennaya literatura, 824p. (In Russian)
- 4 Prozorov V.V.(1999) Avtor. Vvedeniye v literaturovedeniye. [Author. Introduction to literary criticism]. M.: Vysshaya shkola, P.11 – 21. (In Russian)
- 5 Rybachenko N.V. (1984) Zhanrovye osobennosti rannih ocherkov M.M. Prishvina. [Genre features of the early essays M.M. Prishvin]. Avtoref. Na soiskanie uchenoy stepeni kand. philol. nauk, Odessa, Odesskiy gosudarstvenniy universitet, 16 p. (In Russian)
- 6 Trubetckoy E. (1990) «Inoye tcartstvo» iyego iskateli v russkoy narodnoy skazke. [“Another Kingdom” and its seekers in the Russian folk tale] Literaturnaya ucheba, №2, P. 100 – 118. (In Russian)

Dzholdasbekova B.U.¹, Abilda E.M.²,

¹Member of the NAS of Kazakhstan, Doctor of Philological Sciences, professor,

²master student of Al-Farabi Kazakh National University,

Kazakhstan, Almaty, e-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz; erlan.abilda@gmail.com

GENRE DIVERSITY IN THE WORK OF DMITRY SNEGIN

The article discusses the genre originality of the novel "In the city of Verny" by Dm. Snegin. It is analyzed the history of the plot creation and the difficulties in the way of the writing of the work. This article seeks to examine the ratio of fictional characters and real historical figures, who are the heroes of the story. The author reveals the genre and structural features, motives and problems of the novel. It is emphasized that in the novel features of the topicality of the manifested increased attention to the event-author of the narrative. Finally revealed the fact that the writer introduced to the reader the artistic study of historical events that took place in the city of Verny around in pre-revolutionary years, but refracted through the consciousness of the author and processed in his creative workshop.

Key words: genre, novel, author, characters, motive, issues, plot.

Жолдасбекова Б.Ә.¹, Әбілда Е.М.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеттінің

¹КР ҰҒА корреспондент мүшесі, ф. ғ. д., профессоры, ²1 курс магистранты,
Қазақстан, Алматы к., e-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz; erlan.abilda@gmail.com

Дмитрий Снегин шығармаларындағы жанрлық ерекшеліктер

Мақалада Дмитрий Снегиннің "В городе Верном" романының жанрлық ерекшеліктері қарастырылған. Атамыш шығарма сюжетінің пайда болу тарихы мен шығарманы жазу кезіндегі қыындықтары сарапталады. Мақаланың басты мақсаттарының бірі шығарманың басты кейіпкері болып табылатын ойдан шығарылған есімдер мен оған сәйкес келетін шынайы өмірдегі тұлғалар есімдерінің арасындағы қарым-қатынасы қарастырылады. Автор романдағы өзекті мәселелерді, мотивтерін және жанрлық-құрылымдық ерекшеліктерін ашып көрсетеді. Мақаланың соңында автор жазушының оқырмандарға рефолюция қарсаңында Верный қаласында және оның төнірегінде болған тарихи оқиғалардың әдеби түрдегі зерттеуін, автордың шығармашылық зертханасында өндөліп, автордың санағы арқылы берілетіні туралы қорытынды жасайды.

Түйін сөздер: жанр, роман, автор, кейіпкерлер, мотив, тақырыбы, сюжет.

Джолдасбекова Б.У.¹, Абильда Е.М.²,

¹ член–корр. НАН РК, д. ф. н. профессор, ²магистрант 1 года обучения

Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, Алматы, e-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz; erlan.abilda@gmail.com

Жанровое многообразие в творчестве Дмитрия Снегина

В статье рассматривается жанровое своеобразие романа Дм. Снегина «В городе Верном». Анализируется история создания сюжета и трудности на пути создания данного произведения. В статье ставится задача рассмотреть соотношение вымышленных персонажей и реальных исторических лиц, которые являются героями повествования. Автор раскрывает жанрово-структурные особенности, мотивы и проблематику романа. Особо подчеркивается, что в романе черты хроникальности проявились в повышенном внимании автора к событийной стороне повествования. В заключении раскрывается тот факт, что писатель представил читателю художественное исследование исторических событий, происходивших в городе Верноми его окрестностях в предреволюционные годы, но преломленных через сознание автора и переработанных в его творческой мастерской.

Ключевые слова: жанр, роман, автор, персонажи, мотив, проблематика, сюжет.

Introduction

At the end of the 50s Dmitry Snegin began work on the novel "In the city Verny", which originally consisted of three books: "At World's End" (1959), "We are from the Jetisu" (1970) and "Through our hearts" (1979). In an interview with Vladimir Vladimirov writer revealed the reason for the writing of this epic: "Once our neighbor have died. Typically, such a grandfather. Bosom friend of my father. He knew well all revolutionaries ... Pavel Vinogradov. The sign was a Tokash Bokin. Then it was perceived as the most common ... Humble. Careful ... no, not a bolshevik. As if to the Left SRs belonged ... <...> And at the funeral it became clear that for this old man, of Pavel Vinogradov, for Tokash Bokin, other people were driven business truly epic ... <...> And then, and my heart so sick at the thought that burst hour – leave us all of life forever, and nobody after us try to humanly cherished, not protocol to fix everything that was alive generations of our fathers and grandfathers ... <...> and not just anywhere, but here, on my native land Jetisu! That's the problem" (Vladimirov, 2003: 12).

D.F. Snegin's chosen genre allowed art to understand the historical past of the city is true, the events of the revolutionary years. In Soviet literature of the time the novels of this type have been devoted to the revolution and civil war, twenties, collectivization and its genre forms are historical and revolutionary. Perhaps the biggest disadvantage was that the problem-thematic range and the time-space of these works remained narrow, affecting only the social conflicts of the revolutionary time, the period of preparation and accomplishment of the revolution. But, on the other hand, the authors sought to show not only the activity of the masses, the power of revolutionary ideas that transform society in the spirit of socialism, but also historically accurate to reproduce the process of formation of a new personality, to reveal the moral sense of their ideals, to prove that the only goal and the high purpose of man – in the service of the good of the people to realize the need for regularity and appearance at all times, the characters, the meaning of life is determined not selfish interests but to serve people, altruism.

Experiment

D. Snegin realized enormously large and difficult work of collecting and studying the materials described era. Adopted writer installed on

the accuracy of the factual (whether this description streets Old Faithful or episodic portrait of the hero), he knew of creative processing techniques have helped the writer of the document to re-create with the help of the author's imagination, historical scenes and events. The plot in all three books is based on a genuine connection and interpenetration has been restated in documentary sources, and the fact that, while maintaining the appearance of the real is a fiction writer or a creative interpretation of the documentary background to events. Such a merger is so organically, that only a good knowledge of the real facts allows you to distinguish between the methods of representation. Fictional characters and real historical figures, not only are the heroes of the story, but also to come into contact with each other according to the author.

As Prince A. Bolkonsky and Kutuzov in "War and Peace" by L. Tolstoy, Peter and Brovkin family in the novel A. Tolstoy "Peter", and Gregory Melekhov Podtyolkov, Kudinov, Ermakov in "Quiet Flows the Don" Sholokhov, fictional characters D.F. Snegin Tamyr Asylbek Oralbai and Ivan Kiyankin, teacher Alexander Lidina, prototypes of which were the two well-known revolutionary Verny A. Kocharovskaya and L. Aleksandrov, Aigul wife of Estay, from alash orda Sarymolda Kokenov, a prototype of which a secret agent detective department named Kara Abdilda Kåken with historical characters Pavel Vinogradov, Tokash Bokin, Jacob Szydlow and many others involved in the real historical events. It is no coincidence after the release of the novel "The city of Verny" readers debated prototype characters and fictional characters Estay Asylbekov seen concrete historical personality. In the readers' conference an old veteran, "I assured that he personally knew Asylbekov and then that Asylbekov, in the thirty-seventh year, fell victim to Stalin's cult of personality..." (Vladimirov, 2003: 27). The writer himself polemically stated: "...But it stake of fictional characters, they are I do not have. I repeat, perhaps, except for the smallest..." (Vladimirov, 2003: 32).

The illusion of artistic credibility and creates a variety of options ratio artistic writing techniques and documentary text. Author's description continues quote documentary source, or, conversely, an excerpt from the document precedes copyright explanation of the quote is an artistic frame. The document is available in some places retold, which gives the product of the spontaneity of live narration of the events and heroes. Despite the ideological task, dictated by the laws of the genre of the historical-revolutionary novel, D.F. Snegin builds a story by

all the canons of classical realist novel. The trilogy focuses on the formation of a new type of person, so along with the problem of the people and the country's fate raises the question of human destiny, the individual, i.e. the ratio between the historical events and the life of the individual is stored in a familiar, traditional proportions, and this has allowed the writer to adequately use the techniques of "family romance". On the other hand, in the novels it tells about real, historical events that took place in Verny and the surrounding area in 1913-1921's, so the writer introduces in the plot a large number of events (more than 200 actors), which gives the narrative an epic breadth. Epic also said in the beginning of gravity of the writer to the thorough description of the event, rather than the analysis of the essence of what is happening. Features topicality manifested in the increased attention to the event-author of the narrative.

Novelist elect outwardly restrained, emotionally stingy style of the narrative, uses almost subtext psychology, in which the basic principle of self-discovery becomes a hero, giving preferential attention to artistic detail, which carries out cultural features in a visual form is a historic moment, and national character. D. Snegin along with above marked challenges facing them in the course of work on the trilogy, paid great attention to the problem of creation of artistic biography of Pavel Vinogradov. As acknowledged by the writer himself, he thought of his characters "just like the real ones. <...> with few exceptions <...> all-all the characters – people from reality itself. They charged her energy. With them I lived and live in the same edge. In the Seven Rivers. And this is where most of the energy of each. <...> Of course, I could not be familiar with Pavel Vinogradov, the protagonist of "the faithful". He died in the thirty-second year. But I have seen and heard Vinogradov. I was then under twenty. I am familiar with his family" (Vladimirov, 2003: 38).

Results and discussion

From these "knowledge" and "dating" was born in moderation romanticized hero with "ordinary biography in an extraordinary time," the man with the dramatic fate, which played a crucial role in the accomplishment of the revolutionary transformation of one of the national borderlands huge Russian Empire. In this context, the significant title of the first book of the trilogy – "At World's End." For Pavel Vinogradov, the indigenous people of Pskov, working Putilov plant in St. Petersburg, re-link to the south, in the "Asian prairie" is

associated with the "edge of the world": "How to live in these inconceivable desert and wilderness lands" first narrative phrase takes us into the thick of event 1913: "rainy night Pavel Vinogradov escaped from exile" (Snegin Dm., 1981:33). In addition, it is accompanied by the author's extra-textual commentary, which reported biographical information, "Pavel Vinogradov (1889-1932) – one of the heroes of the novel, active fighter for Soviet power in the Seven Rivers. Born in the village Gridnino Pskov province. The son of a poor peasant, was underherdsman, coachman in a brick factory. After finishing school he worked as a teacher's rural teacher, then studied at the Pedagogical Institute in St. Petersburg. In 1911, he worked at the Putilov factory, where he joined the underground Bolshevik organization. During the revolutionary work he was exiled to the Tomsk province. In 1913 he escaped from exile. He was caught, forwarded to settle in the city Faithful" (Snegin Dm., 11: 102). These protocol-specific, credible references writer gives almost every historical character as they appear in the story. The motif of "end of the world" grows, acquires new details in the narrative appears the motive of "unknown place" as the final destination of escorting exile: the Karakum sands, Naryn region, Semipalatny. The hero does not know that "a secret order from St. Petersburg, received here in advance, it is politically dangerous for the criminal empire, offered on foot to transmit to settle in the city faithful under police supervision" (Snegin Dm., 1981: 33), i.e. the faithful marked as the end path. Dmitry Snegin here beats the semantics of the word and gives it a social status. Hero perceives it as the end of the dream, and, where the hero consciously intended to devote his life.

The motive of the meeting with the faithful becomes the leading further narration. Perception Vinogradov seen romantically: "On the twenty-seventh day way Vinogradov saw something that just could not believe it. Ahead – the south – rose, embracing half the sky, mountains with snowy peaks sharply defined and subtle at the foot. The mountains looked like a giant wave of bizarre. It's like a long time ago, when in place steppes lapped vast ocean, the mighty tree somewhere rolled from north to south and typing irresistible impetuosity on the Siberian plains, suddenly hit the sky region, violently reared and so it froze, petrified, turned into this powerful, fabulously beautiful mountain range" (Snegin Dm., 1981: 39). Symptomatic appearance of the motif that the hero feels returnees "in the dear home after a long and difficult journey" (Snegin Dm., 1981: 40).

The main role in the image of a young revolutionary activities in the provincial town playing household items, repeat that emphasizes their symbolic nature. Vinogradov exiled, freed from the annoying guards and captain Astrakhantsev commits a "rite of dressing," liberation from old clothes, appears in front of the teacher in vernentsami suit. City life is striking diversity, language diversity and polyphony. Details details emphasize the wretchedness of life surrounding the hero of simple vernentsev their dull routine, a kind of "case" of their existence. Authentically recreated the general atmosphere of the city "on the edge of the world": the absence of a spiritual uniting people start generates sometimes savage manners of citizens, people lose their sense of living. Their fondness for ridiculous rumors, wild fun, inertia and ignorance indicate the total absurdity of life. And this hero organically hostile environment originate a new consciousness, a new relationship between people, Dmitry Snegin hero carries out his mission: "... to link Bolshevik – the continuation of the revolutionary struggle in the new environment. And he will work hard here ... <...> will fight for the freedom and happiness of the steppe destitute..." (Snegin Dm., 1981: 28).

Snegin uses methods of linear, cumulative, composition: Vinogradov met with someone from the citizens, and it gives the writer an occasion to start a new story about this character (see stories fool Yashka, Family of Kiyankin story, on Andrei Vorontsov, and the like.). The motive of the ideological and political confrontation is implemented in episodes collision Pavel Vinogradov and gendarmerie captain Astrakhantsev, extraordinary man, which some researchers, in particular VI. Vladimirov, called Verny. He is intelligent, well-read, perspicacious, skilled in conducting small talk at heart even respects his opponent, but the line of duty and in accordance with their own convictions must let the young Petersburger revolutionary activities and his associates. This story writer brought to its logical conclusion. One of the defining motif of the plot movement is overcome Vinogradov and his like-minded psychological difficulties, and above all of

a social nature to the implementation of their tasks party. The leitmotif of the story passes through an international theme – the theme of the Kazakh and Russian friendship, which is realized in a variety of private storylines. Particularly significant plotline of the tragically short life and a bright and revolutionary activity Tokash Bokin.

D.F. Snegin reliably and realistically recreated the character of the non-indigenous character of the epoch, he showed the way to the revolution of the Kazakh intelligentsia. Compared with other heroes look Vinogradov recreated writer more fully and in detail. But the author, based on the requirements of the historical novel genre, expands the scope of the narrative, yet seeks to give maximum information about the characters faces, even episodic. In some plot episodes shown activity Jacob Szydlow and Luke Emeliov, commander of the First Semirechensk Red Guard Regiment member Military-revolutionary Committee, Stepan Maletina, Alexander Berezovsky, Rudolf Marechek, on the one hand, and their opponents, who considered themselves the time being masters of life, the merchant Pugasov, St. Petersburg valet de chambre, was carrying out a special mission in Vern Zinger Sr. and his son, Christian officer, Commissioner of the Provisional government, S.R. Shkapskiy, "the prince of the steppe" from the alashorda Kokenov and many others. As you can see, the reader artistic D.F. Snegin presented a study of historical events that took place in the city of Verny and the surrounding area in the pre-revolutionary and revolutionary years, but refracted through the consciousness of the author and processed in his creative laboratory. Versatility and completeness of the image he has made that put their heroes, real and fictional, in the center of historical events, when there is a check for the right to be called a man, when in the course of the collision and struggle exposed the essence of each of them. The writer is historical in the sense that he, himself a direct (albeit young) witness of the era and the people faithfully reproduces historical events, facts, details, and the spirit of the time.

Литература

- 1 Владимиров В. Дмитрий Снегин. Его любовь, Память и Слово. Алматы: ТОО «Издательский дом «Қазақстан». – 2003. – 288 с.
- 2 Снегин Д. В городе Верном: роман. – Алма-Ата: Жазушы, 1981. – 544 с.

References

- 1 Vladimirov V. (2003). Dmitry Snegin. Ego l'ubov', Pamyat' i Slovo. [Dmitry Snegin. His love, Memory and Word]. Almaty: Publishing House "Qazaqstan". 288 p.
- 2 Snegin Dm. (1981). V gorode Vernom: roman [In the city of Verny: novel]. Alma-ata: Zhazushy. 544 p.

МРНТИ 17.71

Жаксылыков А.Ж.¹, Алпысбаева Т.²,

¹д. ф. н. профессор, ²магистрант 2 курса
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aslanj54@mail.ru; tansulua7@gmail.com

СИМВОЛИКА ЧИСЛА 9 В КАЗАХСКОЙ АРХАИЧЕСКОЙ МЕТА-КУЛЬТУРЕ

Данная статья посвящена некоторым аспектам традиционной мета-культуры казахов, в частности символике чисел, особенно числа 9, которое выполняет важную структурную и знаково-семантическую роль в обрядовой, культовой жизни этноса, отражая архаические космогонические и сакральные понятия, забытую древнетюркскую астрологию. Символика числа 9 имеет как экзотерические, так и эзотерические аспекты, это обстоятельство выясняется при антропологическом исследовании фольклора казахов, особенно философии и поэтики волшебных сказок.

Ключевые слова: символика, фрактал, магия, атрибут, ипостась, алгоритм, нумерология.

Zhaksylykov A.Zh., Alpysbaeva T.,

¹DSc, Professor, ²Master's student
of Kazakh National University Al-Farabi, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: aslanj54@mail.ru; tansulua7@gmail.com

Symbols of the number 9 in the Kazakh archaic meta-culture

This article is devoted to some aspects of the traditional meta-culture of Kazakhs, in particular the symbolism of numbers, especially number 9, which plays an important structural and semantic role in the ritual, cultic life of the ethnus, reflecting archaic cosmogonic and sacral concepts, forgotten ancient Turkic astrology. The symbolism of number 9 has both exoteric and esoteric aspects, this circumstance is revealed when anthropological research of folklore of Kazakhs, especially philosophy and poetics of fairy tales.

Key words: symbolism, fractal, magic, attribute, hypostasis, algorithm, numerology.

Жақсылықов А.Ж., Алпысбаева Т.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

¹профессоры, ф. р. д., ²курс магистранты,

Қазақстан, Алматы, e-mail: aslanj54@mail.ru; tansulua7@gmail.com

Қазақтың архаикалық мета-мәдениетіндегі №9 рәміздері

Бұл мақала қазақ халқының дәстүрлі мета-мәдениетінде, кейбір аспекттеріне арналған, атап айтқанда, ескі көне түркі астрологиясын ұмытқан архаикалық космогон және сакралдық түсініктерді бейнелейтін этносдың салт-дәстүрлік, мәдени өміріндегі маңызды құрылымдық және семантикалық рөлді орындастын сандардың символикасы. 9 санының символикасы экзотериялық және эзотерикалық аспекттерге ие, бұл жағдай қазақ халқының фольклорын, әсіреле философия мен ертегілер поэтикасын антропологиялық зерттеу кезінде анықталады.

Түйін сөздер: символизм, фрактал, сиқыр, атрибут, гипостаз, алгоритм, нумерология

Введение

В космосе казахских сказок магия чисел и символика сновидения тесно связаны. На серьезность отношения людей архаического общества к сновидениям указывает тот факт, что существовали своеобразные специалисты по правильному прочтению снов, к ним относились так же, как к шаманам, магам, прорицателям. От правильного прочтения сна могла зависеть вся дальнейшая судьба, из этого психологического фактора и вытекало уважительное отношение к профессионалам, владеющим секретами и ключами к отгадыванию снов. Притча о сновидении Иосифа Прекрасного, как известно, отражена и в Библии и в Коране. В казахской этнокультуре традиция прочтения снов называлась “*түс жсору*”. В целом ряде казахских волшебных сказок отрицательный персонаж (демон, великан, колдун) узнает по всему сну о появлении героя, несущего возмездие. Однажды увиденный сон великан (*диу*) помнит всю жизнь и твердо знает об исполнении видения. Исполнение видения в качестве предзнаменования предваряется троекратными символическими повторами. Таким образом, сновидение – это как бы присутствие высшего метафизического элемента в сюжете сказки, через дар сновидения высшие силы как бы дают знать о своем существовании и судьбоносной воле. В рамках ментальных алгоритмов фольклора число 3 мы воспринимаем как фрактал более знаковых чисел 9 и 6 (9 – это трижды три, 6 – это дважды три).

Универсальное значение чисел в Священных писаниях показано исследователями нумерологии. (Stuart,:1) Числа 3 и 9 наиболее знаково-символические в тенгрианской космогонии. Об этом пишет А. Никонов в своей книге «Тенгрианство. У истоков духовности человечества»: «Тенгрианство утвердило трехуровневую структуру мира – верхний (небо), средний мир (земля), нижний (преисподняя). В свою очередь, небеса, например, тоже делились на 9 уровней. Человек (кроме общеизвестного деления на тело и душу) имел 7 тел, от внешнего физического (тулга), до высшего духовного (санам)». (Nikonov, 2014: 2.12)

Символику чисел в этнокультуре казахов анализирует Ж.К. Каракозова, выделяя алгоритм 3 как главный, структурообразующий. (Karakozova, 1997: 3.19-21)

Эксперимент и анализ

В наиболее известной казахской волшебной сказке “Ер-Тостік” движение героя по вертика-

ли в нижние миры, встречи с нечеловеческими существами представляют основную сюжетную доминанту. Герой оказывается в нижнем мире, провалившись в дыру. До этого состоялась встреча с *жалмауыз-кемпір* у колодца (колодец, дыра, пещера, яма, могила, трещина в системе знаков сказки – это врата в подземный мир). Встреча с демоницей – это, видимо, редуцированная инициация, она предваряется обменом формулировками. Бегство от демоницы, проваливание в дыру, долгое падение напоминают известные шаманские инициации мнимой смертью. Нижний мир воспринимается таким же реальным, как и обычный. В Бапу-хане, правитель змей, узнается один из повелителей нижнего мира. Бапу-хан принимает Ер-Тостика, когда тот демонстрирует бесстрашие и миролюбие, тем не менее, дает поручение и отправляет к Темир-хану, видимо, божеству еще более нижнего мира. По пути к Ер-Тостику присоединяются различные богатыри, слухач, бегун, проглоти-озеро, подними-гора и др., которых можно воспринимать в контексте сказочного мира как персонифицированных стихиалиев. Темир-хан в свою очередь испытывает Ер-Тостика и его друзей и дает ему поручение достать казан родителей со дна озера, что на символическом языке, видимо, означает путь в еще более глубокие миры к их повелителям (казан здесь – символ самого что ни есть дна миров). Не забудем и о том, что на языке алгоритмов сновидений океан, море, озеро символизируют нижние планы бытия. Дна мира достигает благородный конь Шалкайрык, зооморфный дух, покровитель лошадей Камбар-ата. Мотив ныряния в изначальные воды и доставания либо глины, либо чудесного предмета – постоянный элемент космогонического мифа. В нивхских мифах в воды ныряет серая утка, в индусских мифах – рыба, в которой нетрудно узнать самого Вишну, либо рыба, змей – это его священные атрибуты, соответственно мифологические ипостаси. В казахской сказке изображается следующее, – когда конь ныряет в озеро, показываются три пенных круга, знаки преодоления еще более нижерасположенных границ. Тем самым восстанавливается семислойная композиция трансфизических миров: яма, мир Бапу-хана, мир Темир-хана, озеро, и три круга ниже озера. Мистерия мнимой смерти и странствия души в подземных мирах также часто встречается в мировых космогонических мифах. Вспомним странства Одиссея, Орфея, мистерию Иисуса, Дионисия, Осириса, Гильгамеша, Кришны, Арджуны и др. Следовательно,

сюжет о проваливании в нижние миры и странствий там является одним из основных лейтмотивов среди мировых архетипических сюжетов. В этой мистерии мнимой смерти и последующем воскресении угадываются значимые парадигмы солнечной и лунной религий, древнейших на земле, поочередно сменявших друг друга. Проблема корреляции и символико-семантической взаимосвязи лунной и солнечной религий подробно проанализирована в монографии Эриха Церена. (Tseren, 1976: 4.256) Ер-Тостик по рождению – сын солнца (грудинка была напитана солнцем) и земной женщины. Миф допускает подобное, многие герои различных эпосов и мифов выступают сыновьями богов, сыном бога считался древними греками Александр Македонский.

Ер-Тостик поднимается на поверхность земли с помощью исполинской птицы Самрук. Птица Симург, Самрук, Семаргль, Гаруда в системе древних языческих пантеонов евразийских, индусского, персидского народов – это чаще всего божественный посредник между мирами, бог-посланник. В мифах народов Индии Кришна, он же Вишну, изображается на спине огромного орла. Однако в фольклоре функции исполинской птицы глубже и архаически таинственней, нежели только посредничество. Например, она может проглотить человека и выплюнуть его обновленным или приживить кусок вырванного из тела мяса. Значит, птица наделена и творящими, а также инициационными функциями. Ер-Тостик у подножья гигантского дерева убивает дракона-айдахара, намеревавшегося проглотить птенцов Самрук, только после этого он подвергается проглатыванию и выплевыванию, то есть приобретает новое тело. Все эти действия напоминают синкетический архаический ритуал с религиозной символикой смерти и воскресения с сакральными кодовыми знаками и намеками. Также угадываются образы мирового дерева, дракона–луны, трех птенцов – сакральных дней Олиары, когда луны нет, они вписаны в контекст архаической лунной мистерии. У тюркоязычных народов, принявших ислам, лунный календарь действовал до последних двух веков, следовательно, лунная астрология, лунарные мифы, числовая символика, календарные праздники, исчисляемые по ночному светилу, соответственно различные культуры и табу, посвященные луне, должны были достаточно хорошо сохраняться в фольклоре, обычаях и суевериях наших народов.

Один из подвигов Ер-Тостика – уничтожение великана Шойын–құлака. Причем девять

души великана (анимистический принцип духовного полиморфизма) были спрятаны в теле черной козы, которая паслась в стайке из сорока коз на берегу речки. Победив Шойын–құлака, Ер-Тостик проявил не только хитрость и смелость, но и определенное искусство, знание. Принцип духовного полиморфизма – это один из основных принципов первобытной культуры, шаманской метафизики. Представление о том, что у человека, как и у нечеловеческих персонажей, душа не одна, что их несколько, до девяти, что они могут храниться где–то за пределами тела, очень часто встречается как в сказках, так и в шаманских текстах. Кроме того, число 9, видимо, является сохранившимся маркером реликтовой астрологии, где в неделе было 9 дней, в году 40 таких недель, следовательно, 360 дней в году, а 5 или шесть дней выделялись как сакральные (олиара – А.Ж.).

Результаты и обсуждение

На это обстоятельство указывает С. Кондыбай. «Бір жағынан, бұл сан – 9 құндік 40 алтадан тұратын бір жылдық күнтізбелік айналымды көрестеді. «41-інші» үй – Үш Қияның өзіне келуі де кездескіткіш емес. 40 үй-аптаға бір жылдық циклдің табигат, аяу-райы өзгерістерінің 40 амалы да сәйкес келеді». (Kondybay, 2004: 5.10)

Анализируя образ мирового дерева в фольклоре народов древней Месопотамии, Эрих Церен предложил следующую интерпретацию: птица, сидящая в гнезде на ветке дерева, проглатываемая змеем, затем воскресающая через три дня, это ни что иное, как метафорически представленная луна. (Tseren, 1976: 4.256)

Как известно, лунный календарь наиболее долго сохранялся кочевыми народами. Три дня полного исчезновения луны для кочевников были сакральными днями Олиары, когда соблюдались запреты на охоту, странствия, сближения мужчины и женщины. По реконструкции мифологической матрицы великан Шойын–құлак погибает от рук Ер-Тостика именно в день Олиары, в этот день он отправился на охоту, то есть нарушил табу. Существует и отдельная сказка «Шойын–құлак», где повторяются действия, описанные в finale сказки «Ер-Тостик», только на этот раз героем выступает Мерген. Действие принципа полиморфизма можно усмотреть в сказках «Аламан и Жоламан», «Три сына бедняка» и в целом ряде других повествований – души персонажей также находятся вне тела и бывают помещены то в предмет (кинжал), то в животное.

Анимизм – основное поле духовных смыслов и первичных понятий, которое допускает представление о полиморфизме внутреннего космоса человека, чрезвычайно распространенное в мифологической культуре реликтовых народов разных континентов. Универсальную модель многослойной архитектоники мира в шаманизме можно соотнести с полиморфизмом представлений о внутреннем мире человека, нетрудно заметить, что эти две модели находятся в отношениях макрокосма и микрокосма. Общая картина мифологической, метафорической картины космоса, в структуру которой вписан микрокосм человека, выглядит достаточно сложной многослойной моделью, к тому же динамической и алгоритмизированной в основных знаково–символических проявлениях и образных манифестациях. Эта модель мира с иерархически взаимосоотнесенными планами бытия по принципу Верх–Низ, Внешнее–Внутреннее, пронизанными принципом духовного единства, семантически обуславливает трансперсональные коммуникации души человека по уровням метафизической реальности. Данная универсальная модель космоса, изоморфная принципу полиморфизма, типологически присущая шаманизму разных народов и племен, реконструируемая по фольклору, отличается от аналогичной метафизической модели монотеистических религий (христианства, ислама, иудаизма) одним важным обстоятельством – в монотеистических религиях стабилизировано представление о душе человека как о недифференцированной духовной единице. Сравните, в буддизме категория души отрицается, «я» человека воспринимается как умозрительная иллюзия, временная комбинация мотивов и идей – *санскара*. В сказке «Шойың–құлак» Мергену удается победить великана, последовательно, одного за другим убив восемь птенцов, душ врага. Однако в критический момент, когда он помедлил, девятый птенец вновь умножился до восьми. Уничтожив и этого птенца, Мерген окончательно одолевает врага. Вспомним Кошечу Бессмертного в русском фольклоре с его многими вложенными друг в друга душами. Таким образом, в анимистическом взирении Все состоит из всего, следовательно, во всеобщих отношениях Все взаимодействует со всем. Этот вывод подтверждается не только принципом полиморфизма и духовных коммуникаций героя по планам бытия, но и принципом партеногенезиса (*зачатия от объектов природы* – А.Ж.). В сказках можно найти разные варианты партеногенезиса: за-

чатие от овечьей грудинки, от солнечного луча, от других предметов. Брак возможен с широким рядом зооморфных существ, в этом проявляется духовное братство и родство всех предметов и существ анимистического космоса.

В сказках «Три сестры», «Аламан и Жоламан», «Кайым–батыр» и др.увечье герою наносится через умыкание души, спрятанной либо в кинжале, либо в цветных шнурках. (Fairytales, 1989: 6.259-263) В целом ряде других сказок говорится о том, что душа героя заключена в особом локоне или пряди волос, этот фактор затем выступает мотивообразующим принципом сюжета и целостно влияет на развитие действия. Если вспомнить, что этиологии психических заболеваний шаманы чаще всего объясняли потерей субъектом души или одной из душ, что их действия по излечению заключались в мистерии странствии в ином мире с целью найти потерянное и вернуть его на место, то нетрудно прийти к логическому выводу о причине распространенности подобных сюжетов в сказках, соответственно – о глубоком влиянии шаманских практик на формирование фольклора. В случаях тяжелых психических расстройств шаманы нередко говорили, что душу большого человека умыкнул злой дух (чулмус, жын–шайтан, албасты), и их дальнейшие мистериальные действия представляли инсценировку свирепой борьбы с демоном, похитителем души. В зависимости от своего статуса белого или черного шамана баксы апеллировал за помощью либо к *періште* и *аруахам* (духам добра), либо к джиннам и шайтанам. В сказках нередко душа человека выглядит как предмет, в который она помещена (точилка Ер–Тостика). Не этим ли глубоко архетипическим мотивом объясняется сюжетная парадигматика – поиск героям чудесного предмета, столь распространенная в сказках народов мира. В любом случае сюжетное влияние этого этиологического мотива на структуру сказки несомненно. Все это, в конечном счете, свидетельствует о плодотворности концепции преимущественных перемещений героя сказки по вертикали многослойных мета-и-трансфизических миров. Поиски невесты, странствия с этой целью в пределы далеких стран, также постоянная тема сказок, видимо, обусловленная принципом экзогамии. С этим мотивом связаны ситуации добрых испытаний жениха, единоборство с противником, вопросы и загадки и т.д. Однако в волшебных сказках герой нередко женится на *пери*, то есть на нечеловеческом существе, следовательно, и в системе сюжетов, обусловленных экзогамным

фактором, когда движения осуществляется по горизонтали обычного мира, может быть представлен тип движения по метафизической оси.

С достаточной долей условности можно принять и следующее прочтение, что в образной системе сказок пещера, яма, могила, колодец, трещина в земле, озеро, болото, море, океан – символы преддверия в нижние миры. Напротив, великанское дерево, гора, высокое место, город на облаках, город на холме – это врата в более высокий мир. Промежуточными обрядовыми формами в трансмиграциях героя являются инициация, мистерии смерти и воскресения, поиска утерянной души, поиска нечеловеческого союзника, сверхчеловеческой идеальной жены и др. На наш взгляд, трансмиграции героя по метафизической оси миров отчетливо проявлены в сюжетах следующих сказок: «Ер–Тостик», «Каратай», «Иди туда – принеси сюда», «Кебис, волшебное кольцо и веточки», «Красавица Миржан и владыка подводного царства», «Кара–Мерген», «Великан Алпамыс», «О женском ханстве», «Жена–удав», «Три сына бедняка», «Джигит и волчица», «Кендыбай на коне Кергуле», «Царь и беркут», «Каим–батыр» и др. Безусловно, среди этих сказок есть и заимствованные. Однако это только географически расширяет базу универсальных общечеловеческих принципов архаического и архетипического эстетического мышления в эпоху формирования мирового фольклора.

В более высокие миры герой сказки обычно переносится либо во сне, либо на спине большой птицы, либо с помощью чудесного коня, волшебного кольца, пера птицы Самрук, по воздействию жены – пери, чудесного старца и т.д. Предпосылкой трансмиграции героя вверх в

чудесные миры является необычное рождение субъекта приключений (*он сам оттуда, сверху* – А.Ж.). Духовная миграция также обуславливается чистотой героя («никогда не лги» – наставляет Тазшу старец), соблюдением положенных запретов, брачным союзом с сверхчеловеческой женщиной–пери, обладанием героем особого магического предмета или особой отметины на теле, также совершением выдающегося подвига – уничтожения, например, дракона.

В некоторых сказках обозначены мотивы относительности времени в условиях трансмиграции между мирами. Так Мерген, очутившийся во сне в стране *peri*, женится там, проживает много лет и когда по возвращении оказывается в своем городе, обнаруживает, что не прошло и часа с момента его чудесного отбытия. Бывает и наоборот: за время путешествия героя (Ер–Тостика) в его стране проходит много лет, так что старятся его родители, жена, и ему приходится предпринять магические действия, чтобы омолодить их.

Заключение

Безусловно, мы не можем динамику всего многообразия сказочных действий свести к мета- и трансфизическим миграциям героя, например, в большом количестве сказок о животных, социально–бытовых сказок имеют место локальные, одноэпизодные сюжеты, тяготеющие к занимательности и притчевости. Однако по отношению к сюжетам волшебных сказок вывод об универсально–типологическом значении сюжета с парадигматикой духовных перемещений и символикой таких знаковых чисел, как 9, вполне правомерен.

Литература

- 1 http://hristadelfiane.org/books/Secret_NN/Secret_NN.pdf
- 2 Никонов А.Ю. Тенгрианство. У истоков духовности человечества. – Алматы: Ценные бумаги, 2014. – 88 с.
- 3 Каракозова Ж.К. Казахская культура и символ. – Алматы: ТОО «Эверо», 1997. –69 с.
- 4 Церен Э. Лунный бог. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
- 5 Кондыбай С. Тоғыз ту казак ордасының метатарихына кіріспе. – Мұх-Мираж, №3 (3), 2004. – С. 7-17.
- 6 Ертегілер. – 4 том. – Алматы: Жазушы, 1989. – 304 б.

References

- 1 http://hristadelfiane.org/books/Secret_NN/Secret_NN.pdf
- 2 Nikonov A.Yu. Tengrianism. At the origins of the spirituality of mankind. [Tengrianism. At the roots of the spirituality of mankind.] Almaty: Securities, 2014. 88 p.
- 3 Karakozova Zh.K. Kazakh culture and symbol. [Kazakh culture and symbol.] Almaty: "Evero" LLP, 1997. 69 s.
- 4 Tseren E. The Lunar God. [The moon god.] Moscow: Nauka, 1976. 256 p.
- 5 Kondybay S. Togyz, the Kazakh "Ordasyn" metatarihyna kirispe. [Introduction to the Kazakh horde of nine hills.] Kukh-Miras, No. 3 (3), 2004. P. 7-17.
- 6 Ertegiler. [Fairy Tales.] 4 tom, Almaty; Zhazushy, 1989. 304 p.

МРНТИ 17.82.10

Жаппаркулова К.Н.,

ассистент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

К ИСТОРИИ РУССКО-КАЗАХСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: А. С. ПУШКИН И МАХАМБЕТ

В статье рассматриваются вопросы влияния А.С. Пушкина на творчество Махамбета в контексте русско-казахских литературных связей. Особое внимание уделяется поездке А.С. Пушкина по местам Пугачевского восстания, посещению казахской степи и города Уральска. Во время пребывания в этих местах А.С. Пушкин познакомился с культурой казахского народа, его фольклором и, в частности, с поэмой «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Обосновывается положение о том, что А.С. Пушкин оказал огромное влияние не только на творчество Махамбета, но и на последующее развитие всей казахской литературы в целом.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Махамбет, фольклор, культура, литературные связи, концепт-символ.

Zhapparkulova K.N.,

Assistant Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

To the history of russian-kazakh cultural and literary relations: A.S. Pushkin and Makhambet

The article discusses the influence of A.S. Pushkin on the work of Makhambet in the context of Russian-Kazakh literary connections. Particular attention is paid to the trip of A.S. Pushkin in the places of the Pugachev uprising, visiting the Kazakh steppe and the city of Uralsk. During his stay in these places A.S. Pushkin became acquainted with the culture of the Kazakh people, his folklore and, in particular, with the poem "Kozy-Korpesh and Bayan-Sulu". It is substantiates the position that A.S. Pushkin had a great influence not only on Makhambet's work, but also on the subsequent development of all Kazakh literature as a whole.

Key words: A.S. Pushkin, Makhambet, folklore, culture, literary connections, concept-symbol.

Жаппаркулова К.Н.,

әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің асистенті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

Орыс-қазақ мәдени және әдеби байланыстарының тарихы: А. С. Пушкин және Махамбет

Мақалада орыс-қазақ әдеби байланыстарындағы Махамбет шығармашылығы контекстіндегі А.С. Пушкин шығармашылығының мәселелері қаралады. А.С. Пушкиннің қазақ даласына, Пугачев көтерілісі болған жерлерге және Орал қаласына жасаған сапарына басты назар аударылады. А.С. Пушкин осы сапар кезінде қазақ халқының мәдениетімен, фольклорымен және «Қозы Көрпеш және Баян сұлу» поэмасымен танысты. А.С. Пушкин тек Махамбет шығармашылығына ғана емес, сонымен қатар қазақ әдебиетінің дамуына үлкен әсерін тигізді.

Түйін сөздер: А.С. Пушкин, Махамбет, фольклор, мәдениет, әдеби байланыс, концепт-символ.

Введение

Русско-казахские культурные и литературные связи имеют глубокие корни, вековые традиции, восходящие еще к допушкинским временам. Но особенное место в этих связях занимает А. С. Пушкин. Он проявлял живой интерес к казахской культуре, прежде всего к казахской народной поэзии. Пушкин, как известно, интересовался фольклором не только русского народа. Он сознавал себя поэтом многонациональной страны и предсказал то время, когда каждый народ назовет его своим поэтом. В черновых вариантах известного стихотворения «Памятник» Пушкин, наряду с другими народностями, упоминал и киргизца (казаха). Видимо, степь произвела на него глубокое впечатление. Во времена пребывания в Оренбургском крае (1833 г.) по вечерам он долго простоявал на берегу Яика и мечтательно всматривался в меркнущую даль на Бухарской стороне.

Степь манила, притягивала своим необъяснимым очарованием. Поэт только что узнал легенду о пламенной и трагической любви Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Запись этой легенды на 8 страницах, сделанная со слов жырау Жанкиси рукой неизвестного лица, хранится в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге. Эта запись была опубликована лишь в 1937 году Л.Б. Модзальевским. Она несколько расходится с наиболее распространенным вариантом этого замечательного произведения, относящегося к XVIII веку, но основная сюжетная линия передана в пушкинской записи правильно. Таким образом, Пушкин – первый из русских поэтов, познакомившийся с жемчужиной казахской народной поэзии, заключавшей в себе глубокое общечеловеческое содержание. Поэт, пленившись степной легендой, собирался написать поэму о степных Ромео и Джульете. Кто знает, не случись дуэли на Черной речке, мы, возможно, имели бы гениальное произведение, равное «Руслану и Людмиле» и другим творениям поэта.

Эксперимент

Во время своего путешествия на Урал Пушкин встретился с выдающимся казахским поэтом Махамбетом Утемисовым, позднее возглавившим антиколониальное восстание в Бukeевской Орде. Вместе с ним был певец жырау по имени Жанкиси. Пушкина с Махамбетом познакомил В. И. Даль, друг Пушкина, в будущем состави-

тель знаменитого толкового словаря. Своим путешествием на Урал поэт остался доволен. Это была действительно творческая поездка. Его память, как копилка, наполнялась новыми яркими впечатлениями, дававшими пищу и уму, и воображению. К сожалению, имена многих пушкинских собеседников не сохранились. Но сохранилось переданное ими отношение к Пугачеву, которое верно и бережно отразил Пушкин на страницах «Истории Пугачевского бунта» и в повести «Капитанская дочка».

Сорок дней путешествия подходили к концу. Пушкин прощался с гостеприимным Уральским. «При выезде моем вечером пошел дождь, первый по моем выезде, – писал Пушкин жене, приехав в Болдино, – надобно тебе знать, что в нынешний год была всеобщая засуха и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой». Но, несмотря на обычные в ненастье неудобства и трудности, Пушкин не беспокоился. Главная цель путешествия была достигнута. Он побывал в местах, которые были связаны с таким историческим для России событием, каким было восстание Пугачева. И в высшей степени символично, что с этими местами было связано историческое для казахов событие – восстание казахов в 1836–1837 гг., одним из руководителей которого был Махамбет Утемисов.

Более ста крупных восстаний сотрясили казахскую степь в период с 1798 по 1930 годы. Одно из них связано с народным героем и поэтом Махамбетом Утемисовым. Как русское сердце с самого рождения повторяет пушкинские строки о травке и солнце, о лукоморье и русской зиме, о лесах, одетых «в багрец и золото», о души прекрасных порывах, о мимолетном виденье, «звезде плenительного счастья», о грусти и печали, о «милости к падшим», те строки которые формируют, наряду с прочими духовными ценностями, национальный менталитет, так и в казахском сердце всегда живут вдохновенные стихи Махамбета о достоинстве джигита, о славе и геоизме, о любви к народу, о ненависти к его поработителям.

Результаты и обсуждение

Конечно, в русской литературе появятся великие Гоголь и Толстой, Достоевский и Чехов, но дорогое начало, истоки. Таким живительным истоком в России был Пушкин. А в Казахстане

придут Абай, Алтынсарин, Ауезов, но казахская литература XIX века начиналась одновременно с русской творчеством Махамбета. По своей самобытной яркости Махамбет, «как и Пушкин, не знал равных в национальной современной ему поэзии» (Dzhuanysbekov, 2000:96)

Махамбет мог живо напомнить Пушкину Дениса Давыдова. Белинский писал о Давыдове: «Давыдов, как поэт, решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии. Но, чтоб понять Давыдова как поэта, надо сперва понять его как Давыдова, т.е. как оригинальную личность, как чудный характер, словом как всего человека... Он был поэт в душе; для него жизнь была поэзию, а поэзия жизнью» (Belinsky, 1955:155).

Эти слова можно отнести и к Махамбету Утемисову, за исключением того, что его никак не назовешь звездой второй величины. Будучи национальным поэтом, одним из основоположников казахской литературы нового времени, Махамбет был, безусловно, звездой первой величины на небосклоне казахской поэзии, и поэтому аналогия с Пушкиным по поводу его роли в национальных литературах вполне уместна. Пушкин писал о Давыдове:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И завитки своих усов.
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестрой,
Любовь и мирную бутыль (Пушкин, 1964:35).

Современный казахстанский поэт, потомок Махамбета, Олжас Сулейменов перевоплощаясь в своего предка, угадывает его последние мысли:

И потому, когда кочевье выманит
Все мое племя, —
Я один пашу, когда никто не смеет слова вымолвить,
Мне рот завяжут —
Я стихи пишу.
Эх, если бы сказали мне:
«Великий,
прости людей, уже пора — простить,
мир будет счастлив
от твоей улыбки!»
Тогда бы я старался не грустить.
Сказали бы смущенные мужчины
«Моря полны водой, пока Урал
не высохнет

Пока ты жив, мы — живы.»
Тогда бы я, клянусь,
не умирал (Suleymanov, 1976:79).

Может быть, это ненаписанный «Памятник» Махамбета. Народ жив, пока живы его поэты, которые поют песни, когда никто не смеет и слова вымолвить И долго будут любезны народам Пушкин и Махамбет, Абай и Некрасов, О. Сулейменов и А. Вознесенский, М. Макатаев и В. Высоцкий за то, что пробуждали своей лирой добрые чувства.

Махамбет бросил в лицо всемогущему хану:

Ты разве хан что богом дан?
Да лютый волк ты —
Вот кто!
Позорной смертью кончиши ты:
Задушит черный албасты,
Или продажные друзья
Башку дубиной раскроят, -
Чтоб так издох ты! (Makhambet, 1989:107).

Как сильно напоминают нам эти строчки характеристику царя из X главы «Евгения Онегина»:

Властитель славый и лукавый
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда (Pushkin, 1964:211).

Махамбет закладывал новые жанры в казахской литературе, переосмысливал старые жанры и формы выражения, по-иному строил и трансформировал привычные образы казахской поэзии. Конь, степь, война, сокол — сквозными образами проходят через всю поэзию Махамбета, порой предельно обобщаясь до символа — концепта, порой разворачиваясь в широчайших картинах стражений и природы в образы — детали, конкретные обстоятельства пейзажей родной страны.

Заключение

И Пушкин, и Махамбет были из породы новаторов. Оба они питались богатейшим фольклором своих народов. И потом, они были неповторимы и ярко индивидуальны. А ведь стихи Махамбета записывались спустя сто лет после их создания. При этом они шли практически без вариантов, что говорит о такой точности выра-

жений, о такой образной самобытности, которая, несмотря на устное бытование, исключала бы их только фольклорное существование...

Находясь в Уральске, на гостеримной казахской земле, Пушкин написал такие проникновенные строки:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,

Я здесь остался б – наслажденье
Вкушать в неведомой тиши...

Однако жизнь, история русско-казахских культурных и литературных связей показали, что Пушкин не «остался бы...», он действительно остался здесь, в сердцах казахов, в стихах поэтов, начиная с Махамбета и кончая поэтами – нашими современниками.

Литература

- 1 Джуанышбеков Н. Свет Пушкина в Казахстане / Учебное пособие. – Алматы: Искандер, 2000. – 132 с.
- 2 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений, т. IV. – М., Наука, 1955. – 446 с.
- 3 Махамбет. Песни воина. Пер. с казахск. А. Устинова. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 219 с.
- 4 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, т. II. – М., Наука, 1964. – 496 с.
- 5 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, т. V. – М., Наука, 1964. – 409 с.
- 6 Сулейменов О. Определение берега. Последние мысли Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 195 с.

References

- 1 Belinsky V.G. (1955). Polnoe sobranie sochinenij. [Full composition of writings.] T. IV. M, Science, 446 s. (In Russian)
- 2 Dzhuanyshbekov N. (2000). Svet Pushkina v Kazahstane [Pushkin's Light in Kazakhstan.] Almaty: Iskander, 132 s. (In Russian)
- 3 Makhambet. (1989). Pesni voina. [Songs by the soldier.] Alma-Ata: ZHazushy, 1989. 219 s.(In Russian)
- 4 Pushkin A.S. (1964). Polnoe sobranie sochinenij. [Full composition of writings.] T. II. M, Science, 496 s. (In Russian)
- 5 Pushkin A.S. (1964). Polnoe sobranie sochinenij. [Full composition of writings.] T. V. M, Science, 409 s. (In Russian)
- 6 Suleyimenov O. (1976). Opredelenie berega. Poslednie mysli Mahambeta, umirayushchego na beregu Urala ot rany. [Definition of the shore. The last thoughts of Makhambet, dying on the bank of the Urals from the wound.] Alma-Ata: ZHazushy, 1976. 195 s. (In Russian)

МРНТИ 82 – 312.6

Ибраева Д.С.,

докторант PhD Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: dis061112@mail.ru

ЖАНР АВТОБИОГРАФИИ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена рассмотрению жанра автобиографии и его особенностей. Исследовав этот жанр, мы приходим к выводу, что автобиография имеет неоднозначный характер, совмещая многие, подчас противоположные особенности. Можно сделать обобщение, касающееся лишь типовой структуры этого жанра: автобиографические произведения чаще всего являются повествованиями от первого лица и пишутся умудрёнными жизнью авторами, и уже в первых строках читатель узнаёт, что речь пойдёт о жизни автора.

Ключевые слова: жанр, литература воспоминаний, автобиография, единство Я, ретроспектива, повествование от первого лица.

Ibrayeva D.S.,
PhD doctoral of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: dis061112@mail.ru

The Genre of Autobiography: Notion and Peculiarities

The article deals with the genre of autobiography and its peculiarities. The study of this genre reveals that autobiography is of ambiguous nature and combines many features that are often contradictory. The author concludes that generalizations concern only the typical structure of the genre: autobiographical works often adopt the form of the first-person narration and are written by authors with great life experience. The first lines of such works suggest that they are about the author's life story.

Key words: genre, memoir, autobiography, trinity of Self, retrospect, first-person narration.

Ибраева Д.С.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетіндегі PhD докторантты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: dis061112@mail.ru

Автобиографиялық жанр: түсінігі мен ерекшеліктері

Мақалада автобиография жанры мен оның негізгі ерекшеліктері қарастырылады. Аталған жанрды зерттеу барысында, біз автобиография біржакты қасиетке ғана ие емес, сонымен қатар қарама-қайшылықты ерекшеліктері барына назар аударамыз. Бұл жанрдың типтік құрылымына жалпы сипаттама жасауға болады: автобиографиялық шығармалар баяндау түрінде жазылады, сонымен қатар, өмірлік тәжірибесі мол авторлар қаламынан туындейды, алғашқы жолдарынан-ақ шығарма автор өмірін хабардар ететінін түсінуге болады.

Түйін сөздер: жанр, естеліктер әдебиеті, автобиография, меннің үшжақтылығы, ретроспектива, бірінші жақтан баяндау.

Введение

Категория жанра является одной из ключевых при анализе любого художественного тек-

ста. По мнению Ю.Н. Тынянова, «...отдельного произведения в литературе не существует», оно «входит в систему литературы, соотносится с нею по жанру и стилю...» (Тунjanov, 1977: 227).

В современном литературоведении существует широкий круг понятий, которые используются для общего обозначения дневников, биографий и автобиографий, мемуаров и других родственных жанров. Некоторые исследователи используют единственный термин, принятый в науке, «документальная литература» (Е. Г. Местергази, Л. Я. Гаранин). Другие (Л. М. Нюбина, А. Г. Тартаковский и О. В. Петрышева) пользуются понятием «литература воспоминаний», или «мемуаристика».

Несмотря на то, что упомянутые авторы предпочитают разные термины, они в целом приходят к единству при определении основных характеристик произведений, принадлежащих к литературе воспоминаний:

- наличие одного эгоцентрического сознания, которое составляет ментально-психологический и эмоциональный центр текста;
- единство в одном лице автора, рассказчика и протагониста;
- композиционно-сюжетная гетерогенность повествования, обусловленная pragматическими особенностями процессов запоминания и воспоминания;
- ретроспектива как принцип движения временного повествования от начала к концу, в основе которой лежит деятельность воспоминания субъекта речи (Njubina, 2000: 13).

Наряду с этими чертами в качестве значимых называются установка на подлинность, принадлежность духовной культуре общества и открытость, неканонизированность этой литературы [Petrysheva, 2008]. Е. Г. Местергази, останавливаясь на повествовательной структуре отдельных составляющих ее жанров, говорит о важности того, что «анализ действительности равен художественному образу этой действительности; субъективности мировосприятия соответствует предельная субъективность высказывания...» (Mestergazi, 2008: 62).

Исследование вопроса

Автобиография является одним из основных типов литературы воспоминаний. Ф. Лежен дает такое определение данному жанру: это «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном существовании, делая особый акцент на истории своей личности» (Lezhen F., 2006: 261–262).

Взяв за основу это определение, Ф. Лежен выделил четыре основные категории жанра:

1. Языковая форма:

- a) рассказ;
- b) в прозе

2. Рассматриваемая тема: индивидуальная жизнь, история личности.

3. Положение автора: тождество между автором (чье имя указывает на некое реальное лицо) и рассказчиком.

4. Позиция рассказчика:

a) тождество между рассказчиком и главным героем;

b) ретроспективное повествование (Lejeune, 1994: 14).

Основным содержанием автобиографической прозы становится освещение внутреннего развития личности; в сознании автора преломляется внешняя, событийная сторона жизни и превращается в факты его биографии, в его внутреннюю жизнь.

Результаты и обсуждение

Одной из важнейших и наиболее чётко прослеживаемых характеристик автобиографии является единство «я» (выявленное Ф. Леженом), объединяющего в себе автора, повествователя и главного героя. Л. М. Нюбина формулирует это следующим образом: «создавая мнемонический текст, вспоминающее «я» выступает в трёх функциях одновременно – автора как исторической личности, субъекта, ведущего рассказ о собственной жизни, и героя или объекта рассказа, называемого также протагонистом. Это отличает данный вид литературы от других и определяет её абсолютный эгоцентризм и субъективную сложность» (Njubina, 2010: 111). С этим все проникновением «я» связаны два парадокса, на которые обращает внимание Ф. Лежен. Первый парадокс – повествовательный, связан с тем, что автор рассказывает о себе от первого лица. Собственно возможность повествования от первого лица предполагает способность рассказывающего человека в воображении представлять себя другим, в мыслях посмотреть на себя глазами другого. Второй парадокс – жанровый, ведь, по сути, любой жанр – вещь надличная, но в автобиографии ««я» неустранимо, поскольку лежит в самой основе – и как предмет рассказа, и как его способ» (Lezhen, 2000: 110). Действительно, такие жанрообразующие признаки образа автора автобиографической прозы, как «его информированность об описываемых фактах, событиях и проявлениях не только внешней, но и внутренней жизни, максимальная заинтересованность в освещаемом, субъективность,

своеобразная “презумпция правоты”» (Nikolina, 2002: 11), мешают текстам этого жанра оставаться надличными, так как они напрямую связаны с отношением автора к описываемым событиям.

Эти признаки реализуются в тексте благодаря повествованию от первого лица, в таком нарративном типе для образа повествователя характерна наивысшая степень индивидуальности. Главная задача автора – поведать о самых значимых событиях в своей жизни, что подразумевает и необходимость оценки произошедшего. Таким образом, писатель не просто фиксирует какие-то события, но и ищет критерии для их оценивания, в качестве которых могут выступать не только его собственные ощущения и представления, но и точки зрения других людей, философские идеи и т. п., всё то, что можно назвать «взглядом со стороны». Пищий одновременно является и субъектом повествования и его объектом, поэтому в автобиографии взаимодействуют два плана – «план “зрелого” повествователя в настоящем и план его “я” в прошлом» (в терминологии И.В. Соловьевой) или «“я” – сегодня и “я” – тогда» (в терминологии Л.М. Нюбиной). Соответственно, в тексте автобиографии мы находим: «1) модели, в которых вербализован говорящий, одновременно являющийся авторизатором; 2) модели, вербализующие авторизатора, который не совпадает с говорящим, однако является его другой временной реализацией («я» в прошлом) (Solov'jova, 2009: 143). Это означает, что на протяжении всего повествования читатель сталкивается с двумя типами оценки: синхронной и ретроспективной. Лишь в конце автобиографии две разные реализации «я» соединяются. Чем больше величина дистанции между событием и созданием воспоминаний, тем выше вероятность её воздействия на то, как оно освещается. Под влиянием накопленного опыта, приобретённого положения в обществе пищий воспринимает прошлые события не так, как в момент свершения, он уже зависит от нынешнего взгляда на них. Несовпадение этих отношений (одно – из прошлого, другое – из настоящего) вызывает столкновение двух пластов авторской субъективности. Но в настоящем автор обретает раскованность, в какой-то степени освобождается от прошлого, преодолевает свои ранние заблуждения, он может оценить события в свете их завершенности. Ретроспективное рассмотрение помогает писателю выбрать и закрепить в тексте нужную информацию, даёт ему возможность осветить известные факты в новом ракурсе, воскресить когда-то «засекреченные» обстоятельства (Tartakovskij, 1999).

Такое сосуществование двух планов «я» обуславливает специфическую временную организацию текста, для которой характерно следующее (Nikolina, 2002):

- 1) время обратимо, так как в основе повествования лежит ретроспекция;
- 2) в тексте идёт соположение двух временных планов: времени, о котором пишут, и времени, в которое пишут;
- 3) важными чертами автобиографии становится открытость финала и незамкнутость жизнеописания, хотя первые временные границы (например, рождение) чётко установлены;
- 4) в повествовании описываются как единичные, так и повторяющиеся ситуации;
- 5) наблюдается сегментация времени по воле автора (сохраняется только часть фактов и событий прошлого, их последовательность может преобразовываться);
- 6) в качестве единиц времени служат не только ситуации, которые формируют линейную последовательность, но и картины воспоминаний, между которыми не всегда есть связь;
- 7) субъективность организации хронотопа проявляется и в зависимости точки отсчёта от воли автора;
- 8) личное биографическое время связано с историческим.

Казалось бы, что в повествовании от первого лица главной установкой является установка на достоверность. Ведь в самом начале своего произведения автор заключает с читателями «автобиографическое соглашение» (одно из важнейших условий жанра, которое в терминологии Ф. Лежена звучит как «автобиографический пакт»), в котором утверждает, что он будет писать правду (Lezhen, 2006). Однако при этом заявленная установка на достоверность сопровождается субъективностью и неполнотой. Это объясняется в первую очередь ретроспективным способом рассмотрения своей жизни, а значит, особенностями человеческой памяти; ведь невозможно абсолютно точно вспомнить разговоры и события, которые имели место много лет (иногда и десятилетий) назад. По мнению В.В. Нурковой, «автобиографическая память не репродуктивна, а реконструктивна» (Nurkova, 2000: 23).

Заключение

Таким образом, автобиография соединяет в себе документальность и функциональность. Первая проявляется в использовании реальных фактов из жизни автора, определённых средств

документальности, таких как датирование, топонимы и другие. Вторая связана с тем, что «написание текста автобиографии – это не изложение на бумаге воспоминаний, а сам процесс создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам» (Solov'jova, 2009: 144). Кроме того, человек не может познать себя до конца, понять себя как некую завершённую сущность, ведь уже сам процесс самопознания меняет его, перестраивая его «я».

Столь же проблематична и классификация видов автобиографической прозы. Как считают, например, И. Янская и В. Кардин, это «единственный жанр с амплитудой от высокохудожественных творений, ненастаивающих на документальности... до произведений, насыщенных специальными сведениями, “почти научных”, и

до интимных дневниковых записей» (Janskaja, Kardin, 1981: 366). Приведённое мнение даёт понять основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь автобиографий: соотношение вымысла и факта, автор и формы его воплощения в тексте, документальные и художественные средства изображения.

Таким образом, автобиография как жанр имеет неоднозначный характер, совмещая многие, подчас противоположные особенности, что делает невозможным однозначную стандартизацию. Можно сделать обобщение, касающееся лишь типовой структуры этого жанра: автобиографические произведения чаще всего являются повествованием от первого лица и пишутся умудрёнными жизнью авторами (с целью самооправдания либо раскрытия истины), они начинаются с момента рождения, и уже в первых строках читатель узнает, что речь пойдет о жизни автора.

Литература

- 1 Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература. – 2000. – № 4. – С. 108–121. 1.
- 2 Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под 2. ред. К. Вьolle, Е. Гречаной. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 261–275.
- 3 Местергази Е.Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной З. литературе XX века): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. – М., 2008. – 246 с.
- 4 Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424 – С. 4.
- 5 Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
- 6 Нюбина Л.М. Воспоминание и текст. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 161 с.
- 7 Нюбина Л.М. Человек вспоминающий // Человек. – 2010. – № 2. – С. 107–114.
- 8 Петрышева О.В. Жанр портрета во французской мемуарной литературе XVII века: Т. Де Рео, Рец, Сен-Симон: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Нижний Новгород, 2008. – 233 с.
- 9 Соловьёва И.В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. – № 6. – С. 141–145.
- 10 Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. – Январь–февраль 1999. – С. 35–55.
- 11 Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
- 12 Янская И., Кардин В. Пределы достоверности: очерки документальной литературы. – М.: Сов. писатель, 1981. – 408 с.
- 13 Lejeune Ph. Der autobiographische Pakt. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. – 431 с.

References

- 1 Janskaja I., Kardin V. (1981). Predely dostovernosti: ocherki dokumental'noj literatury. [Limits of reliability: essays of documentary literature.] M.: Sov. pisatel', 12. 408 s. (In Russian)
- 2 Lezhen F. (2000). V zashhitu avtobiografii. Jesse raznyh let. [In defense of autobiography. Essay of different years.] Inostrannaja literatura. 2000. № 4. S. 108–121. (In Russian)
- 3 Lezhen F. (2006). Kogda konchaetsja literatura? [When does literature end?] Avtobiograficheskaja praktika v Rossii i vo Francii / pod 2. red. K. V'olle, E. Grechanoy. M.: IMLI RAN, S. 261–275. (In Russian)
- 4 Lejeune Ph. (1994). Der autobiographische Pakt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 431 p. P. 13.
- 5 Mestergazi E.G. (2008). Hudozhestvennaja slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoj literature XX veka): [Artistic literature and reality (documentary beginning in the domestic literature of the 20th century):] dis. ... d-ra filol. Nauk: 10.01.08. M., 246 s. (In Russian)

- 6 Nikolina N.A. (2002). Pojetika russkoj avtobiograficheskoy prozy. [Poetics of Russian autobiographical prose.] M.: Flinta: Nauka, 424 s. (In Russian)
- 7 Nurkova V.V. (2000). Svershennoe prodolzaetsja: psihologija avtobiograficheskoy pamjati lichnosti. [The perfection continues: the psychology of the autobiographical memory of the individual.] M.: Izd-vo URAO, 320 s. (In Russian)
- 8 Njubina L.M. (2000). Vospominanie i tekst. [Memoirs and text.] Smolensk: SGPU, 161 s. (In Russian)
- 9 Njubina L.M. (2010). Chelovek vspominajushhij. [The person remembering.] Chelovek. №2. S. 107-114. (In Russian)
- 10 Petrysheva O.V. (2008). Zhanr portreta vo francuzskoj memuarnoj literature XVII veka: T. De Reo, Rec, Sen-Simon: [The genre of the portrait in the French memoir literature of the XVII century: T. De Reo, Rez, Saint-Simon:] dis. ... kand. filol. Nauk: 10.01.03. Nizhnij Novgorod, 233 s. (In Russian)
- 11 Solov'jova I.V. (2009). Analiz avtobiografi i biografii s tochki zrenija sub#ektnoj perspektivy. [Analysis of autobiography and biography from the point of view of the subject perspective.] Voprosy gumanitarnyh nauk. № 6. S. 141-145. (In Russian)
- 12 Tartakovskij A.G. (1999). Memuaristika kak fenomen kul'tury. [Memoirism as a phenomenon of culture.] Voprosy literatury. Janvar'-fevral' S. 35-55. 10. (In Russian)
- 13 Tynjanov Ju.N. (1977). Pojetika. Istorija literatury. Kino. [Poetics. History of literature. Cinema.] M.: Nauka, 574 s. S. 11. (In Russian)

Iskakova A.T.,

assistant teacher of Kazakh National University named after Al-Farabi,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: isskakova.ainura@gmail.com

POETICS OF THE TRAGIC AND TERRIBLE IN THE NOVELS OF N.V. GOGOL

Modern literary science has a huge number of works devoted to N.V. Gogol, which testifies to the unswerving interest in the creative heritage of this unusual artist, who belongs to those writers whose work concealed many secrets and mysteries that arouse imagination, causing controversies, leaving no one indifferent. Gogol's poetics contains many elements that still require their scientific explanation. To their number, undoubtedly, should be attributed tragic and terrible. The subject of the study is the artistic expression of the tragic and terrible in the novels of N.V. Gogol. The aim of the research is to identify the peculiarity of the artistic expression of the tragic and terrible in the novels of N.V. Gogol.

Key words: myth, poetics, tragedy, genre, horrors, demon, creative heritage.

Искакова А.Т.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
ассистент оқытушысы,
Казахстан, Алматы қ., е-mail: isskakova.ainura@gmail.com

Н.В. Гоголь шығармаларындағы трагедия және сүмдүк поэтикасы

Қазіргі заманғы әдебиеттануғылымы Н.В. Гогольге арналғын көптеген жұмыстар ұсынады, онда көптеген құпияларды және жұмбақтарды жасырып, дау-дамай тудыратын, ешкімді немқұрайды қалдырымайтын және әдеттен тыс суретшінің шығармашылық мұрасына деген қызығушылығын арттырады. Гогольдің поэтикасы әлі күнге дейін өздерінің ғылыми түсіндірмелерін талап ететін көптеген элементтерді қамтиды. Оларға, әрине, қайғылы және қорқынышты жанрдағы шығармаларын қосу керек. Зерттеудің тақырыбы Н.В. Гогольдің романдарындағы қайғылы және қорқыныштылықтың көркемдік көрінісі. Зерттеудің мақсаты – Н.В. Гоголь романдарындағы қайғылы және қорқынышты бейнелеу өнерінің ерекшеліктерін анықтау.

Түйін сөздер: миф, поэтика, трагедия, жанр, сүмдүк, шығармашылық мұра.

Искакова А.Т.,
ассистент-преподаватель
Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: isskakova.ainura@gmail.com

Поэтика трагического и ужасного в повестях Н.В. Гоголя

Современная литературоведческая наука располагает огромным количеством работ, посвященных Н.В. Гоголю, что свидетельствует о неугасающем интересе к творческому наследию этого необычного художника, принадлежащего к тем писателям, творчество которых скрывало много тайн и загадок, возбуждающих воображение, вызывающих споры, никого не оставляющих равнодушными. Гоголевская поэтика содержит в себе множество элементов, которые еще требуют своего научного объяснения. К их числу, несомненно, следует отнести трагическое и ужасное. Предметом исследования является художественное выражение трагического и ужасного в повестях Н.В. Гоголя. Цель исследования сводится к тому, чтобы выявить своеобразие художественного выражения трагического и ужасного в повестях Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: миф, поэтика, трагедия, жанр, ужасы, демон, творческое наследие.

Introduction

Recently in scientific literature on Gogol the religious and philosophical party of his outlook and creativity is more and more intensively developed that found reflection in the works of V.V. Zenkovsky, M.M. Dunayev, V.A. Voropayev, I.A. Vinogradov, I.A. Esaulov, V.Sh. Krivonos and others.

From the theoretical and philosophical and esthetic point of view, tragic is the form of drama consciousness reflecting experiences by the person of the conflict with forces menacing not only to its interests, but also life in general. These forces actively interfere with everyday life of an individual, breaking its symmetry, becoming the reason of painful nervousness, and on the other hand, make active aspiration to fight against them. Hostile forces put the person in a choice position between the good and evil. They can be so powerful that are capable to bring the person to a critical, catastrophic and awful condition when the hero cannot find a way out of the developed conflict, and nothing remains to it how to go to the world of lonely existence or in general to die.

Tragic and awful at N.V. Gogol just are also interfaced to all levels, are connected with the idea, with subject, define character of the represented person and, respectively, selection of specific graphic means. Consideration of N.V. Gogol's creativity, tragic and awful in the context of a style originality, gives the chance to present this question not as private, separate, peripheral and as a question the major from the point of view of deep understanding of essence of the phenomenon and explanation of an originality of Gogol poetics in general. Thus, a conclusion is obvious that tragic and awful in N.V. Gogol's creativity perform very important style forming function.

Awful proves in various situations connected with elements of "confusion", with "the world on the contrary", followed by the disgusting pictures presented as the deformed life design. Awful just "well" and "comfortably" "feels" in the world of confusion, a lie and fake where the lie is given for the truth, false for the truth, kind for angry. In the St. Petersburg stories and in early works, it is possible to find a set of the examples confirming this thought.

Experiment

Awful – life, but the life another displaced from the initially set axis. In literature all this is followed in most cases by elements of mystery and mysteriousness. So, in "Viy" of N.V. Gogol is awful

it is incomprehensible fully. This mystery causes in the reader sensation of fear, confusions before awful owing to the fact that it is mysterious and it is not learned up to the end.

Judgment awful as the peculiar art elements peculiar to many works H. B. by Gogol, we find already at A. Belyi in the book "Symbolism as Outlook". And judgment it is carried out very in unusual way: through comprehension first of all the nature of Gogol laughter, its most characteristic expressive features: "And the most terrible, for heart the enough laughter sounding as if the laughter from a churchyard and still disturbing us as if also we are dead persons – laughter of the dead person, Gogol's laughter".

So, N.V. Gogol's laughter, "terrible", "disturbing", reflecting such parties of reality which are associated with something not clear and even frightening, belongs to area of awful. Really, what can be more eloquent than the following definition: "Gogol's laughter passes in tragic a roar, and some night leans on us from this roar...".

Comprehending the most complex poetic parties of prose of N.V. Gogol, A. Belyi, undoubtedly, understood that tragic, and together with him awful, one of the central places borrowed in works of the writer and, eventually, defined the innovative nature of his creativity. Besides, A. Belyi, judging by his emotional and figurative definitions, deeply felt awful as the special elements having the specific signs, integrally entering Gogol prose writer's poetics (Belyi, 1994: 365).

The significance of the tragic and terrible in the formation of innovative features of Gogol's creativity was emphasized in a number of academic studies. Thus, M.B. Khrapchenko in his monograph on N.V. Gogol did not ignore this question: "Not all stories of" Evenings "have a mysterious display in humorous coverage (Khrapchenko, 1980: 135). Sometimes a mysterious representation here as a source of dramatic turns in a person's life, becoming a synonym for the terrible, tragic. In such a way fantastic imagery is developed in the "Evening on the eve of Ivan Kupala", and in "Terrible Revenge". The thought of M.B. Hrapchenko that the mysterious and mysterious, in the final analysis, becomes "a synonym for the terrible, tragic."

Mashinsky wrote that "the comedy of Gogol turns into tragi-comicism, for in the writings of this writer we constantly feel pain for the humiliation of man, for his dehumanization (Mashinsky, 1979: 422). Humor N.V. Gogol constantly radiates tragedy. And that is why the laughter and high tragic pathos are organically interbreeding in his poetics.

“ Hence it is quite understandable why the cycle of stories “Mirgorod” is called by the researcher “a tragic book”. The source of the tragic S. Mashinsky sees in the wrong, unjust system of life. This, in his opinion, “generates those deviations from the norm and the tragic incongruities with which man is everywhere faced.” This can not be disagreed, but this is only one side, explaining the appearance in the work of N.V. Gogol tragic motifs Another, no less important, lies in the religious, Christian vision of the world N.V. Gogol.

A world order that engenders endless tragic conflicts and ubiquitous evil is only the external side of the problem. However, if we proceed from the fact that N.V. Gogol was an Orthodox man, you can say: tragic in his prose is motivated by the lack of people in the Christian beginning, fear of God and the Last Judgment. On the religiosity of N.V. Gogol in different years, wrote many researchers. Their ideas, of course, must be taken into account when analyzing the writer’s works. “Gogol was an Orthodox Christian, and his Orthodoxy was not nominal, but effective – without taking this into account, we do not understand much in his life and work,” he said. (Voropaev, 1997: 8).

Among the works dealing with the topic of our research, mention should be made of Yu. Mann’s article “The Artist and the Dreadful Reality”, in which some signs of the poetics of the terrible are noted, and Mann emphasizes that the terrible reality and its corresponding signs manifest themselves behind a certain “line” “In other words, the terrible is another reality, a qualitatively different world of images and states that differ in pronounced hostile to man (Mann, 1996: 54).

In addition, the author draws attention to the fact that this transition for a certain “line” is not made according to the will of the hero himself: there is something “forced, compulsory” in this process. Hostile to man, not quite clear otherworldly power forcibly draws the hero into the element of the terrible. The very same element is called Yu. Mann “bottomless abyss”. In this, the researcher sees a common feature of the poetics of N.V. Gogol, having in mind, above all, the story “Viy”.

On the tragedy motives and dramatic situations, which are so characteristic of many novels of N.V. Gogol, attention is drawn to the famous book of I.P. Zolotussky, devoted to the life and creative evolution of the writer. I.P. Zolotussky does not directly speak about the terrible as a kind of tragedy, but the logic of the first chapter of the third part of the book leads to the thought of the artistic significance of tragedy situations in many novels of N.V. Gogol. In

particular, analyzing the plot collision of “Notes of a Madman”. I.P. Zolotussky draws special attention to the fact that “Gogol’s laughter in this novel sharply deviates towards tears” (Zolotussky, 1998: 165). This is a very precise remark that directly points to that crucial moment of “rejection” of laughter, not just in the direction of tears, but, moreover, towards the tragic.

Among the largest works of modern times, which also have to do with the problem we have mentioned, we should mention Gogol’s collection edited by E.I. Annenkova, O.M. Burank, S.A. Goncharov, V.Sh. Krivonos (Annenkova, 2005: 360).

Thus, in the article V.Sh. Krivonos “Portrait in the Portrait of Gogol” indicates a very interesting direction of the study of the famous Gogol’s story. In the author’s opinion, “the mythological semantics of the act of creativity itself” becomes particularly important (Krivonos, 2005: 73). The scientist drew attention to the short moment when the “terrible face of the old man” clearly expressed itself – a mystical, terrible and even terrible moment. V.Sh. Krivonos resorts to an original comparison of the old man leaving the frame (“Portrait”) with a pannochka (“Viy”) rising from the coffin. What is it – real or surreal? Both take place, expresses a special spiritual meaning, which amounts to the fact that the evil and the hostile are real and mystically constantly present in the person, showing themselves in terrible, terrible, terrible pictures.

N.V. Gogol in a certain period of his work remained on the enlightened positions and really believed in the transforming power of art. This is the main thing on which his aesthetics are based. The tragic and terrible presented in his works, from this point of view, should show the reader his really unattractive side, cause a feeling of indignation and disgust for everything ugly, distorted and evil.

In the early works of N.V. Gogol, we find another poetic trait – the contrast between a bright, beautiful people’s world and a terrible world, represented in images of an evil, crafty power that constantly seeks to harm a person. Although in the stories of early works, evil often triumphs, but the moral victory remains for the heroes, symbolizing folk wisdom, intelligence, talent and dignity (“Viy”, “Terrible revenge”).

At one time, A. Gukovsky drew attention to this author’s idea and its peculiar expression: “There are other” demonologies “in the” Evenings ... “, not amusing, but solemnly poetic, forming horrors” Evenings on the eve of Ivan Kupala “ and “terrible revenge”, here Gogol is especially close to the ballad-Zhukovsky. His novels, based on the poetry

of horror, are less tragic than beautiful" (Gukovsky, 1993: 36). Thus, G.A. Gukovsky believes that the early novels of N.V. Gogol built on the "poetry of horror", with which one can not disagree. However, the author believed in the ultimate victory of good over evil and horror, which was an artistic expression of the educational position in the early period of creativity. However, the author believed in the ultimate victory of good over evil and horror, which was an artistic expression of the educational position in the early period of creativity. All these horrors are opposed. And the positive characters, which are quite bright personalities. However, these individuals are represented as a set of a certain human community, united by unified spiritual values. This is how the great idea of N.V. Gogol that only in unity, in rallying can be overcome hostile forces.

Results and discussion

For N.V. Gogol, most likely, was not interested in any specific person, but in the human community (people), which is inherent in human dignity. This idea of human dignity is one of the central in the work of N.V. Gogol. It is quite clearly proclaimed, for example, in "Taras Bulba", as well as in the St. Petersburg stories ("The Overcoat"). A humiliated and outraged man evoked from N.V. Gogol's deep sympathy, as evidenced by the stories of Petersburg stories. Behind this sympathy is hidden not only the sadness of the moral fall of man, but also the demand for immediate action to save him.

N.V. Gogol not only fixed the tragic facts of reality, but also tried to explain the nature of evil, including the nature of the terrible, because he knew full well that without realizing the essence of this phenomenon, one can not properly determine the means of combating it.

So, the explanation of the nature of evil, and not just its image, lies at the heart of creative aspirations of N.V. Gogol. This is especially true of the St. Petersburg stories, where the destructive power of evil is so convincingly and vividly illustrated.

We clearly see that N.V. Gogol tried to comprehend evil in these three areas: through the artistic (images of tragic and terrible), philosophical (social essence and social causes of evil) and through the moral (moral, religious and aesthetic levels). The first direction (artistic) developed in Gogol the artist's imagination and contributed to the creation of expressive pictures and characters, the second (philosophical) inspired N.V. Gogol to the necessity of resorting to real life, to the depiction of everyday life in all its details, using even naturalistic means to reveal the social essence of contradictions, and, finally, the third (moral) direction stems from the religious notions of N.V. Gogol on the essence of the universe and the role of Christian doctrine in the correction of human vices.

As you can see, "awful" in the story "Nevsky Prospekt" performs a very definite artistic function, is an original technique that informs the tragic tonality to this work.

Conclusion

Thus, N.V. Gogol thought both categories of morality and social categories, which allowed the development of a series of broad epic generalizations that allow comprehensively to comprehend the problems of the ethical, moral and public order. The analysis has shown that the tragic one occupies the same important place in the poetics of N.V. Gogol, as a comic and satirical. The unity of the comic, satirical and tragic, their harmonic combination in the novels of N.V. Gogol was precisely the distinguishing feature of the writer's artistic innovation.

Литература

- Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 365 с.
- Храпченко М.Б. Николай Гоголь Литературный путь, величие писателя // Собрание сочинений. В 4-х томах. М.: Худож. лит., 1980. 135 с.
- Машинский С. Художественный мир Гоголя. М.. 1979. 422 с.
- Воропаев В.А. Н.В.Гоголь в последнее десятилетие его жизни: новые аспекты биографии и творчества. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. М., 1997. 8 с.
- Манн Ю. Художник и «ужасная действительность» // Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. 54 с.
- Золотусский И. Гоголь. – М., 1998. 165 с.
- Анненкова Е.И. Гоголевский сборник. Вып. 2 (4). СПб, Самара: Изд-во СТГТУ, 2005. – 360 с.
- Кривонос В.Ш. «Портрет» в «Портрете» Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 2 (4)., Самара: Изд-во СГПУ, 2005. 73 с.
- ‘Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М., Л., Гос. Изд. худ. лит., 1993. 36 с.

References

- Annenkova E.I. (360) Gogolevskiy sbornik. [Gogol's collection]. Issue. 2 (4). , Samara: Publishing House of STSTU, 2005. (In Russian)
- Belyi A. (365) Simvolizm kak miroponimaniye. [Symbolism as a world view]. M .: Republic, 1994. (In Russian)
- Gukovsky G. (36) Realizm Gogolya. [Realism of Gogol]. M., L., Gos. Izd-Io thin. lit., 1993. (In Russian)
- Khrapchenko M.B. (135) Nikolay Gogol' Literaturnyy put', velichiye pisatelya // Sobraniye sochineniy. [Nikolai Gogol Literary way, the greatness of the writer // Collected works]. In 4 volumes. M .: Art. lit., 1980. (In Russian)
- Krivonos V.Sh. (73) «Portret» v «Portrete» Gogolya // Gogolevskiy sbornik. [“Portrait” in “Portrait” by Gogol // Gogol’s collection]. Issue. 2 (4). St. Petersburg, Samara: Publishing House of the State Pedagogical University, 2005. (In Russian)
- Mann Yu. (54) Khudozhnik i uzhasnaya deystvitel'nost' // Poetika Gogolya. Variatsii k teme. [Artist and terrible reality // Poetics of Gogol. Variations to the topic]. M., 1996. (In Russian)
- Mashinsky S. (365) Khudozhestvennyy mir Gogolya. [Artistic world of Gogol]. M. . 1979. (In Russian)
- Voropaev V.A. (8) N.V.Gogol' v posledneye desyatletiye yego zhizni: novye aspekty biografi i tvorchestva. [N.V.Gogol in the last decade of his life: new aspects of biography and creativity]. Author's abstract. diss., philol. sciences. M., 1997. (In Russian)
- Zolotussky I.P. (165) Gogol'. [Gogol]. – M., 1998. (In Russian)

МРНТИ 17.07.41

Какишева Н.Т.,

к. ф. н. и. о. доцента Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: kakysheva.nurzada@gmail.com

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ПОЭМЫ «КАКТУС» ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

В статье речь идет о поэме известного поэта О. Сулейменова «Кактус», его изданиях разных лет и мнение критиков о произведении. Поэма «Кактус» является модификацией традиционного фольклорного жанра. Суть модификации в данном случае состоит в том, что присущие поэме жанровые черты айтыса сочетаются в ней с параллельно и самостоятельно развивающейся сюжетной линией любовного соперничества. Поэма «Кактус» представляет собой трансформированную версию айтыса, принципы фольклорного жанра реализуются здесь как в композиционном, так и в стилевом, тематическом отношениях. Айтыс как и столетия назад является уникальным динамичным видом казахского народного творчества.

Ключевые слова: издание, сюжет, мнение критиков, айтыс, фольклор, трансформация.

Kakisheva N.T.,

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: kakysheva.nurzada@gmail.com

The genre nature of the poem “Cactus” by Olzhas Suleimenov

Annotation. This article is about the poem “Cactus” by famous poet O. Suleimenov, poem’s publications in different years and the opinion of critics about the work. The poem “Cactus” is a modification of the traditional folklore genre. The essence of the modification in this case is that the genre features of aytys inherent in the poem are combined in it with a parallel and independently developing plot line of love rivalry. The poem “Cactus” is a transformed version of aitys, the principles of the folklore genre are realized here in compositional and in style, thematic relations. Aitys as well as centuries ago is a unique dynamic kind of Kazakh folk art.

Key words: edition, plot, opinion of critics, aitys, folklore, transformation.

Кәкішева Н.Т.,

әл-Фараби ат. Қазак ұлттық үниверситетінің и.о. доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: kakysheva.nurzada@gmail.com

Олжас Сулейменовтың «Кактус» поэмасының жанрлық табиғаты

Мақалада атақты ақын О.Сулейменовтың “Кактус” атты поэмасы, оның түрлі жылдардағы басылымдары мен сыншылардың пікірлері туралы айтылады. “Кактус” поэмасы дәстүрлі фольклорлық жанрының модификациясы болып келеді. Туынды айтыштың түрлендірілген нұсқасын білдіреді, фольклорлық жанрының қағидалары шығармада композициялық және тематикалық жақтарынан жүзеге асырылады. Айтыс ғасырлардай бүрын қазақ халық шығармалышының бірегей серпінді түрі болып келеді.

Түйін сөздер: басылым, сюжет, сыншылардың пікірлері, айтыс, фольклор, трансформация.

Введение

Поэма Олжаса Сулейменова «Кактус», первое издание которой увидело свет в 1969 году, неоднократно переиздавалось в составе различных сборников автора. Практически во все переиздания «Кактуса» автор вносил изменения разной степени радикальности, так что, рассматривая поэму, мы имеем дело с совокупностью нескольких ее редакций. Разнотечения в этих редакциях порой слишком серьезны для того, чтобы при анализе «Кактуса» можно было их проигнорировать.

В 1973 году О.Сулейменов вносит в нее не очень большие по объему, но весьма важные в концептуальном плане изменения. Дальнейшие после 1973 года изменения, как правило, уже не столь существенны. Таким образом, основное внимание мы должны сосредоточить на рассмотрении двух основных редакций поэмы – 1969 и 1973гг. В издании 1973 года поэма завершается совершенно новой главой – «Боб и Лючия. Американская трагедия». Таковы достаточно серьезные разнотечения между текстом поэмы в первой и второй редакции.

Окончательная редакция «Кактуса» сложилась далеко не сразу, работа над поэмой продолжалась долгие годы. Кроме того, как уже отмечалось, наибольшие разнотечения имеются между первыми двумя редакциями, все же последующие изменения (кроме возвращения первоначального названия начиная с третьей редакции) являются в меньшей степени значительными изменениями второй редакции.

Основной конфликт «Кактуса» состоит в противостоянии двух героев поэмы – поэтов Амана, от лица которого идет повествование (подзаголовок поэмы – «Размышления классика Амана на тему «Быть и казаться»), и Жаппаса. Последнего, занимающего пост главного редактора литературного журнала, Аман развенчивает как бездарного халтурщика и плагиатора. У большинства критиков такой взгляд на конфликт поэмы не вызвал возражений. Однако критик Л. Миль в уже упомянутой статье « В поисках «знака явлений» предполагает совершенно иной взгляд на персонажей поэмы, на ее конфликт, его мнение о главном герое «Кактуса» буквально следующее: «Аман, такая нервическая благородная натура («единственная подлая черта в человеке (таком, как я) – он не может защитить себя»), оказывается, пошляк и беспардонный хам, идущий по жизни с широко расставленными локтями» <...> « житейская мораль

Амана, как и его рассуждения о поэзии, необходимой времени и людям, тоже стоит недорого» (Mil, 1970: 31).

Эксперимент

Убежденным противником точки зрения Л. Милья выступает М. Карапаев. В своей статье «Диалектика поэтических дерзаний» он определяет «Кактус» как «энергичнейший диалог между Аманом (настоящим талантливым поэтом) и Жаппасом (бесталанным, но преуспевающим приспособленцем») (Karatayev, 1976: 365). Интересна статья, впрочем, не самим этим выводом, который, по сути, ничего не добавляет к известному из самой поэмы, а полемикой с Л. Милем. М. Карапаев пишет: «Поэта Амана, чья жизнь «ярче, чем алмаз, и дорога своей алмазной хрупкостью», поэта, «кто понимает стыд» и чей «стих, как штык», критик зачислил в число пошляков и хамов. Право же, читателю предоставляется право сделать вывод, что критик Л. Миль задался целью унизить поэта Амана и тем самым всячески обелить жирного приспособленца Жаппаса. Ну что же, еще Герцен заметил, что язык без костей и печатный станок тоже» (Karatayev, 1976: 367). Столь противоположные выводы обескураживают: можно подумать, что речь идет о двух совершенно разных текстах.

Н. Ровенский в статье «О поэзии Олжаса Сулейменова» (1971), уделяет поэме «Кактус» большее внимание и предлагает ряд толкований ее образной системы. В частности, говоря о кактусе, считает, что автор «развенчивает этого жителя южноамериканских пустынь, он снимает с него традиционный ореол выносливости и мужественного терпения. На самом деле долговечность его – от «бездуховности», хорошо отлаженного механизма приспособления <...> О. Сулейменов создал сатирический образ поэта Жаппаса, позабывшего, «что значит Долг, все превратившего в рубли – и только», ловкого и безжалостного конформиста, решившего для себя все вопросы на много лет вперед. Это – кактус. Женщина, уверенная в прочности своей семьи на том основании, что муж заплатил за нее большой калым («три тыщи новыми»), – это тоже кактус, дитя духовной пустыни...» (Rovenskii, 1978) – и так далее. Критик, однако, ни разу в статье не упоминает Амана, и создается впечатление, что для него этот образ не кажется спорным.

Л. Аннинский назвал Амана лирическим героем поэмы. Это положение перекликается с тем,

что было высказано Дм. Молдавским в статье «Степь, стихи и время», опубликованной, впрочем, еще в 1966 г., то есть до появления «Кактуса»: «В стихах Сулейменова есть герой – это молодой человек, его сверстник, он повышенно чувствителен к справедливости и несправедливости. Он знает, что справедливость должна восторжествовать. Малейшее промедление – в этом он сходится со многими другими поэтами – нетерпимо. Любое отступление от этических норм кажется ему, чуть ли не катастрофой» (Moldavski, 1966: 179). Сказанное Дм. Молдавским действительно напоминает декларации Амана, но, на наш взгляд, одного этого еще совершенно недостаточно, чтобы назвать его лирическим героем.

Л. Миль, доказывая свою точку зрения, приводит достаточно аргументов в пользу того, что Аман никак не может считаться однозначно положительным героем. Так, «... в своих теоретических опытах Аман преимущественно шутит», причем «за каждой его шуткой явственно проглядывает желание шутить, а это уже сильно обесценивает юмор» (Mil, 1970: 30). Что же касается собственно стихов Амана, то Л. Миль, цитируя их, замечает: «...здесь смущает не столько набор газетных штампов, сколько повод для декларации» (Mil, 1970: 30). (Аман, напомним, пишет стихи о строителях, известных лишь тем, что они спьяну помочились на угол дачи Жаппаса). Далее критик приводит стихи Амана, посвященные его возлюбленной, и характеризует их следующим образом: «...примечательны слова, которые он бросает ей пусть даже в запальчивости, – да нет, в какой запальчивости! – это скорее и сытая ругань» (Mil, 1970: 31).

В сущности, все критики прямо соотносят Амана с автором. Разница между критиками состоит в том, что Л. Миль, в отличие от других, не видит в Амане положительного героя и ставит это в вину автору. Мы также совершенно не согласны с этим выводом, хотя посылки Л. Миля, которые привели его к такому мнению, кажутся нам справедливыми. Полагается, что столь резкие отзывы с обеих сторон отчасти продиктованы внелитературными причинами. М. Каратаев – давний и искренний поклонник поэзии Олжаса Сулейменова, автор доброго десятка статей о его творчестве. Что же касается статьи Л. Миля, то ее тон, при всей его корректности, трудно назвать доброжелательным по отношению к Олжасу Сулейменову.

Мы не согласны в первую очередь с тем, что Аман «недостаточно карикатурен». Напротив, на наш взгляд, Аман карикатурен более чем до-

статочно, карикатурен в гораздо большей степени, чем это заметил Л. Миль. И это естественным образом опровергает вывод о «блаженном неведении» Олжаса Сулейменова относительно своего героя. Если, следуя логике Л. Миля, уличать Амана в разнообразных неприглядных высказываниях и вольных или невольных признаниях, то к обвинениям в его адрес можно добавить еще очень многое.

Поэма имеет подзаголовок – «Упражнения классика Амана на философскую тему: «быть и казаться». В «Шумер-наме» Олжас Сулейменов вспоминает случай из своей молодости, когда один из посетителей газетной редакции, дилетант-стихотворец, принял его за сотрудника газеты: «Классиком я себя уже тогда не полагал, и потому вступил в разговор, причем смущались мы с ним наперегонки» (Suleimenov, 1973: 191). Речь идет о самом раннем периоде творчества поэта, тогда еще студента-геолога. Будем иметь в виду, что «Шумер-наме» написана от лица самого Олжаса Сулейменова. Итак, еще не будучи профессиональным литератором, «классиком» Олжас Сулейменов «себя уже тогда не полагал», очевидно, считая это не самым серьезным и почтенным занятием. Аман, однако, безапелляционно назван «классиком». Если это ирония, то ее объект – именно Аман, а вовсе не Жаппас.

В самых же первых словах поэмы Аман с очевидной гордостью рассказывает о своем знатном социальном происхождении («Я по паспорту Аман-хан. Хан – это титул...») и противопоставляет себя «бездонному Жаппасу». Аман еще ни слова не сказал о том, что он – талантливый поэт, а Жаппас – бездарный приспособленец. Речь об этом пойдет ниже, но с первых же строк Аман декларирует свое сословное превосходство, и сразу же после указания на безродность Жаппаса следует фраза Амана: «Пусть всегда чувствует дистанцию между нами» (Suleimenov, 1976: 30). Своебразна и портретная характеристика врагов. Со слов Амана нам известно, что Жаппас очень толст, а сам Аман «неправдоподобно стройный». Обратим здесь внимание на это определение: «неправдоподобно стройный». Но в контексте поэмы и Жаппас толст вполне неправдоподобно. Олжас Сулейменов использует средства кинематографии: «Я увидел покадрово: Крупный план: его жирное лицо.

Отъезд до среднего: брюхо.

Общий: все еще – БРЮХО.

С противного холма с копьем наперевес идет на сближение Брюхо» (Suleimenov, 1976: 39).

И далее: «Где он наел такое брюхо? В хлебном магазине его пропускают без очереди, как беременного. Читатели, заметив Жаппаса, говорят задумчиво: «В нем что-то есть...» (Suleimenov, 1976: 43). Таким образом, Аман не только настойчиво повторяет слова о жирности Жаппаса, но и развивает аналогию «брюхо – брюхатый, беременный».

Гротеск совершенно очевидный, совершенно, опять же, неправдоподобный, ибо, конечно же, никто никогда не принимает мужчину-толстяка за беременного, и не пропускает его без очереди. Этот гротеск есть острота рассерженного Амана скорее площадная насмешка, что плохо вяжется с образом остроумного поэта-интеллигента, каким пытается представать перед нами Аман. Здесь не случайная реплика, так как тема «толщина брюха – беременность» косвенно развивается и дальше актуализируясь репликой Амана в споре: « – Так было или не было, рожай, у Жаппас! – я уже откровенно издевался» (Suleimenov, 1976: 42). Это совершенно точное определение: очевидно, что Аман не спорит со своим оппонентом Жаппасом, не обличает его, а именно издевается над ним.

Б. Канапьянов утверждает, что «элементы жырау и толгау, характерный для многих акынов так называемый «степной рефрен», мгновенная импровизация не в угоду поэтической версификации, а рожденная самой поэтической мыслью, которая всегда живет в Сулейменовском Слове, что «бродит в степи», – все это, и многое, многое другое, всегда определяло поэтический дух Олжаса Сулейменова как сугубо национальное творчество, вышедшее из многовековой традиции, именуемой «поэзией степей». Однако все это было бы именно версификационным калькированием степного фольклора, если бы не личность самого поэта, его эрудиция, его естественное мастерство и умение воплощать в свою оригинальную форму неординарную поэтическую мысль, свой «миг сознания» (Канапянов, 2006: 18).

Заключение

«Кактус» не является айтысом в его неизменном традиционном виде, речь здесь идет лишь об использовании отдельных элементов жанра в ходе его развития. Точно так же происходит и в поэме «Земля, поклонись человеку», которая, по мнению исследователей, является не простым копированием, а развитием традиций казахской народной поэзии. Между тем тот факт, что эти

произведения написаны О. Сулейменовым в 1960-е годы, сам по себе вовсе не говорит, что традиция развивается тем самым автоматически. Есть принципиальная разница между достаточно патетичной поэмой «Земля, поклонись человеку» и насквозь ироничным «Кактусом». Ирония эта, вероятнее всего, и помешала критикам увидеть в поэме ее серьезную фольклорную составляющую. Образ современного поэта-интеллигента Амана, чье мышление парадоксально и иронично, чьи высказывания иногда позволяют отождествлять его с лирическим героем О. Сулейменова, как поступили писавшие о «Кактусе», никак не вяжется с его же бранью и грубыми насмешками над противником. В поэме «Кактус» параллельно развиваются две, хотя и взаимосвязанные, но совершенно самостоятельные темы – состязание (айтыс) двух поэтов и их же любовное соперничество. Первая из них облечена в традиционную форму, характерную для соответствующего фольклорного жанра. Вторая раскрывается сподволь, так как повествующий о ней персонаж поэмы, Аман, по тем или иным причинам не хочет распространяться на эту тему. Тем не менее, она постоянно присутствует в поэме, определяет практически все слова и поступки Амана. Она объясняет и его крайнюю нетерпимость к своему сопернику, несмотря на то, что идейным конфликтом между талантливым поэтом и бездарным редактором. Кульминацией поэмы является глава «Поединок», в которой каждая из развивающихся тем обретает соответствующую ей форму. Литературный конфликт получает форму айтыса, а любовный – куртуазного поединка.

Однако обе формы здесь сливаются в едином действии. Заметим, что это единое действие является воображаемым: Аман мыслит его использованием изобразительных средств кино, а именно крупного, среднего и общего планов. Виртуальность такого действия легко позволяет рассказчику смешивать в нем черты, характерные как для состязания певцов, так и для поединка воинов.

Важной особенностью «Кактуса» является то, что, несмотря на свою важность для оценки концептуального уровня поэмы, тематика любовного соперничества здесь раскрывается путем очень немногочисленных высказываний персонажа, оставаясь почти на уровне подтекста. Не слишком внимательным читателем эта тема вообще может не приниматься в расчет. Поэма совершенно непротиворечиво может быть прочтена и как история чисто литературно-

го конфликта. Именно так она и прочитывалась во всех известных нам случаях.

Итак, поэма «Кактус» является модификацией традиционного фольклорного жанра. Суть модификации в данном случае состоит в том, что присущие поэме жанровые черты айтыса сочетаются в ней с параллельно и само-

стоятельно развивающейся сюжетной линией любовного соперничества. Однако благодаря параболическому способу толкования сюжета повествователем (в данном случае – лирическим персонажем) и протяжении всего произведения оба плана остаются равноправными и изоморфными.

Литература

- 1 Миль Л. В поисках «знака явлений». Вопросы литературы. – 1970. – № 9. – 23-41 с.
- 2 Карапаев М. Диалектика поэтических дерзаний. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 468 с.
- 3 Ровенский Н. Олжас Сулейменов // Простор. – 1978 – № 7. – 7-12 с.
- 4 Молдавский Д. Степь, стихи и время // Звезда. – 1966. – № 3. – 15-22 с.
- 5 Сулейменов О. Повторяя в полдень: Стихи разных лет. – Алма-Ата: Жазушы, 1973. – 288 с.
- 6 Сулейменов О. Определение берега. Избранные стихи и поэмы. – Алма-Ата: Жазушы, 1976. – 456 с.
- 7 Канапьянов Б. Быть далеко услышанным // Простор. – Алматы, 2006. – №5. – 18-19 с.

References

- 1 Mil L. (1970). V poiskakh “znaka yavleniy”. [In search of the “sign of phenomena”.] Questions of literature, №9. 23-41 p.
- 2 Karataev M. (1976). Dialektika poeticheskikh derzaniy. [Dialectics of poetic daring.] Alma-Ata: Zhazushy. 468 p.
- 3 Rovenskii N. (1978). Olzhas Suleimenov. [Olzhas Suleimenov.] Prostor, №7. 7-12 p.
- 4 Moldavski D. (1966). Step, stihi i vremya. [Steppe, poems and time.] Zvezda, №3. 15-22 p.
- 5 Suleimenov O. (1973) Povtoryaya v polden: stihi raznyh let. [Repeating at noon: Poems of different years.] Alma-ata: Zhazushy. 288p.
- 6 Suleimenov O. (1976). Opredeleniye berega. Izbrannye stihi i poemy. [Definition of the shore. Selected poems and poems.] Alma-ata: Zhazushy, 456 p.
- 7 Kanapyanov B. (2006) Byt daleko uslyshannym. [To be heard far away.] Prostor. №5. 18-19 p.

МРНТИ 17.07.41

Какишева Н.Т.,

к. ф. н. и. о. доцента Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: kakysheva.nurzada@gmail.com

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

В статье речь идет о казахстанских писателях и поэтах, литературоведы и историки вновь и вновь обращаются к проблеме литературной рецепции образа поэта и интерпретации его тем, мотивов и сюжетов. Каждый художник приходит к осознанию места Пушкина в своей жизни, и его обращение к поэту есть попытка понять себя. Пушкинская тема в современной литературе Казахстана разнообразна, разножанрова и разноаспектна, и ее развитие отражает разные лики и настроения писателей и поэтов разных поколений и направлений, пытающихся «воскресить» Пушкина в своих сюжетах. В произведениях Щеголихина, Снегина, Бельгера, Раевского и остальных воссоздается пушкинская эпоха, поэтому в них много отсылок к биографии поэта, знакомой читателю, реминисценций из пушкинского творчества, аллюзий реалий быта. У каждого свой путь, своя тропа к Пушкину.

Ключевые слова: Пушкин, творчество, писатель, литература.

Kakisheva N.T.,

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: kakysheva.nurzada@gmail.com

Pushkin theme in the work of writers of Kazakhstan

The article deals with Kazakhstani writers and poets, literary critics who again and again turn to the image of Pushkin and interpret his themes, motives and subjects. Every artist comes to realize Pushkin's place in his life, and his appeal to the poet is an attempt to understand himself. The Pushkin theme in the contemporary literature of Kazakhstan is varied and diverse, and its development reflects the different faces and moods of writers and poets of different generations and trends trying to "resurrect" Pushkin in their stories. Pushkin's epoch is recreated in the works of Schegolikhin, Snegin, Belger, Raevsky and others, so they contain many references to the biography of the poet, familiar to the reader, reminiscences from Pushkin's work, allusions to the realities of everyday life. Everyone has his own way, his own path to Pushkin.

Key words: Pushkin, creativity, writer, literature.

Кәкішева Н.Т.,

әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университетінің и.о. доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kakysheva.nurzada@gmail.com

Қазақстан жазушылардың шығармашылығындағы Пушкин тақырыбы

Мақалада Пушкин образына қайта-қайта оралып, тақырыбын және сюжетін түсіндіріп жеткізетін қазақстандық жазушылар мен ақындар туралы баяндалады. Әрбір суретші Пушкиннің өз өміріндегі орнын түсініп, сонымен бірге өз өзінді түсінуге талпынады. Пушкин тақырыбы Қазақстанның замандас әдебиетінде өте әр қылы, әр түрлі аспектілері бар тақырып болып келеді, оның дамуы өз шығармаларында Пушкин образын қайта өркендетуге тырысатын жазушылардың түрлі көніл қүйлерін және келбеттерін қамтып көрсетеді. Щеголихин, Снегин, Бельгер, Раевский және басқалардың шығармаларында Пушкин өмір сүрген заман жаңғырылады, ақын биографиясынан баршаға таныс көптеген деректер келтірілген. Әрқайсысының Пушкинге өтеп өз жолы, өз соқпағы бар.

Түйін сөддер: Пушкин, шығармашылық, жазушы, әдебиет.

Введение

Личность и творчество А.С. Пушкина, несмотря на довольно высокую степень изученности, до сих пор является актуальной темой не только в русской, но и в казахской литературе. Философ В.В. Розанов еще в 1899 году говорил: «Сказать о нем что-нибудь – необыкновенно трудно.<...> Увы, все золото мысли и слов исчерпано и приходится или вновь сковать несколько жалких медяков, или лучше подвести скромно итог, сказанному, без претензий на оригинальность и новизну» (Rozanov, 1995: 37-48). Тем не менее, казахстанские писатели и поэты, литературоведы и историки вновь и вновь обращаются к проблеме литературной рецепции образа поэта и интерпретации его тем, мотивов и сюжетов.

Казахстанская пушкинистика и пушкиниана ведет отчет от Абая и его поэтической школы. К осмыслианию роли Пушкина в формировании национального самосознания казахов обращались поэты и писатели первой половины XX века: к юбилею поэта в 1937 году было создано множество посвящений и переводов, среди которых нужно отметить перевод Ильясом Жансугурным «Евгения Онегина». Но начиная со второй половины XX века и по сей день продолжается интенсивная работа «узнавания» Пушкина и его текстов заново, нового «прочтения» его биографии, осмыслиения и интерпретации его сюжетов. То есть в новой литературе независимого Казахстана актуальной и перспективной является проблема рецепции образа русского поэта как феномена и уникального явления в истории культуры. Поэтому каждый художник приходит к осознанию места Пушкина в своей жизни, и его обращение к поэту есть попытка понять себя.

Эксперимент

Пушкинская тема в современной литературе Казахстана разнообразна, разножанрова и разноаспектна, и ее развитие отражает разные лики и настроения писателей и поэтов разных поколений и направлений, пытающихся «воскресить» Пушкина в своих сюжетах. В их текстах воссоздается пушкинская эпоха, поэтому в них много отсылок к биографии поэта, знакомой читателю, реминисценций из пушкинского творчества, аллюзий реалий быта. То есть каждый автор произведения о Пушкине ориентируется на пушкинскую биографию и в то же время предлагает свою интерпретацию того или иного литературного мифа о поэте. У истоков такой трактовки

пушкинской темы стоит роман Ю.Н. Тынянова «Пушкин» и другие художественные биографии Пушкина, нашедшие продолжение в романах, повестях и рассказах наших казахстанских писателей Ивана Щеголихина («Не жалею, не зову, не плачу»), Дмитрия Снегина («Странные сближения, или Вокруг Михайловского», Евгения Гуслярова («Суеверный Пушкин»), Константина Кешина («Пушкинская тетрадь»), Константина Гайворонского («Поговори мне о себе», «Между Сциллой и Харибдой»), статьях-эссе и серьезных монографических исследованиях и литератороведов Николая Раевского («Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили»), Герольда Бельгера о переводах на казахский язык пушкинских произведений, Шериаздана Елеушенова об интерпретации сюжета пушкинского «Евгения Онегина» Абаем и народными ақынами, Сауытбека Абдрахманова (исследования «Біздің Пушкин», «Коран и Пушкин»).

Среди казахстанских пушкинистов особое место занимает Николай Алексеевич Раевский (1894-1988), один из первых пушкинистов среди русских писателей Казахстана, человек удивительнейшей судьбы, книги которого о Пушкине, появившиеся в 70-ых годах без сведений об авторе, до сих пор считаются в ученом мире интеллектуальными бестселлерами. Представитель старинного дворянского рода, участник первой мировой и гражданской войн, он в 1924 году оказался за границей в Праге без родины и гражданства, но с нансеновским паспортом, занимался в университете биологией и неожиданно «заболел» Пушкиным, причем сугубо узкой темой – «Пушкин и война». Но все же биологию не бросал и в 1930 году получил диплом доктора естественных наук, который и привел его после сталинских лагерей в Алма-Ату в Республиканский институт клинической и экспериментальной хирургии переводчиком (по приглашению академика А.Н. Сызганова), где Н.А. Раевский проработал до 82 лет. Первую книгу о Пушкине «Когда заговорят портреты» (Rayevskiy, 1965: 183) писатель напечатал только в 1964 году, вторую «Портреты заговорили» (Rayevskiy, 1989: 480) – через 10 лет через содействие Д.А. Кунаева. Причиной этому было его прошлое как белого офицера...

В 1976 году вышла еще одна книга писателя о Пушкине и его друзьях – «Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин» (Rayevskiy, 1976: 160), остальные произведения этого незаурядного человека, известного не только у нас в Казахстане и России, но и в дальнем зарубежье пушкиниста,

вышли уже после его смерти: журнал «Простор» напечатал в 1990 году (№ 7 и 8) повесть «Добровольцы. Повесть Крымских дней», о которой Владимир Набоков написал автору несколько писем, в 1992 году – документальную повесть «Тысяча девятьсот восемнадцатый год» и в 2002 году – «Дневник галлиполийца».

Одной из последних книг Н.А. Раевского, появившихся в печати, является книга «Пушкин и призрак Пиковой дамы» (Rayevskiy, 2009: 384), изданная в Москве в 2014 году. Исследование Раевского посвящено раскрытию одной из тайн. Это загадочно-увлекательное чтение раскрывает одну из тайн Пушкина, связанной с графиней Дарьей Фикельмон, внучкой фельдмаршала М.И. Кутузова и женой австрийского посланника в Петербурге Шарля Фикельмона. Она была одной из самых незаурядных женщин высшего света, дружила с Пушкиным, который был частым гостем в ее особняке на Дворцовой набережной. Герман в «Пиковой даме» приходит именно в этот дом узнать заветные три карты. По легенде, именно в этом доме явился Пушкину призрак старой графини и зародился сюжет его таинственной повести. Николай Раевский, опираясь на дневник Долли Фикельмон, реконструировал историю взаимоотношений этих двух незаурядных личностей.

В последние годы появилось немало серьезных исследований о творчестве Н. Раевского, среди которых нужно отметить книгу «Неизвестный Раевский» (Rayevskiy, 2010), автором-составителем которой является бывший заместитель председателя правления Советского фонда культуры Олег Карпухин, считающий Раевского «одним из интереснейших писателей русского зарубежья 20-30-х годов», одной «из самых загадочных личностей в истории Алма-Аты». Олег Карпухин – казахстанец, работал в КазГУ, дружил с Раевским, с которым его познакомил Олжас Сuleйменов, является одним из первых биографов Н.А. Раевского, напечатавшим большую статью после кончины писателя «Три слова на памятнике» в журнале «Наше наследие» (Karpukhin, 1984: 512).

С ним солидарен российский пушкинист Борис Бурсов, который считает, что именно с Н.А. Раевского начинается новая эпоха в пушкиноведении: «Я не скажу, что его работа самая выдающаяся, но это самая живая работа. А может быть самая живая работа – это и есть самая выдающаяся работа? Его книга «Портреты заговорили» приобрела огромную известность и популярность, привила особый вкус читателю...»

Ее популяризаторское значение трудно оценить. Несомненно, она сыграла свою роль и в смысле уточнения, изменения, появления каких-то новых веяний в пушкиноведении. Все-таки пушкиноведение наше по традиции было какое-то закостенелое. Все это было каким-то казенным делом. Факты они, конечно, тоже нужны, но как не хватало нам живого восприятия Пушкина, самого Пушкина» (Bursov, 1984: 512).

Такое же живое восприятие пушкинской темы характерно для одного из известных русских писателей Казахстана Дмитрия Федоровича Снегина, написавшего 1999 году небольшую повесть «Странные сближения, или Вокруг Михайловского» (Snegin, 1999: 64). Снегин назвал свое произведение новеллой, не объяснив своего замысла. Думается, он ориентировался на Гёте, который называл новеллу «свершившимся неслыханным событием» (Ekkerman, 1981: 687; Gayvoronskiy, 2008: 97-156). Снегин пытается понять смысл «странных сближений» «неслыханных происшествий», исторически сближающих Поэта, Народ и самого Автора (заглавные буквы использованы самим писателем), поэтому обозначил жанр своей исповедальной книги, которая оказалась последним его произведением, написанным назадолго до кончины, как новеллу.

Константин Кешин в своих заметках о «Странных сближениях...» назвал жанр снегинской книги «мемуарно-эстетической новеллой» (Keshin, 2006: 123-128). Бахытжан Канапьянов, издавший ее в «Жибек жолы», считает, что она «...многих томов тяжелей» (Kanap'yanov, 2007). Л. Мананникова и Е.Брусиловская писавшие об этой книге, акцентируют внимание лишь на мотиве странных сближений, сыгравших важную роль в тот или иной момент жизни писателя (Manannikova, 2008; Brusilovskaya, 2007). Но сын писателя, известный казахстанский кардиохирург Дмитрий Дмитриевич Поцелуев вспоминает, что в их доме все было пронизано памятью о Пушкине, и всегда (Снегин) мечтал написать книгу о Пушкине. Снегин рассказывает о том, как в годы Великой Отечественной войны он, бывший начальником штаба артиллерии Панфиловской дивизии, освобождал Михайловское и сделал все, чтобы сохранить исторические памятники.

Книга имеет необычную структуру, символически заключенную в треугольник, вершинами которого являются три стихотворения Снегина. В Послесловии дано обращение писателя к читателю: «*Друг-читатель! Предложенная твоему*

вниманию новелла «Вокруг Михайловского» обрамлена тремя моими стихотворениями:

1. Искусство Слушать постигала долго...
2. Я поднимусь по Занебесью...
3. Как встарь, увязался за мной...

В этом треугольнике, мнится мне, и возникли странные сближения... можно сказать, будто в Бермудском треугольнике.

Дм.Снегин

Май-июнь, 1999.

Верный – Алма-Ата

Само произведение начинается со стихов «Искусство Слушать постигал я долго...». Графически выделенные слова-образы Слушать, Молчать, Стать, Волк, Волчица выполняют особую функцию «превращения ключевого слова в пучок ассоциаций» (Snegin, 1999: 92). Следующая часть названа также необычно «Вместо присказки». Присказка, как мы знаем, обычно предшествует зачину в сказках, и Снегин предлагает читателю воспринимать происходящее как нечто сказочное, но имеющее место в реальной действительности.

Ведущая тема новеллы изначально определена Снегиным как «о псковской деревне матери Поэта», в освобождении которой от фашистов писатель «принимал участие лично», в унисон ей выступает другая, личная для писателя тема – «парadoxальные сближения» Снегина с Пушкиным: «... дай Бог, приблизиться к странным сближениям, влекущим меня в Михайловское» (Snegin, 1999: 92). Снегин повествует о Святогорье, Пушкинских местах: Сороть – Великая – Михайловское – Тригорское.

«Всегда ли странны подобного рода сближения (сопоставления... сличения)? – спрашивает себя Снегин. – Впрочем, я суеверен, и непредсказуемая, но целенаправленная энергия вселенского Хаоса влияет на меня, как возмущение магнитных бурь» (Snegin, 1999: 11).

Лейтмотив «странные сближения» в новелле получает различные вариации, главная из которых мотив соприкосновения Снегина с Пушкиным: он, как и Аполлон Григорьев, верует в то, что «Пушкин – это наше все». «Странное сближение» с Пушкиным Снегин видит в том, что именно ему было предначертано судьбой освобождать в годы войны пушкинское родовое гнездо – село Михайловское: «Я был там. Одна из огненных страниц моей жизни. К тому же парадоксальные сближения в чем-то сродни событиям, в которых принимал участие лично. Мне это помогает написать задуманное более удачливо» (Snegin, 1999: 5).

С Пушкиным связано еще одно протяженное во времени воспоминание: Снегин 1924-года, купив у китайца «похожие на халву желтые и хрупкие, как льдинки, кусочки меда, завернутые в страницы разорванной на наших глазах старинной книги», обнаруживает стихи без начала и конца, обозначенные римской цифрой VI:

Недаром вы приснились мне
В бою с обретыми главами
С окровавленными мечами
Во рвах, на башне, на стене.

Блаженны падшие в сраженье:
еперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем (Snegin, 1999: 26).

Позже он узнает, что «те стихи – из «Подражаний Корану».

«Странное сближение» Пушкина и Снегина: В «Подражаниях Корану» Пушкин обратился к коранической, то есть восточной, теме, Снегин в двенадцать лет прочитал очаровавшие его стихи, через двадцать лет он восстановил их по памяти и, переписав, хранил в вместе с военными картами в полевой сумке. Но он тогда не знал, что это стихи Пушкина, и они написаны в Тригорском. Эта истина ему откроется позже, в Алма-Ате, куда он вернется после тяжелого ранения.

Заключение

Тема исторической памяти особенно отчетливо выражена в сюжете об освобождении Михайловского и его окрестностей. Пушкинские места нужно было освободить без применения артиллерии и авиации, чтобы сохранить каждую пядь пушкинской земли. Ведущим в этом сюжетном отрывке становится описание события спасения великого Поэта, в котором ведущую роль выполняли солдаты и офицеры Панфиловской дивизии, среди них был и Дмитрий Поцелуев (Снегин), и именно это «свершившееся, неслыханное событие» навечно сблизило Снегина с Михайловским и с Пушкиным, и через 55 лет он вернулся его в те далекие годы, чтобы вновь пережить пережитое «под призмой Пушкина».

Как видим, пушкинская тема до сих пор поражает всех своей неисчерпаемостью. Казахстанские пушкинисты и сегодня задают вопрос об истинных мотивах поездки поэта в сопрово-

ждении Владимира Даля в Уральск и за Уральск: вспомним повесть Николая Щербанова «Поехал я в Уральск». Константин Гайворонский исследует темы «Пушкин и царь», «Пушкин и декабристы» в повестях «Поговори мне о себе» и «Между Сцилой и Харибдой». При этом он утверждает, что «...не о Пушкине мои книги, а о на-

шем отношении к нему... Мои книжки – против чего-то, против кого-то. Против хрестоматийного глянца, против догм, сложившихся в советские времена, против литератороведов, которые втискивали свои писания в идеологические рамки...» (Gayvoronskiy, 2008: 105). У каждого свой путь, своя тропа к Пушкину.

Литература

- 1 Розанов В.В. А.С. Пушкин // О писательстве и писателях, М.: Художественная литература, 1995. – С.37-48.
- 2 Раевский Н.А. Если заговорят портреты: об А.С. Пушкине. – Алма-Ата: Жазушы, 1965.- 183 с.
- 3 Раевский Н.А. Портреты заговорили: Литературные исследования. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 480 с.
- 4 Раевский Н.А. Друг Пушкина Павел Войнович Нащокин. – Л.: Наука, 1976. – 160 с.
- 5 Раевский Н.А. Пушкин и призрак Пиковой дамы. – М.: Алгоритм-книга, 2009. – 384 с.
- 6 Карпухин О. Неизвестный Раевский / Исследование, составление, комментарии. – М.: Русский раритет, 2010.
- 7 Карпухин О. Три слова на памятнике // Наше наследие : журнал. – 1989. – № 5. – С.81-88.
- 8 Бурсов Б.И. Судьба Пушкина: Роман-исследование. – Л.: Советский писатель, 1984. – 512 с.
- 9 Снегин Д. Странные сближения, или Вокруг Михайловского. – Алматы: Жібек Жолы, 1999.- 64 с.
- 10 Эккерман И.-П. Разговоры с Гете / перевод Наталии Ман. – М.: Художественная литература, 1981. – 687 с.
- 11 Кешин К. Алгебра зависти / Литературная Алма-Ата. – 2006. – № 3. – с.123-128.
- 12 Канап'янов Б. Кофе-брейк (Заметки. Эссе. Диалоги) – Алматы: Жібек Жолы, 2007.
- 13 Мананикова Л. Наш автор Дмитрий Снегин // Казахстанская Академия журналистского мастерства. – 2008. – 25 сентября.
- 14 Брусиловская Е. Недаром вы приснились мне...// Казахстанская правда. – 2007. – 24 августа.
- 15 Гайворонский К. Этическая невменяемость // Гайворонский К. Я жил в такие времена. – Алматы: Арыс, 2008. – С.97-156.

References

- 1 Rozanov V.V. (1995) A.S. Pushkin. O pisatel'stve i pisatelyakh. [Pushkin // About writing and writers] – Moscow: Khu-dozhestvennaya literatura, 37-48 p.
- 2 Rayevskiy N.A. (1965) Yesli zagovoryat portrety: ob A. S. Pushkine. [If portraits speak: about AS. Pushkin] Alma-Ata: Zha-zushy, 183 p.
- 3 Rayevskiy N.A. (1989) Portrety zagovorili: Literaturnyye issledovaniya. [Portraits began to speak: Literary studies] Alma-Ata: Zhazushy, 480 p.
- 4 Rayevskiy N.A. (1976) Drug Pushkina Pavel Voinovich Nashchokin. [Pushkin's friend Pavel Voinovich Nashchokin] L.: Nauka, 160 p.
- 5 Rayevskiy N.A.(2009) Pushkin i prizrak Pikovoy damy. [Pushkin and the ghost of the Queen of Spades.] M.: Algoritm-kniga, 384 p.
- 6 Karpukhin O. (2010) Neizvestnyy Rayevskiy / Issledovaniye, sostavleniye, kommentarii. [Unknown Rayevsky / Research, compilation, comments] – M.: Russkiy raritet.
- 7 Karpukhin O. (1989) Tri slova na pamyatnike. [Three words on the monument] Nashe naslediye : zhurnal. № 5, 81-88 p.
- 8 Bursov B.I. (1984) Sud'ba Pushkina: Roman-issledovaniye.[The fate of Pushkin: Roman-study.] L.: Sovetskiy pisatel', 512 p.
- 9 Snegin D.(1999) Strannyye sblizheniya, ili Vokrug Mikhaylovskogo. – Almaty: Zhibek Zholy, 64 p.
- 10 Ekkerman I. (1981) Razgovory s Gete / perevod Natalii Man. [Conversations with Goethe / translation by Natalia Man.] M.: Khudozhestvennaya literatura, 687 p.
- 11 Keshin K. (2006) Algebra zavisti [The algebra of envy] Literaturnaya Alma-Ata. № 3, 123-128 p.
- 12 Kanap'yanov B. (2007) Kofe-breyk (Zametki. Esse. Dialogi) [Coffee-break (Notes, Essays, Dialogues)] – Almaty: ZHibek Zholy.
- 13 Manannikova L. (2008) Nash avtor Dmitriy Snegin [Our author Dmitry Snegin] Kazakhstanskaya Akademiya zhurnalistskogo masterstva. 25 sentyabrya.
- 14 Brusilovskaya E, (2007) Nedarom vy prisnilis' mne... [Not without reason did you dream to me ... //] Kazakhstanskaya pravda. 24 avgusta.
- 15 Gayvoronskiy K. (2008) Eticheskaya nevmenyayemost'. Ya zhil v takiye vremena. [Ethical insanity. I lived in such times.] Almaty: Arys, 97-156 p.

МРНТИ 82-821.0

Мейрамгалиева Р.М.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: mrm.raigul@mail.ru

ПРИЗНАНИЕ-ИСПОВЕДЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.А. НЕКРАСОВА

В статье исследуется сборник «Последние песни» великого поэта Николая Алексеевича Некрасова. В редкой поэтической отзывчивости на чужую радость и чужую боль Некрасов раскрывается как исключительный и глубоко народный поэт. В статье аргументируется главная мысль, что для самого поэта Некрасова «Последние песни» – название, глубоко выношенное. В стихотворных циклах дыхание его поэзии – с драматическими паузами и с трагическими признаниями. Автор статьи заключает мысль тем, заглавие первого стихотворения цикла – «Последние песни» не скрывало тяжелую атмосферу «черных дней» и позволяло включить в книгу произведения лиро-эпического, даже сатирического склада, произведения итогового характера, по которым можно воссоздать главные черты некрасовского творчества.

Ключевые слова: драма, исповедь, цикл, диалог, самовоскрешение, поэт, революционная демократия, читатель, публикация.

Meiramgaliyeva R.M.,
PhD, A/Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: mrm.raigul@mail.ru

Recognition-confession in the works of N. A. Nekrasova

The article investigates the collection “the Last songs” of the great poet Nikolai Nekrasov. In a rare poetic tenderness on someone else’s joy and the pain of others Nekrasov, according to the author of the article is exceptional and deeply national poet. The article argues the main idea that for the poet Nekrasov “Last songs” – the name, deeply worn out. In poetic cycles the breath of his poetry – with dramatic pauses and tragic confessions. The author concludes with the thought that, the title of the first poem of the cycle “the Last song” did not hide the heavy atmosphere of “black days” and was allowed to include in the book works of lyrical and epic, even satirical warehouse, works final character on which it is possible to reconstruct the main features of Nekrasovsky of creativity.

Key words: drama, confession, cycle, dialogue, self-decision, poet, revolutionary democracy, reader, publication.

Мейрамгалиева Р.М.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: mrm.raigul@mail.ru

Н.А. Некрасовтың шығармаларындағы сыры

Мақалада ұлы ақын Николай Алексеевич Некрасовтың “Соңғы өн” жинағы зерттеледі. Сирек кездесетін поэтикалық назарлық Некрасовты өзгелердің қуаныш және өзгелердің ауыруына ерекше және терең ақынболғаны көрсетіледі. Мақалада басты ой Некрасов ақынның “Соңғы өн” аты жинағы терең киялы екені дәлледенеді. Бұл жинақтың өлеңдері тыныс алуды бойынша, оның поэзиясы – драмалық кідіріс және қайғылы. Мақаланың авторы “Соңғы өн” жинағының атауың ақынның негізгі ойы, зиянды және ауыр “қара күн” екенін жасырмаданың және соңғы жинағына қосуға мүмкіндік бергенін, кітабына шығармалардың лиро-эпикалық, тіпті сатирикалық, қоймалар, қорытынды сипаттамаға жаңадан жасауға, ақынның шығармашылығынbastы белгілері болатыны көрсетілді.

Түйін сөздер: драма, автор сыры, жиындық, сөйлесу, қайта өркендету, ақын, революциялық демократия, оқырман, жариялау.

Введение

Сборник поэта «Последние песни» написан в 1866-1867 гг., когда он был болен и переживал серьезную духовную драму. В исповедях слышалось многое: и самооправдание, и желание понять себя и других – с кем шел, кого оставил, кто с ним расстался в пути, стремление разобраться в жизненных передрягах, объясниться.

У поэта была еще одна возможность ответить на мучавшие его вопросы – стихи.

«Последние стихи» – «Последние песни» – заглавие цикла кажется обычным бытовым. Для Некрасова «Последние песни» – название, глубоко выношенное. В нем слышно особенное дыхание его поэзии – с драматическими паузами и трагическими признаниями.

В цикле «Последние песни» душа поэта с неожиданными ранами открыта обнажена:

Борюсь с мучительным недугом
Борюсь до скрежета зубов
О, муз! ты была мне другом
Приди на мой последний зов!

Уж я знал такие грозы;
Ты силу чудную дала
В колючий терн, вплетая розы
Ты пытку вынести помогла.
(«Вступление к песням 1876-77 годов»)

Первая же публикация цикла вызвала множество сочувственных откликов и перепечатано в «Новом времени». В «Новом времени» было перепечатано стихотворение «Друзьям» («Я примирился с судьбой неизбежной...») – поэтическое завещание высокого гражданского смысла. Стихи вызвали массу отзывов дружеских пожеланий сочувствий.

Поэтическая исповедь Некрасова воспринималась прежде всего как свидетельство крепости его духа, ясности его демократических идеалов. Она была услышана читателем-другом, на которого всегда рассчитывал поэт:

Но мой судья – читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!
Ещё мой труд тобою не забыт...
(«Уныние»)

Эксперимент

Новые стихи продолжают диалог с читателем, друзьями и недругами поэта. Два лейтмотива,

два состояния лирического героя выражены почти в каждом произведении: прощание с жизнью, самоотпевание, самовоскрешение и возрождение. Поэт осознает неизбежность конца, даже ощущает его – и живет всем богатством чувств, сохраняет ясность трезвой мысли. Скорбный рассказ о своих страданиях, необратимая правда фактов, невероятное напряжение всех нравственных и физических сил, воодушевление, высокая дума показана в следующих строках:

Да не плачь украдкой! Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Результат и обсуждение

Творчество Николая Алексеевича Некрасова в истории русской поэзии открывает новую страницу: он сделал народ полноправным героем своих произведений, заговорил о нем не жалостливо, а гневно и требовательно, заговорил так, чтобы пробудить в нем ненависть и вражду к угнетателям и эксплуататорам, заговорил языком народа и его позиций.

Все это привело к значительному расширению границ поэзии, обострило ее социальную активность, наследуя лучшие традиции русской литературы, утверждавшей гражданственность поэзии, Некрасов – поэт революционной демократии – углубляет и конкретизирует их.

Н.А. Некрасов писал Л.Н. Толстому: «Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению – страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. – но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы – и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука, Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора, Рассматривайте себя как единицу – и Вы придетете в отчаяние (Х, 334-335). Нравственная философия Некрасова вырастает тут из глубинной народности его мировоззрения и творчества.

Поэма Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» учит нас чувствовать духовную красоту и щедрость народного характера, главной особенностью которого была, есть и будет обостренная чуткость к другому человеку, умение понять его, как самого себя, счастье радоваться его счастьем или страдать его страданием. В редкой поэтиче-

ской отзывчивости на чужую радость и чужую боль Некрасов и по сию пору – исключительный и глубоко народный поэт.

Вслед за «Морозом» появилась «Орина, мать солдатская» – стихотворение, прославляющее материнскую и сыновнюю любовь, которая торжествует не только над ужасами николаевской солдатчины, но и над самой смертью. Появился «Зеленый шум» – стихи о весеннем чувстве обновления, «легкого дыхания»: возрождается к жизни и любви спавшая зимой природа, и оттавивает заледеневшее в злых помыслах человеческое сердце. Глубоко народная, рожденная крестьянским трудом на земле вера в обновляющую мощь природы, частицей которой является человек, спасала Некрасова и его читателей в трудные годы «барабанов, цепей, топора».

Тогда же Н.А. Некрасов приступил к созданию стихотворений, посвященных русским детям. «Через детей душа лечится», – говорил один из любимых героев Достоевского. Обращение к миру детства в эпоху «трудного времени» освежало и ободряло человека, очищало его душу от горьких впечатлений окружающей действительности. Главным достоинством некрасовских стихов для детей явилась опять-таки их неподдельная народность: в них торжествует и крестьянский юмор, и сострадательная любовь к малому и слабому, обращенная не только к человеку, но и к природе, и свободолюбивый демократизм народа, нетерпимого к холуйству и чинопочитанию. Трудно представить себе русского человека, в детских воспоминаниях которого отсутствует смешливый, лукавый и ласковый дедушка Мазай, неуклюжий генерал Топтыгин, сердобольный дедушка Яков. С этих стихов начинается наша любовь к природе и людям труда, к красоте родной земли, к образной силе русского слова» – утверждает критик (Lebedev, 1990: 145).

Известно, что «решающую роль в эволюции творчества Н.А. Некрасова сыграл тот факт, что он оказался в кругу идей Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Талант поэта нашел в них опору. Произошла стремительная кристаллизация новых качеств поэзии. Некрасов обратился к значительным темам, преодолел натурализм, стал создавать произведения, получившие большой общественный резонанс. Его поэма «Кому на Руси жить хорошо» – новый этап в развитии реалистических приемов типизации не только в творчестве Н.А. Некрасова, но и во всей русской поэзии. Исследователи отмечают усиление социального эквивалента в самом поэтическом

строе поэмы. Поэт не только ввел в поэзию новые темы, новый жизненный материал, он придал им большое общественное демократическое звучание.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» поражает масштаб изображения русской действительности.

Вся многообразная сфера жизни, входящая в орбиту поэмы, – от нищей хаты до дворца, от мужика-крестьянина до сановного правителя – освещается определенным светом. Это придает поэме внутреннюю идеино-художественную стройность. Целые главы строятся как своего рода исповеди, когда герои (в том числе помещики, купцы, различного рода прислужники) рассказывают о себе и о своей жизни. Недаром поэму принято называть энциклопедией крестьянской жизни периода реформы 1861 года. И в то же время это – эпическое полотно.

В структуре поэмы песенно-повествовательное начало не просто сочетается с исповедью, составляющей содержание отдельных глав. За всем этим встает картина народной жизни с ясным ощущением трагизма судьбы отдельного человека и желанием вырваться, освободиться из-под гнета. Поэт говорит от имени народа и народными глазами смотрит на жизнь». (Novikov, 1982: 229).

Заключение

Таким образом, заглавие первого стихотворения цикла – «Последние песни» становится заглавием последней книги поэта. Оно не скрывало тяжелую атмосферу «черных дней» и позволяло включить в книгу произведения лиро-эпического, даже сатирического склада, произведения итогового характера, по которым можно воссоздать главные черты некрасовского творчества.

Отрывки из цикла «Последние песни» Николая Алексеевича Некрасова:

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, остаток чувства сохранившим
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю Труд последний мой.
Я завету русского народа

Верен: а и в горе жить
Не кручину быть,
И большой работаю полгода
Я трудом смягчаю свой недуг,
Ты не будешь строг, читатель-друг...
(«Вам, мой дар ценившим и любившим»)

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучительным недугом
Позабыл о смерти твой поэт!
(«Пододвинь перо, бумагу, книги!..)»

Памяти Николая Алексеевича Некрасова

В наш век тупой, грошовый, меркантильный,
Поэт, ты мог заставить хоть на миг –
Толпу забыть свой эгоизм всесильный
И заглушал бездарный общий крик!

Страдая сам, под гнетом смертной муки,
Ты о других пел грустных песен рой
И, бросив в мир последней песни звуки,
Угас и сам, как пламенник святой!

.....
Но смерть твоя, и в шуме грозной битвы
Среди победно пляшущих знамён,
В нас вызвала и слезы и молитвы,
И слышен нам разбитой лиры звон...
Лиодор Пальмин

Памяти Николая Алексеевича Некрасова

За народ ты душой исстрадался, поэт!
И народ не забудет тебя никогда,
Он все песни твои, будет время, споет

Как любил ты его, он постигнет тогда...
За каплю крови, общую с народом,
Мой грех, о Родина! Прости...
Неизвестный автор, 1889.

Литература

- 1 Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века: 2-я половина: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1990.
- 2 Новиков В. Движение истории – движение литературы. Наследие и стилевое богатство современной советской литературы. – М: Советский писатель, 1982.
- 3 Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва, Издательство: Наука, 1977.

References

- 1 Lebedev Y.V. Russkaya literatura XIX veka: [Russian literature of the XIX century:] the 2nd half: a book for teachers. M.: Enlightenment, 1990.
- 2 Novikov V. Dvizhenie istorii – dvizhenie literatury. Nasledie i stilevoe bogatstvo sovremennoj sovetskoy literatury. [The history of the Movement – the movement literature. Heritage and style wealth modern Soviet literature.] M: Soviet writer, 1982.
- 3 Tynyanov Yu.N. Poehtika. Istoryya literatury. Kino. [Poetics. History of literature. Cinema.] Moscow, Publishing House: Science, 1977.

МРНТИ 17.07.29

Муминов С.О.,

к. п. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: s.muminov2012@yandex.kz

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Автор утверждает, что Платонов – выдающийся реформатор русской художественной литературы. Он не одинок в своих творческих поисках. Немаловажное обстоятельство, побуждавшее русских писателей к обновлению эпической формы, заключалось в том, что ресурсы классической литературы оказались исчерпанными в творчестве Достоевского и Толстого. Художественному миру «Котлована» присущ антропоморфный минимализм. Это обстоятельство выражено в том, что литературные персонажи (в отличие от классической реалистической литературы) наделены схематично воссозданной антропоморфной определенностью. В этом отношении повесть «Котлован» отличается от произведений русской литературной классики, рисовавшей полнокровных героев, наделенных разнообразными антропоморфными и антропологическими качествами и свойствами. Художественная онтология повести «Котлован» включает систему онтологических образов, которые имеют высокий эстетический и смысловой статус. Это также отличает поэтику повести от классической реалистической литературы.

Ключевые слова: Платонов, повесть «Котлован», новаторство, художественная антропология, художественная онтология.

Muminov S.O.

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: s.muminov2012@yandex.kz

Artistic originality of Platonov's novel «Kotlovan»

The author claims that Platonov is an outstanding reformer of Russian literature. He is not alone in his creative quest. An important circumstance that encouraged Russian writers to update the epic form was that the resources of classical literature were exhausted in the works of Dostoevsky and Tolstoy. Art world «Kotlovan» inherent anthropomorphic minimalism. This circumstance is expressed in the fact that literary characters (unlike classical realistic literature) are endowed with schematically recreated anthropomorphic certainty. In this respect, the novel «Kotlovan» is different from the works of Russian literary classics, drawing full-blooded characters, endowed with a variety of anthropomorphic and anthropological qualities and properties. Art ontology of the novel «Kotlovan» includes a system of ontological images that have a high aesthetic and semantic status. This also distinguishes the poetics of the novel from the classical realistic literature.

Key words: Platonov, the novel «Kotlovan», innovation, artistic anthropology, art ontology.

Муминов С.О.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, п. ф. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: s.muminov2012@yandex.kz

Платоновтың «Котлован» повесіндегі көркемдік ерекшеліктер

Автордың айтуы бойынша, Платонов орыс көркем әдебиетіндегі белгілі реформаторлардың бірі. Ол өзінің шығармашылық ізденісінде жағызы болмаған. Достоевский мен Толстой еңбектеріндегі әдеби классикалық ресурстардың қолданылуы, орыс жазушыларының эпикалық формага деген жаңашылдығын ояты. «Котлованның» әдеби әлеміне антропоморфты минима-

лизм тән. Олай дейтініміз «Котлован» повесі толыққанды бейнеленген батырлармен қатар, әр түрлі антропологиялық және антроморфтық қасиеттерімен орыс әдеби классикасынан ерекшеленеді. «Котлован» повесінің әдеби онтологиясына эстетикалық және мәнді сипатқа ие онтологиялық бейнeler тән. Сонымен қатар осы белгілер повесттің поэтикасын классикалық шынайы әдебиеттен бөліп көрсетеді.

Тұйін сөздер: Платонов, «Котлован» повест, жаңашылдық, көркем антропология, көркем онтология.

Введение

Платонов – выдающийся реформатор русской художественной литературы. Он не одинок в своих творческих поисках. Немаловажное обстоятельство, побуждавшее писателей к обновлению эпической формы, заключалось в том, что ресурсы классической литературы оказались исчерпанными в творчестве Достоевского и Толстого. Вот почему «к концу XIX века становится явственной неудовлетворенность литературно-психологическими канонами, начинаются поиски какой-то еще неопределенной новой адекватности жизни. Появилось стремление уловить за привычной видимостью некую подлинную фактуру существования, скрытую постепенно отстоявшимися формами», – писала Л.Я. Гинзбург (Ginzburg, 1986: 118).

Надо сказать, что уже в творчестве Толстого намечается отход от прежней поэтики. Так, в романе «Анна Каренина» наблюдается отказ от подробного психологизма, обращение к художественной символике пейзажей и снов.

Б.М. Эйхенбаум в этой связи отмечал: «Разница между «Войной и миром» и «Анной Карениной» видна и на этом примере. Сны Анны и Вронского – это уже не те психологические сны, которые описаны в «Войне и мире» и художественное значение которых не выходило за пределы «диалектики души» (Ejhenbaum, 1974: 187).

Наиболее значительная реформа классической эстетики произошла в творчестве А.П. Чехова. «Еще Чехов отказался от пространных описаний быта, среды, обстановки, портрета и биографии действующих лиц, от замедленной экспозиции, фабульной завершенности и разъяснительных эпилогов», – констатирует Л.В. Круткова (Krutikova, 1972: 195).

Другой причиной, приведшей к кризису литературы XIX века, стал уход в прошлое прежней эпохи, для которой была характерна относительная благополучность. Русская художественная литература стремилась нарисовать онтологическую гармонию. Но надвигалось время глобальных общественных и исторических изменений.

Изменяющееся качество бытия и человека нашло отражение в творчестве Платонова.

Б.А. Грифцов писал: «Эпохи, когда расцветает роман, никогда не бывают завершением или даже естественным продолжением эпох нероманических ... Между той и другой эпохой должна лечь катастрофа, существенно меняющая строй душевный» (Grifcov, 1988: 78).

Эксперимент

Своеобразие художественной антропологии и онтологии, изображенных в повести «Котлован», определяется индивидуальностью творческого сознания Платонова. «Котлован» представляет собой литературное произведение со своеобразной художественной антропологией и онтологией.

Смысловое пространство повести содержит предупреждение об опасности тоталитаризма. Сюжет повести «Котлован» основан на детализированном изображении центральной онтологической ситуации – переходе от старой жизни к новым общественно-экономическим отношениям. Возведение «дома общепролетарского счастья» и должно ознаменовать победу нового над старым.

Художественному миру «Котлована» свойствен антропоморфный минимализм. Это выражается в том, что литературные персонажи «Котлована» (в отличие от классической реалистической литературы) наделены схематично воссозданной антропоморфной определенностью. Платонов избегает развернутых портретных изображений, ограничиваясь редкими краткими описаниями внешности действующих лиц, а то и вовсе обходясь без них.

Приведем пример из текста повести, чтобы проиллюстрировать это наблюдение. «Около лампы лежала женщина на земле, солома уже истерлась под ее телом, а сама женщина была почти непокрытая одеждой; глаза ее глубоко смеялись, точно она томилась или спала, и девочка, которая сидела у ее головы, тоже дремала, но все время водила по губам матери коркой лимона, не забывая об этом» (Platonov, 1988: 140).

Как видно, в приведенном фрагменте лаконично описывается внешний облик героини. Все другие портретные зарисовки в повести организованы аналогично, в подобном, весьма экономном формате.

В повести наблюдается также распад антропологического образа литературных персонажей. Мать Нasti ощущает себя каменной («я стала как каменная») (Platonov, 1988: 141). Характерно, что в повести воссоздан образ странного медведя-молотобойца. «Медведь перестал колотить и, отошедши, выпил от жажды полведра воды. Утерев затем свое утомленно-пролетарское лицо, медведь плюнул в лапу и снова приступил к труду молотобойца» (Platonov, 1988: 174).

Этот странный образ, в котором сливаются животное и человек, органично дополняет систему практически абстрактных персонажей, воссозданных в повести.

Главная особенность художественной антропологии повести «Котлован» состоит в том, что автор вывел в ней систему одномерных персонажей на основе схематизации, обобщения и гротеска. Многие из них не имеют дома, семьи, мировоззрения, волевого начала. Подчеркивается какое-то одно доминирующее стремление или качество, определяющее внутренний мир персонажей, что исключает последовательно изображенную биографию даже главных героев.

Одномерных персонажей возможно охарактеризовать с помощью резюмирующих слов. Например, Пашкин – это типичный бюрократ, Настя – примирительница крайних позиций, Чиклин и Прушевский тянутся к красоте, а Вощев одержим поиском истины.

Другая особенность художественной антропологии повести «Котлован» состоит в том, Платонов нарисовал здесь персонажей с позиций абсурда и гротеска. Так, платоновские литературные персонажи лишены антропологической привлекательности, свойственной первостепенным героям реалистической литературы. «Вощев обратил внимание, что у калеки не было ног – одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги. Зубов у инвалида не было никаких, он их сработал начисто на пищу, зато наел громадное лицо и тучный остаток туловища; его коричневые, скупо отверстые глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности, с тоской скопившейся страсти, а во рту его терлись

десны, произнося неслышные мысли безногого» (Platonov, 1988: 112).

Другой пример. «Внутри сарай спали на спине семнадцать или двадцать человек, и припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда» (Platonov, 1988: 114).

Результаты и обсуждение

Таким образом, художественной антропологии повести «Котлован» присущи антропологический минимализм, схематичность и гротеск.

Причем все эти черты обусловлены литературным сознанием Платонова, который применил достаточно адекватные приемы воссоздания своих персонажей.

В этом отношении «Котлован» отличается от русской литературной классики, рисовавшей полноценных героев, наделенных разнообразными антропоморфными и антропологическими качествами и свойствами. Художественная антропология «Котлована» получила именно тот облик, который был продиктован писателю современными ему реалиями.

По мысли Платонова, народные массы, которые были втянуты в процесс послереволюционных преобразований, находились в плена старых представлений и еще не освоили новой идеологии. Народное мировосприятие оказалось расколотым, расщепленным. Платонов потому и вывел в своей повести одномерных персонажей, пребывающих в состоянии растерянности, удивления и вопрошания. Его персонажи явно не способны самостоятельно мыслить, что обусловило во многом одномерность их внутреннего мира.

Художественная онтология повести также обладает ярко выраженным своеобразием. Художественная онтология этой повести включает систему онтологических образов, которые имеют высокий эстетический и смысловой статус.

Платонов отказывается от традиционных для классической литературы XIX века развернутых пейзажных описаний. Он широко практикует изображение различных онтологических ситуаций, заменяющих традиционные пейзажи. «... Вощев очутился в пространстве, где был перед ним лишь горизонт и ощущение ветра в склонившееся лицо» (Platonov, 1988: 110). «Вощев,

истомившись размышлением, лег в пыльные, проезжие травы; было жарко, дул дневной ветер и где-то кричали петухи на деревне – все предавалось безответному существованию, один Вощев отделился и молчал. Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вощева, его принес ветер с дальнего дерева, и теперь этому листу предстояло смирение в земле» (Platonov, 1988: 111).

Завершается описание этой онтологической ситуации мировоззренческим выводом персонажа. «Все живет и терпит на свете, ничего не со-знавая, – сказал Вощев близ дороги и встал, чтоб идти, окруженный всеобщим терпеливым существованием. – Как будто кто-то один или не- сколько немногих извлекли из нас убежденное чувство и взяли его себе» (Platonov, 1988: 111).

Онтологические выводы часто формулируются персонажами повести. Этим выводам свойственно обобщенное содержание в сочетании с конкретной образностью. «Вощев снова стал рыть одинаковую глину и видел, что глины и общей земли еще много остается – еще дол-го надо иметь жизнь, чтобы превозмочь забве-ньем и трудом этот залегший мир, спрятавший в своей темноте истину всего существования. Может быть, легче выдумать смысл жизни в голо-ве – ведь можно нечаянно догадаться о нем или коснуться его печально текущим чувством» (Platonov, 1988: 119). Глина и земля – это образ мира, который прячет от человека свои тайны в природе. Вощев приходит к философскому вы-воду: если ему дано только молчание мира, то лучше самому выдумать смысл жизни, чтобы обрести твердую почву под ногами.

Другое средство повышения статуса образов бытия – распространенные в повести онтологические характеристики внешней реальности, отличающиеся от онтологических ситуаций масштабностью и более выраженной оценочностью. «Уже наставал вечер; вдалеке подымалась синяя ночь, обещая сон и прохладное дыхание, и – точно грусть – стояла мертвая высота над землей» (Platonov, 1988: 122). «Чиклин долго глядел в ли-кующую гущу народа и чувствовал покой добра в своей груди; с высоты крыльца он видел лунную чистоту далекого масштаба, печальность замершего света и покорный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и му-ченья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше» (Platonov, 1988: 180).

Выражая особенности мироощущения своих инфантильных персонажей, Платонов прибегает к приему наглядности, с помощью которого рисует картины внешнего мира их глазами. Его персонажи, не получившие образования, явно не способны к абстрактному мышлению, они воспринимают природу и бытие наглядно, в виде конкретных картин и алогичных образов.

Таким образом, Платонов не наделяет литературных персонажей подробными внешними и внутренними характеристиками, рисуя вместо полнокровных и многокомпонентных героев схематичные и гротеские образы действую-щих лиц с той целью, чтобы полностью сосре-доточиться на показе картин, которые образуют онтологический поток, куда брошен человек.

Главное для Платонова – не антропологиче-ская, телесная сущность человека (что в первую очередь интересовало русскую литературу XIX века), а его онтологическая функция, пребыва-ние его в бытии. На этом основаны художествен-ная антропология и художественная онтология повести «Котлован». В повести нарисована в целом безрадостная и довольно-таки мрачная картина строительства дома счастья.

Проблематика повести «Котлован» выражает неприятие автором организованного насилия и жестокости. Платонов против построения то-талитарного общества, в котором государствен-ная целесообразность объявлена высшей ценно-стью.

Заключение

Художественному миру «Котлована» при-сущ антропоморфный минимализм. Это обсто-ятельство выражено в том, что литературные персонажи (в отличие от классической реалисти-ческой литературы) наделены схематично вос-созданной антропоморфной определенностью.

В этом отношении повесть «Котлован» от-личается от произведений русской литера-турной классики, рисовавшей полнокровных героев, наделенных разнообразными антропо-морфными и антропологическими качествами и свойствами.

Художественная онтология повести «Котло-ван» включает систему онтологических образов, которые имеют высокий эстетический и смыслово-вой статус.

Литература

- 1 Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности // Вопросы литературы. – 1986. – № 2. – С. 98–138.
- 2 Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. – Л.: Худож. лит., Ленингр. отд., 1974. – С. 187, 188.
- 3 Круткова Л.В. Реалистическая проза 1910-х годов (Рассказ и повесть) // Судьбы русского реализма начала XX века/ Под ред. К. Д. Муратовой. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1972. – С. 164–227.
- 4 Грифцов Б.А. Психология писателя. – М.: Худож. лит., 1988. – 462 с.
- 5 Платонов А.П. Государственный житель: Проза, письма. – М.: Сов. писатель, 1988. – 608 с.

References

- 1 Ejhenbaum B. M. (1974). Lev Tolstoj. Semidesyatye gody. [Leo Tolstoy. The seventies]. L.: Hudozh. lit., Leningr. otd., Pp. 187, 188. (In Russian)
- 2 Ginzburg L.Ya. (1986). Literatura v poiskah real'nosti. [Literature in search of reality]. Voprosy literatury. № 2, Pp. 98 – 138. (In Russian)
- 3 Grifcov B.A. (1988). Psihologiya pisatelya. [The psychology of a writer]. M.: Hudozh. lit., 462 p. (In Russian)
- 4 Krutikova L.V. (1972). Realisticheskaya proza 1910-h godov (Rasskaz i povest'). [Realistic prose 1910-ies (Story and story)]. Sud'by russkogo realizma nachala XX veka/ Pod red. K. D. Muratovoj. L.: Nauka, Leningr. отд., Pp. 164 – 227. (In Russian)
- 5 Platonov A.P. (1988). Gosudarstvennyj zhitel': Proza, pis'ma. [State resident: Prose, writing]. M.: Sov. pisatel', 608 p. (In Russian)

МРНТИ 17.01.11

Нурмұлдаев Д.М.,

магистр пед. наук, преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: darynmyn@gmail.com

ПОНИМАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСТМОДЕРНА В СВЕТЕ ГАРМОНИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются проблема понимания текстов литературы постмодернизма в процессе межкультурной коммуникации. Взаимосвязь и взаимозависимость межъязыковой и межкультурной асимметрии, гармонии и дисгармонии, которые делают понимание текстов постмодернистской литературы, которые становятся «свойством другого языка и культуры» в процессе гармоничного межкультурного общения, сегодня наиболее актуальны. Вопрос анализа литературных произведений связан с рассмотрением постмодернистского дискурса и единиц лингвокультурного и семиологического кодов, способствующих интерпретации этих многослойных художественных произведений.

Ключевые слова: постмодернизм, понимание, межкультурная коммуникация, постмодернистский дискурс, семиологический код, лингвокультурологический код.

Nurmoldayev D.M.,

Master of humanitarian science, teacher of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: darynmyn@gmail.com

Post-modern fiction texts understanding in harmonious cross-cultural communication

The article discusses the problem of post-modern fiction texts understanding in cross-cultural communication. Interconnection and interdependence of interlanguage and intercultural asymmetry, harmony and disharmony, which make understanding the texts of postmodern literature, which are becoming "the property of another language and culture" in the process of harmonious intercultural communication, are most relevant today. The question of fiction literature analysis is connected with the post-modern discourse and the units of lingua-cultural and semiological codes that help to interpret such complicated fiction works.

Key words: post-modernism, understanding, cross-cultural communication, post-modern discourse, semiologic code, lingua-cultural code.

Нурмұлдаев Д.М.,

әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің оқытушысы, пед. ф. магистрі,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: darynmyn@gmail.com

Үйлесімді мәдениетаралық коммуникация аясында постмодерндік әдебиетті түсіну

Мақалада үйлесімді мәдениетаралық коммуникация аясында постмодерндік әдебиетті түсіну мәселесі қарастырылады. Үйлесімді мәдениетаралық қарым-қатынас процесінде «басқа тіл мен мәдениетке» айналытын постмодерндік әдебиеттің мәтіндерін түсінетін мәдениетаралық асимметрия, үйлесім мен дисгармониялардың өзара байланысы және өзара тәуелділігі бүгінгі күні өзекті болып табылады. Әдеби шығармалардың талдау мәселесі постмодерндік дискурс пен лингвомәдени және семиологиялық код бірліктерін қарастыра отырып көпқырлы әдеби шығармаларды түсіндіруге көмектеседі

Түйін сөздер: пост-модернизм, ұғым, кросс-мәдени қарым-қатынас, дискурс, семиологиялық код, лингво-мәдени код.

Introduction

The literature of postmodernism as a complex phenomenon of modernity remains insufficiently unexplored in modern science. In our study, we consider the texts of works of postmodernism as a basic component of postmodern discourse.

"The new culture that came after modernism proclaimed the rupture of the classical dependence of the signifier and the signified and the prominence of speech" (Gonchar, 2009: 21). In the modern theory of text and discourse, the concepts of "text unambiguity", "linearity" and the "sign / signified" correlation receive a different interpretation. Understanding the process of reading the text is an important factor in the development of meaning.

Researchers note that in the postmodern era, the "*system of established oppositions is collapsing: the contradictions between concrete and abstract, high and low, past, present and future, reality and fiction are eroding*" (Gonchar, 2009: 22). Today, transitional states, transformations, discourse are being actualized; "Text-in-motion." In this context, the analysis of discourse, a text associated with extralinguistic (psychological and sociocultural) aspects, comes to the fore. Thus, J.-P. Sartre puts forward an approach to the consideration of texts as intersections, as places of dialogue with culture (Sartre, 1994: 90). I.e. as a text in dynamics, in the process of generating speech.

Experiment

At present, researchers of postmodern literature attract psychological and cognitive-pragmatic approaches to the analysis of language in the process of speech activity; take into account various phenomena in the generation and perception of the text, as well as the role of participants in communication (addressee and addressee).

In the discourse, a certain set of statements is formed within the framework of the rules governing an endless series of representations. Postmodern discourse also represents a communicative process and is actualized as a phenomenon of culture. In the framework of another approach to the analysis of the postmodern discourse, it is regarded as "*a semiotic process realized in various types of speech practices, such as the creation of messages based on conventional codes or sign systems*" (Eco, 1984: 22).

The generalized interpretation of the discourse of postmodernism includes its "basic principles: agnosticism, cultural pluralism, philosophical,

ethical and aesthetic pluralism (not recognizing the hierarchy of essences), eclecticism, intertextuality, polystylistics (mixture of styles). Ironic mode of utterance; installation on the shocking, panchronism, polysemantic (meta-semantics), including multilayered narrative and multivariance of reading, double and multiple coding «(representing different possibilities of understanding for different perception subjects), multicultural contextualization (up to ∞), value field (citations, collage, decentration, secondary), the elimination of the author's "I" and the language game» (Gonchar, 2009: 31). It is understandable that such an impressive set of characteristics causes the emergence of certain difficulties for understanding the multilayered products of postmodernism in both a monocultural and intercultural situation, for example, when translating from one language to another.

Texts of art works, as well as other artifacts of culture (objects of painting, art, architecture, etc.) are the basic component of postmodern discourse, the source of the emergence of new meanings. Discourse promotes the multiplication of possible variants of utterance, so the word acts as not only a mediator, but also a regulator of discourse. The tendencies in the literature of postmodernism have shown that the context generates the meaning of the word, while social issues, and existential ones, acquire special significance, and in the final analysis, it is not the result but the process that becomes important.

Results and discussion

Understanding, in other words, interpretation, is the mechanism through which the world of real things and the world of life interact with the world of culture and cultural artifacts (literary works, painting, music). In this regard, it is precisely in the conditions of harmonious intercultural communication that it is possible to acquire the meaning of an inocultural text saturated with the realities of the "alien" culture.

Interpretation is a kind of effort to understand and develop the content of the text. Speaking of the problem of understanding, M.N. Makeyeva notes that "*by unfolding activity on the understanding of the text, the recipient creates and restores all the complex mosaic of connections and relations of situations, both real reality and artistic, reflected in the mastered text*" (Makeyeva, 2000: 84).

Recall that the postmodern discourse, which represents "text-in-motion", is oversaturated

with socially and historically conditioned codes and depends on them. Thus, we believe that the interpretation of postmodern discourse is possible through an analysis of the codes constituting it.

Postmodern discourse takes place within the cultural era of postmodernism. The code mechanisms of postmodern discourse are actualized only in this iconic universe and are determined by today's conventions. An interesting is the multilevel structure of encoding visual images in postmodernism developed by U. Eco, which includes: perception codes, recognition codes, transmission codes, tonal codes, iconic codes (include figures, signs, semes), iconographic codes, rhetorical codes, stylistic codes, codes of the subconscious, taste codes (Eco, 1984: 84). This concept offers an analysis of postmodern discourse not only in literature, but also in cinema, theater, painting, architecture, etc. genres, where ideas turn into signs and are thus communicated.

Thus, to understand the text, a solution is needed that is based on several conditional codes, therefore, in the context of intercultural communication, it is necessary to present a communication scheme that takes into account the multiplicity of the codes of the sender and the recipient. Understanding of postmodern discourse is possible through a system of linguocultural and other codes that can decipher the cultural signs, symbols, concepts involved in the process of universal and intercultural communication. In this case, the words in which linguo-specific concepts are concluded are the "keys" to the decipherment of cultural aspects. The appearance of such lingua-specific words is associated with the customs and traditions of society, a set of values that are of particular importance to a particular culture and unfamiliar to representatives of another culture.

The absence of universal codes of perception of the world, the consciousness of native speakers determines the presence of semantic differentiation, which contributes to the appearance of differences in the interpretation of the phenomena of the surrounding world (from ethnic to cultural). The desire to understand the cognitive system of a communicant in another language should be perceived as an experience of the "other". It is encouraging that language consciousness in the postmodern discourse characterizes cross-cultural universal codes, marking the discourse-universe, which facilitates the interpretation of cultural realities and overcoming cultural distances between the author and the reader.

Intercultural communication is dominated by the idea of the need to overcome disciplinary boundaries and the isolation of cultural languages. In fact, the textual conventions of mass culture, like the ways of its perception, are very diverse and vary from genre to genre, from period to period, and from place to place. Different perception codes contribute to a different interpretation by recipients of a large number of messages. Fixation of codes in everyday communication almost eliminates ambiguity; however, in artistic communication the message is intentionally ambiguous, which implies openness to interpretations. Such a polysemy of interpretations becomes compulsory in the mass media today. Messages sent from one source and reaching their addressee in different social groups will inevitably be "read" using various codes.

Cultural code acts as a cultural space as the main factor in the development of modern literature: it takes into account the system of concepts coded in verbal and nonverbal signs of the language consciousness of postmodernism. Note that postmodern discourse in Russian and other European languages characterized by linguistic and cultural commonality, conditioned by common concepts and expressed in the symbols and realities of European civilization. In our opinion, the culturological code of the artistic postmodern text can represent one of the tools that helps understanding the carriers of different cultures.

Representativeness of many works of postmodernism is due to their connection with allusions known to the enlightened person, ie. Connection with the cultural memory of humankind. The reader, who possesses a certain general cultural thesaurus, reads the signs given to him by the author. The general thesaurus, on which codes are based, includes both philological support and knowledge of culture. The desire of the reader to understand the work dictates the need to connect not only their codes, but also to reconstruct that rhetorical and ideological universe, the communicative situation in which the work was created. This method will help you find the keys, approaching the source code, which is restored in the process of interpreting the text.

So, today, interconnection and interdependence of interlanguage and intercultural asymmetry, harmony and disharmony, which make understanding the texts of postmodern literature, which are becoming "the property of another language and culture" in the process of harmonious intercultural communication, are most relevant today".

Литература

Гончар Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этно-лингвокультурный аспект: автореф. дисс. ... к. филол. н.: 10.02.19. – Тюмень, 2009. – 21 с.

Макеева М.Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2000. – 329 с.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр.; примеч. В. П. Гайдамаки. – М.: Прогресс, 1994. – 472 с.

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. – Indiana: Indiana Univ. Pr., 1984. – 157 p.

References

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language / U. Eco. Indiana: Indiana Univ. Pr., 1984. 157 p.

Gonchar N.G. Asimmetriya v perevode hudozhestvennogo teksta: ehtno-lingvokul'turnyj aspekt: [Asymmetry in the translation of the literary text: ethno-lingvocultural aspect:] author is abstract. diss. ... to. Philol. No.: 10.02.19 / Natalia Georgievna Gonchar. Tyumen, 2009. 21 seconds.

Makeeva M.N. Ritorika hudozhestvennogo teksta i ee germenevticheskie posledstviya. [Rhetoric of the artistic text and its hermeneutic consequences] Tambov: Publishing House of TSTU, 2000. 329 p.

Sartre J.-P. Problemy metoda. [Problems of the method.] With fr.; note. V.P.Gaidamaki / J.-P. Sartre. Moscow: Progress, 1994. 472 p.

Pak L.V.,

1st year Research Assistant of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: L.officebox@gmail.com

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF FEMALE SUBJECTIVITY IN FEMINIST LITERARY CRITICISM

The main issues of feminist discourse at the end of the 20th century were connected with criticism of the ideas of classical feminism about the structure of female subjectivity. Women's writing and the idea of it is one of the most interesting "marginal" phenomena of culture, it is a text that models the representation of the subjectivity of the female writers and / or the female reader. The methodology of postmodernism (analysis of the ideas of plurality in culture and the recognition of extra linguistic realities) allowed the deconstruction of the traditional text and narrative for the confirmation of the parameters of female subjectivity. The constructed model of female writing allows talking about the existence of a female text as a means of verbal realization of the person (female author). This model captures the main parameters of female writing (a variety of thematic segments, language stylistics, semiotic language, the presence of oppositions, the presence of the author), emphasizing the uniqueness of the female text in comparison with the male one.

Key words: gender, discourse, feminist criticism, female subjectivity, gender poetics, women's writing.

Пак Л.В.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің 1 курс магистранты,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: L.officebox@gmail.com

**Феминистикалық әдебиеттанудағы
әйелдер субъективтілігінің ерекшеліктері**

ХХ ғасырдың сонындағы феминистік дискурстың негізгі проблемалары классикалық феминизм идеяларын әйелдер субъективтілігінің құрылымы туралы сынауға байланысты болды. Әйелдік жазба бұл әйел автордың, және / немесе оқырманның субъективтілігін бейнелейтін мәтін. Постмодернизмнің методологиясы (мәдениеттегі плюрализм идеяларын талдау және экстраграфикалық шындықтарды тану) әйел субъективтілік параметрлерін растау үшін дәстүрлі мәтінді және повесті деконструауға мүмкіндік береді. Әйелдік жазбаның салынған моделі адамның (әйедін, авторы) ауызша сөйлеу құралы ретінде әйел мәтінінің бар екендігін айтуда мүмкіндік береді. Бұл модель ерлерге қарағанда әйелдер мәтінінің бірегейлігін ерекше атап өткен әйелдердің жазбаларын (әртүрлі тақырыптық сегменттер, тіл стилистикасы, семиотикалық, тіл, оппозицияның болуы, автордың болуы) негізгі параметрлерін қамтиды.

Түйін сөздер: гендер, дискурс, феминистік сын, гендерлік поэтика, әйелдік жазба.

Пак Л.В.,

магистрант 1 курса Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail:L.officebox@gmail.com

**Особенности презентации женской субъективности
в феминистском литературном критицизме**

Основные проблемы феминистского дискурса в конце 20-го века были связаны с критикой идей классического феминизма о структуре женской субъективности. Женское письмо – это текст, который моделирует презентацию субъективности автора-женщины и / или читательницы-

женщины. Методология постмодернизма (анализ идей плурализма в культуре и признание экстралингвистических реалий) позволила деконструировать традиционный текст и нарратив для утверждения параметров женской субъективности. Построенная модель женского письма позволяет говорить о существовании женского текста как средства вербальной реализации личности (женщины-автора). Данная модель фиксирует основные параметры женского письма (разнообразие тематических сегментов, языковая стилистика, семиотический язык, наличие оппозиций, присутствие автора), подчеркивая уникальность женского текста по сравнению с мужским.

Ключевые слова: гендер, дискурс, феминистский критицизм, гендерная поэтика, женское письмо.

Women's writing and the idea of it is one of the most interesting "marginal" phenomena of culture, it is a text that models the representation of the subjectivity of the author-woman and / or the female reader. Written by a woman, female authorship cannot be a gender-neutral category. When compared with the male discourse, the female writing is a different construct and a different paradigm, the most vivid instrument for the representation of female subjectivity, naturally conditioned by the type of speech culture flow with its distinctive.

Analyzing feminist literary criticism, researchers face the extremely difficult task of classifying this discourse. According to the American literary critic Showalter, it is difficult to single out any varieties inside this theoretical direction since they are "strongly interconnected and virtually incapable of differentiation" (Showalter, 1979: 22).

However, E. Gross singles out such parameters in feminist literary criticism as "women's literature", when the emphasis is on the author's gender, "women's reading" with the highlighting of the reader's perception, "women's writing" accentuating the style of the text and "women's autobiography" with a focus on the content of the text (Grosz, 1995: 9-24).

Exploring female authorship in the article *Towards Feminist Poetics*, Showalter distinguishes two main methods of feminist literary criticism, i.e. "feminist criticism" and "gynocriticism". According to Showalter, the first method reflects the traditional male imaginary about women and women in literature. As a reader, a woman deciphers traditional textual codes and gender stereotypes. The main area of study is women's authors, heroines and "female" genres of writing, such as verse, short story, autobiography, memoirs, diaries related to the sphere of interests of the female-centered tradition in literature, and the basic theoretical construct is the idea of female emancipation in literature (Showalter, 1979: 22).

Another type of practice, singled out by Showalter, offers new models of literary discourse, which are based on the actual female experience taking into

account the fact that the woman is the author of the text and the producer of textual meanings. "Gynocriticism" is building new female expression, free of the male types of representation. "Gynocriticism", according to Showalter, begins when we "stop inscribing a woman in the gaps between the lines of male literature" (Showalter, 1979: 141).

Women's writing shouldn't be confused with the men's writing as there are certain differences between written and oral male and female speech that allow us to talk about the whole system of factors that cause them. If the women's writing is based on the recognition of a special female being in the world and the female representative strategies corresponding to it, then the men's writing is associated with preferences in the use of certain language tools.

In her article *The Laugh of the Medusa* Cixous believes that "women's writing" is the path that will help women break through beyond the "possible" and "dig out" their true femininity in themselves to change the world and history (Cixous, 1990: 409). Despite the fact that for Cixous the mechanism of acquiring a true femininity is a female type of writing, the very fact of writing a text by a woman does not automatically include it in the "women's writing", because "the overwhelming majority writes according to male rules, creating works that are no different from a men's writing, which either only "darkens" the nature of women, or reproduces the classical notion of them" (Cixous, 1990: 483).

Attempts to reflect female experience, special strategy of narration and creativity of women in women's writing are connected with the definition of extra-literary criteria and with the search for "female" means of literary expressiveness. So, the interest of the researcher Showalter is directed to the study of the works of women writers that are widely believed to be secondary after the men writers in the whole literary discourse. Showalter shows that the topology of female authorship in the literature of the XIX century was determined, first of all, by the biological criterion and only then by the professional one. Therefore, female creativity was perceived as

the result of “natural creativity and psychological features of a woman”, i.e. as a result of the “demonic female genius”. And female subjectivity was constructed through “deviation and the corresponding sense of guilt” in relation to “normative” male subjectivity. As a result, the main form of manifestation of female subjectivity in the female literature of the nineteenth century became “a special female affective expressiveness” (deviant and marginal), which was called by Showalter “the language of insanity”. The refusal of the writers themselves from such a marking of their subjectivity occurs only at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century (Showalter, 1977: 37).

In contrast to Showalter, the researchers of classical female literature, S. Gilbert and S. Gubar in their work *The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination* analyze the works of non-secondary and well-known women writers such as J. Austin, M. Shelley, J. Eliot and E. Dickinson. In their work they discover not only the patriarchal interpretation of female literature as pathology and insanity, but “a stable female binaries” when a woman is either a “monster and a witch” or a “saint”. The authors argue that women writers inevitably fall into “discursive traps”, because in any case they are forced to “dramatize the ambivalent division” between two possible images of the female representation: the traditional patriarchal image and the simultaneous resistance to it. This “gap”, according to the researchers, forms the ambivalent structure of female authorship as a structure of “insanity” (Gilbert, 1979: 17).

Professor E. Moers, considering the history of women's literature taking into account the continuity of female authorship, believes that if male authorship was formed in public space, then a woman deprived of the “possibility of education and participation in public life, isolated in the space of the house, limited in travels, painfully limited in friendship”, is formed as an author in the private space of the family. The greatest influence on female authors, in her opinion, is provided by other female authors. Moers comes to the conclusion that for female authors, regardless of the historical period, the national context or social conditions, the female literary tradition “substitutes” the male one, which brings to the text the features inherent in autobiographical texts (Moers, 1978: 148-157).

It's also worth mentioning that women's autobiography is also of great importance for the expression of female subjectivity in women's writing, as it reflects a private, everyday topic, covering unseen topics of female subjective experience, mentality

and way of life. The peculiarity of this genre is that through the image of “everyday” life in literature, a woman as it creates a connection with the sphere of the public from which she is traditionally removed. According to Rutkön, the author's use of the first person narration in autobiographical texts is explained from the same positions, i.e. it gives women authors the feeling of “mastering the position of the subject” (Rutkön, 2000: 1). Sociologist D. Beriaux believes that the use of the first person narration means “a simultaneous appeal to personal experience”, but not as a separate, but as a “gender experience of the group” (Bertaux, 1981: 56).

The position of the importance of the women's “writing themselves” is confirmed by the researcher of the feminist literary critic N. Miller. After studying the autobiographies of French women (Jean Sand, S. de Beauvoir), she noted that autobiography, like the creation of literary texts in general, allows a woman to become a subject: “I write, therefore I am ... Writing means getting out of the shadows and turn out to be in the spotlight even for a short time” (Miller, 1988: 55).

American theorist of feminist theory, postmodernism, cultural studies and literary criticism R. Felski, calls women's autobiographies “feminist confessions” and notes that “because of their concentration on private and everyday, fragmentary, episodic, lack of linear narrative, they differ from the canonized definition of autobiography, imitating extra literary forms, such as a diary, a letter or notes” (Felski, 1989: 86). All these components turn women's autobiographies into the semblance of “ego-text”, where regardless of the genre the narrative is focused around emotions, deeds or experiences belonging to the author.

To a greater extent than in other ego-documents (memoirs, diaries, letters), there is a social component in the women's autobiography. As Pushkareva writes, “there are fewer protracted elements” and, consequently, the intrigue is “more twisted” and “more alive” than in the “male” texts about everyday life and family life (Pushkareva, 2000: 64).

However, there is a conscious or unconscious juxtaposition of the inner private world to the world of official history: in the women's autobiographical text it is often impossible to determine in principle which historical epoch it belongs to.

As recognized by J. Spradley, professor of anthropology, known for his works in the field of literature and ethnography, the challenge of official history through the representation of the themes of home, cuisine, family life, women's and children's experiences and diseases, and so on, is “one of the

conscious feminist gestures of a women's autobiographical writing" (Spradley, 1979: 2).

Domestic researcher Yu.K.Shcheglov speaks of the four thematic segments covered in the framework of women's literature:

a) expression of fate through the natural destiny of the heroine, in particular lack of happiness and luck;

b) reflection of the soul and creativity as one of the main features of the personality of the heroine;

c) addressing the topic of duty and happiness in terms of the precariousness and hopelessness of the heroine's life strategy;

d) the sense of victory over fate, when, realizing the naturalness and inevitability of unhappiness, the heroine nevertheless tries to merge with it, resorting to the creative sides of the soul (Shcheglov, 1996: 264-265).

A special place in the research of the representation of female subjectivity in modern feminist criticism is given to the study of women's writing, which has been repeatedly criticized. According to the contemporary literary critic T. Moi, its main methodological problem is the creation of a special, female literary canon different from the male one, but at the same time it is forgotten that the new canon can be no less repressive than the old one, as Foucault said in the theory of marginal practitioner (Moi, 1985: 78).

The use of the concept of "the death of the author", which made the text a material manipulation of signs, discursive structure or text elements, and not an expression of the individual subjectivity of the author, precludes the possibility of talking about author's authenticity and establishing the encoding of authorship. Female authors can produce male-style texts, and anti-feminist women can produce feminist texts. Moreover, "female" features can be seen in the texts of male authors. Thus, fragmentation, retreats, inconsistency can be found in the novels of M. Proust, F. Kafka; corporeality, confession of guilt is demonstrated in S. Baudelaire's poetry; using the first person narration is presented in the works of Zh.Zh. Rousseau, S. Kierkegaard, O. Wilde.

The German researcher S. Weigel considers dangerous the identification of a certain female writing style due to the fact that in its definition there are usually formal features that are considered typical (deviations, inconsistency, subjectivity, etc.). These feminist researchers regard these traits as positive, while opposing them – logicality, regularity, objectivity – are negative, creating a dualism between

masculine and feminine, which always puts women in a worse position than men. Weigel comes to the conclusion that through the definition of female subjectivity by means of such categories, a "binary way of thinking of the masculine order is strengthened, where the feminine always loses and disappears in passivity. At the forefront, – she concludes, – the problem of determining the place of female authors in the dominant culture should be put forward and its reflection in their works" (Weigel, 1987: 197).

Miller reflects similarly, emphasizing the relationship between the context and the reader, and pays special attention to the narrative, genre and contextual features of the female text. She highlights the role of the reader, who should pay attention to the conditions in which women wrote and write, to their attitude to the dominant genres and perceptions of women in them, as well as the history of women's works. Gender, in her opinion, is created in reading, when the reader recognizes that his / her gender affects reading. Miller argues that in the literary text there are no formal signs that testify to the author's gender, there is no reliable method by which it would be possible to determine the author's gender according to the text alone. In this connection, she pays close attention to women's reading, when instead of searching for some objective signs of author's gender in the text, it should be more likely that in reading consciously an image of the depicted object is created, a distinction independent of the discovery of the exclusive and inaccessible "the other" is always realized (Miller, 1988: 29).

Summing up the concept of the "women's writing", it is worth emphasizing that there is no consensus on the definition, functions and role of women's writing, and the points of view of different theorists differ from each other. We agree that literary works are rarely created or read in a vacuum, and the context (genre, gender, historical events, ideology) even unconsciously, but affects writing and reading.

Therefore, the analysis of "women's writing" is possible only if there is a connection between the extraliterary, cultural and philosophical realities and the interpretation of the text. And only the integration of all these features allows us to talk about "women's writing" and the possibility of representation of female subjectivity in it.

The study was carried out in al-Farabi Kazakh National University at the expense of the research grant AP05136097 of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Литература

- 1 Showalter E. Towards Feminist Poetics / E. Showalter // Women Writing and Writing About Women / ed. M. Jacobus M. – Groom Helm, 1979. – P. 22-41.
- 2 Grosz E. Space, Time and Perversion : Essays on the Politics of Bodies / E. Grosz. – NY.: L.: Routledge, 1995 – 250 p.
- 3 Cixous H. The Laugh of the Medusa/H. Cixous // Women's Voices. – NY., 1990. – P. 483.
- 4 Showalter E. A Literature of Their Own. The British Women Novelists from Bronte to Lessing / E. Showalter. – Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1977. – 392 p.
- 5 Gilbert S. M. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination / S. M. Gilbert, S. Gubar. – New Haven: L.: Yale University Press, 1979. – 768 p.
- 6 Moers E. Literary Women /E. Moers. – L.: The Women's Press, 1978. – 336 p.
- 7 Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» / М. Рюткёнен // Филологические науки. № 3, 2000. – С. 5-17.
- 8 Bertaux D. Biography and society : the life history approach in the social sciences.– Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1981. – 309 p.
- 9 Miller N. Subject to change. Reading feminist writing / N. Miller. – N.Y.: Columbia University Press, 1988. – 285 p.
- 10 Felski R. Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change / R. Felski. – Massachusetts: Harvard University Press, 1989. – 223 p.
- 11 Пушкирева Н. Л. У истоков женской автобиографии в России / Н.Л. Пушкирева // Филологические науки. № 3, 2000. – С. 62-69.
- 12 SpradleyJ. TheEthnographicInterview / J. Spradley. – N.Y.: Holt, RinehartandWinston, 1979. – 247 p.
- 13 Щеглов Ю.К. Черты поэтического мира Ахматовой // А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. Работы по поэтике выразительности. –М., 1996.–С. 261-290.
- 14 Moi T. Sexual-textual Politics: Feminist Literary Theory / T. Moi. – L.: N.Y.: Routledge, 1985. – 78 p.
- 15 Weigel S. Die Stimme der Medusa Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen / S. Weigel. –Dulmen-Hiddingsel: Tende, 1987. – 363 s.

References

1. Bertaux D. (1981) Biography and society: the life history approach in the social sciences. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications,309 p. (in English)
2. Cixous H. (1990) The Laugh of the Medusa/ H. Cixous // Women's Voices.NY, 483 p. (in English)
3. Gilbert S.M., S. Gubar (1979) The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination. New Haven: L.: Yale University Press,768 p.(in English)
4. Grosz E. (1995)Space, Time and Perversion : Essays on the Politics of Bodies. NY.: L.: Routledge,250 p. (in English)
5. Felski R. Beyond (1989) Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change. Massachusetts: Harvard University Press,223 p. (in English)
6. Miller N. (1988) Subject to change. Reading feminist writing. N.Y.: Columbia University Press,285 p. (in English)
7. Moers E. (1978) Literary Women. L.: The Women's Press,336 p. (in English)
8. Moi T. (1985) Sexual-textual Politics: Feminist Literary Theory. L.: N.Y.: Routledge,78 p.(in English)
9. Pushkareva N.L. (2000) U istokovzhenskoyavtobiografii v Rossii [At the origins of women's autobiography in Russia] // Filologicheskienauki [Philological Sciences]. No. 3. P. 62-69. (in Russian)
10. Rutkónen M. (2000) Gender iliteratura: problema “zhenskogopis’ma” i “zhenskogochteniya”[Gender and Literature: The Problem of “Women’s Writing” and “Women’s Reading”] // Filologicheskienauki [Philological Sciences]. No. 3. P. 5-17. (in Russian)
11. Shcheglov Yu.K. (1996) Cherty poeticheskogomiraAkhmatovoy [Features of the poetry world of Akhmatova] // A.K. Zholkovsky, Yu.K. Shcheglov. Raboty po poetike vyrazitel'nosti [Work on the poetics of expressiveness]. M.,P. 261-290. (in Russian)
12. Showalter E. (1979) Towards Feminist Poetics / E. Showalter // Women Writing and Writing About Women. Groom Helm,P. 22-41. (in English)
13. Showalter E. (1977) A Literature of Their Own. The British Women Novelists from Bronte to Lessing. Princeton, NJ.: Princeton University Press, 392 p. (in English)
14. Spradley J. (1979) The Ethnographic Interview. NY.: Holt, Rinehart and Winston,247 p. (in English)
15. Weigel S. (1987) Die Stimme der Medusa Schreibweisen in der Gegenwartsliteratur von Frauen [The voice of the Medusa in the contemporary women's literature]. Dulmen-Hiddingsel: Tende, 363 s. (in German)

IRSTI 17.01.07

Sarsekeeva N.K.,

PhD, A/Professor of Kazakh National University Al-Farabi,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: Sarsekeeva1403@inbox.ru

THE STUDY OF THE TEXT IN THE LIGHT OF DISCOURSE THEORY

The article summarizes the theoretical and methodological aspects of the study of the text in the light of discourse theory, examines the approaches of researchers from different directions and schools. The dynamic character of the discourse is emphasized, which is done to distinguish it and the traditional concept of the text as a static structure. Such an understanding of the term "discourse", as shown in the article, is presented mainly in the English-speaking scientific tradition, to which a number of European scholars gravitate. The real practice of modern discursive analysis is associated with the study of the patterns of information movement within a certain communicative situation. It is established that narrativity is the organizing principle of any discourse.

Key words: Discourse, text, tradition, intertext, structuralism, dialogue, narrative

Сәрсекеева Н.К.,

әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Дискурс теориясы аясында мәтінді зерттеу

Мақала дискурс теориясының аясында мәтінді зерттеудің теориялық және әдіснамалық аспекттерін жинақтайды, әртүрлі бағыттар мен мектептерден зерттеушілердің көзқарастарын қарастырады. Диалогтың динамикалық сипаты баса назар аударылады, ол оны және статикалық құрылым ретінде дәстүрлі тұжырымдаманы ажырату үшін жасалады. Мақалада көрсетілген «дискурс» терминін түсіну негізінен ағылышын тіліндегі ғылыми дәстүрлерде ұсынылған, оған бірқатар европалық ғалымдар қүшінеді. Жұмыстың дискурстық сипаты оның құрылымдық құрылымдық құрылымында бірқатар дискурстар қалыптастыратын мәтінаралық үйімның көмегімен анықталады. Қазіргі заманғы дискурсивті талдаудың нақты тәжірибесі белгілі бір коммуникативтік жағдайдағы ақпараттық қозғалыстың үлгілерін зерттеуге байланысты. Нарративтілік – кез келген дискурстың үйімдастырушылық принципі.

Тұйін сөздер: дискурс, мәтін, дәстүр, интертекст, структурализм, диалог, нарратив

Сарсекеева Н.К.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Изучение текста в свете теории дискурса

В статье обобщаются теоретические и методологические аспекты изучения текста в свете теории дискурса, рассмотрены подходы исследователей разных направлений и школ. Акцентируется динамический характер дискурса, что делается для различения его и традиционного представления о тексте как статической структуре. Такое понимание термина «дискурс», как показано в статье, представлено главным образом в англоязычной научной традиции, к которой тяготеет ряд европейских ученых. Дискурсивную природу произведения определяет его интертекстуальная организованность, образующая в структурно-композиционном построении ряд дискурсов. Реальная практика современного дискурсивного анализа сопряжена с исследованием закономерностей движения информации в рамках определенной коммуникативной ситуации. Устанавливается, что нарративность является организующим принципом любого дискурса.

Ключевые слова: дискурс, текст, традиция, интертекст, структурализм, диалог, нарратив.

Introduction

The term “discourse” has a French origin (French Discourse, from the Latin *Discursus* – running backwards and forwards;.. movement cycle, conversation, talking). This is probably the most multi-valued term used in rank of human sciences, the subject of which is directly or indirectly connected with the study of the functioning of language – linguistics, study of literature, semiotics, sociology, philosophy, anthropology and ethnology. So, in the introduction article to the collection of works, which is published in Russian in 1999, devoted to the French discourse analysis of school, P. Serio results certainly not exhaustive list of eight different understandings, and it is only within the framework of the French tradition (Serio, 1999:12). A peculiar parallel multiple meanings of the term is still not resisted the stress in it: the more common stress on the second syllable, and stress on the first syllable is also not uncommon. It most clearly divided into three main areas of use of the term discourse, correlated with different national traditions and the contribution of specific authors. The first is the actual linguistic use of this term, historically the first of its appearance was in the article “Discourse analysis” American linguist Z. Harris published in 1952. In full measure, this term was demanded in linguistics in about two decades. Actually linguistic use of the term “discourse” is enough varied, but in general, according to A. Zholkovskiy, it is reviewed with the attempts to clarify and the development of the traditional concepts of speech, text and dialogue (Zholkovskiy, 1998: 725). The transition from the concept of the speech to the concept of discourse is linked with the desire to enter into the classical opposition of speech and language, belonging to de Saussure, some third term – something paradoxically and “more vocal” rather than the speech, and at the same time are more amenable to study with the help of traditional linguistic methods.

Experiment

On the other hand, the real practice of modern (since the mid-1970s) discourse analysis interfaced with the study of motion information laws within the communicative situation, carried out primarily through the exchange of remarks; thereby actually the structure of some of the dialog interaction that continues to be the structuralist line, the beginning of which was precisely laid by Harris. It emphasizes the dynamic nature of the discourse that is for distinguishing it, and the traditional concept of the text as a static structure. This understanding of the term

“discourse” is presented mainly in English-language scientific tradition, which tends to a number of scientists from the countries of continental Europe; but beyond this tradition of discourse as a “third term” Saussurian opposition was said by Belgian scientist E. Byuissans and French linguist E. Benvenist consistently used the term “discourse» (discours) instead of the term “speech» (parole). The second type of use of the term “discourse”, in recent years came out the scope of science and became popular in journalism goes back to French structuralists and poststructuralists, and especially to Michel Foucault (Foucault, 1994: 5-23). In the humanities and social sciences focuses on the different types of discourse (discursive practices, according to Michel Foucault).

- 1) discourses of everyday communication (everyday conversations, friendly conversations, gossip, domestic quarrels, disputes and conflicts);
- 2) institutional discourses (administrative, office, bank, army, religious, ideological, etc.);
- 3) political discourses (ideological, party, PR-discourse);
- 4) public discourses (citizens' initiatives, diplomatic, meeting, etc.);
- 5) The media discourse (TV-discourse, the discourse of advertising, etc.);
- 6) art discourses (literary, musical, graphic, model, etc.);
- 7) marketing discourses (business discourse, the discourse of sales, customer, service, etc.);
- 8) academic discourses (scientific exchanges and communications, general scientific, sectoral, disciplinary, methodological, theoretical, etc.);
- 9) the cultural and ideological discourses (cultural epochs and styles, philosophical and religious trends and tendencies, and others). In support of these uses of the important role played also works A.-Zh. Greimas (Greimas: 1983), J.-K. Coquet (Coquet: 1983), Yu. Kristeva (Kristeva: 1996); later, this understanding has been modified by N. Fateeva (Fateeva: 2000) and others.

The most detailed theoretical study of structural-semiotic understanding of discourse was given by Zh.Greimas and Zh.Kurte in their «Explanatory dictionary of language theory.» The discourse is interpreted by scholars as a semiotic process, which is realized in different types of discursive practices. When people talk about discourse, they primarily have in mind specific method or specific rules for the organization of speech activity (in text or spoken). Jean-K. Coquet calls the discourse as «*the clutch structure of meanig, that have their own rules of combination and transformation*» (Coquet: 1983, 28). It is often the use of discourse as a concept,

similar style, such as “literary discourse”, “scientific discourse”. You can also speak about a “scientific discourse” of various spheres of knowledge: philosophy, natural science of thinking and so on, up to the “idiolect” – individual style of the writer [Ilyin, 1985: 460].

Results and discussion

For all of these definitions can be seen the desire to clarify the concepts of traditional style (in the widest sense, which is meant saying “style is a man”) and individual language (the traditional style of expression of Dostoevsky, Pushkin’s language, and others. Understood in this way, the term “discourse” (as well as derivative and often substitute the term “discursive practices” used including Michel Foucault), describes a method of speaking and always has a definition – what or whose discourse, because researchers are not interested in discourse in general and its specific varieties, asked a wide range of parameters: purely linguistic distinctive features (to the extent that they can be clearly identified), stylistic specificity (largely determined by quantitative trends in the use of language means), as well as the specifics of subjects, belief systems, ways of reasoning, etc.

There is, finally, the third type of use of the term “discourse”, associated primarily with the name of the German philosopher and sociologist Jürgen Habermas. It can be considered species in relation to the previous understanding, but it has its own specifics. . In this third sense “discourse” refers a special kind of perfect communication, carried out in the best possible removal from the social reality, tradition, authority, communication routines, etc. and having a purpose of critical discussion and justification of the views and actions of the participants of communication. All three of these types of understanding of discourse we work closely with each other, and this further complicates the overall picture of the use of the term in the humanities. Furthermore, it should be understood that the term can be used not only as a generic, but also with regard to specific language interaction models, such as: “*The duration of this discourse – 3 minutes.*” In considering the concept of discourse in the literary aspect, in relation to the study of the internal structure of the text, its interpretation will differ somewhat from the previously laid down. Note that the study of structural and compositional structure of any of the novel concept of discourse becomes almost a key, as is directly related to the text and the ways of its organization within a single work. By studying the place and

role of discourse in a literary text, it is necessary to solve the issues of differentiation of concepts “discourse”, “text” and “intertext”(Fateeva, 1986: 292)

Text – this is a very broad concept, the text can be called a whole work and its separate parts. The main characteristic of the text is its internal heterogeneous structure. The text is a device formed as a system of heterogeneous semiotic spaces in continuum which circulates original message. In fact, the text is specific generator, essence the same generation – not only deployment, but also the interaction of structures that organize the text, as the researcher N. Fateeva believes (Fateeva, 1986: 2000). As these structures just discourse acts. Compared text with the discourse, it can be identified some extent with the intertext, some inner text or between text functioning in the overall structure of the narrative, as it was emphasized by R. Bart. It identifies any text in intertext in relation to some other text. But this intertextuality should not be interpreted in such a way that the text has some origins: “... *The text is derived from anonymous, subtle and at the same already read quotes – from quotations without quotation marks*” (Bart, 1997: 203).A text can be related to a variety of other (sometimes one and the same author, sometimes – different), can be studied “layered” structure of the text refers to the text of another texture. The text, after Y.M.Lotman (Lotman, 1981: 95), we tend to think of any demarcated – that is, having a frame – (not) an artistic message, not only verbal. In fact, structural conformity of verbal texts and paintings, plastic, music, architecture and others are known. Thus, for example, the Gothic cathedral literally “inscribed” in the poem M. Bazhan “Cathedral”, the story of Anton Chekhov “The Black Monk”, on Shostakovich version has sonata form, “Inspector” N.V. Gogol sculpture and ductile (VV Rozanov), etc. Examples can be multiplied indefinitely, as researcher L. Golyakova notes (Golyakova, 1996: 311).The notion of discourse is a little wider in comparison with the intertext – discourse is the set of intertexts according to R. Barthes concepts, united by any common ground, that is intertext is a component of the discourse. If this symptom occurs singularly in one particular intertext, it can also be called discourse. It is based on those parameters, which we define that this intertext is allocated in the general structure of the narrative, it is possible to identify different types of discourses: the scientific, didactic, social, philosophical, etc.

Thus, the discursive nature of works, according to authoritative research, determines its intertextual organization, which is formed in the structural and compositional structure of a series of discourses. If

we approach the study of the discursive nature of this narrative form as a novel, more generally, in a work it is advisable to distinguish two main types of discourse – a rhetorical and aesthetic, according Ts. Todorov (Todorov, 1983: 360). In modern poetics and semiotics, in his opinion, the term “rhetoric” is used in three main meanings: a) the rules of construction of speech at super-phrasal level, the narrative structure at levels higher than a phrase; b) as a discipline that studies the “poetic semantics” – types of figurative meanings, so called rhetoric of figure; c) as “poetic text” poetics that studies inline relationship and functioning of the texts as complete semiotic formations (Todorov, 1983: 278).

Conclusion

The closest to our presentation concept of discourse was formulated by Ts. Todorov in his famous article “The concept of literature”: “*In literary studies the rules which are inherent in discourse, usually*

studied in the “genres” section (sometimes “styles” or “modes”, etc.) (Todorov: 1983, 365). This opinion of academic is shared by Kazakhstan’s researchers: “Analysis of discourse is closely related to extra-linguistic factors into account and their reliance on them. At the discourse study the object of study is not so much a specific text as its social context. The literary text contains the image of reality, which is created by writer, expressing the author’s world-view, perception of the world artistic experience and knowledge, that is its relation to the world” (Dzholdasbekova, Sarsekeeva, 2013: 30). The method, making a significant contribution to the study and interpretation of literary texts and discourses, rapidly developing in recent years, is a narratology that combines the communicative purpose, rhetorical and poetic approach to the artistic discourse. According to the definition A.-Zh. Greimas and J. Kurt, narrative – is the “organizing principle of any discourse” (Greimas, 1983: 505). This claim, in our opinion, anyway brings together many researchers.

References

- 1 Bart R. Camera lucida. M.: Ad Marginem, 1997. Pp. 181-213 (In English).
- 2 Coquet J.-K. Semiotika litteratury. [Semiotics of literature] Strasbourg, 1983. Pp.20-28 (In Russian).
- 3 Dzholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K. Avtorskiy diskurs Yu.O. Dombrovskogo v kontekste sovremennoy kazakhstanskoi prozy o hudozhniku.[Author’s discourse of Y.O. Dombrovsky in context modern Kazakh prose about artist. Almaty: Kazakh University, 2013. 310 p. (In Russian).
- 4 Fateeva N.A. Tituly iskusstva: structura, funktsii, typologiya. [Titles of art: structure, functions, typology]. M., 1986. Pp. 290-294 (In Russian)
- 5 Fateeva N.A. Contrapunkt intertextual’nosti. Text /intertext v mire [Counterpoint of intertextuality. Text / Intertext in the world]. M., 2000. 280 p. (In Russian).
- 6 Foucault M. Slova i veshi. Arheologiya gumanitariya [Words and things. Archeology of the Humanities]. M.- St. Petersburg : A-cad, 1994. Pp. 5-23 (In Russian).
- 7 Golyakova L.Y. Sub’ekt i eksplikatsiya v literaturnom teste.[The subject and explication in the literary text]. Perm’, 1996. 382 p. (In Russian).
- 8 Greimas A.-Zh. Semiotics. Explanatory Dictionary of the language of the theory [A.-Zh. Greimas and J. Kurt] Semiotics. M.: Raduga, 1983. Pp. 481-550. (In English).
- 9 Ilyin I.P. Slovar’ frantsuzkogo strukturakisma: «za» i «protiv. [Dictionary of French structuralism: «for» and «against»]. M: Progress, 1985. Pp.450-461. (In Russian).
- 10 Kristeva Yu. Reader. Edited and introduced by Toril Moi. New York: Columbia University Press, 1996, 384 p (In English).
- 11 Lotman Y.M. Rhetorika. Trudy po znakovym systemam. XIV. Nauchnye zapiski Tartusskogo Universiteta. Tom 515. [Proceedings on Sign Systems. XIV. Scientific notes of the University of Tartu.Vol. 515] Tartu, 1981. Pp. 84-105. (In Russian).
- 12 Serio P. Quadratura smysla: Frantsuskaiya shkola diskursnogo analiza. [Quadrature of meaning. French school of Discourse analysis]. Moskva, 1999. Pp. 12-53. (In Russian).
- 13 Todorov Ts. Ponyatiye literatury. Semiotika. M.:Raduga, 1983. Pp. 342-367. (In Russian).
- 14 Zholkovsky A. Intertextuality. Its Content and Discontents. Slavic Review. 1998. № 47(4). Pp. 724-729. (In English).

МРНТИ 17.82.09

Таттимбетова Ж.О.,

ассистент преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: zhibek0709@gmail.com

**ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРА
В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

В статье рассматривается нравственно-философский контекст проблемы личности на примере произведений А.И.Солженицына. Выявляется связь с философскими теориями и нравственными установками выдающихся русских и китайских мыслителей, устанавливается генезис формирования личностного сознания в русской культуре и его истоки. Утверждается значимость для философских взглядов писателя нравственных категорий стойкости и самоограничения, определяются основы его художественной характерологии. Соотнесение контекста творчества писателя с традициями русской и китайской философской мысли убеждает, что нравственные установки А.Солженицына не ограничиваются сугубо национальными, морально-мировоззренческими, они носят общечеловеческий характер.

Ключевые слова: философский контекст, личность, характерология, нравственность, традиция, национальный

Tattimbetova Zh.O.,

Assistant of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: zhibek0709@gmail.com

**The problem of character in the creative work
of A.I. Solzhenitsin in Russian and East philosophical thought**

The article considers the problems of the philosophical context of individuality in the production of A.I. Solzhenitsin. It explores the philosophical theories and conventions of the Russian and Chinese writers, which builds the genesis of the personality of the Russian culture and its spaces. It affirms the significance of the philosophical visions of the naturalistic category of creatures and self-reliance, the basis of which is characteristic. Contributing to the creativity of the writer in the context of the Russian and Chinese philosophy, he falsely denies that A.Solzhenitsin is no longer a nationalist, moral-world-renowned, who describes the general character.

Key words: philosophical context, personality, characteristic, morality, tradition, nationalism

Тәттімбетова Ж.Ә..

әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университетінің асистенті оқытушы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: zhibek0709@gmail.com

**Орыс және шығыс философиясы бейнесіндегі
А.И. Солженицын шығармашылығының тұлға мәселесі**

Мақалада А.И. Солженицын шығармаларындағы жеке тұлға проблемасының моральдық-философиялық контексті қарастырылады. Орыс және қытай ойшылдарының философиялық теориялары мен моральдық қарым-қатынасы арасындағы байланыс анықталып, орыс мәдениетіндегі жеке сананың қалыптасуының пайда болуы және оның қайдан бастау алатыны көрсетілген. Автордың моральдық категорияларының түрақтылығы мен өз-өзіне деген сенімділік

қасиетінің маңыздылының жазушының философиялық, көзқарастары үшін маңыздылығы айқындалады. Жазушы шығармашылығының контекстінде орыс және қытай философиялық ой-дәстүрін салыстыра отырып, А. Солженицынның шығармашылығы адамгершілік қарым-қатынасы таза ұлттық, моральдық және идеологиялық, деңгейлермен шектелмейтіндігі, олар өмбебап сипатқа ие екені айқын.

Түйін сөздер: философиялық, тұрғыда, тұлға, мінездеме, мораль, дәстүр, ұлттық

Introduction

In the course of our research, the similarities and differences in the creative position of both writers were revealed, the main problem of creativity of which is the problem of “Personality and Society”, as well as the search for ways to reorganize society on more humane, democratic principles, “how can a person achieve happiness and prosperity “And why he does not reach it. For example, the Chinese prose, the spellbinder, the translator, the critic Gao Xinjian, who is called the “Chinese Solzhenitsyn”, unlike his Russian colleague, he never described the chaos of the Chinese gulag in his works, which, incidentally, he experienced. Basically, he talked about the hardships and misfortunes of the “little pig” from one or another of the Chinese province. A. I. Solzhenitsin contributes to the creation of the author, whose creative work is largely devoted to the personality and spirituality. The writer then demonstrates the lives of his / her own personalities, in line with their staminate and tasks, as they are perceived as a personality. The main concepts of national identity are the national character of the great civilizations in its development – the rightfulness of the indifference, the separateness of the people and the lasts, the Russian tradition of acquiring the tradition of the Russian culture with the help of the “little man”. AI Solzhenitsyn is an authoritative guide of the Russian classical literature and literary Russian epoch. Or many of the heroine writers are illuminated by the illusions of the righteous man, the luminous intimate light of the ointment, the hungry, the goodness and the sanctity.

Experiment

A. Solzhenitsin was the creator of the unique life style of the first half of the twentieth century. Subject of research held Russian National character in His different personalities of individual practical all Russian society in the moment of crisis, Solzhenitsin follows the change of Russian mentality, which shows the process of the agony of the national agitation. It is possible to say that the Russian character is imprinted in the process of deformations.

An astounding, world-renowned image creator, this unique, incongruous image of reality, was individually composed of the author's perception of the world and the whole human. Instead, it is a philosophy of the writer who, in contrast, embezzled the life of the human being, in his own right mind. Exactly, through art, by the age of twelfth, is being revealed today in the artist 's work and in Istin artist, he felt himself as “a poor little girl under the bod' s album” (Li Hsi May, 2005: 211-218) . “... Theologian is one of the most beloved people in the world to embellish the harmony of the world, the beauty of the world, and the inseparableness of this human being,” said the Nobel Prize-winning lecturer. A philosopher looking at a pianist A.I. Solzhenitsyn is attentive to the categories of self – sufficiency and self – sufficiency, in which the art worker sees the lifelong “self – restraint” in the crisis periods of social development. It is true that in the search for a pathway to the writer to come to the end, only the exit and the “self – limitation” appearing in the mainstream of the book, “Thou garnish for two days”.

The author pointed out that his own heroes are in line with the challenges and tasks that are the ten, as their personality. His Heroes can be put on his knee, but it is impossible to escape. The Prisoner of Matrena from the “Matrenina Dvora”, a lot more than ever, but lost his personal friendship with Shukhov from the “One Day of Ivana Denisovich” – people “unfit”, “self-confident”; they are either quoted in their own right choice, live in “companionship”. In the lecture “Ego” (1995) Solzhenitsyn illustrates the historic moment of “breaking up”, “Russian characterization of the character”; personally identifiable and centralized personality rally: Choose the host family and hosts the title of Hero (Ektova) in “tupik”: one with a siege – “rebels”, for the sake of a hero, with a friend – a loving family. Hero, choosing a woman, tells many things that she values the value of the lifestyle of the sisters. History of AI Solzhenitsyn is a member of the Supreme People's Assembly of Russia and its members, and the main thing is to make the Russian national minority. This is the dominant creator of creativity. What is more important in the creativity of the writer is the criticism of Stalinism

and totalitarianism in the celestial. It is explicitly disclosed in the popular research “Archipelago GULAG”, which was originally for the first time, in the lecture “One Day of Ivana Denisovich”, in cycles of camp races, and, in fact, in all its edifices. The second dominant – there are ten Russian people, open-ended, – all come out. Solzhenitsyn, and very frankly expresses it in the 1960s. “One day of Ivana Denisovich” and “The Mother of the Throne”, as well as in cycles of rhymes, symbolic “Krochotki” (1958-1960). In the literary literature, the most commonly identified literary critique of Solzhenitsyn is the relationship between Ivana Denisovich ‘s One Day and the Matrina Courthouse, which has already been published in the classics. Но такое определение не совсем точно, так как именно первые опубликованные произведения А.И. Solzhenitsyn, presented by the noble masterpieces, representing the philosophic and astronomical expression of the “little prose” of the writer.

Everyone who writes about the life of the writer has told us about our society and our society, that is, let us pray, and we give new and new ways to healing. This is the author’s title and the author’s position in the author’s position has a special significance for the pianist. Specifically, AI Solzhenitsyn, we are dealing with various aspects of the realization of the author, in the “One Day in Ivana Denisovich”, the author is more than just a “friend of the other”, in “Matren’s Knight” as ten characters from the character (Ignatić), and in “Krochochka” You are here:. A writer has a true principle of realistic art, or a fraudulent French slavish, Z. Niva, called her “materialist to the moss kosta”. In Solzhenitsin’s creative work, “it’ s just a fraudulent truth, but it does not despair of the supernatural personality”, when it dominates all or documentarily, as “soberly writes wrong”.

According to the Chinese worlds, “Mountain of Spirits” is a documentary production, in what kind of step, like any lyric poetry. Poems photograph the soul. They are like a slap from the unique lyrical thrill that the author experienced. Here again are the Saman rituals, the legends of assassins sound like truth, and you can meet with real daughters-bearers of many-wisdom wisdom. In it, in the novel “Lingshan”, as in other works of Gao, the problem of the Man, his existential existence in the modern world, is brought to the forefront. “My troubles and troubles are explained by the fact that I constantly think about my becoming,” says the lyrical hero of the novel “Mountain of the Soul”. According to Solzhenitsyn, the creator is the author of the work, he is the witness of events, for Gao he is their

companion. If the first creates the epic, the second – the lyrics

All that is written AI Solzhenitsyn, who was interviewed by Russia, is a historian and a lute.

Russian person, represented by the educated intellectual, peasant, housekeeper, officer, and so on – the suit, the main aspect in AI Solzhenitsyn. It sings to the inner connection of the individual to the differentiated perceptions of the person, its place in the world, the meaning, the right, the free speech in the Russian history. C reform Petra I in the Russian post office is actively involved in the national agenda. One of them is always in the Orthodox-Byzantine mentality, and in Russian, the cultural and historical tradition of the ancient Kiev and Novgorod, with which the actuality of the individual-personal type of reality is being activated. The clandestine Christian history, penetrated through mid-Renaissance, and the underlying system of values in the new era, activates the ideal of personal liberty, as a series of socialist principles. Peter took part in the Russian-speaking personality of the ordinary personality of the Renaissance, and the eleven years of his life, as well as his discoveries in the Russian. Other type of firewood, a fireplace, with an indefinite personality, a personality. Ideal is the case in which a group of people, a community, a nomad, representing a multi-faceted symbol of the Russian language, is in the collective. Religion for A.I.Solzhenitsin – this is simply a practice of religious holidays, that is, the Orthodox spirituality of the Russian people, which, according to her, is “a great deal of territory or even a hospitable church, the welfare and the blessing of the non – existent inner worlds” (Niva Zh.,).

Immensely aware of the role of spirituality, the inner self-indulgence of the human body is the philosophic-moral composition of the writer of the scribe. Turning to folk books in stories, published in the first half of the 60’s, AI Solzhenitsyn proposes a new concept in his literary theory. Eugene Heroes, such as Matrien, Ivan Denisovich, are also seen as a character in the novel Spiridon from the novel “In the first pose” – the people who live alive, as if they were damaged, damaged and damaged by their representations. Following the representations, will definitely be able to quit physically, in the pursuit of physical and physical survival, but not for the value of his own personal friendship. Wearing it means to die, that is to say, to survive physically, to overthrow human beings, to exterminate or else to justify others, but to condemn it to the very self – indulgence of death. Moral autonomy, the postwar – principle, which Solzhenitsyn perceived as a camps.

Results and discussion

AI Solzhenitsyn wore a high, synthetic level of propagation: Heroic heroes take the Russian man as a personality, with a national character. AI Solzhenitsyn was one of the first Russian writers who, in all contexts, made a realistic idea of the Russian man's idea of living things in the saddle and peasantry. According to the material, each of the writers pointed out how human beings and human beings are. Does the modern man look at the concept of a lifeline? If there is no such thing as Solzhenitsyn, there will be disorientation of the present human being in the world and the removal of the basic, fundamental, and spiritual values because of the extermination of the living. However, ignoring the compromise, Solzhenitsyn understands that he is a great believer. This is a writer who sits in the hands of his allies, trying to scare his soul and resent it in a seductive tragedy. In the epic is offered a whole anthology of national compromise. It is possible to say that Solzhenitsyn is a national feature in situation of compromise. In the subgroups, the totality of compromise and the ignominious sense of the ignorant talk of the Russian writer. Deforestation, a fatal catastrophic, frustration of the foggy national prospects of the twentieth century, more than twelve months ago, in his book "Russia in the wilderness". Philosophical and moral attitudes A. I. In the Solzhenitsin, the categories of irrigation, national, Russian, and morally reputable postulates – they are the commonplace character. It is true that they are a part of the Chinese whimsical maturity, which is confirmed by the extraordinary beauty of the human soul as an ideal manifestation. "An enthusiastic human being," says Chinese philosopher Hun Ji-chen, "does not justify what is worse or worse" (Solzhenitsin, 2001: 10). The highest value of life in the Buddhist philosophy lies in a spacious contemplation of its own. Unless specifically in the interpretation of the individuality of the people in the translation, the common people of the Chinese and English people are unmanaged, and their morality is defined by the dignity of the people, and the spirit of the spiritual heritage of

the nation. The A.I.Solzhenitsyn's heritage all attracts attention from Taiwanese researchers. A Pervo-Wooter of the Artificial World Solzhenitsin in Taiwan, Professor Wang Zhao-hui, the author of his literary work AI Solzhenitsin, "Solzhenitsin and the Russian Literature XIX century" (1983). (1976) .Philosophies, which is based on the basics of the heroes of AI Solzhenitsyn, is made up of all the Chinese cathegory, looking at the abstraction of the ideal: Absolute Boga in Orthodox, the personality of the divine personality and the immaterial ideal of the Buddhism, as the Dao as a man 's way of managing himself. Buddhist and Christian philosophical concepts of personality, identifying nationalistic character, go one in one: the value of personality – in the life of the church, in the past, in the glory of choice, and for the lack of responsibility, in the line of doctrine. For the sake of perfect sovereignty, he says, Confucius, who is a soulless person, will come to his senses, even if his heart is in search of truth and righteousness. The Solzhenitsyn, in which all spheres of human activity, should be put in the right appraisal, which is the foundation of the normal human society.

Conclusion

To solve the tasks set, a variety of material relevant to the topic was studied and summarized, including journalistic (Nobel lectures, speeches), artistic texts, autobiographical and memoirs. The author of the work sought to analyze the methods of revealing the characters of the characters, the selection of plots and plot situations, the author's position, and others to expand existing ideas about the ideological and aesthetic orientation of creativity of representatives of different cultures – Slavic and Eastern. A number of works by Gao Xingjiang have not yet been translated into Russian, so the author of the thesis had to do the translation from the Chinese itself in the absence of those in Russian. Conclusions made by Tattimbetova Zh.O. on the concrete material of the analysis of the most significant works of the two writers, are sufficiently independent and make a definite contribution to the solution of the problem posed.

References

- 1 Li Hsi May. Pravda Solzhenitsina i ego pravednikov. Problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo jazyka i literatury //Vestnik fakul'teta russkogo jazyka i literatury Universiteta kitayskoi kul'tury. [The truth of A. Solzhenitsyn and his righteous people. Problems of studying and teaching the Russian language and literature] // Bulletin of the Russian Language and Literature Department of the University of Chinese CultureEd.8.- Taybey, 2005.- P.211-218. (In Russian)
- 2 Niva Zh. Aleksandr Solzhenitsin – borets i pisatel' [Alexander Solzhenitsyn – wrestler and writer] www.vitanova.ru/katalog/tirazhnie.../aleksandr_solzhenitsin_945 (In Russian)
- 3 Solzhenitsin A.I. Nobelevskaya lekcia [Nobel lecture] // Solzhenitsyn AI Coll. Op M.: 2001.- P.10-18. (In Russian)

Tattimbetova K.O.,

Senior teacher of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: tattimbetovak@gmail.com

**NOVEL GENRE IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF KAZAKHSTAN OF THE END
OF THE XX BEGINNING OF THE XXI CENTURIES**

In article, the author writes about the dominating place of a novelistic genre in modern literary process, and a data is given on that modern novelistic texts became stylistically different. There is a speech about modern writers who irrespective of their belonging to this or that direction and a current, seek to comprehend destiny of the young intellectual in modern society. The author picks to discussion the question that the confessional prose in the form of diaries, memoirs, memoirs, etc. became one of kinds of the modern Kazakhstan novel. Article contains a large number of examples and quantitative data of an illustrative and the confirming basic provisions of article. Besides in article are cited novels of writers which open a novel genre in the Russian literature of Kazakhstan.

Key words: genre, novel, confessional prose, diaries, memoirs.

Таттимбетова К.О.,
әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: tattimbetovak@gmail.com

**ХХ ғасыр аяғы мен ХХI ғасыр басындағы
Қазақстанның орыс әдебиетіндегі роман жанры**

Мақалада автор қазіргі әдебиеттану үрдісіндегі роман жанрының басымдық орны туралы айтады, сонымен қатар, стиль түрғысынан қарағанда қазіргі роман мәтіндерінің өзгергендігі туралы акпарат беріледі. Қазіргі заман жазушыларының белгілі бір ағым мен бағытқа жататындығына қарамастан, қазіргі қоғамдағы жас интеллектуал тағдырын түсінуге тырысатындығы сөз етіледі. Автор, құнделіктер, мемуарлар, естеліктер және т.б. түрлерде кездесетін актарын прозасы қазіргі қазақстандық романның бір түрі болып табылатындығы жөнінде сөз қозғагайды. Мақалада, автордың негізгі ұстанымдарын дәлелдейтін және көрсететін көптеген мысалдар мен нақты мәліметтер көлтірілген. Сонымен қатар, мақалада, Қазақстанның орыс әдебиетіндегі роман жанрының ерекшелігін аштын жазушылардың романдарынан цитаталар көлтірілген.

Түйін сөздер: жанр, роман, актарылу прозасы, құнделіктер, мемуарлар.

Таттимбетова К.О.,
ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: tattimbetovak@gmail.com

**Жанр романа в русской литературе
Казахстана конца XX начала XXI веков**

В статье автор говорит о доминирующем месте романного жанра в современном литературном процессе, а также излагаются сведения о том, что современные романные тексты стали иными с точки зрения стиля. Идет речь о современных писателях, которые независимо от их принадлежности к тому или иному направлению и течению, стремятся осмыслить судьбу молодого интеллектуала в современном обществе. Автор затрагивает вопрос о том, что одной из разновидностей современного казахстанского романа стала исповедальная проза в виде

дневников, мемуаров, воспоминаний и др. В статье содержится большое количество примеров и количественных данных иллюстрирующих и подтверждающие основные положения статьи. Кроме того в статье приводятся цитаты из романов писателей, которые раскрывают жанр романа в русской литературе Казахстана.

Ключевые слова: жанр, роман, исповедальная проза, дневники, мемуары.

Introduction

Despite complaints of the Kazakhstan critics about crisis of a novelistic genre in recent years this genre takes the dominating place in our literary process. Though it is necessary to recognize that modern novelistic texts became others, innovative from the point of view of style, with the complicated letter form (a consciousness stream, narrative multiple layers, active contexts and implications). But their authors are united by desire honestly and interestingly to tell about life, about the acquaintance to us, contemporaries of the writer, the general life, and, so and about sense of human life in general.

Modern writers, irrespective of their belonging to this or that direction and a current, seek to comprehend the fate of the young intellectual in modern society. In the majority they represent type of the European intellectual who is brought up in Asia, but living subjects, universal for information civilization. They live in the open world without borders, coexist in the general cultural space with Russian and European the writer, but nevertheless works of the Kazakhstan novelists have the features. As one of representatives of a new wave of young Kazakhstan novelists Mikhail Zemskov considers, our authors very quickly lost spiritual, mental bond with the Soviet Union, its ideology and a mentality. "Somehow we were very quickly reoriented on different other vectors, ideals – European, Asian, – Zemskov considers. – What concerns our writer often does not find a response from the Russian audience, in the Russian space. For example, there are still quite shipped in social problems, in problems of two Chechen wars" (Zemskov, 2009: 7). Therefore, the Kazakhstan prose about life of real people has a surrealistic shade with a peculiar Central Asian flavor.

One of characteristic signs of modern large prose can consider indistinct borders art and publicistic. Authors directly appeal to readers, expressing the concern about problems of today in a rhetorical form. Not the simply confessionary prose in the form of diaries, memoirs, memoirs of Dm became one of kinds of the modern Kazakhstan novel. Snegina, I. Shchegolikhina, G. Belgera, etc.

Experiment

The special place in modern literature is allocated to female prose, at the same time the gender characteristic of the author, but not style and other art features of the text means, that is it is about the prose written by the woman about the woman. Critics note that traditionally modern female prose gravitates to realism as approves the lost family and household norms, speaks about the right of the woman for especially women's realization (the house, children, family), that is defends a traditional set of valuable positions. That is the female author is sure that women's happiness should be looked for in family space.

The brightest name in the history of the Kazakhstan female novel – Olga Mark Olga Borisovna Markova (literary pseudonym O. Mark; On December 16, 1963 – on December 5, 2008, Alma-Ata) – the Kazakhstan writer, the literary critic, the critic, the founder and the president of public fund of cultural development and the humanities of Musaget. After phantasmagoric stories she wrote the story "Leta's Waters", unusual on form and content (Mark, 2002: 22), the special place in modern literature is allocated to female prose, at in which the main character undergoes rehabilitation in hospital, it has a full amnesia, but the treatment purpose not in returning it memory, and in adapting it for the new reality which came after Great Accident. The narration is presented in the anti-Utopia caution form in combination with the psychological thriller. Following work by Olga Mark "Prediction" (Mark, 2006: 18-23) has a subtitle of "the page of the novel". The hero is the successful businessman who is jealous the young wife. The plot develops on the set scenario: estimated adulteries, difficult children from first marriage, friends, the mistress. Planning crime, the hero addresses fortunetellers, the lawyer in hope to learn whether it will be possible to avoid punishment. Fortune-telling on a coffee thick, on beans, with use of innocently murdered rooster yields one result: he will commit murder and will be executed. Also payment term for crime is predetermined: in two months though the lawyer assures that the procedure from the investigation

before execution cannot occupy so short period in any way. The intrigue is fascinating, the plot is dynamic, full of unexpected collisions, life is known through modern realities well. But the main difference from novels of everyday life and family dramas is in what the author investigates first of all as prediction and predefiniteness get on with the idea of free will whether there are communications between mission and the personality, destiny.

Results and discussion

The addressing the modern Kazakhstan novel as to generation of middle-literature has the basis. First, middle-literature – the requirement of modern times, represents result of a compromise between elite and mass art. Use of a genre code of the detective, picaresque romance, a fantasy, dissolution author's "I", peculiar to the popular literature, and with another – intellectual inquiries, an intellectuality, postmodern discourse is characteristic of it, on the one hand. That is it can be perceived as "elite" literature for the "mass" reader which has a noble purpose of education of "weight", education of its tastes. At the same time the "clever" book should not be "difficult" reading at all, on the contrary, to have a fascinating and interesting plot, to be possible, more extremely topical, than fighters and detectives. To those installations there correspond novels by many Kazakhstan writers, and first of all, novels by the ideologist of this direction Mikhail Zemskov. Its first novel "Perigee" is constructed according to laws of middle-literature and called "anti-Utopia with phantasmagoria elements" (Zemskov, 2007:63).

The Oglavny hero storyteller Mikhail Ivanov because of treachery of the friend who enclosed it drugs in a pocket stayed twelve years in the Cuban and Mexican prisons. The last incomplete two years worked in America and now comes back wonderfully to Russia. He does not learn the homeland, Russia of the 2017-2020th years became the closed country again, all information which is obtained about it by the outside world – shootings from the satellite on which it is possible to understand only that Russians constantly laugh. For years of its absence Russia became a civilization of "the giggling degenerates". The new power found the most infallible remedy of an obolvanivaniye of people. According to the native who kept ability to critical judgment when people laugh, at them something is allocated in brains – some chemical element, – and they feel happy. And it is simpler to operate happy people. Any totalitarianism keeps either on intimidated, or on happy which are happy with everything. The

writer represents the world of primitive pleasures, outside cheerful, latently bad and terrible.

Following novel by Mikhail Zemskov "Sectarian" (2010) (Zemskov, 2010: 320) presents the fascinating philosophical thriller in a form, much of which is based on real events. In it it is told about search of the heretical gospel from Ioann, according to a legend hidden by Nestorians in the foothills of Tien Shan. The company of young people among which and the main character – the guy model who was left without work goes to a travel for fun, even without suspecting into what tragedy this adventure will turn. The mysterious guru, and among treasure-hunters – his pupils preparing for certain "new practice" directs them. The strange and inexplicable events happening to treasure-hunters set them thinking on meaning of life and in a root change their ideas of the world.

The same subject – the fate of the modern person in the modern world – in the center of the novel of Nikolay Verevochkin "Tooth of a mammoth (the chronicle of the dead city)" (Verevochkin N., 2003:85). Plot about life of the North Kazakhstan virgin town with mythological, symbolic beginning on behalf of the town – Stepnomorsk – it is multilayered. Stepnomorsk is constructed on the place of the village of Ilyinka flooded people from north Kazakhstan and represented a heavenly spot before reorganization: in it there were a music school, amateur theater, aircraft and a grove instead of the central square, fishing, mushrooms, to put it briefly, harmony of the nature and civilization. Also mythological its inhabitants: "It was the frost-resistant, large-headed, removed in a risky zone breed of virgin intellectuals with bodies of athletes and calloused paws of plowmen which representatives not only professionally fulfilled the duties, something was invented and composed at night, but could hammer correctly a nail, mow down hay, and between times win first place in regional competitions in a decathlon. Generally it were young teachers ..." (Verevochkin, 2003: 28). One of heroes – Victor Nikolaevich Mamontov "was that comprehensively and harmoniously developed person whose fast appearance, trusting in it a little, scientists-social scientists predicted those years". He is an ingenious teacher of physics, the best combine operator, the inveterate fisherman and the athlete, the guitarist, the bard, by bicycle and the kayak together with the son and friends during vacation crosses all republic. He liked to paint in oils space landscapes, to design the cycle mobile, to spin a rocking-chair, it is simple to look in the telescope at the night sky. The dreamer and the romantic, it on all the savings

builds the sailing ship. There is a lot of such odd fellows, dreamers romantics in the town, all of them are in love with the city, with the creativity and with life. Therefore they are sure that, "if God exists, then he lives in the province ..." (Verevochkin, 2003:87). One of heroes – Victor Nikolaevich Mamontov "was that peculiar thread in this part of a plot there passes the motive of the reliable, strongly hammered together ark" which began to sink from the beginning of reorganization.

The second part of a plot is devoted to search of a survival equipment. The town paradise sinks, collapses promptly, people by fall go on earnings to the north, to Russia, and come back to the old men in the summer. The city is plundered by residents of the neighboring villages and villages (auls). Old men one by one die, they are buried by grave-diggers Pavel Kozlov, the become an inveterate drunkard former builder of the city, and his son Ruslan, the addict whom mother sent to the father, far away from Almaty and friends addicts. Death of the city appears as punishment, a penalty for this sacrilege (when built the city, disturbed bones of a mammoth). But also residents are mammoths, type of strong and moral people creators which does not have the place on this earth too. Therefore a lot of place is given to losses and losses: Mamontova someone goes to Russia, – to Germany or to Israel, Kozlov dies, the artist Gofer is hung up, etc. There is Ruslan – in essence the orphan who lost mother and the three fathers, the metis, "from the face of whom will not tell where the person has more relatives – in Asia or Europe". Ruslan renounced the beloved, forbade himself to have family, children, that is he lost also the culture which it represents of the future. Nikolay Verevochkin lifts a subject, serious for our time: where to the modern person to find a point of support in the world in which all failed habitual, at first sight, reliable, firm, structures.

This writer is distinguished by the aspiration to create the modern myth about the ordinary people who got into an unusual situation. In other novels "White Hole", "Person and without Name" he teaches the reader to see eternal values in tragic chaos of the events, to define sense of the life and the place in the Universe. Main idea of Nikolay Verevochkin: the person can be poor, ungifted, is not clever, driven to despair, can make mistakes and even to lose a name. But the person cannot live without soul, and he should not be mean. Because if soul is destroyed, also the person perishes. Hera Verevochkina faces the choice – between destruction and creation, life and death, sincere keenness and spiritual deafness and dumbness.

The Kazakhstan culture represents qualitatively new education, and the texture of poli-cultural generates new authors and new genre forms among which a specific place is held by works of writers outcasts. It is natural that the subject of marginal consciousness of the personality who appeared outside the historical homeland and opportunities of its overcoming, becomes the leader in novels by G.K. Belger

The house of the wanderer", "The closed water", "Dissonance", Alexander Kan "The triangular earth", "Dreams of not born", "The found shaman" and other writers of Kazakhstan writing in Russian. Novels by G. Belger who is professionally writing in three languages are of special interest in the foreshortening considered by us: Russian, Kazakh and German. Belger, as well as Maurice Simashko, Alexander Kan and many writers of other nationalities living in Kazakhstan sees a certain rescue, a spiritual and household shelter in east people, their mentality and write about it frankly and without complementarity. Novel "House of the wanderer" (Belger G.,2010: 35-38)call a peculiar art museum of deportation, the drama fate of the Soviet Germans who underwent in 1941 to mass resettlement is reflected in it.

In the novel "The closed water" (Belger, 2009: 180) the main thing is the motive of historical memory. The main character – Edmond Vorm, the German writer living in Germany also comes to the Issykkul seminar of the Central Asian writers. After the seminar he decided to visit those places where there passed his childhood and youth – the aul of Tuyuk of sou – the habitat of many nationalities deported in the years of war in the south of Kazakhstan. Ten years ago Edmond, perhaps hasty, left Kazakhstan for the sake of full Germany, having returned here, he does not learn with own hand built, once magnificent estate which turned into the poor dwelling. Dawn of these places fell on the thirtieth years when there was a collective farm of Kirov, later it became The closed water – a backwater from where all people who are special moved to these places began to leave. The narration is led in two planes – in the present and the past. The hero remembers tragic stories simple village citizens and German special immigrants, how they supported each other these tragic years. The writer designated a subject of a plot of the following novel as "dissonance in life, in family, in society, in soul, in heart, in thoughts, in acts". In "Dissonance" (Belger G., 2009:220)two dramatic human fate of the village type teacher in the past, nowadays the pensioner, the veteran of war MambetKaziyevichAdilov and his

fellow villager and the friend, the former collective-farm tractor operator and the combine operator, too the pensioner Karl Degraf whom Kazakhs call “Carle aksakal”. He “spoke from village citizens are absolutely fluently in Kazakh, and in German communicated already for many years only with a mongrel Rex”.

Conclusion

Thus, these two heroes, all life lived honestly and trusting in the Soviet system, appeared as the fates decree in other, new life. They suffer because that cannot open an eye to the children and grandsons on eternal values.

Литература

- 1 Земсков М. Становлюсь реалистом //Time Out Алматы. – 2009. – №69.
- 2 Марк О. Воды Леты. – Алматы: Musaget, 2002.
- 3 Марк О. Предсказание. – Алматы: Musaget, 2006.
- 4 Земсков М. Перигей: Роман-фантасмагория с элементами антиутопии // Дружба народов. – 2007. – № 8. – С.11-160.
- 5 Земсков М. Сектант. – М.: Эксмо, 2010. – 320 с.
- 6 Веревочкин Н. Зуб мамонта (летопись мертвого города). – Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 2003.
- 7 Бельгер Г.Дом скиталяца // Избранное. – Алматы: Балаларәдебиеті, 2010. – Т. 3. – 400 с.
- 8 Бельгер Г. Туюк су // Избранное. – Алматы: Vox Populi, 2009.
- 9 Бельгер Г.Разлад // Избранное. – Алматы: Vox Populi, 2009.

References

- 1 Belger G. (2010) Dom skitalca. [House of the wanderer.] Izbrannoe. Almaty: Balalaradebiety. T. 3. 400 p. (In Russian)
- 2 Belger G. (2009) Tuyuk su. [The closed water.] Izbrannoe. Almaty: Vox Populi. (In Russian)
- 3 Belger G. (2009) Razlad [Disorder] Izbrannoe. Almaty: Vox Populi. (In Russian)
- 4 Mark O. (2002) Vody Lety. [Leta's waters.] Almaty: Musaget. (InRussian)
- 5 Mark O. (2006) Predskazaniye. [Prediction.] Almaty: Musaget. (In Russian)
- 6 Verevochkin N. (2003) Zub mamonta (letopis mertvogo goroda). [Tooth of a mammoth (chronicle of the dead city)] Almaty: Fond Soros-Kazakhstan. (InRussian)
- 7 Zemskov M.(2009) Stanovlius' realistom.[I become a realist] Time Out Almaty. № 69. (In Russian)
- 8 Zemskov M. (2007) Perigei: Roman-fantasmagoriya s elementami antiutopii. [Perigee: The novel phantasmagoria with anti-Utopia elements.] Druzhba narodov. № 8. P. 11-160. (InRussian)
- 9 Zemskov M. (2010) Sektant. [Sectarian.] M.: Eksmo. 320 p. (In Russian)

Tleubay G.K.,

assistant professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: Gulbanu2007@gmail.com

**PHILOSOPHICAL AND MORAL CONCEPTS
IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF CHINGIZ AITMATOV**

The article is to identify philosophical, spiritual, and moral concepts in the novel "The Scaffold" by Chingiz Aytmatov. The study of the specifics of the national picture of the world in the prose of the artist, the identification of ethnocultural concepts in the conceptual sphere of the writer. The object of research is the novel "The Scaffold" as the most complicated philosophical treatise on the present, the ways of its development, about the spiritual and moral searches of humankind. The subject of the study is the philosophical and spiritual and moral concepts in Ch. Aitmatov's novel "The Scaffold", such as "good" and "evil", "life" and "fate," "morality," "plow," the national picture of the world represented by the ethnocultural concepts of the Turkic People. The fragments of the national picture of the world described in Ch. Aytmatov's novel "The Scaffold", represented by concepts, archetypes and symbol images. The novelty of the research lies in the fact that in analyzing the conceptual picture of the world of Aytmatov's novel "The Scaffold", philosophical and spiritual-moral concepts were revealed and their methods and methods of expressing the national identity, ideological, philosophical and aesthetic features of the writer's artistic worldview were studied. The idea of using concepts in a work and their semantic influence on the reader's consciousness are revealed.

Key words: concept, conceptosphere, mentality, national picture of the world, prose, symbol, personality psychology, philosophy, spirituality, morality.

Тілеубай Г.К.,

әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: Gulbanu2007@gmail.com

**Шыңғыс Айтматовтың көркемдік дискурсындағы
философиялық және моральдық концептілері**

Бұл мақалада Шыңғыс Айтматовтың «Жан пида» романындағы философиялық, рухани-адамгершілік тұжырымдамасын анықтау, автор прозасынның ұлттық дүниетанымындағы ерекшеліктерді зерттеу, жазушы тұжырымдамасындағы этно-мәдени концептін анықтау. ХХ гасырды сипаттайтын философиялық трактат ретінде «Жан пида» романын қарастыру. Шыңғыс Айтматов көркемдік дискурсының философиялық, рухани-адамгершілік тұжырымдамасы, «жақсылық», «зұлымдық», «өмір» мен «тағдыр», «адамгершілік», «кеспелтек» концептілерінде, сондай-ақ ұлттық дүниетаным түркі халықтарының этно-мәдени келесі тұжырымдары арқылы көлтірілген және ұлттық дүниетанымның үзіндісі көлтірілген. Ұлттық ерекшелікті көрсету мақсатында Ш. Айтматовтың «Жан пида» туындысынан философиялық, рухани-адамгершілік концептісін анықтау, романның дүниетанымын саралап, ұлттық ерекшеліктің тәсілі мен әдісін белгілеу, жазушының идеялық, философиялық және эстетикалық көркемдік дүниетанымын және оның оқырманға әсері.

Түйін сөздер: тұжырым, тұжырымдама, менталитет, ұлттық дүниетаным, проза, таңба, этномәдениет, философия, руханият, адамгершілік.

Тлеубай Г.К.,

ст. преподаватель Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Қазақстан, г. Алматы, e-mail: Gulbanu2007@gmail.com

**Философские и моральные концепты
в художественном дискурсе Чингиза Айтматова**

В статье особое внимание уделяется авторскому осмыслению одного из глобальных конфликтов XX века – противостояния человека и природы, усилившихся противоречий в жизни общества, будущего цивилизации. Рассматриваются философские и духовно-нравственные концепты в романе «Плаха» Чингиза Айтматова, исследуется специфика национальной картины мира в прозе художника, выявляются этнокультурные концепты в концептосфере писателя. Объект исследования – духовно-нравственная проблематика и концептология в романе «Плаха», являющегося сложнейшим философским трактатом о духовно-нравственных искаениях человечества, о современности и путях ее развития. В системе философских и духовно-нравственных концептов, претворяемых в романе «Плаха», мы находим сходство с общетюркским пониманием таких концептов как: «добрь», «зло», «жизнь», «судьба», «плаха», авторское понимание и новая глубина последовательно реализованы в данных концептах, что позволяет говорить об оригинальности творческой фантазии писателя, являющегося самобытным художником мировой и национальной литературы.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, менталитет, национальная картина мира, проза, символ, этнокультура, философия, духовность, нравственность, художественный дискурс, архетип.

Introduction

Aitmatov's works are philosophical, they examine universal problems of human existence and the meaning of life. The concept of humanism and the understanding of human life are delved into deeply, for the writer strives to arrive at the very source of the tragic collisions which still weigh upon us and interfere with the triumph of goodness and happiness. The eternal ideas of the struggle of good and evil materialize in a new way in his system of images, and this forms the basis of the humanistic philosophy of Aitmatov's works.

Aitmatov's work contains many levels. (Akmataliev, 1991: 446). Eternal themes continually run through what he writes. The idea of the victory of high moral principles over the power of darkness gradually grows and reaches a dramatic culmination in the denouement. For that reason, it is important to see Aitmatov's writing's inner unity, the subordination of all its elements and story lines to the general idea. The artistic effect here is very characteristic for the author – in the last few pages, we see how all the previous events were but a preparation for the final unraveling of the tale.

His artistic skills and imagination gets all the items to be painted and set the stage and give it life. He is, like Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov and Sholokhov, the famous Russian writers, creates the geographic scenes of his stories to his readers to understand the story deeper and better. (Gachev, 1980: 585). Many famous authors have

the following characteristics. Geography, nature, environment, human, animal and plant, as well as color and sounds are engaged in their role correctly.

Experiment

The positive characters of his stories are those who consider the nature as their own mother and respect it with all sense and avoid to damage by any means and imprecate anybody who damages the nature. Those who damage the nature and destroy geographical environment in the benefit of their own, are the negative characters of his stories' world and are among those who will not be safe from the anathematize of earth.

Talking about nature and the natural environment Aitmatov is a son of the nature and is able to depict the scene of the stories very nicely. (Zhaksylykov, 2015: 172). There are a few writers like him lived in his life environment and feels directly the different stages of geographical diversities of nature including mountains, lake, rivers, plains, fields, forests and so on, and feels directly the sunshine, moonlight, heat, cold, summer and winter seasons, especially in spring and autumn, nature, place, and time to portray. Undoubtedly the life of Aitmatov in the centre of the nature influenced deeply in his philosophical thought in his stories and novels. He is a painter writer who creates musical and rhythmic tale of the life rhythm and creates new scenes.

The observation of the concepts in the context of the novel allow to agree with the definition that

the "concept – the essence of the concept revealed in its substantive forms – images, concepts and symbols." The concepts in the context of the novel is associated with the content structure of the text is not only with associative relationship, but also directly. Concepts of life and fate comprehended in full form, not only in connection with the content of the work, but also the fact that they often operate in the text as a category, actively involved in the semantic organization of the text.

Concepts of life and fate, denoting objects visible and invisible world, in the context of the novel combined with adjectives hard life, hard fate, complex life, the complex fate.

These judgments are usual is a characteristic of texts devoted to philosophical reflection of the most important events that occurred in a person's life. In them is not only updated the traditional meaning of the words "life", "fate", but rather the individual.

Results and discussion

His heroes are often ordinary people who live their normal life and face with the daily life adventures and events. His unique skill to illustrate good moments and bad moments of the nature, when the events carry on well, everything even the winter and coldness are good, and the writer creates and introduce beautiful and artistic view of the nature. In contrary when the situation and space of story is sad and sorrow for the heroes and personages, the writer illustrates sadness, and harsh winter, faces poor, unfortunate and darkness. (Zhukov, 2013: 632) In most of his stories camels besides wolves, foxes, horses, birds, eagles, as well as cranes, play a significant role.

Professor of the University of Arizona, John Garard, who analyze Grossman novel "Life and Fate", in the article "Inner freedom "Life and Fate" actualizes meaning opposition of destiny of man – the human way of life," The reader comes to his own realization that no one cannot choose the destiny, but each can choose the way of life in all circumstances.

All dictionaries of the Russian language is emphasize the common root of the words "fate" and "judgment." So, in the dictionaries V. Dal the word "fate" is not separately allocated; it is in a nest of words derived from the word "justice", and is interpreted as a " judicature, judicatory, tribunal and violence."

In the story of – the dreams of she-wolf the writer describes the behavior of the wolf so details and carefully, that one suggests that is reading wolf from its inside and wolf has became a human and is

describing its own feelings and thinking (Abisheva, 2016: 192).

The next step in understanding the roots of becoming mankurt is very clearly shown in his novel – Plaha. We called it – a philosophical system in Metaphor. Philosophical system is revealed as follows. From one side we see Mother Nature demonstrated by wolves – Akbara (translated from Arabic as Great), by Tashchainar and their kids. From the other side – Society, represented by two forces, positive and negative. Positive force is demonstrated by Boston, the negative one is represented by Bazarbay. Human Conscience is represented or symbolized by Avdiy Kallistratov. The novel starts with brutal actions of those representing state who wanted to construct some plant on the territories full of reed which is ordered to be burnt. In a fire all the living creatures in the reed die, wolves' kids as well. Wolves (Akbara and Tashchainar) run away to Mouyn Kum steppes to escape from being killed. Even there state people did not leave them in peace. There was a necessity for them to fulfill the state plan in meat. The most beastly technology of killing antelopes from both sides tightened with running cars and shooting at them from the above, from helicopters, killing hundreds of antelopes, is shocking indeed. Among those creatures who were fearfully running with antelopes were again the same wolves, their kids being shot. At last wolves moved to the Issyk-Kul mountains where they again gave birth to wolves kids and very carefully were taking care of them. Aitmatov showed his genius to describe so lovingly a tenderness of beasts, wolves towards each other, the male to the female, their love and care, a responsibility of a mother and father towards their kids. Aitmatov undoubtedly wanted to show, that we, human beings, should learn from nature, should learn from these beasts of capabilities to love, to have a personal responsibility before the life we have given birth to, for females and males to be tender, to obey, respect, love each other, be responsible for each other. A Soviet system was gradually excavating these natural abilities, being based on common property, ideology to cultivate the unconditional primacy of the concerns of the state, of the people. A personal interest, thus a personal responsibility was devaluated. Those immoral actions oriented to beastly utilize natural resources without any account for future are the result of the ideology of common property, provoking a total irresponsibility before the Mother Nature, atheism to be a state ideology for everybody, so no fear in front of the Creator, fear only in front of a militia man. As told above. Society is represented in the

novel by two forces, positive and negative. But for the immoral deeds of Bazarbay who theft wolves' kids Boston is answering with tragic shooting at Akbara who in her inconsolable longing for her kids caught Boston's only child and ran away... Both became dead... Global catastrophe is the end of the novel. It is philosophically prognostical: Mother Nature is patient. She tolerates all the harm, a human does. More than patient till some time. But at a definite point She cannot tolerate. (Zholdasbekova, Meiramgalieva, 2015: 189). Great revenge starts. She does not chose whether your are kind or not, positive or negative.

Everything and everybody remains under Her Fury. We are memorizing how Aitmatov was depicting Avdiy Kallistratov, an ever kind young man, professing human ideals, as if symbolizing a human conscience, who was beastly –crucified by drugs users, cowards, for whom there is nothing sacred. Human Conscience was killed. Was that also symbolic? During centuries it was human conscience which was a single inner power to improve oneself, to better oneself, to give Hope and Will, and it was crucified now. Was it a symbol of the Soviet time, ideologically, educationally, politically oriented to gradually deprive a man of the Conscience. As soon as Conscience is killed in a man, what is to be expected. Total Catastrophe is the result of it. The consequence and manifestation of that catastrophe is a modern mankurt with killed conscience. What future is waiting for us? To revive Conscience! Let us not let this Global Catastrophe be as a Damocles's sword over our heads! Let us follow Nietzsche as well who was professing the call of the courage of intellectual conscience to understand what is happening around and to change it.

All in all, we may say that the usage of universal symbols makes Aitmatov's works most significant. The use of archetypal, conventional, natural, literary and traditional symbols and concepts in the works

of Aitmatov, as well as the use of symbols with universal meanings occurred in almost every work in order to achieve more powerful literary effects.

Conclusion

In conclusion we can say that Aitmatov was a great writer, humanitarian and peace lover. He was a great man with great ideas. He is a pride not only to Kirgizstan, perhaps for East and Islamic world. He introduced and publicized rich culture to world people as well as the world literature. The works of writers as his children and the name of Chingiz Aitmatov have been spread among many nations. He is a great writer whose name will remain eternity.

Consequently, the interaction of concepts considered the fate and life are traced in the context of the famous novel "The Scaffold" an outstanding writer of our time Aitmatov who believed that, if fate still governs human life, then his own life, a person should be able to dispose of himself.

The subject of the study is the philosophical and spiritual and moral concepts in Ch. Aitmatov's novel "The Scaffold", such as "good" and "evil", "life" and "fate," "morality," "plow," the national picture of the world represented by the ethnocultural concepts of the Turkic People. The fragments of the national picture of the world described in Ch. Aitmatov's novel "The Scaffold", represented by concepts, archetypes and symbol images. The novelty of the research lies in the fact that in analyzing the conceptual picture of the world of Aitmatov's novel "The Scaffold", philosophical and spiritual-moral concepts were revealed and their methods and methods of expressing the national identity, ideological, philosophical and aesthetic features of the writer's artistic worldview were studied. The idea of using concepts in a work and their semantic influence on the reader's consciousness are revealed.

Литература

- 1 Акматалиев А. Айтматовское слово // Айтматов Ч.Т. «День длится больше ста лет (Белое облако Чингисхана), «Лицом к лицу: роман, история»- Бишкек, 1991. – С. 446-478.
- 2 Гачев Г. Задумавшийся скиф. О Чингизе Айтматове и его романах. – М.,1980. – С. 585-606.
- 3 Жуков И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Глоссарий межкультурной коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 632.
- 4 Жаксылыков А.Ж. Миф в парадоксальном контексте // Айтматовские чтения. – 2015. – Бишкек. – С. 172-183.
- 5 Абишева У.К., Когай Э.Р. Литература Центральной Азии. Архетипы. Мифологемы. Концепции. – Алматы: Пресс-служба Казахского университета, 2016. – 192 с.
- 6 Жолдасбекова Б.У., Мейрамгалиева Р.М., Туманова А.Б., Аманбаева Ю.К., Кенжеева К.Т. Параболический смысл и работы Чингиза Айтматова // Международный научный журнал «Наука и мир». – 2015. – № 9. – С. 22-30.

References

- 1 Akmataliev A. (1991). Aitmatovskoe slovo. [Aitmatov word.] Bishkek, p. 446-478. (In Russian)
- 2 Abisheva U.K., Kogay E.R. (2016). Literatura Centralnoi Asii. Archetypi. Mythologemi. Concepti. [Literature of Central Asia. Archetypes. Mythologems. Concepts.] Almaty: Kazakh University Press, 192 p. (In Russian)
- 3 Gachev G. (1980). Zadumavshisia skiff. O Chingize Aitmatove i o ego novella. [Ponderer skiff. About Chingiz Aitmatov and his novels.] M., p. 585–606. (In Russian)
- 4 Zholdasbekova B.U., Meiramgaliева R.M., Tumanova A.B., Amanbaeva Yu.K., Kenzheeva K.T. (2015). Parobalicheskyi smisl i raboti Chingiza Aitmatova. [Parabolic meaning and Chingiz Aitmatov's works.] 22 p. (In Russian)
- 5 Zhukov I.N., Lebedko M.G., Proshina Z.G., Yuzefovich N.G. (2013). Glossary mejkulturnoi kommunikacii. [Glossary of intercultural communication.] Moskva: Flintra, 632 p. (In Russian)
- 6 Zhaksylykov A.Zh. (2015). Mif v parodoksalnom kontekste. [Myth in a Paradoxical Context.] Bishkek, p. 172-183. (In Russian)

Шанаев Р.У.,

докторант 1 курса Казахского национального университета им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
аспирант 1 курса Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва,
e-mail: rus.shanaeff@gmail.com

**МИФОЛОГЕМА «ГОРОД»
В РОМАНЕ Н. ВЕРЕВОЧКИНА «ЗУБ МАМОНТА»**

В статье рассматриваются методы исследования мифологемы «город» в романе Н. Веревочкина «Зуб мамонта». Мифологический метод способствовал расширению границ казахской литературы, появлению новых направлений. Утверждается, что тема города служит мифопоэтической основой в произведении Н. Веревочкина «Зуб мамонта». Автор объясняет, что город, становится объектом мифологизации. В статье рассмотрена символическая составляющая мифологемы «город» в романе Н. Веревочкина «Зуб мамонта». Город обладает ментальной силой, способной формировать сознание людей и придавать определенный характер возникшей в нем культуре.

Ключевые слова: мифологема, город, роман, мифологический метод, писатели Казахстана.

Shanaev R.U.,

1 course doctoral student of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
1 course post-graduate student RUDN University, Russia, Moscow,
e-mail: rus.shanaeff@gmail.com

The mythologem “city” in the novel “Mammoth’s Tooth” by N. Verevochkin

In the article methods of studying the mythologeme “city” is considered in N. Verevochkin’s novel “Mammoth’s Tooth”. Mythological method promoted the expansion of the boundaries of Kazakh literature, the emergence of new directions. The theme of the city is asserted that it serves as a mythopoetic basis in the work by N. Verevochkin. The author explains that the city becomes an object of mythologization. In the article the symbolic component of the mythologem “city” is considered in N. Verevochkin’s novel “Mammoth’s Tooth”. The city has a mental power capable of forming people’s consciousness and giving a certain character to the culture that has arisen in it.

Key words: mythologeme, city, novel, mythological method, writers of Kazakhstan.

Шанаев Р.У.,

әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 1 курс PhD докторанты. Қазақстан, Алматы к.
РУДН университетінің 1 курс аспиранты, Ресей, Мәскеу к.,
e-mail: rus.shanaeff@gmail.com

Н. Веревочкиннің «Зуб мамонта» шығармасындағы «қала» мифологемасы

Мақалада Н. Веревочкиннің «Зуб мамонта» шығармасындағы «қала» мифологемасын зерттеу әдістері қарастырылады. Мифологиялық, әдіс Қазақстан әдебиетінің шекараларының кеңеюіне, жаңа бағыттардың пайда болуына себебін тигізді.. Қала тақырыбы Н. Веревочкиннің «Зуб мамонта» шығармасындағы мифопоэтикалық, негізі болып табылады. Автор қаланың мифологизациялау нысаны болып табылатынын түсіндіреді. Мақалада Н. Веревочкиннің «Зуб мамонта» «қала» мифологемасының символикалық, бөлігі қарастырылады. Қала мифологемасы халықтың санасын қалыптастыруға және оған белгілі бір сипат беруге қабілетті қасиетке ие.

Түйін сөздер: мифологема, қала, мифологиялық, әдіс, роман, Қазақстан жазушылары.

Введение

Последние годы прошедшего столетия породили процесс активного обращения казахстанских писателей к мифотворчеству. Художники слова стали возрождать национальную память народа, разрушать мифологические догмы, установленные советской властью. Это способствовало расширению границ казахской литературы, появлению новых направлений. Мифы XX века в произведениях современных писателей ориентированы на современную историю, современное бытие и быт, на раскодирование архаических истоков мифа.

Мифологизм прозы современных казахстанских авторов объясняется стремлением исследовать с помощью мифа современное состояние общества, понять первопричины бед и катастроф, угрожающих существованию человека, и вступить в спор с рационализмом и прагматизмом современной цивилизации. Мифологизации в культуре XX века поддается любое явление жизни. Такое явление, как город, тоже становится объектом мифологизации.

«Город обладает ментальной силой, способной формировать сознание людей и придавать определенный характер возникшей в нем культуре» (Баянбаева Ж.А., 2016). Тема города служит мифопоэтической основой в произведении Н. Веревочкина «Зуб мамонта». Роман Николая Веревочкина «Зуб мамонта» представляет собой сложное жанровое образование, так утверждают без исключения все исследователи. У него немногого интригующий подзаголовок – «Летопись мертвого города», в нем в мельчайших подробностях представлена советская действительность, в деталях переданы перипетии жизни первых целинников в североказахстанском городе. Точкой отчета истории является деревня Ильинка, ушедшая под воду ради нового города Степноморска, который стал воплощением мифа-мечты о рае: он воировал все лучшее от города и деревни, и люди в нем особые, живущие по совести и в гармонии с собой, природой и обществом, влюбленные в свой город.

Новый город как новый безгрешный мир, ковчег, который не спас от потопа, зуб мамонта, которого потревожили строители города. Гибель города предстает как наказание за это святотатство. Жители города – это тоже мамонты, тип сильных и нравственных людей-созидателей, которым нет места на этой земле.

Эксперимент

Город в урбанистических произведениях Веревочкина совершенно меняет героев, исключая их возвращение в родной дом в провинции: они становятся другими людьми с другими взглядами на жизнь и изувеченными судьбами. Покинув дом, героям так и не удается спрятаться от давления и обрести счастье на чужбине. Желание вернуться в родной городок ассоциируется с библейским примером древних израильтян, которые хотели найти землю обетованную. После долгих поисков они так и остаются с нереализованной мечтой. Таков, на наш взгляд, один из лейтмотивов прозы Н. Веревочкина.

Город, как нам известно, это великое достижение цивилизации, а деревня, или провинция, понимается зачастую как движение назад. Но у писателя иной взгляд на эту проблематику: «Если Бог существует, то он живет в провинции...», – говорит один из героев Н. Веревочкина (Веревочкин, 2001: <http://www.detectivebooks.net/book/30320343/#read>).

Как пишет В. Савельева, тематический диапазон содержания романа «тесно увязан с такими проблемами современности, как отцы и дети; наркомания; обнищание и социальное расслоение общества; сомнение в разумности проповеди вечных нравственных и правовых норм; тоска по вечным ценностям и стабильности; проблема вынужденной миграции; кладбищенская тема; тема «дна» жизни и смерти и, конечно, всегда близкая Н. Веревочкину экологическая проблема» (Савельева, 2015).

Несмотря на замкнутость, герметичность города, его пространство преувеличено хрупко. Нарушить целостность городской оболочки способен даже стук сердца, сотрясающий городское пространство. Символика жизни, таким образом, способна преодолеть символику смерти, то есть зов Эроса доминирует здесь над зовом Танатоса, если воспользоваться терминологией З. Фрейда. И в этом также заключается парадокс, ведь город изначально мыслится нами как мертвый благодаря явно выраженной в заглавии авторской интенции. До фабульной реконструкции сюжета о городке Степноморске определение «мертвый» мыслится как инвариантное, т.е. оно принадлежит к любому из описываемых в романе городских топосов. В первой части романа («Небоскреб из самана») роль мертвого города отведена Алматы, куда Руслан возвращается после года жизни в Степноморске. Город наполнен

неживыми объектами. Трамваи перевозят «живые трупы», в которых не нашлось места душам.

На месте вымерших книжных магазинов строятся банки,очные клубы и салоны красоты (мотив разрушения прежней аксиологии, нацеленной на культуру и нравственное развитие). Городская «яма» гниет заживо.

Действительно, в мире Мертвого города «человек человеку вор»; люди измельчали до тараканов («Таракан – это звучит гордо!» – парефразирует Бивень афоризм Горького). Само измельчание людей и места их обитания представлено в карикатурно искаженных прецедентных текстах. Так, например, в Степноморске существовал когда-то собственный театр на Поганке. Речка Бурля настолько неказиста, что «редкая птица не перейдет ее вброд». Это, как видим, перекличка со знаменитым гоголевским описанием Днепра, которое стало хрестоматийной гиперболой в русской художественной литературе. Редкая птица долетит до середины Днепра – данный претекст воплощает не только идею преклонения художника перед родной природой, но и актуализирует масштаб жизненного потенциала народа, потому как реки издревле воспринимались как артерии человеческого существования. В главе «Вкус дикой вишни» город еще живет и, казалось бы, культурно развивается, но автором уже даны пометы его трагической судьбы. В своем «театре на Поганке» герои разыгрывают сцены из «Вишневого сада» А. Чехова. У читателя возникают ассоциации с проблематикой чеховской пьесы, ее неразрешимыми вопросами: гибелью старого мира, неотвратимо уходящего в прошлое, и наступлением капиталистической эры выгоды и экономической целесообразности.

Результаты и обсуждение

Мертвый город – это город-химера. Он был построен вопреки природе, что сообщает ему символику инфернальных городов наподобие Петербурга или Венеции. Это одновременно «город на воде» и «город на холме» в терминологии Ю.М. Лотмана (Лотман Ю.М., 1993). Первая парадигма сопряжена с темами обреченности на уничтожение, вечного вызова и непрекращающейся битвы со стихией. Вторая, напротив, развивает идею вечного града (Рим, Константинополь, Москва). Оба семантических комплекса раскрываются по мере развития сюжета. Трещина в плотине с каждым годом становится все более глубокой из-за постоянных взрывов, ини-

цированных алчным кладоискателем Шумным, поэтому степноморцы ожидают прорыва вод и живут ощущением скорого «конца света». Стоит отметить, что подобным ощущением живет и Руслан в Алматы. Предвосхищение сейсмической катастрофы заставляет героя заподозрить мир «в скором исчезновении». В то же время Степноморск – это «вечный град», но град особого типа: Некрополь. Его образ концентрирует кладбищенскую семантику на протяжении всей фабульной траектории. На этапе предзамысла, когда городу только предстоит быть возведенным, Степноморск получает свою первую жертву – затопленную Ильинку. Далее мотив смерти разворачивается через цепь пролептических образов, указывающих на будущие трагические события. Козлов в процессе градостроительства раскапывает кости мамонта. Известно, что млекопитающие такого типа редко погибали по одиночке; как правило, они приходили умирать на свои родовые кладбища, из чего следует, что Степноморск возводится на территории мертвой зоны. О символике мамонта и его мифопоэтическом потенциале мы скажем отдельно. Сейчас отметим, что кости – очень емкий в плане расшифровки архетип.

В предыстории Степноморска – затонувшая подобно Атлантиде Ильинка. Нынешняя же история начинается со дня строительства города, который творит свои мифы, среди которых первая смерть и место на мосту, названное в честь этой смерти. За пределами этого человеческого общества первопроходцев – мир девственной древней природы. «Но стоило сделать несколько шагов в темноту из этого уютного светового облака, и ты погружался в другое тысячелетие. Там дули древние ветры, влажные от невидимых туманов над реками и озерами без названий. Тревожно шелестела листва, шуршали травы под ногами крадущихся зверей, тоскливо кричали ночные птицы, и стогами свежего сена на фоне молодой луны темнели силуэты мамонтов».

Мысли о «смерти цивилизации» посещают умы степноморской интеллигенции, заставляют думать о прошлом. «Ты знаешь, что люди селились здесь три тысячелетия назад? Что за люди? Откуда пришли? Куда ушли? Никто тебе не скажет. От них даже развалин не осталось. Одни кости» (Веревочкин, 2001: <http://www.detective-books.net/book/30320343/>).

При этом нет и намека на тех людей, что селились здесь до Ильинки, жили рядом с ней.

Павла Козлова и его сына тревожит образ мамонта, чьи кости были потревожены во время строительства. Кладбище Ильинки было перенесено в Степноморск, сюда же переехали ее бывшие жители. А что сталоось с другими могилами, оставшимися под водами Степного моря?

Заключение

В Степноморске в гармонии живут и коренные жители Ильинки, и казахи, и осевшие в полюбившемся городке странники, один из которых с достоинством представляется: «Гофер – существо без родословной. Национальность человек» (Веревочкин, 2001: <http://www.detectivebooks.net/book/30320343/#read>).

Герои романа пытаются понять причину катастрофы, случившейся с их родным городом и в таких ситуациях становятся философами, поднимаются над бытом и превращаются в некие символы, тайные знаки, при помощи которых автор реализует свой замысел – показать, как сложились судьбы русских интеллигентов в Казахстане.

Символичен и сам сюжет о том, как в мертвом городе встретились два обреченных человека, и спасая друг друга, каждый спас себя. Выжить и спастись – не одно и то же, когда речь идет о душе. Спасающему трудно истребить в себе человека. Поэтому Руслан продолжает спасать людей, лечит наркоманов от той напасти, которой был подвержен в юности.

Литература

- 1 Баянбаева Ж.А. Алма-Ата в прозе Ю. Домбровского // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность // <http://journals.rudn.ru/education-languages/issue/view/807>
- 2 Веревочкин Н. Зуб мамонта. Летопись мертвого города // <http://www.detectivebooks.net/book/30320343/#read>
- 3 Савельева В. Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра // Спб.: Нева, 2015. – № 12.
- 4 Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. – Спб.: Фкиц эйдос, 1993. – С. 84–94.

References

- 1 Bayanbaeva Zh.A.(2016). Alma-Ata v proze Yu. Domrovskogo. [Alma-Ata in the prose of Yu. Dombrovsky]. Bulletin of RUDN University. Series: Education Issues: Languages and Specialty // <http://journals.rudn.ru/education-languages/issue/view/807>
- 2 Lotman Yu.M. (1993). Gorod I vremya [City and time. Metaphysics of Petersburg. Petersburg readings on the theory, history and philosophy of culture]. St. Petersburg: Fokits Eidos. Pp. 84
- 3 Savelieva V. (2015). Rasskazy v sovremennoi proze Kazahstana: krititka I aktualizacia zhanra [Stories in modern prose of Kazakhstan: criticism and actualization of the genre]. Neva. No 12.
- 4 Verevochkin N. (2001). Zub mamonta. Letopis' mertvogo goroda. [Mammoth's tooth. Chronicle of a dead city]. <http://www.detectivebooks.net/book/30320343/#read>

Zhusanbayeva A.T.,

Senior Lecturer of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: zhusanbaeva70@gmail.com

HISTORY OF TRANSLATIONS OF R. BURNS'S LYRICS INTO RUSSIAN

The article is devoted to the study of the history and theoretical principles of translation the poetry R. Burns into Russian. As the comparative analysis has shown, translations can contain conditional changes in comparison with the original and these changes are absolutely necessary and justified, if the goal is to create a similar unity of form and content on the material another language, however the same analysis confirmed that the equivalence of the translation depends both on Volume, and on the nature of these changes. The article explores the main types and principles of translations, which translators resort to when recreating the work of R. Burns in Russian during the XIX-XX centuries.

Key words: theory of translation, comparative analysis of translation, poetic translation, literary translation, lyric poet, national poet R. Burns.

Жусанбаева А.Т.,

әл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: zhusanbaeva70@gmail.com

Р. Бернс лирикасын орыс тіліне аудару тарихы

Атапмыйш мақала Р. Бэрнс поэзиясының орыс тіліне аударудағы теориялық және тарихи қағидаларды қарауға арналады. Салыстырмалы талдау жүргізу нәтижесі аударма жасаған кезде түпнұсқамен аударманың арасында шартты өзгерістер болатынын, және ол өзгерістердің қажеттілігі мен орындылығы дәлелденіп отыр, түпнұска іспетті, сол тілдің пішіні мен мазмұнын сақтай отырып ұқсас дүние шығару басты мақсаттың бірі болса, сол талдау, аударманың эквиваленті жұмыстың көлеміне байланысты екенін, сондай-ақ оның өзгеруіне тәуелділігін көрсетеді. Мақалада аудармашылар XIX-XX жылдардағы орыс тіліне деген Р. Бернстің шығармашылығындағы тақырыпты аударманың негізгі түрлері мен талаптары ретінде қарастырып, зерттейді.

Түйін сөздер: аударма теориясы, салыстырмалы талдау, шумакты аударма, көркем шығармашылық аударма, лирик, халық ақыны Р. Бернс.

Жусанбаева А.Т.,

ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: zhusanbaeva70@gmail.com

История переводов лирики Р. Бёрнса на русский язык

Статья посвящена изучению истории и теоретических принципов перевода поэзии Р.Бёрнса на русский язык. Как показал проведенный сравнительный анализ, переводы могут содержать условные изменения по сравнению с оригиналом и эти изменения совершенно необходимы и оправданы, если целью является создание аналогичного оригиналу единства формы и содержания на материале другого языка, однако тот же анализ подтвердил, что эквивалентность перевода зависит как от объема, так и от характера этих изменений. В статье исследуются основные типы и принципы переводов, к которым прибегают переводчики при воссоздании творчества Р.Бёрнса на русский язык на протяжении XIX-XX столетий.

Ключевые слова: теория перевода, сравнительный анализ перевода, стихотворный перевод, художественный перевод, лирик, народный поэт Р. Бёрнс.

Введение

All the translators of R. Burns in Russian – are worthy continuers of the best traditions of the Russian translation school. The founders of this tradition are rightly considered V. Zhukovsky and A. Pushkin, and its meaning is that “the translator in verse is not a slave, but a rival”.

Russian literature for centuries of its historical development was enriched due to the translation work of a great galaxy of literary figures: beginning with Gnedich and Zhukovsky, Russian writers undertook the translation of artistic texts from European languages – French, English, German, from ancient languages (Latin, Greek), translated literature of East and Asian countries.

Zhukovsky and Pushkin assumed that only great creative freedom in relation to the original gives the translator the opportunity to convey the poetic values of the original in all their originality in their native language. But the poetic value of a work of art is determined by the ideological depth and fidelity of the cognition of real life and its reflection in artistic images. “Therefore, the task of an interpreter is not only to accurately translate what has been said in one language into another language; artistic translation must transfer the poetic values of one literature to another literature” (Левин, 1985: 207). So, Pushkin and Zhukovsky as interpreters did not strive for literal accuracy, but for poetic precision and, above all, for a translated poem or poem to become a fact of Russian poetry. These are translations of Zhukovsky from Goethe, Schiller, Walter Scott, Byron and other poets, Pushkin’s translations from Horace, Voltaire, Chenier, Mickiewicz.

In the future this tradition continued in Russian poetry (Lermontov, Tyutchev, A.K. Tolstoy, Kurochkin, Mikhailov, Bryusov, Blok), and it is with it that all the victories of the Russian translation school are connected, the distinguishing features of which were noted by the classics of revolutionary democratic criticism – V. Belinsky, N. Cherny-Shevsky, N. Dobrolyubov.

In Russia, Burns became well-known at the turn of the XVIII and XIX centuries. In 1832, Lermontov translated the quatrain of Burns, which was set by Byron to the “Abydos bride” epigraph. Shevchenko, Ogaryov, Belinsky were referred to Burns, as to remarkable lyric poet and great folk poet. In the “Sovremennik” journal the wonderful, for their time, translations were printed from Burns, made by the revolutionary M.L. Mikhailov.

In Russia, Burns found a second home. The translation of it began more than a hundred years

ago. One of the first judgments of Russian criticism about his work is set forth in the introductory article to the “Collection of exemplary Russian works and translations in verse published by the Society of the Amateurs of the Russian Literature”, and compiled by Professor Sreznevsky. In 1800, the magazine “Ippokrena” published a prose translated by Burns “In Honor of Thomson” poem. Among the first Russian translators of Burns Ivan Kozlov (1779-1840) should be named. Until now, his “Evening ringing” romance. In 1829 he published a separate edition of the “Rural Saturday Night in Scotland” poem, which he himself defined in the subtitle as “a free imitation of Burns”. By the free implementation of the “Saturday Evening” in formal terms Kozlov added almost correct translation of the “Mountain daisy, which I crushed with my plow” poem. From the Spencer stanzas in the “free arrangement” Kozlov left no trace, but Kozlov tried to reproduce the “standard gabby” written by the “Mountain Daisy”, refusing only a four-fold rhyme, replacing it with a couple of verses – in fact, with the “standard gabbi” “M. Mikhailov also dispensed with printing his translations from Burns in the “Sovremennik” for 1856 – the earliest of those that have preserved their value to the present day, not only historical but also poetic. Pushkin’s “gabbi” resurrected only in the translations of Nikolai Bakhtin (N. Novich) (1866-1940) and T. Shchepkina-Kupernik, but reached a splendor – in the translations of Marshak.

Эксперимент

Another one which is now unknown, discoverer of Burns for the Russian-speaking public, was Weinberg Peter Isaevich (1831-1908) – poet, translator, historian of literature. He collaborated in “Sovremennik”, “Otechestvennye Zapiski”, “Russkoye Slovo”, “St. Petersburg Vedomosti” and other publications, publishing poems, translations, articles. Known as the translator of Heine, Dante, Schiller, Sheridan, Burns, Shelley, Musset, Dumas, Sardis, Ibsen, Mickiewicz. His “He was a titular councilor” poem, which was put on music by A.S. Dargomyzhsky.

In 1829 in the “Moscow Telegraph” journal of A. Polevoy an article about the life and works of R. Burns appeared. The author of the article informs for the first time the Russian reader about the biography of the Scottish poet and points to Kozlov as an interpreter who introduces the Russian public “with this wonderful poet”. It is interesting that the article also gives a criticism of Kozlov’s translation, which, according to the author of the article, did not

understand Burns's character and presented it to the Russian reader in a distorted form. The author of the article reproaches Kozlov that he saw only an idyll in the Scottish poet that he "considered Burns to be a simple peasant who, incidentally, sings on a poetic pipe. We esteem this as the main mistake of the Russian translation," continues the author of the article," because he reminds us not the fiery singer of Scotland ..., but of a simple peasant who very nicely tells about his rural life " (Левин, 1985: 211). He was obviously familiar with Burns's works, which bear a completely different character than those that were translated into Russian by Kozlov. He criticizes Kozlov's translation of the "The Sabbath Evening of the Villager" poem for distorting the meaning of the Burns lines and notes more successful translation of "To the field daisy" – a translation in which Burns is more visible and understandable for the Russian reader. In 1835 a new translation by Kozlov "To the field daisy" appeared, conveying the naturalness and intimacy of the intonation of the original. In the 20's and 30's of the XIX century in the Russian "Telescope" magazines, "Otechestvennye zapiski", "Library for reading", etc. there are some articles about Burns. So, in 1837, the "Robert Burns" article, which belonged to O.I. Senkovsky. The article presented the original experience of translating "John Barley Grain" in the style of the Russian folk epic. Burns' ballad was entitled by the translator "Ivan Erofeevich – Grain Corn".

Poems of Burns were also read by Alexander Pushkin. A volume of his poems lay on the table by Pushkin and is still kept in the Pushkin apartment museum. But, it is only cut to 23 pages – obviously, it was not easy for Pushkin to read these verses, because many of them were written in the Scottish dialect. In 1832, four lines from the poem of Burns, which served as an epigraph to the "Abydos bride" by Byron, was translated by another great Russian poet – Lermontov, who was then eighteen years old.

" If we were not children,
If you did not love blindly,
Did not meet, did not say goodbye,
We would not have suffered with suffering
"(Левин, 1985:58).

In 1847, a man whose poetic fate most closely resembles his fate – the great Ukrainian poet T.G. Shevchenko wrote about Burns. He writes: "And Burns is still a poet of the people and the great one". And further he points out that "In order to know people, one must live with them. And in order to describe their life, it is necessary to become a person,

not a paper scraper" (Левин, 1985:58). Shevchenko understood the main thing in Burns – his closeness to the people, his accessibility.

In the middle of the XIX century, a number of articles appeared on Burns and new translations of his works by V.S. Kurochkin, one of the best translators of the time, a well-known satirical poet. In addition, the period includes translations of the outstanding figure, friend and associate of Chernyshevsky and Dobrolyubov, a revolutionary-democratic critic and publicist Mikhail Larionovich Mikhailov (1829-1865). Mikhailov translated a lot from English poets. He chose poems that were close to him in spirit: a revolutionary poet, he fell in love with Burns, who was the same rebel. In his translations he brilliantly conveyed the freedom-loving pathos of Burns's poetry, and the breadth of his courageous, life-affirming humanism, and the spirit of struggle and action that characterizes his best works. Unfortunately, Mikhailov translated only 10-15 poems of the poet: prison and exile early put an end to his political and translational activities.

In 1860, in an article devoted to the "Kobzar", T. Shevchenko, Mikhailov called Burns "a wonderful folk poet" and wrote that the power of poetic feelings, a deep hearted understanding of the hardships and needs, the sorrows and joys of the people, an artless, and speech" (Лотман, 1991: 12) Burns, Shevchenko, Koltsov are close to each other. Mikhailov translated "John Anderson, dear friend", "To the field mouse," "To the daisy cut by the plow", "Plowman", "John Barley Grain", "Evil fate".

Great Russian critic V.G. Belinsky highly appreciated poetry of Burns, putting the poet's name on a par with the names of prominent writers and poets of the past, whose work is the richest treasury of lyric poetry.

In the 50s of the XIX century A.N. Nekrasov acquainted with the work of Burns. It is known that Nekrasov, who did not know the language on which Burns wrote, asked Turgenev to make for him an interlinear translation of the songs of a Scottish bard to enable him to translate them in verse.

A poet of great poetic mastery, he felt that Mikhailov's translations still did not convey that magic, that poetic perfection of Burns, with which Nekrasov himself, who did not know English, judged from the words of I.S. Turgenev, a hot admirer of Burns. In a letter to Spassky for Turgenev, dated July 30, 1855, Nekrasov writes: "And here's another request to you: I had a painful desire to get to know at least a little about Burns, you once worked on it, even wanted to write about it, probably it will not be difficult for you to translate one

or two plays for me (prose, you choose it). Attach the size of the original, designating it with some Russian verse ... – I, perhaps, will try to shift it into poems. Please, perspire me, at least send me one page for the first time" (Лотман, 1991: 99). Turgenev gave response in 10 days: "I'm sure in advance that you will be delighted with Burns and you will translate it with pleasure. I promise you to make an excellent choice and to apply a meter, – Burns is a pure spring of poetry" (Лотман, 1991:101). And Nekrasov in a letter to A.V. Druzhinin dated August 6, 1855: "Turgenev, thanks to him, undertook to translate from Burns for me" (Лотман, 1991: 112).

However, translations of Nekrasov from Burns are still unknown. Nevertheless, the "Sovremennik" magazine, led by Nekrasov, repeatedly introduced Russian readers with Burns.

The mention of Verne Ogarev in the foreword to the "Russian secret literature" collection (London, 1861) also refers to this period, there he wrote about the special popularity of Burns among the Scottish people and refers to Burns as an example of a truly national poet.

However, the first translator, who really acquainted the Russian reader with Burns, is to consider the poet-devotee, who was exiled by the tsarist government to Siberia to hard labor, – M.L. Mikhailov. For the first time he gave his compatriots translations of such famous poems as "John Barley Grain", "Field Mouse", "Mountain Daisy", "John Anderson" and others.

At the end of the XIX century, in connection with the centenary of the death of Burns, in Russia there were more people interested in the poet. On the pages of "Russian Wealth", "Russian Thought", "Education", "Herald of Europe" Russian magazines, new articles and translations of I.I. Novich, O. Chumina, O. Mikhailov, A. Fedorov. In the article of M. Tsebrikova, which is placed in the "Thought" journal says: "The people will repeat his songs ... because he will find an expression of his feelings, his thoughts, his life in them" (Левин, 1985:245). The author emphasizes that the poet expresses all the grief in his songs that has accumulated over the heart of the people for centuries, repeating, "we have the right to a better share".

New translations are also coming out. In 1897 a collection of verses by Burns was published in Moscow as a separate book. In 1904, the "Cheap Library" published more complete collection of "R. Burns and his works in the translation of Russian writers". The price of this book was only 20 cents – it was, therefore, available to the widest range of

readers. Selection of poems and poems gave a fairly correct idea of the work of Burns.

However, only after the revolution, the poetry of the great Scotsman was appreciated in Russia. He began to translate not only into Russian, but also into the languages of many nations of the Soviet Union. Many poems of Burns were put to music by the best Soviet composers – Shostakovich, Sviridov, Kabalevsky, Khrennikov.

The engravings for his "Ballads and Songs" are made by such a remarkable Russian artist as V.A. Favorsky.

In the 20s of the 20th century, Burns translated Eduard Bagritsky and T.L. Shchepkina-Kupernik, which greatly expanded the acquaintance of the Russian reader with the Scottish poet. In the translations of Bagritsky and Shchepkina-Kupernik, Burns appears as a wonderful chronicler of the Scottish people in front of the Russian reader, a subtle and penetrating lyricist who deeply understands and loves nature.

The publication of Burns's works was included in the plans of the World Literature Publishing House of M. Gorky (not implemented). Some poems of Burns were translated by various poets, so, in 1917, the translation of the "John Barley Corn" poem by K. Balmont, was noted by all as an unsuccessful.

Burns won the true recognition, the true love of the Russian reader in translations of S.Y. Marshak. "Marshak made Burns Russian, leaving him a Scotsman", wrote the poet Alexander Tvardovsky.

He translated 216 verses and songs of Burns, and the poet spoke in a foreign language with the same amazing freedom and bribing simplicity with which he spoke in his native Scottish dialect. Translations of Marshak broke the myth of the alleged "untranslatability" of some poets.

In the 1940s "Times" newspaper in London, there was an article proving that Burns is not understandable to the British people and has limited regional significance. As one of the counterarguments in the responses to the article, Burns' great popularity in the USSR. In 1959, Marshak was elected as an honorary chairman of the Burns Federation in Scotland. Recently, Marshak's translations were often criticized as inadequate and the poems translated by Marshak are also published in translations of other authors.

Результаты и обсуждение

The modern reader finally rejoices the translations of S. Petrov, which has been underestimated so

far, have become available, and looks at the works of M. Mikhailov and T. Shchepkina-Kupernik with pleasure, which still do not lose their relevance, attentively follows the newly found correspondences of V. Rogova, M. Boroditskaya and E. Feldman.

Despite the presence of remarkable translations of Marshak, in 1963 the "Soviet Russia" publishing house published the "Robert Burns, songs and poems in the translation of Victor Fedotov" book. The book acquainted the reader with a significant number of poems of Burns, which were not translated by Marshak. And even those poems that were previously translated by Marshak in the translation of Fedotov have their original and very often not inferior version to Marshak. In 1999, the "RIPOL CLASSIC" publishing house published the "Robert Burns" book, Collection of Poetic Works with comments by E.V. Witkowski. According to the compilers of the collection, "this edition is the most complete collection of poetry by R. Burns ever made in Russian and covers almost three quarters of what he created in poetry" (Сухарев-Мурышкин, 1977:14).

The collection contains 392 translations of various authors: S. Marshak, S. Petrov, S. Aleksandrovsky, V. Shirokov, T. Shchepkina-Kupernik, E. Feldman, N. Novich, G. Zeldovich, M. Freidkin, I. Bolychev, A. Petrova, V. Rogova, M. Boroditskaya, M. Mikhailov, Ign. Ivanovsky, V. Fedotov.

New publications are addressed entirely to the present and the future, to the readers of the new era. Through the creative efforts of translators of the 19th, 20th and 21st centuries, the main Burns is almost entirely reconstructed in Russian, it is composed of classical works of the previous years (M. Mikhailov, N. Bakhtin-Novich, T. Shchepkina-Kupernik), our older contemporaries (S. Petrov, V. Rogov, I. Ivanovsky, V. Fedotov); interpreters who appeared later – Alexandra Petrova, Evgeni Feldman, Mark Freidkin, Marina Boroditskaya, Sergei Aleksandrovsky, Gennady Zeldovich, Viktor Shirokov, Igor Bolychev – completed the case, which was started in 1829 by the blind poet Ivan Kozlov: they created the Russian Burns. And this Burns is not an alternative to Marshak's work, he just has to stand up next to the reader on the same bookshelf. Much of that in previous years was impossible to speak directly, but which you can say now. Therefore, the small elected Burns of Marshak – itself, almost full "collective" Burns, accumulated by the Russian translation school for more than a century and a half

– itself. Even for works, in general, amateur, such as the translations of V. Fedotov (1963), some place in this "full" was found. Cantata "Cheerful beggars" in the translation of Sergei Petrov (1911-1988) was extracted and reconciled from the archive with an autograph published for the first time only in 1999 entirely (although, up to that time more than once – in fragments); first her mutilated version of the requirements of editors was published, but the real one, reader can only read now the authentic text. The merit of predecessors is that they created that literary space and asked almost all the necessary notes of the Burns scale, in which only these translations could be unique. In other words, in front of the Russian-speaking reader for the first time there is a picture of Burns's work, covering more than three-quarters of his poetic heritage. The Soviet legend that Burns was a poet from the plow (defender of the oppressed, and also oppressed, etc.), was only part of the truth, but genuine poetry is unlikely to have lost anything (although it did not acquire much), when suddenly it was discovered that Burns was an active freemason – one must be remembered: a Scottish Mason, which in modern language means a secular club rather than a secret society. And even that on certain days of "honest poverty" Berne preferred "the darling of George" (that is, the gold coin with the profile of the king), he did not diminish either his talent or the notorious nationality.

Заключение

Nowadays in the electronic media and the Internet, there have been extensive translations from Burns by Yuri Knyazev, Andrey Kuznetsov, literary parodies of Marshak's translations of Axel Bracelet were mentioned.

Poetic translations of Vladimir Kovalevsky were worthy of attention of serious scientists and the general public. His first attempts at author's translations began with poems by Longfellow. Then there were Thomas Moore, Robert Burns, and finally Shakespeare. Kovalevsky dared to test himself in the VII international competition of poetic translations of foreign authors. The court of connoisseurs of English poetry presented the translation of R. Burns's "Monument to the Dog" poem. And Kovalevsky became the winner again, surpassing, as it turned out later, in his ability of famous masters of literary translation.

Литература

- Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: 1998. – 245с.
- Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. – Л.: Наука, 1985. – 299 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1991. – 245 с.
- Попович А. Проблемы художественного перевода: Учеб. Пособие / Пер. со слов. – М.: Высш.шк., 1982. – 289 с.
- Русские писатели о переводе. XVIII-XX вв. / Под ред. Ю.Д. Левина, А.В. Федорова. – Л.: Советский писатель, 1960. – 696 с.
- Сухарев-Мурышкин С.Л. Некоторые особенности строфического стиха и стихотворный перевод. Сборник научных работ. – Л.: Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А.И. Герцена, 1977.
- Твардовский А.А. О поэзии Маршака // Маршак С.Я. Собр. соч. в 8 Т. – Т. 6. –М.: Худ.литература, 1971. – 325 с.

References

- Komissarov. V.V. (1998). Teoriy perevoda [Translation theory]. – M.: 1998. – p. 245. (in Russian).
- Levin Y.D. (1985). Russkie perevodshiki XIX veka i razvitiye hudozhestvennogo perevoda. [Russian translators of the XIX century and the development of literary translation]. – L.: Nauka. – p. 299. (in Russian).
- Lotman Y.M. (1991). Struktura hudozhestvennogo teksta. [Structure of artistic text]. – M., 1991. – p. 245. (in Russian).
- Popovich A.(1982). Problemy hudozhestvennogo perevoda. [Problems of literary translation: Textbook/ Trans.words]. – M.: Vysshay shkola. – p. 289.(in Russian).
- Russkie pisateli o perevode. XVIII-XXv.v. [Russian writers on the translation. XVIII-XX centuries].(1960). / Edited by Y.D. Levin, A.V. Fedorova. – L.: Sovetskii pisatel. – p. 696. (in Russian).
- Sukharev-Muryshkin S.L. (1977).Nekotorye osobennosti stroficheskogo stiha I stihotvornyi perevod. [Some features of the verse and verse translation]. Sbornik naushnyh rabot. – L.: Leningrad ordena Krasnogo Znameni gosudarstvennyi pedagogisheskii institut imeni A.I.Gersena. (in Russian)
- Tvardovskii A.A. (1971). O poezuu Marshaka. [On the poetry of Marshak] // S.Y. Marshak. Sobr.soch. v. 8. – T. 6. –M.: Hud. literatura. – p. 325. (in Russian).

МРНТИ 17.82.31

Лю Инь¹, Михайлова М.В.²,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

СТИЛИЗАЦИЯ И ТРАВЕСТИРОВАНИЕ МИФА О ЗОЛУШКЕ (рассказ «Сандрильона» Е.А. Нагродской)

Статья написана в рамках гендерных исследований в литературоведении. Авторы обратились к феминистской проблематике на примере творчества писательницы «второго ряда» Е.А. Нагродской. Авторам удалось проследить эволюцию творчества писательницы на основе ее отношения к гендерным стереотипам и феминистским установкам. Значимость работы заключается в обнаружении тесного взаимодействия творчества Е.А. Нагродской с символистским дискурсом через усвоение и интерпретацию идей дионаисийства и аполлонизма, а затем и опровержения ведущих констант символизма. Анализ рассказа Е.А. Нагродской «Сандрильона» позволил более точно определить соотношение беллетристики и высокой литературы и показал наличие большого количества «переходных ступеней» между этими литературными рядами, что может быть использовано в теоретических курсах.

Ключевые слова: гендерные исследования в литературоведении, феминистская проблематика, гендерные стереотипы, символистский дискурс, идеи дионаисийства.

Lyu In¹, Mihailova M.V.²,

Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

Styling and traveliana of the myth of Cinderella (the short story “Sandrilliona” of E.A. Nagrodzkaya)

The article is written in the framework of gender studies in literary criticism. The authors turned to feminist issues on the example of the creativity of the writer of the “second row” E.A. Nagrodskaia. The authors managed to trace the evolution of the writer’s work based on her attitude to gender stereotypes and feminist attitudes. The significance of the work lies in the discovery of a close interaction of E.A. Nagrodskaia with symbolist discourse through the assimilation and interpretation of the ideas of Dionysius and Apollonism, and then the refutation of the leading constants of symbolism. Analysis of the story E.A.Nagrodskaia “The Sandrillon” of Nagorno made it possible to more accurately determine the ratio of fiction and high literature and showed the presence of a large number of “transition stages” between these literary series, which can be used in theoretical courses.

Key words: gender studies in literary criticism, feminist issues, gender stereotypes, symbolist discourse, ideas of Dionysius.

Лю Инь¹, Михайлова М.В.²,

М.В. Ломоносов ат. Мәскеуік мемлекеттік университеті,
Ресей, Мәскеу, e-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

Құлше қызы мифінің стилизациялануы (Е.А. Нагродская «Сандрильон» әңгімесі)

Мақала әдеби сын бойынша гендерлік зерттеулер шеңберінде жазылған. Авторлар «екінші қатардағы» жазушы Наградская Е.А. шығармашылығының мысалында феминистикалық мәселелерге бет бүрды. Авторлар гендерлік стереотиптерге және феминистік көзқарастарға деген көзқарасы негізінде жазушының жұмысының эволюциясын қадағалай алды. Жұмыстың

маңыздылығы Нагродская Е.А. шығармашылығындағы дионис пен аполлонизм идеяларын ассилияциялау және түсіндіру арқылы символдық дискурс, содан кейін символизмнің жетекші тұрақтыларын жоққа шығаруда байқалады. Нагродская Е.А. әңгімесін талдау. «Сандрилон» көркем әдебиет пен фантастика қатынасын неғұрым накты анықтауға мүмкіндік берді және теориялық курстарда қолдануға болатын осы әдеби сериялар арасында көптеген «өтпелі кезеңдер» болуын көрсетті.

Түйін сөздер: әдебиеттанудағы гендерлік зерттеулер, феминистикалық мәселелер, гендерлік стереотиптер, символдық дискурс, дионисий идеялары.

Введение

Е.А. Нагродская (1866-1930), дочь А. Панаевой и секретаря редакции «Современник» А. Головачева, приобщилась к творчеству достаточно рано. Была близка к театральной среде, до второго замужества публиковалась в разнообразных газетах не очень высокого уровня. Все изменилось с выходом в свет ее романа «Гнев Диониса» в 1910 г., который стал буквально сенсацией даже на фоне ярких выступлений художников всех направлений. Это было связано с остротой проблематики произведения (Нагродская «собрала» в один узел наимоднейшие теории своего времени – от Ницше до Вейнингера), в связи с чем писательницу зачислили – причем не очень обоснованно – в ряды феминисток. С этого времени и до ее отъезда в эмиграцию ее имя постоянно привлекает к себе внимание критиков, хотя последующие за «Гневом Диониса» произведения уже не получают столь широкого отклика, и постепенно к ее имени прочно прикрепляется ярлык «бульварной писательницы». Это особенно обидно, что была почти проигнорирована ее малая проза, хотя именно в ней Нагродской удалось по-новому и достаточно оригинально прикоснуться к идейным и художественным поискам своего времени, вступить в спор с модернистскими установками и наметить собственную художественную программу. В данной статье мы осветим только отдельные аспекты ее малой прозы, а именно: travestирование и стилизацию.

Эксперимент

Назвав свой рассказ «Сандрильона»¹, Нагродская прямо отсылает читателя к французскому источнику – сказке Ш. Перро (1697), героиней которой является замарашка². Писательница несколько переинчила источник,

в котором прекрасная падчерица выполняет всю грязную работу по дому, пока ее сводные сестры весело проводят время в разного рода развлечениях. У Нагродской Эмеранс – не падчерица, а кривобокая старшая дочь полковника де Каскарю, вдова которого после его кончины еле сводит концы с концами. И нет феи, которая помогает Эмеранс попасть на королевский бал, нет и влюбленного принца. А тем более нет никакой детективной истории с отысканием исчезнувшей красавицы с помощью хрустального башмачка. Все намного приземленнее и проще, хотя некоторые изменения в мифологической первооснове уже проводились ранее. Так, в опере-буфф Дж. Россини «Золушка, или Победа кротости» (1817) злая мачеха заменена на злого отчима, а хрустальная туфелька становилась браслетом. Но никогда еще изменения не были столь радикальны, как у Нагродской, что было достаточно смело, т.к. миф о вознаграждаемой доброте уже начинал тиражироваться в женской литературе XIX века (напомним о романе Ш. Бронте «Джен Эйр») и постепенно укоренялся в массовой литературе начала XX столетия (и не только в женских романах, но и в кинематографе, став устойчивой схемой немых кинолент). Впоследствии это вылилось в сюжетную канву так называемого «розового романа» неизменно сводимого к мытарствам презираемой и унижаемой добродетели, получающей в конце концов любовь избранника с богатством в придачу. Достаточно напомнить, что она усердно эксплуатируется и по сегодняшний день: штампуется множество вариантов и подвидов Золушек – в Голливуде появляется консервативно-добротельная «Сабrina» и провокационная «Красотка». Но всех их объединяет одна идея: если ты смазлива и ведешь себя как «хорошая девочка», в один прекрасный момент непременно встретишь Принца.

Е.А. Нагродская, перенеся действие во Францию XVII столетия, талантливо использует стилизацию. Время происходящего угадывается благодаря названиям элементов одежды

¹ Русский аналог – Золушка.

² Сама история – очень древнего, предположительно восточного происхождения, получила распространение в немецком фольклоре XVI в., но мировую известность приобрела именно после появления сказки Ш.Перро.

— роброн, шляпы с перьями, стальные пряжки на башмаках, особенностям причесок — парик, локоны, обращениям к девушкам из благородных семейств — mademoiselle, наконец, поведению и привычкам: «Ее лицо <...> было плохо набелено и резкой чертой отделялось от <...> плохо вымытой шеи»; «Старичок молчал, увлекшись видом пчел, которые жужжали около куста роз, приникали к цветам, роясь лапками в душистых лепестках» (Nagrodskaia, 1916: 199-205). Место действия — французская провинция и Париж, окрестности Версаля. В рассказе действуют реальные исторические лица — фаворитка Людовика XIV маркиза де Ментенон, вдова писателя Скаррона, бывшая в свое время гувернанткой детей предшествующей любовницы короля г-жи де Монтеспан (в книге явная опечатка: она названа г-жей де Монтенон).

Естественно, что героям даны звучные французские фамилии — де Каскарю, Моливар, Роже Неваль де Клавиньи. Причем Нагродская явно веселится, переиначивая некоторые имена: мужское имя Матюрен она отдает женщине и величит ее Матюреной; Каскарю, возможно, производное от латинского названия растения «крушина» — cascara, используемого в качестве слабительного средства, Клавиньи — напоминает производное от наименования механического пианино «Клавинова» и т.д. Но одно имя дано со значением. Это имя главной героини — уродливой горбуньи Эмеранс, происходящего от латинского слова *emere*, что означает «заслужить». И она действительно заслуживает все то, в чем будет отказано ее красивым, но кичливым и заносчивым сестрам. Таким образом, можно сказать, что Нагродская обходит вниманием проблему красоты и уродства, которой в свое время много страниц посвятила писательница-символистка Л.Д. Зиновьев-Аннибал. Однако взгляд Е.А. Нагродской на эту проблему более «прогматичный», чем философский, к чему склонялась Зиновьев-Аннибал.

Нагродская воспроизводит в рассказе не только дух времени, но и стиль мышления людей XVII века. Так, она несобственно-прямой речью точно передает мечты девицы де Каскарю о предполагаемом суженом: «Очевидно, он дворянин и богат, так как путешествует со слугами и на таких прекрасных лошадях» (Nagrodskaia, 1916: 99-205). А ее потрясение после встречи с ним распространяется на окружающий мир, неожиданно предстающий перед читателем в красках, достойных живописи Ф. Буше (здесь Нагродская предпочитает контаминировать

временные пласти, поскольку стиль рококо появился позже классицизма Людовика XIV): «Облачко пыли еще крутилось, розовое от заката, трещали кузнечики, репейник топорщился близ дороги, и колосья, тоже розовые, переливались под ветром» (Nagrodskaia, 1916: 199-205).

Но помимо стилизации, которая может подразумевать легкую ironию над происходящим, возникающую именно из-за расхождения между временем написания и временем описания, Нагродская дает понять, что основным приемом при создании произведения стало травестирование. Она сознательно переносит события именно в последнюю треть XVII столетия, потому что ей нужно указание на имя французского писателя П. Скаррона (1610-1660), создателя жанра травестии, чьей вдовой и была действующая в «Сандрильоне» маркиза де Ментенон (1635-1719). Именно «широкая популярность творчества Скаррона способствовала появлению во французской литературе понятия травестии как обособленной жанровой формы, а также последовавшему вхождению термина «травестия» в общеевропейскую литературу» (Mikhaylova, 2001: 165) Нагродская пользуется «комической имитацией», заимствуя, как уже говорилось выше, сюжетные мотивы и отдельные образы сказки о Золушке, но «трансформирует» их смысл не «посредством неподходящих, «низких» литературных форм» (Mikhaylova, 2001: 160) (они-то у нее вполне изысканны и изящны — тут «работает» принцип стилизации), а с помощью переиначивания заложенной в них архетипической модели: победы добродетели над злобой и коварством. В рассказе Е.А. Нагродской уродливая, по-своему коварная, вечно сплетничающая, не изнуряющая себя работой, но все же гонимая своею матерью и более привлекательными сестрами Эмеранс оказывается на месте Золушки, получая в итоге именно то, что полагается Золушке по архетипическому «статусу».

И это еще раз указывает на отличие творчества Нагродской от массовой бульварной литературы. Она провокационно разрушает образ бедной, но хорошей девушки, которая старательна, трудолюбива и терпеливо ждет своего принца. Истинная Золушка проходит через множество испытаний, но в итоге получает желаемое. Эмеранс же выигрывает битву за жениха не потому, что обладает чудесными душевными качествами, а потому что хитра, вездесуща (она знала все и всех, у нее была способность все разузнать и высмотреть (Nagrodskaia, 1916: 199-205), беспредельно общительна («Ей были

все знакомы, начиная от самого богатого купца в городе и кончая самым бедным крестьянином в окрестностях» (Nagrodskaia, 1916: 199-205). нахальна (она буквально навязывается в спутницы матери и сестрам, едущим в Париж на ловлю женихов), не обидчива, беззастенчива, умеет приспосабливаться и пользоваться слабостями других. Она умеет брать судьбу в свои руки, не смиряется с тем положением, в котором оказалась, не огорчается при неудачах и извлекает пользу из самых невыгодных ситуаций (в то время как ее благонравные сестры «изнывают от тоски за своими прялками», она «дружит с челядью», «сидит в людской, слушая песни и сказки» (Nagrodskaia, 1916: 199-205). Она «упряма и зла» (Nagrodskaia, 1916: 199-205) бранится с матерью, вылезает в окно, если ее запирают, кусается и царапается, если ее бьют. Не остается в долгу: когда сестры называют ее жабой, она приветствует их словами: «Здравствуйте, индошки». И действительно делает их индошками, мстя за все унижения, которым те ее подвергали. И при этом не теряет времени зря. В отличие от сестер, занятых мечтами о женихах, научилась читать и писать, что ей весьма пригодится впоследствии.

Результаты и обсуждения

Но не только новоявленная Золушка отличается от своего прообраза. «Принц» тоже не так прекрасен, как требует канон. Роже Неваль де Клавини – порядочный шалопай, проводящий время в дуэлях и кутежах, герой нескончаемых скандалов. Поэтому, можно сказать, что будущие супруги стоят один другого. К тому же заключают выгодную для обоих сделку. Юному шевалье мать и король приказывают жениться, причем в качестве невест предлагают именно девиц де Каскарю, имея в виду, конечно же, младших – хорошеньких Жанну и Берту. И он начинает вынашивать план мести. А сумевшая пробраться в его покой Эмеранс, угадывая его мысли, излагает ему то, что ею придумано. А придумано следующее: шевалье исполнит пожелание короля и жениться на девице де Каскарю, только на ней, уродливой горбунье. Е.А. Нагродская рисует смешную и нелепую сцену торга-сделки, касающегося такой важной стороны жизни, как супружество. «Таким образом, вы исполните приказ его величества не возьмете на себя никаких обязательств. Вы сами понимаете, что я не буду предъявлять Вас никаких претензий. Вам даже не надо выезжать со мною, вы даже

можете никогда со мною не видеться и даже, если вы влюбитесь, предмету вашего увлечения нельзя будет ревновать ко мне. Одним словом, с какой стороны вы ни взглянете на наш брак, он удобен для вас и для меня» (Nagrodskaia, 1916: 199-205) – так излагает последовательность действий Эмеранс. Почему для него – понятно, а для нее – потому, что она выхватывает «из-под носа красавицы жениха», делается «богатой дамой, женою красавца, который предпочел» ее всем. Так ликует униженное презираемое прежде существо, «маленький человек», приобретающий в одночасье силу и власть. Это можно было бы расценить как торжествующую справедливость, если бы не безнравственные качества этого человечка, который для достижения своей цели не брезгует обманом и готов торжествовать, попирая чувства других. Эмеранс можно отнести к типу плутовки (вариант трикстера), т.е. по определению Э. Френцеля, это «не преступник», но «не ценящий честь человек», находящийся «на середине между шутником (она подшучивает над всеми, убеждая среднюю сестру Жанну изобразить самоубийство с целью избежать вынужденной свадьбы с кем-то из придворных: в пруду находят лодку с платьем Жанны, но тело так и не обнаруживают, потому что Эмеранс устроила ее побег к влюбленному в нее Андре Моливару. – Л.И., М.М.) и негодяем». Но полностью отнести ее к этому типу нельзя, т.к. пут, по утверждению Френцеля, «действует без плана, от случая к случаю», у него «нет жизненной цели, он не хочет достичь более высокой нормы, он хотел бы только наслаждаться удобным нетщеславным образом жизни (Dictionaryofcurrenttermsand concepts, 2008: 272-275). Эмеранс как раз строит планы, имеет четко формулируемую цель и хочет наслаждаться осуществленной местью вкупе с полученными привилегиями.

По сути дела, Эмеранс явилась режиссером своей жизни, манипулятором, и за это награждается. Она «купила» себе мужа, сыграв на извечном мужском желании свободы. «M-lle де-Каскарю, почтительно прошу у Вас разрешение просить у Вашей матери вашей руки»(Nagrodskaia, 1916: 199-205), – говорит Рене, радуясь предлагаемой ему свободе. Он «купил» ее тем, что позволит вести безбедную жизнь. В конце концов два проходимцы нашли друг друга, обманув при этом всех окружающих: «Это супружество было примерным, никогда ни одной ссоры не было между супругами» (Nagrodskaia, 1916: 199-205). Но самое пикантное заключается в том, что Эмеранс продолжает

свою игру до конца. Так как у четы не появилось по вполне понятным причинам детей, им все сочувствуют. «Молитесь, дитя мое», – советует маркиза де-Ментенон своей любимице Эмеранс, покорившей ее своим благочестием и умом. «Молитесь, и Бог пошлет Вам детей» (Zorkaya, 1976: 93-96) – повторяет она, на что Эмеранс горестно замечает, что она молится более чем усердно, «но это почему-то не помогает». Она-то знает, почему молитвы не могут ей помочь, но ей доставляет радость в душе смеяться над людьми, ничего не смыслящими, на ее взгляд в жизни, и играть роль смиренницы.

Нагродская очень проницательно заметила, что время скромных тружениц миновало, что одними мечтами сыт не будешь, что современном мире побеждают наглость и беспринципность, и воплотила это в сюжете о современной Золушке. Использовав иронию, она показала, что история Золушки – это улетучивающийся миф. Здесь Е.А. Нагродская проявляет свой комический талант через, высмеивая абсурдные моральные принципы современности. О смехе как о «форме неприятия и осуждения людьми того, что их окружает, насмешке над чем-либо, непосредственно-эмоциональном постижении неких противоречий» писал В.Е. Хализев (Khalizev, 2011: 75-79). В то же время «иронический взгляд на мир способен освобождать человека от догматической узости мышления, от односторонности, нетерпимости, фанатизма, от попирания живой жизни во имя отвлеченного принципа», дополняет учёный свою мысль (Nagrodskaya, 1916: 199-205). Последнее особенно характерно для Нагродской, не принимающей трафаретных догм и утвердившихся установлений. Нагродская указывает, как глубоко укоренилось примитивное существующее испокон веков представление о женщине как о носительнице красоты, которая должна привлекать взоры мужчин. Мать воспитывает своих младших дочерей в уверенности, что на них рано или поздно обязательно обратит внимание мужчина, который сразу же предложит руку и сердце: «Берта и Жанна выросли. Одна была красивая девушка, а другая похоже, но все же здоровая и красивая девушка, а женихов не было», поэтому надо «думать об их судьбе» (Nagrodskaya, 1916: 199-205). Про старшую уродливую дочь она и не думает (у той не может быть никаких перспектив в этом отношении): «У Эмеранс уже была судьба. Эмеранс была хрома и горбата, значит, для нее все было кончено» (Nagrodskaya, 1916: 199-205).

Условие обладания красотой оказывает

влияние на Берту – она любуется собой и считает, что ее отделяет от желаемого (свадьбы!) один шаг, ибо красота – это товар, и красавица должна быть вознаграждена. Поэтому если Эмеранс живет в реальном мире козней и сплетен, то Берта в воображаемом мире, где действуют заговоры и заклинания: Роже на нее не обратил никакого внимания, но ей кажется, что он ее запомнил и при повторной встрече должен узнать: «Она не сомневалась, что он узнал ее и, наверное, так же мечтал о ней, как и она о нем, она была слишком красива, чтобы не произвести неизгладимого впечатления на кого бы то ни было...» (Nagrodskaya, 1916: 199-205). Она идет к колдунье, чтобы та приворожила избранника, но делается это исключительно для убыстрения течения событий. Нагродская замечательно обыгрывает ложность этих установок: красавица Берта оказывается в абсолютно комической ситуации, так как даже не может себе представить, чтобы уродка и Эмеранс была ее соперницей. Поэтому месть старшей сестры оказывается особенно жестокой. Переворачивая миф, писательница демонстрирует смену ценностной шкалы: современный мир уже не опирается на такие ценности, как доброта, трудолюбие. И красота перестает быть абсолютным мерилом. Жизнь строится на иных основаниях – на сделке, договоре и хитрости.

Следует также отметить, что одновременно Е.А. Нагродская намекает и на разрушение мифологемы красоты в том виде, в каком она существует в восприятии символистов, которые верили, что красота является абсолютным идеалом, освобождающим мир из пленного состояния, преображающим его. Можно предположить, что своею мишенью она видела произведения Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, с которой вступила в дискуссию, вероятнее всего, под влиянием М. Кузмина, никогда не принимавшего воззрений и творческого поведения жены Вяч. Иванова (к моменту знакомства с Нагродской он вступил в конфликт и самим поэтом). Л.Д. Зиновьева-Аннибал художественно воплотила символистские представления о красоте и уродстве в своей повести «Тридцать три урода», а в своем отзыве на роман французской феминистки Жоржетт Леблан Л.Д. Зиновьева-Аннибал указала и на особую роль красоты женщины в ее самопersonификации: (Mikhaylova, 2002: 75-78). Размышляя об освобождении женщины в будущем, она упирает на обязательность для женщины любви к своей телесности, восхищении принадлежностью к своему полу. Это, на взгляд писательни-

цы, является самой важной частью феминизма. Она солидаризуется с автором французского романа, когда та восторгается своей женственностью, призывает любоваться на «женственную прелест подруг», испытывать высокую радость чувств, изощрять их в «тонких наслаждениях красивым изгибом, нежным оттенком, запахом» (Zorkaya, 1999: 496) их тел. Но Зиновьева-Аннибал воспринимала идею красоты широко, как гармоническое соединение внутреннего и внешнего совершенства, поэтому и указывала на значение красоты в феминизме как на серьезную теоретическую проблему, разрешение которой поможет объединению женщин, задачей которого будет раскрытие «доброй красоты всех вещей» (Zorkaya, 1999: 496). Она могла бы подписать под следующими словами Жоржетт Леблан: «...мечтаю о женщине, образом своим и мыслью воплотившей наибольшую меру возможной красоты и совокупившей свою силу с моей силой, чтобы вместе служить одинаковым идеям» (Nagrodskaia, 1916: 409).

В отличие от Зиновьевой-Аннибал Нагродская мыслит более конкретно, придавая высоким идеям «социологическое» измерение и показывая, что в конкретных обстоятельствах уродство иногда может быть выигрышно. В

«Сандрильоне» некрасивая Эмеранс, уродство которой не позволяет ее воспринимать как женщину, пользуется этим свои «преимуществом» и выходит победительницей в неравной схватке с красавицами сестрами. Нагродская вступала с символистами в диалог и десакрализировала культивируемый ими миф, убирая из понятий красоты и уродства священный смысл. Мы видим, что она низвергает традиционную символистскую ценность, прибегая к жанру пародии, которая «может сосредоточиться как на стиле, так и на тематике», и тогда будут высмеиваются «недостойные» «явления действительности» (Mikhaylova, 2001: 160). Нагродскую возмущало возвеличивание красоты как высшей ценности не в философском, а в обывательски-житейской аспекте, упрочивающем несправедливое распределение гендерных ролей, и это она считала «недостойным» явлением. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в рассказе «Сандрильона» Е.А. Нагродская стилизует, пародирует и травестирует мифы, и не только символистские. И думается, что здесь речь идет не столько о неомифологизации, характерной для модернистского мышления на рубеже XIX-XX века, сколько об иной тенденции – разрушении мифологического сознания в целом.

Литература

- Зиновьева-Аннибал Лидия. Тридцать три урода: Роман, рассказы, эссе, пьесы. – М.: Аграф, 1999. – 496 с.
- Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900-1910 годов. – М.: Наука, 1976. – 304 с. – С. 93-246.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
- Михайлова М.В. Природа уродства и красоты в творческом сознании писательницы серебряного века Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Природа: материальное и духовное. Тезисы и доклады. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – С. 75-78.
- Нагродская Е. А. Сандрильона // Нагродская Е. Сны. Спб.: Издание М.И. Семенова, 1916. – 199 с.
- Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – 358 с. – С. 272-275.
- Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 75-79.

References

- Zinoviev-Annibal Lydia (1999). Tridcat' tri uroda: Roman, rasskazy, jesse, p'esy[Thirty-three freaks: a novel, stories, essays, plays]. M.: Agraf.496 p.(in Russian).
- Zorkaya N.M. (1976). Na rubezhestoletij. U istokovmassovogoiskusstva v Rossii 1900-1910 godov[At the turn of the century. At the origins of mass art in Russia in 1900-1910]. M.: Nauka. P. 93-246. (in Russian).
- Literaturnajajenciklopedijaterminoviponjatij(2001). [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] Ch. Ed. and sost. A.N.Nikolyukin. M.: NPK Intelwak. 160p.(in Russian).
- See more details: Mikhaylova M.V. (2002). Prirodaurodstvaikrasoty v tvorcheskomsuznaniipisatel'nicyserebrjanogoveka L.D. Zinov'evoj-Annibal[The nature of ugliness and beauty in the creative consciousness of the writer of the Silver Age Zinovievoj-Annibal] Nature: material and spiritual. Abstracts and reports. SPb.: LSEU them. A. Pushkin. P. 75-78(in Russian).
- Nagrodskaia E.A.(1916). Sandril'ona[Sandrillon] Nagrodskaia E. Dreams. Pg.: Edition of MI Semenov. 199 p.(in Russian).
- Pojetika. Slovar' aktual'nyhterminoviponjatij[Poetics. Dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Kulagina Publishing House, Intrada, 2008.P. 272-275.(in Russian).
- Khalizev V.E. Teorijaliteratury(1999). Literature theory. Moscow: Higher School, 1999. P. 7.(in Russian).

З-бөлім
**ТІЛ МЕН ӘДЕБИЕТТІ
ОҚЫТУДЫҢ ӘДІСТЕМЕСІ**

Раздел 3
**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Section 3
**METHODS OF TEACHING LANGUAGE
AND LITERATURE**

Адскова Т.П.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: adskova.tp@mail.ru

ОПИСАНИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ СИСТЕМАТИК ТЕКСТОВ С ЦЕЛЬЮ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена изучению генезиса систематик текстов, вызванного изменением среды доступа к информации. Цель анализа – использование типологии текстов, представленной в современных исследованиях, в методических целях. В статье раскрывается содержание понятия «когнитивное академическое чтение», обучение которому осуществляется через тексты разных форматов. Особое внимание уделяется трансформации концепта «текст» в современной лингвистике. Отмечается связь эволюции понятия «текст» с развитием цифровых технологий, что обусловило изменение в классификации текстов и смещение акцентов в обучении. Проводится подробный анализ генезиса категорий текстов в исследованиях последних лет, в частности в исследованиях PISA. Представлена схема, отражающая современную типологию текстов: а) по текстовому формату; б) по форме представления (по типу носителя); в) по коммуникативной цели и базовой интенции.

Ключевые слова: когнитивное академическое чтение, текст, информация, типология текстов, цифровые технологии.

Adskova T.,

PhD, A/Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: adskova.tp@mail.ru

Description of evolutionary texts systematics for the purpose of their application in the educational process

The article is devoted to the study of the genesis of texts classification caused by the change of the information access environment. The purpose of the analysis is to use the typology of texts presented in modern studies for methodological purposes. The article reveals the content of the concept of "cognitive academic reading," which is taught through texts of different formats. Particular attention is paid to the transformation of the concept "text" in modern linguistics. There is a link between the evolution of the "text" concept and the development of digital technologies, which led to a change in the classification of texts and a shift in emphasis in teaching. A detailed analysis of the genesis of the texts categories in studies of recent years is conducted, particularly in the PISA studies. A scheme reflecting the modern typology of texts is presented: a) according to the text format; b) according to the representation form (type of carrier); c) according to communicative purpose and basic intentions.

Key words: cognitive academic reading, text, information, typology of texts, digital technologies

Адскова Т.П.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: adskova.tp@mail.ru

Мәтіндердің эволюциялық жүйелеп жіктеуді оку барысында пайдалану мақсатындағы шолу жасау

Мақала ақпаратқа қатынау ортасының өзгеруіне байланысты мәтіндердің жүйелеп жіктеуді дамыту үрдісін (генезисін) оқытуға арналған. Таңдаудың мақсаты – әдістемелік негізде, заманауи зерттеулерде ұсынылған мәтіндер типологиясын пайдалану. Мақалада әртүрлі форматтағы

мәтіндер арқылы «когнитивтік академиялық оқу» үйрету ұғымының мазмұнындағы мәселелері ашылған. Заманауи лингвистикада «мәтін» концептін түрлендіруге ерекше көніл бөлінген. Цифрлық технологиялардың дамуына қатысты мәтін ұғымының эволюциясы байқалады, ол мәтіндердің жіктеуді өзгертуге және оқыту екпінін ауыстыруға себеп туғызды. Соңғы жылдардағы зерттеулерде, жеке айтқанда, PISA зерттеулерінде мәтін категориясын дамыту үрдісіне толық талдау жүргізілген. Қазіргі заманғы мәтін типологиясын: а) мәтіндік форматы бойынша; б) ұсыну формасы бойынша (сөйлеуші түрі бойынша); в) коммуникативтік мақсаты мен базалық интенциясы бойынша көрсететін жолдардың сұлбасы ұсынылған.

Түйін сөздер: когнитивтік академиялық оқу, мәтін, ақпарат, мәтін типологиясы, цифрлық технологиялар.

Введение

В учебном процессе всё более усложняется диалог с текстом. Развивающиеся технологии меняют способы чтения и обмена информацией. Люди, которые могут адаптироваться к быстро меняющимся контекстам, находить и изучать информацию из разных источников, более успешны. Отмечается, что в 1997 году, когда начиналось исследование PISA, Интернетом пользовались только 1,7% населения мира, к 2014 году эта цифра увеличилась до 40,4%, почти три миллиарда. Между 2007-2013 годами количество пользователей мобильными телефонами удвоилось, в 2013 году их было столько же, сколько людей на Земле (International Telecommunications Union, 2014).

Среда, через которую осуществляется доступ к текстовой информации, перемещается от бумажной к электронной. Меняется структура и формат текстов. В современной трактовке термин «чтение» содержит более широкий смысл. Чтение – это понимание, оценка, отражение и использование текстов для достижения своих целей, развития своих знаний и потенциала для участия в жизни общества (OECD, 2009).

Эксперимент

В качестве исследовательской задачи автором предпринята попытка проанализировать эволюцию систематик текстов в исследований последних лет, в частности в исследованиях PISA, с целью уточнения некоторых понятий для использования классификации в методических целях. PISA (Programme for International Student Assessment) – Программа международной оценки студентов, международное исследование проводится раз в три года, его целью является оценка систем образования во всем мире путем тестирования навыков и знаний (OECD, 2015).

Результаты и обсуждение

Исследователи отмечают, что за последние три десятилетия в современной лингвистике произошла эволюция как самого понятия «текст», так и «подхода к тексту» (Zherebilo, 2010).

В современной лингвистике отсутствует однозначный подход к понятию «текст». Под текстом понимается как одно предложение, так и некоторая их совокупность, образующая целостные единства внутри более сложного целого, а также само это целое. Текстом может быть также вся совокупность высказываний, представляющая собой открытую систему, не имеющую границ (Nikolaeva, 1990). Традиционно текст описываются как объединённую смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность (Ponimanie teksta v sovremennoi lingvistike, 2017).

Текст рассматривается как последовательность верbalных (словесных) знаков. Правильность построения верbalного текста, который может быть устным и письменным, связана с соответствием требованию «текстуальности» – внешней связности, внутренней осмысленности, возможности своевременного восприятия, осуществления необходимых условий коммуникации и т. д. (Mikhailova, 2005). Но в работах последних лет это понятие трансформируется, текстом является зафиксированная на каком-либо материальном носителе человеческая мысль; в общем плане связная и полная последовательность символов (Zerebilo, 2010). Это определение, по нашему мнению, наиболее полно отражает современное понимание термина, так как изменение среды доступа к информации трансформирует структуру и формат текста.

В современной трактовке термин «текст» используется вместо термина «информация» из-за его связи с письменной речью, он относится к

типу материала, предназначенного как для литературного, так и для информационно-ориентированного чтения).

Рассмотрим типологию текстов, представленную в исследованиях PISA: а) по текстовому формату; б) по форме представления (по типу носителя); в) по коммуникативной цели и базовой интенции (OECD, 2009; OECD, 2015; OECD, 2018).

По текстовому формату тексты делят на непрерывные (сплошные) и ненепрерывные (несплошные), смешанные (гибридные) и множественные. Сплошные тексты формируются предложениями, которые в свою очередь организованы в абзацы, параграфы, главы, части, разделы и т. д.). Несплошные тексты представляют собой визуальную информацию – это текстовая графика, таблицы, матрицы, рисунки, диаграммы, формы для заполнения, каталоги, программы и т. д. Гибридные форматы обычно включают в себя сплошные и несплошные тексты, они используются в учебно-научной литературе, в журналах, на сайтах, веб-страницах, где авторы представляют различные презентации для передачи информации, комбинации списков, абзацев из сплошных текстов и часто графики, онлайн-формы, e-mail-сообщения, форумы.

Множественные тексты создаются разными авторами. Они сопоставляются для конкретных целей или для целей оценки. Связь между такими текстами может быть очевидной или латентной, они могут быть взаимодополняющими и противоречащими друг другу. Например, сайты разных компаний. Несколько текстов могут иметь один «чистый» формат (например, только несплошной) или могут включать в себя как сплошные, так и несплошные тексты.

Введение четырех категорий текстового формата позволяет интегрировать информацию разных типов представления. По форме представления (носителю) PISA 2009 классифицирует тексты как печатные и электронные. Печатные – тексты, представленные только в бумажном варианте, электронные – тексты, представленные на дисплее. Но с появлением новых гаджетов (планшеты, смартфоны) печатные тексты могут отображаться и на экране. Поэтому в PISA 2015 используется термин «пространство отображения текста». Чтобы описать особенности этого пространства, предложено деление текстов на фиксированные и динамические (OECD, 2015).

Фиксированные тексты – это print-медиум и электронные медиум тексты. Они обычно печатаются на бумаге в форме отдельных листов,

книг, брошюр, журналов и т.д., но всё больше представляются на экране в файлах DOC, PDF и e-readers. Это привело к размыванию различий в делении текстов на печатные и электронные. По сути, такие тексты имеют фиксированное, статичное существование, объём текста известен. Средства навигации в электронных версиях фиксированных текстов – оглавление, главы, разделы, параграфы, заголовки, колонтитулы, номера страниц, ссылки.

Динамические тексты представлены только в цифровом формате, они имеют незафиксированное существование. В динамических текстах можно увидеть только часть доступного текста и зачастую объём таких текстов неизвестен. Синоним динамического текста – гипертекст.

Для того, чтобы охватить широкий спектр типов чтения, классифицируют типы текстов по коммуникативной цели и базовой интенции. Понятие «типы текстов» вытекает из понятия «типы речи», которые систематизируют на основе различных признаков (коммуникативно-прагматических, логико-смысловых, структурно-семантических).

В зарубежных исследованиях отмечается, что попытки категоризировать типы текстов получают сопротивление, так как типовые модели определяются на небольших отрезках текста, большие по объёму тексты не могут состоять только из одной текстовой модели. По своей организации научные тексты делятся на тексты «жесткого» и «гибкого» способа построения. «Жесткий» способ подразумевает построение текста по строго заданной схеме. «Гибкий» способ не предполагает наличия какой-либо строгой схемы. Построение текста развивается свободно.

В исследованиях PISA классификация текстов адаптирована из работ Е. Верлиха (Werlich, 1976). Выделяют следующие тестовые модели – описание, повествование, экспозиция, аргументация, инструкция, транзакция.

Описание определяют как тип текста, в котором информация относится к свойствам объектов в пространстве. Повествование – это тип текста, в котором передаётся информация, относящаяся к свойствам объектов во времени. Экспозиция (толкование, разъяснение) – это тип текста, в котором информация представлена как составные понятия или ментальные построения тех элементов, в которых даётся анализ понятия, объясняются взаимосвязи элементов, они отвечают на вопрос «как». Аргументация – это тип текста, который представляет отношение между

понятиями или предложениями. Инструкция (иногда называемая предписанием) – это тип текста, который предоставляет указания о том, что делать. Инструкции являются направлением для определенного поведения, чтобы выполнить задачу. Транзакция представляет собой вид текста, который предназначен для достижения определенной цели, изложенной в тексте. До появления электронной коммуникации такой текст был важным компонентом распространения как устной (цель телефонных звонков), так и письменной информации. Такого рода тексты обычно не встречаются на веб-сайтах, которые являются предметом изучения корпускулярной лингвистики. Примеры текстовых объектов транзакции – это ежедневные обмены электронной почтой и текстовыми сообщениями между коллегами или друзьями, личное письмо для обмена новостями, текстовое сообщение для организации собрания и т. д.

Заключение

Мы живём в быстро меняющемся мире, в котором понятие «текст» эволюционирует вместе с изменениями в области технологий. За-

дача преподавателя – использовать в процессе обучения тексты разных форматов, так как концепция обучения функциональному чтению подчёркивает способность применять письменную информацию в диапазоне ситуаций, владеть различными стратегиями при обработке текстов. В обучении смещаются акценты, современным студентам недостаточно владеть навыками сбора и запоминания информации, успех заключается в возможности общаться, делиться, использовать информацию для решения сложных проблем, способность адаптироваться, создавать новые знания. Следует заметить, что в современной методической науке исследованы в основном непрерывные (сплошные) тексты, описана технология анализа, стратегии обучения чтению непрерывных, фиксированных текстов. Но описание в методических целях текстов других категорий ненепрерывных (несплошных), гибридных, множественных, динамических практически отсутствует, что обосновывает актуальность их изучения, так как обучение когнитивному академическому чтению включают поиск, отбор, интерпретацию, интеграцию и оценку информации из всего диапазона текстов, отражающих разные ситуации.

Литература

- 1 International Telecommunications Union. Measuring the Information Society Report 2014. Geneva (Switzerland). – Женева, 2014. – 270 с. (английский)
- 2 OECD. PISA 2009 results: Learning to learn – Student engagement, strategies and practices (volume III). PISA/ OECD Publishing. // http://www.oecdilibrary.org/education/pisa-2009-results-learning-to-learn_9789264083943-en (английский).
- 3 OECD. PISA 2015. Students, computers and learning: //<http://dx.doi.org/10.1787/9789264239555-en> (английский).
- 4 OECD. PISA 2018. Reading literacy framework // www.anep.edu.uy/anep/index.php/codicen (английский).
- 5 Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
- 6 Nikolaeva T. M. Tekst. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V. N. Yarzova. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 709 с.
- 7 Понимание текста в современной лингвистике // Режим доступа: <http://kursak.net/ponimanie-teksta-v-sovremennoj-lingvistike>.
- 8 Михайлова И. М. Формирование коммуникативных умений младших школьников с использованием наглядности. – Псков: ПГПУ, 2005. – 188 с.
- 9 Верлих Е. Грамматика текста английского языка. – Гейдельберг: Квелле и Мейер, 1976. – 315 с. (английский)

References

- 1 International Telecommunications Union (2014) Measuring the Information Society Report 2014. Geneva (Switzerland). Geneva, 270 p.
- 2 OECD (2009) PISA 2009 results: Learning to learn – Student engagement, strategies and practices (volume III). PISA/ OECD Publishing. http://www.oecdilibrary.org/education/pisa-2009-results-learning-to-learn_9789264083943-en.
- 3 OECD (2015) PISA 2015. Students, computers and learning: Making the connection. PISA, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264239555-en>.
- 4 OECD (2018) PISA 2018. Reading literacy framework: www.anep.edu.uy/anep/index.php/codicen/category/143-pisa2018.
- 5 Werlich E. A (1976). Text grammar of English [Grammatika teksta angliiskogo jazika]. Heidelberg: Quelle and Meyer, 315 p.
- 6 Zherebilo T. V. (2010). Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran: LLC «Piligrim», 486 p. (in Russian)
- 7 Mikhailova I. M. (2005). Formirovanie kommynikativnih umenii mladshih shkolnikov s ispolzovaniem nagliadnosti [Formation of communicative abilities of younger school students with presentation use]. Pskov: PSPU, 188 p. (in Russian)
- 8 Nikolaeva T. M. (1990). Tekst. Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovare [Text. Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Soviet encyclopedia, 709 p. (in Russian)
- 9 Ponimanie teksta v sovremennoi lingvistike (2017) [Understanding of the text in modern linguistics]. <http://kursak.net/ponimanie-teksta-v-sovremennoj-lingvistike> (in Russian)

МРНТИ 16.01.45

Алтынбекова О.Б.¹, Зуева Н.Ю.²,

¹д. ф. н. профессор, ²к. ф. н. доцент

Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: OliviaEC@mail.ru; nataliazueva@rambler.ru

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ УЧЕБНИК:
О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Статья содержит анализ учебного материала о функциональных разновидностях литературного языка в учебно-методическом комплексе по русскому языку для экспериментального 11 класса 12-летней модели образования. Рассматривается понятие о литературном языке как высшей форме национального языка, его книжная и разговорная разновидности, представлены различительные особенности устной и письменной речи.

Ключевые слова: учебник русского языка для экспериментального 11 класса, 12-летняя модель обучения, функциональные стили, устная и письменная речь.

Altynbekova O.B.¹, Zuyeva N.Yu.²,

¹DSc, Professor, ²PhD, A/Professor

of Al-Farabi Kazakh National University,

Kazakhstan, Almaty, e-mail: OliviaEC@mail.ru; nataliazueva@rambler.ru

**Experimental textbook:
on the functional varieties of the literary language**

The article contains the analysis of the educational material on the functional varieties of the literary language in the teaching and methodological complex of the Russian language for the experimental eleventh grade of the 12-year education model. It considers the notion of the literary language as the highest form of the national language, its bookish and colloquial varieties, it presents the distinctive features of oral and written speech.

Key words: Russian language textbook for the experimental eleventh grade, a 12-year education model, functional styles, oral and written speech.

Алтынбекова О.Б.¹, Зуева Н.Ю.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

¹профессоры, ф. ғ. д., ²доценті, ф. ғ. к.,

Қазақстан, Алматы қ., е-mail: OliviaEC@mail.ru; nataliazueva@rambler.ru

**Экспериментальды оқулық:
әдеби тілдің функционалды түрлілігі туралы**

Мақалада 12 жылдық білім беру моделінің 11-ші сыныбына арналған орыс тіліндегі оқу-әдістемелік кешенде әдеби тілдің функционалдық түрлілігі бойынша оқу материалы қамтылған. Ұлттық тілдің жоғары формасы ретіндегі әдеби тіл туралы түсінік, оның кітаби және сөйлеу тіл формалары, аудиоза және жазбаша сөйлеу ерекшеліктерінің айырмашылықтары қарастырылады.

Түйін сөздер: экспериментальды 11 сыныпқа арналған орыс тілі оқулығы, 12 жылдық оқу моделі, функционалды стильдер, аудиоза және жазбаша сөйлеу түрлері.

Введение

При всем разнообразии проблем, которыми занимается стилистика, ее основная задача состоит в изучении речевых возможностей языковых средств. В школьных условиях для знакомства со стилистикой отбираются те вопросы, которые ближе всего к практическому использованию языка: описание стилей языка и речи, стилистические ресурсы фонетики, лексики, грамматики, выразительные средства языка, теория и практика анализа литературного текста. «Переход к стилистике, – подчеркивает Г.О. Винокур, – существует не от фонетики, не от грамматики, не от семасиологии, а только от всех трех дисциплин, понимаемых как одно целое сразу» (Иконников, 1987: 19).

Процесс обучения стилистике в школе должен проводиться в определенной системе, во взаимосвязи с другими категориями языка. Учащиеся должны понимать, что язык – живое явление; стили языка формировались на протяжении веков и вызваны к жизни абсолютной необходимости; что знать язык – это уметь его использовать в разных сферах человеческой деятельности и с разными целями.

Обучение стилистике рассматривается с учетом функциональной природы языка, с опорой на контекстный принцип, поэтому акцент методических рекомендаций перенесен с анализа предложений на текст. Система обучения практической стилистике с опорой на связные тексты – необходимое условие развития речи учащихся. Обучение практической стилистике непосредственно сочетается с задачами повышения общей языковой культуры учащихся, с формированием полилингвальной личности.

Комплексный подход к изучению практической стилистики способствует активизации речевой деятельности, овладению лексико-грамматическими средствами, в целом – качественному изменению речи учащихся. В процессе систематических упражнений знания и умения автоматизируются: учащиеся начинают более свободно выражать мысли в устной и письменной форме. Плодотворность работы по обучению стилистике в 11-м классе во многом зависит от наличия эффективной системы упражнений, обучающих стилистическим умениям и стилистическому анализу текста.

Эксперимент

Продолжая научно-методические комментарии (Алтынбекова, 2013-2017) к УМК «Русский язык» для экспериментальных 11-х классов 12-летней модели образования (Алтынбекова, 2013), необходимо отметить, что учебный материал нового раздела учебника «Функциональные стили русского литературного языка» предваряет информация о его целях и задачах, к которым относятся следующие:

- сформировать у учащихся понятие о литературном языке как высшей форме национального языка и основном средстве коммуникации;
- дать представление о книжной и разговорной разновидностях литературного языка, особенностях устной и письменной речи;
- рассмотреть природу и сущность функциональных стилей в аспекте «язык – речь»;
- усовершенствовать умение определять основные сферы функционирования текста;
- углубить знания учащихся о фразеологизме; развивать навыки определения внутренней формы фразеологизмов;
- выработать умение сопоставлять семантически эквивалентные устойчивые обороты во фразеологии русского, казахского и английского языков; способствовать развитию полилингвальной личности;
- углубить знания учащихся о лексических образных средствах языка.

Следует подчеркнуть, что в разделе «Функциональные стили русского литературного языка» отводится определенное место материалу о фразеологии и эквивалентности / безэквивалентности идиом русского, казахского и английского языков согласно Типовой программе (Учебная программа для экспериментального 11-го класса,.. 2013) в рамках задачи развития полилингвальной личности, что явится объектом рассмотрения в дальнейших работах.

Прежде чем приступить к более углубленному изучению функциональных стилей языка, учащиеся должны получить представление о языке как о системе, определить понятия национального языка, литературного языка и его разновидностей, нелитературных разновидностей национального языка. Так, учащимся важно усвоить, что каждый национальный язык своеобразен и не един по своему составу, так как

им пользуются люди, отличающиеся по возрасту, полу, уровню культуры, месту рождения, социальному положению и т. д. Но одна из разновидностей национального языка используется обществом как главное средство коммуникации – это *литературный язык*. Важнейшими сферами использования русского литературного языка являются печать, радио, телевидение, кино, наука, образование, законодательство, дипломатия, юриспруденция, делопроизводство, бытовое общение культурных людей.

Основные требования, предъявляемые к литературному языку, – *единство и общепонятность* для всех членов общества. Этими свойствами не обладают другие разновидности общенародного языка – территориальные и социальные диалекты, профессиональные жаргоны, просторечие. Они присущи более или менее ограниченным группам людей; кроме того, функции таких средств общения, как диалекты и жаргоны, гораздо беднее, чем функции литературного языка. Так, местный (или территориальный) диалект, будучи распространенным на ограниченной территории, имеет обычно только устную форму и обслуживает узкую сферу общения. Профессиональный жargon принят только среди людей данной профессии; как правило, при их общении на деловые, производственные темы. В иных же ситуациях, при общении с людьми другой профессии, а особенно при использовании письменной формы языка, человек прибегает к помощи литературных языковых средств. Просторечие является одной из форм русского языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка. Социальной базой просторечия выступают, как известно, люди с невысоким уровнем образования. Просторечие территориально не ограничено, используется чаще всего в неофициальной, бытовой обстановке, преимущественно в устной форме.

Современный русский литературный язык *многофункционален*: он используется в различных сферах общественной и индивидуальной деятельности человека для разных коммуникативных целей – передачи информации, освоения опыта, выражения эмоций, побуждения к действию и т. п.

В соответствии с многообразными функциями средства литературного языка (слова, словосочетания, предложения) функционально *разграничены*: некоторые из них более употребительны в одних сферах общения, другие – в иных. Такое

разграничение языковых средств регулируется *нормой*. Так, разговорная конструкция недопустима в официальном письме, научный оборот неуместен в обиходной речи и т. д.

Результаты и обсуждение

Таким образом, в едином и общеобязательном для всех его носителей литературном языке все средства оказываются разграниченными – в зависимости от сферы и от целей общения. В соответствии с этим литературный язык делится на *функциональные разновидности*. Наиболее общим и в то же время наиболее очевидным является деление литературного языка на книжную и разговорную разновидности.

Книжный язык – достижение и достояние культуры, основной хранитель и передатчик культурной информации. Все виды непрямого (дистантного) общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную и учебную литературу, дипломатическую и деловую переписку, газетно-журнальную продукцию и многое другое нельзя себе представить без книжно-литературного языка. Функции его огромны и с развитием цивилизации еще более усложняются.

Современный русский книжно-литературный язык – это мощное орудие общения. В нем есть все средства, необходимые для разнообразных целей коммуникации, и прежде всего для выражения абстрактных понятий и отношений. Сложные связи, прослеживаемые учеными в материальном и духовном мире, описываются научным языком. Устная разговорная речь для этого не годится: невозможно передавать из уст в уста синтаксически громоздкие тексты, насыщенные специальной терминологией и сложные в смысловом отношении. Свойство книжно-письменной речи сохранять текст и тем самым усиливать способность литературного языка быть связью между поколениями – одно из главных свойств книжного языка.

Поскольку книжный литературный язык обслуживает разные стороны жизни общества, он подразделяется на функциональные стили – такие разновидности книжного языка, которые свойственны различным сферам человеческой деятельности и обладают определенным своеобразием в использовании языковых средств. Как известно, выделяются следующие функциональные стили современного русского книжно-литературного языка: официально-деловой, научный, публицистический, художественный.

Каждый функциональный стиль реализуется в речевых жанрах – конкретных видах текстов, обладающих, с одной стороны, специфическими чертами, отличающими жанры друг от друга, а с другой – общностью, которая обусловлена тем, что определенные группы жанров принадлежат к одному функциональному стилю.

Разговорная разновидность литературного языка используется в различных видах бытовых отношений людей при условии непринужденности общения. Разговорную речь от книжно-письменной отличает не только форма (это устная, преимущественно диалогическая речь), но и такие черты, как неподготовленность, незапланированность, самопроизвольность (ср., например, с чтением доклада, текст которого написан заранее), непосредственность контакта между участниками общения.

Разговорная разновидность литературного языка, в отличие от книжно-письменной, не подвергается целенаправленной нормализации, но в ней есть определенные нормы как результат речевой традиции. Эта разновидность лите-

турного языка не столь четко членится на речевые жанры. Однако и здесь можно выделить различные речевые особенности – в зависимости от условий, в которых происходит общение, от взаимоотношений участников разговора и т. п.

После изучения теоретического материала учащимся предлагается написать небольшое эссе о книжной и разговорной разновидностях русского языка, их особенностях и жанрах, пользуясь содержанием учебника и материалом из Интернета. При выполнении задания рекомендуется воспользоваться советами по написанию эссе, данными в Приложении к «Дидактическим материалам» (Алтынбекова, 2013).

Русский литературный язык, как известно, существует в двух формах – устной и письменной. В учебнике помещена таблица (<https://bobych.ru/ege/russk11/vv41bkr-2.html>), в которой наглядно продемонстрированы различия между устной и письменной речью. Выполняя задание 76 (Алтынбекова, 2013: 76–77), следует перечислить и обсудить особенности разновидностей речи, используя прием сравнения.

Разновидности речи по форме использования языка

Устная речь	Письменная речь
1. Устная речь <i>первична</i> по отношению к письменной. Первоначально звучание – самая естественная форма существования языка – была единственной. На языке только говорили, и до сих пор по степени употребительности явно преобладает устная речь.	1. Письменная речь <i>вторична</i> . Она появилась из-за потребности передавать речь на расстоянии и сохранять ее на долгие времена. Сначала она была лишь способом передачи устной речи, но потом оказалось, что различие между ними столь велико, что говорят об особой, письменной речи.
2. Устная речь обычно <i>менее подготовлена</i> , в ней больше непосредственности, стихийности, случайного, оговорок, повторов, междометий, незаконченных конструкций, слов-«паразитов».	2. Письменная речь – речь <i>подготовленная</i> , она строга, сложна по форме, более полна и логична по содержанию, в ней соблюдаются литературные нормы, строже выбор слов, сложнее предложения.
3. Устная речь обладает <i>средствами звуковой выразительности</i> : темпом и тембром, паузами, логическими ударениями, силой звучания. Она сопровождается жестами, мимикой.	3. Письменной речи это не свойственно, поэтому она <i>менее выразительна</i> (в какой-то степени это восполняется использованием знаков препинания, курсива, петита, шрифтовых выделений и т. п.).
4. К устной речи предъявляются <i>орфоэпические</i> требования (правильное произношение звуков, постановка ударения).	4. К письменной речи предъявляются <i>орфографические и пунктуационные</i> требования.
5. Устная речь отличается от письменной также <i>характером адресата</i> . Устная речь предполагает <i>наличие собеседника</i> . Говорящий и слушающий не только слышат, но и видят друг друга, поэтому устная речь нередко зависит от того, как ее воспринимают.	5. Письменная речь обычно <i>обращена к отсутствующим</i> . Тот, кто пишет, не видит своего читателя, а может лишь мысленно представить его себе. На письменную речь не влияет реакция тех, кто её читает.
6. Устная речь отличается от письменной и <i>характером восприятия</i> . Устная речь воспринимается <i>на слух</i> . Чтобы её воспроизвести еще раз, необходимы специальные технические средства. Устная речь должна быть построена и организована таким образом, чтобы ее содержание сразу понималось и легко усваивалось слушателями.	6. Письменная речь рассчитана <i>на зрительное восприятие</i> . Во время чтения всегда имеется возможность перечитать непонятное место несколько раз, сделать выписки, уточнить значения отдельных слов, проверить по словарям правильность понимания терминов.

При обсуждении данной информации рекомендуется применить не просто сравнительный анализ разновидностей письменной и устной речи, а методический инновационный прием **«Концептуальная таблица»**, который учит рассматривать тему с разных сторон, анализировать и обобщать информацию. Концептуальная таблица как способ графической организации материала способствует нахождению отношений между частями информации, развитию осознанного, критического мышления, которое формирует сравнительную систему суждений, способствует умению находить и анализировать отличительные признаки разновидностей речи. Прием «Концептуальная таблица» применяется, когда нужно сравнить несколько объектов. Ученики фиксируют свои суждения, дополняют, исправляют и сравнивают информацию. В процессе работы формируются и развиваются умения обобщать пройденный материал; сравнивать и анализировать; выделять главное и проводить аналогии; создавать целостное представление об изучаемых темах (http://tuxtet-1.ucoz.ru/doc/fgos/noo/metod/didakticheskie_priemy_obuchenija.pdf).

Большую заинтересованность вызовет у учащихся задание 77 (Алтынбекова, 2013: 77), в котором приведен отрывок из статьи «Слово написанное и сказанное» известного мастера художественного рассказа И. Андроникова о разном восприятии и значении устной и письменной речи:

Если человек выйдет на любовное свидание и прочтет своей любимой объяснение по бумажке, она его засмеет. Между тем, та же записка, полученная по почте, может ее растрогать. Если учитель читает текст своего урока по книге, авторитета у этого учителя нет. Если агитатор пользуется все время шпаргалкой, можете заранее знать – такой никого не сагиттирует. Если человек в суде начнет давать показания по бумажке, этим показаниям никто не поверит. Плохим лектором считается тот, кто читает, уткнувшись носом в принесенную из дома рукопись. Но если напечатать текст этой лекции – она может оказаться интересной. И выяснится, что она скучна не потому, что бессодержательна, а потому, что письменная речь заменила на кафедре живую устную речь.

В чем тут дело? Дело, мне кажется, в том, что написанный текст является посредником между людьми, когда между ними невозможно живое общение. В таких случаях текст выступает как представитель автора. Но если автор здесь и мо-

жет говорить сам, написанный текст становится при общении помехой. (И. Андроников)

После обсуждения текста учащиеся должны задуматься о том, почему не всегда возможна замена устной речи письменной и наоборот, и прийти к выводу, что необходимо свободно владеть обоими видами речи. Для закрепления грамматических навыков в задании предлагается осуществить пунктуационный анализ всего текста, затем выписать сложноподчиненные предложения спридаточными условиями, сделать их синтаксический разбор.

Изучив теоретический материал учебника о национальном языке и его разновидностях, учащиеся должны иметь четкие ответы на вопросы:

- Что такое литературный язык и какие сферы человеческой деятельности он обслуживает? Каковы основные требования, предъявляемые к литературному языку?
- Для каких коммуникативных целей используется литературный язык?
- Почему литературный язык является многофункциональным?
- Почему диалекты и жаргоны не относятся к литературному языку?
- В чем заключается ценность книжного литературного языка для современного человека? На какие функциональные стили он подразделяется?
- Каковы особенности разговорной разновидности литературного языка и какими чертами она отличается от книжной разновидности?
- Каковы различия между устной и письменной речью?

Заключение

При проверке степени усвоения учебного материала учитель может использовать разные инновационные методы. Например, методический прием «Бег ассоциаций» позволяет систематизировать полученные знания путем сравнения нового с уже имеющимся опытом. Метод способствует более прочному усвоению новой информации, стимулирует познавательную деятельность, развивает мотивацию к обучению. Когда задана главная тема урока, учащийся называет 2–3 слова, которые ассоциируются у него с названием темы. Задача второго учащегося – связать эти ассоциации с содержанием, в данном случае, всего изученного материала.

Учитель может отдать предпочтение приему «Цепочка соответствий» (или «Логическая це-

почка»), смыслкоторого заключается в том, что предлагается задание построить цепочку взаимосвязанных между собой фактов, предложений, слов, правил, цитат в логическом или хронологическом порядке. Этот прием помогает запомнить и осмысливать большой объем информации, выявить закономерность каких-либо событий, явлений, развивать логику, память, внимание.

При закреплении и обобщении изученной темы целесообразно также использовать прием «Интеллектуальный ринг» – один из способов опроса учащихся, который не просто показывает уровень усвоения материала, но и способность ученика мыслить ассоциативно, творчески, уметь находить логические связи между известной и новой информацией. Так, учащемуся предоставляется роль«боксера», которому необходимо выдержать определенное количество «ударов» – вопросов по изученной теме, на ко-

торые он должен ответить быстро. Опрос ведется в ускоренном темпе: на раздумывание дается не более трех секунд. Вопросы подбираются конкретные и предполагают краткий точный ответ (http://tuxtet-1.ucoz.ru/doc/fgos/noo/metod/didakticheskie_priemy_obuchenija.pdf).

Таким образом, например, легко быстро проверить знание понятий, основных терминов или положений. Ответы на вопросы позволят апробировать не только механическую память учащихся, но и степень осмысливания, понимания, усвоения темы.

Использование инновационных приемов преподавания будет способствовать наиболее эффективному обучению стилистике русского языка учащихся экспериментальных 11-х классов, развитию и совершенствованию их языковой, коммуникативной и социокультурной компетенций.

Литература

- 1 Цит. по: Иконников С.Н. Стилистическая работа в процессе изучения русского языка. –М., 1987.
- 2 Алтынбекова О.Б., Зуева Н.Ю. Типология текстов в учебнике русского языка 11 класса // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – №4 (156). – 2015. – С. 141–144; Функционально-смысловые типы речи в экспериментальном учебнике: общая характеристика // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2015. – №6 (158). – С. 200–204; Научно-методический комментарий к экспериментальному учебнику // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2016. – № 4 (162). – С. 208–213; Текст-рассуждение и его виды // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2016. – № 6 (164). – С. 82–87; Функционирование текста в Интернете: гипертекст // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2017. – № 4 (168). – С. 132–136.
- 3 Алтынбекова О.Б., Зуева Н.Ю. Русский язык. Пробный учебник для 11 классов общественно-гуманитарного направления 12-летних школ. – Алматы: Мектеп, 2013; Русский язык. Дидактические материалы: Пробное учебное пособие для 11 классов общественно-гуманитарного направления 12-летних школ. – Алматы: Мектеп, 2013; Русский язык. Сборник диктантов и изложений для 11 классов общественно-гуманитарного направления 12-летних школ. – Алматы: Мектеп, 2013.
- 4 Учебная программа для экспериментального 11-го класса по переходу на 12-летнее образование общеобразовательной школы с русским языком обучения. – Астана: НАО им. Ы. Алтынсарина, 2013.
- 5 <https://bobych.ru/ege/russk11/vv41bkp-2.html>
- 6 http://tuxtet-1.ucoz.ru/doc/fgos/noo/metod/didakticheskie_priemy_obuchenija.pdf

References

- 1 Cit. po: Ikonnikov S.N. (1987) Stilisticheskaya rabota v processe izucheniya russkogo yazyka. [Stylistic work in the process of studying the Russian language.] M., 1987.
- 2 Altynbekova O.B., Zueva N.YU. (2013-2017) Tipologiya tekstov v uchebnike russkogo yazyka 11 klassa. [Typology of texts in the Russian language textbook 11 class.] Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. No 4 (156). 2015. S. 141–144; Funkcional'no-smyslovye tipy rechi v ehkperimental'nom uchebnike: obshchaya harakteristika. [Functional-semantic types of speech in the experimental textbook: a general characteristic.] Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. 2015. No 6 (158). S. 200–204; Nauchno-metodicheskij kommentarij k ehkperimental'nomu uchebniku. [Scientific-methodical commentary on the experimental textbook.] Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. 2016. No 4 (162). S. 208–213; Tekst-rassuzhdenie i ego vidy. [Text-reasoning and its types.] Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. 2016. No 6 (164). S. 82–87; Funkcionirovanie teksta v Internete: gipertekst. [Functioning of the text on the Internet: hypertext.] Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. 2017. No 4 (168). S. 132–136.
- 3 Altynbekova O.B., Zueva N.YU. (2013) Russkij yazyk. [Russian language.] Probnyj uchebnik dlya 11 klassov obshchestvenno-gumanitarnogo napravleniya 12-letnih shkol. Almaty: Mektep, 2013; Russkij yazyk. [Russian language.] Didakticheskie materialy: Probnoe uchebnoe posobie dlya 11 klassov obshchestvenno-gumanitarnogo napravleniya 12-letnih shkol. Almaty: Mektep, 2013; Russkij yazyk. [Russian language.] Sbornik diktantov i izlozenij dlya 11 klassov obshchestvenno-gumanitarnogo napravleniya 12-letnih shkol. Almaty: Mektep, 2013.
- 4 Uchebnaya programma dlya ehkperimental'nogo 11-go klassa po perekhodu na 12-letnee obrazovanie obshchcheobrazovatel'noj shkoly s russkim yazykom obucheniya. [The curriculum for the experimental 11th grade on the transition to a 12-year education of the general education school with the Russian language of instruction.] Astana: NAO im. Y. Altynsarina, 2013.
- 5 <https://bobych.ru/ege/russk11/vv41bkp-2.html>
- 6 http://tuxtet-1.ucoz.ru/doc/fgos/noo/metod/didakticheskie_priemy_obuchenija.pdf

МРНТИ 14.07.01

Аманбаева Ю.К.,

к. п. н. доцент Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: amanbah@mail.ru

**ОБУЧЕНИЕ НАВЫКАМ
НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СТУДЕНТОВ**

В статье обращается внимание на подготовительный этап в изучении профессионального русского языка. Так как языковая компетенция является неотъемлемой составной частью коммуникативной компетенции, то обращается большое внимание на то, что в данном случае речь идет об оптимальном соотношении форм и видов контроля, которые отражают реальные коммуникативные потребности обучаемых. Доказывается своеобразие жанров, их структуры, которые легли в основу курса. Говорится о важности обучения поискам источников по темам, а также о культуре работы с ними. Материалы, используемые в статье, носят рекомендательный характер для молодых преподавателей.

Ключевые слова: текст, конспект, реферат, аннотация, курсовая работа.

Amanbaeva Yu.K.,
PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: amanbah@mail.ru

Training in the skills of scientific and analytical activity of students

The article draws attention to the preparatory stage of learning professional Russian language. Because the language competence is inseparable part of communicational competence, research is focused on optimal ratio of forms and types of controls that reflects communication necessity of the learners. Article examines and proves uniqueness of genres, the structure, which formed the basis of the course. In addition, importance of learning to search sources by subjects, as well as the culture of working with them are under the question. The materials, used in the paper, a recommendations for young teachers.

Key words: text, abstract, essay, annotation, course work.

Аманбаева Ю.К.,
ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: amanbah@mail.ru

**Студенттердің ғылыми-аналитикалық
іс-әрекетінің дағдыларына үйрету**

Мақалада көсіби орыс тілін үйретуге дейінгі дайындық кезеңіне баса назар аударылады. Тілдік құзыреттілік коммуникативті құзыреттіліктің құрамдас бөлігі болып табылатындықтан, студенттерге коммуникативті түрде қажетті бақылау түрі мен формасының арақатынасы сөз етіледі. Аталмыш курс негізінен енген жанрлар ерекшелігі мен құрылымы анықталады. Белгіленген тақырыптар бойынша әдебиеттер іздеуді үйрету және олармен мәдени жұмыс жасау жайында айтылады. Мақалада пайдаланылған материалдар жас оқытушыларға нұсқаулық ретінде берілген.

Түйін сөздер: мәтін, конспект, реферат, аннотация, курстық, жұмыс.

Введение

Основой овладения языка специальности является научный стиль речи, характеризующийся отвлеченностью, строгой логичностью изложения, значительным числом специальных терминов, определенными особенностями синтаксиса. Наиболее ярко уровень усвоения научного стиля речи проявляется при написании курсовых и дипломных работ (письменная научная речь) и защите (устная научная речь). Поэтому при обучении научному стилю речи необходимо уделять большое внимание какустным, так и письменным реализациям научного стиля речи.

Эксперимент

Студенты учатся создавать первые научные труды – рефераты и курсовые работы, где проявляются их навыки и умения, приобретенные при изучении этого курса. Изложение материала в тексте должно подчиняться определенному плану – мыслительной схеме, позволяющей контролировать порядок расположения частей текста. Универсальный план научного текста, помимо формулировки темы, предполагает изложение вводного материала (вступительная часть, зачин), основного текста заключения. Все научные работы – от реферата до магистерской диссертации строятся по этому плану, поэтому важно с самого начала научиться придерживаться данной схемы. Реферат – первая студенческая письменная работа, которую студенту придется писать в вузе. Под термином «Реферат» объединены два разных вида работы. Рефератом называется краткое проблемное изложение содержания книги или статьи. Их назначение состоит в том, чтобы главное в статье представить в сжатом виде. Они публикуются в отраслевых реферативных журналах. Такие рефераты, как правило, не задаются студентам. Вторая разновидность реферата представляет собой изложение имеющихся в научной литературе концепций по заданной проблемной теме. Именно такого типа рефераты задаются студентам. В отличие от курсовых и дипломных работ реферат пишется не только по специальным, но и по общим предметам. Обычно сдача реферата является формой контроля по определенной теме курса. Преподаватель, проверив реферат, может задать вопросы студенту и, при необходимости, предложить в дальнейшем доработать его в письменном виде. Он является простейшей учебно-научной формой контроля знаний студентов, поэтому к

нему предъявляются небольшие требования. Несмотря на то, что это научная работа, реферат не должен содержать никаких элементов новизны. Достаточно грамотно и логично изложить основные идеи по заданной теме, содержащихся в нескольких источниках, и сгруппировать их по точкам зрения. Подготовка реферата предполагает углубленное изучение первоисточников и способствует всестороннему знакомству с литературой по избранной теме, создает возможность комплексного использования приобретенных навыков работы с книгой, развивает самостоятельность мышления, умение на научной основе анализировать явления действительности и делать выводы для практической работы. Для реферата необходимо обоснование собственного понимания процесса, аргументированное согласие с одной из излагаемых точек зрения. Основные требования, предъявляемые к студенческому реферату: умение работать с научной литературой; учебники и учебные пособия при написании реферата не используются в качестве единственных источников исследования; умения ориентироваться в выборе нужного материала из монографий, научных статей из журналов, хрестоматий; умения выделить проблемы из контекста; применение навыков логического мышления; соблюдение культуры письменной речи; знание оформления научного текста, ссылок, составления библиографии. Таким образом, реферат – это учебно-исследовательская работа студента, включающая обоснование темы, содержание, заключение, список литературы. В сравнении с курсовой и дипломной работой обоснование в реферате свернуто, лаконично, схематично. Он предполагает письменную работу и устный доклад. Реферат напрямую связан с конспектом и строится на умении выделять новую информацию и уметь отрабатывать ее. Вот почему так важно знать разные виды конспектов, их отличительные признаки и достоинства от опорного конспекта до конспекта-реферата.

Другим видом работы является написание курсовой работы, которая предполагает обучение основным навыкам систематизации материала, изучаемого по специализации студента (юриспруденция, информационные системы, финансы и д.р.). Курсовая работа – самостоятельная учебная научно-методическая работа студентов университетов, выполняемая под руководством преподавателя по общенаучным и специальным предметам учебного плана. Имеет целью развитие у студентов навыков самостоятельной творческой работы, овладение метода-

ми современных научных исследований, углубленное изучение какого-либо вопроса, темы, раздела учебной дисциплины (включая изучение литературы и источников). Выполнение курсовой работы – неотъемлемая часть учебного плана по каждой специальности. На первом и втором курсах эта работа выполняется, как правило, по одной из общетеоретических дисциплин. На третьем и четвертом – по дисциплинам специализации и является как бы ступеньками к написанию и защите выпускной квалификационной работы и магистерской диссертации. Целями курсовой работы являются: углубление и расширение теоретических знаний; овладение приемами (навыками) самостоятельной познавательной деятельности; выработка умения формулировать суждения и выводы, логически последовательно и доказательно их излагать; вырабатывание умения публичной защиты подготовленного материала.

Задачи, которые ставятся непосредственно перед студентами при подготовке курсовой работы, включают: изучение литературы, нормативных, справочных и научных источников, включая зарубежные, по теме исследования; самостоятельный анализ основных концепций по изучаемой проблеме; выдвигаемыми отечественными и зарубежными специалистами; уточнение основных понятий; определение объекта и предмета исследования; обобщение предварительно полученных выводов. Все части глав курсовой работы должны быть изложены в строгой логической последовательности и взаимосвязи. Текст целесообразно иллюстрировать схемами, таблицами, диаграммами, графиками, рисунками и т.д. Объем текстовой части 25 – 40 страниц. Соответственно структуре распределяется объем курсовой работы: введение – 1,5 – 3 страницы; каждая из глав по 8 – 10 страниц; заключение – 2 – 3 страницы; библиографический список – 1 страница (должен содержать приблизительно 8 – 10 источников). Структура курсовой работы традиционна. Во введении курсовой работы, в которой рассматриваются основные тенденции изучения и развития проблемы, анализируется существующее состояние, обосновывается теоретическая практическая актуальность проблемы, фиксируется цель и задачи работы. Объем введения не должен превышать 10% объема курсовой работы. (Sokolova V.E., 2013: 48)

Целесообразно начать в теоретической части с характеристики объекта и предмета исследования. Затем сделать небольшой исторический

экскурс, по возможности оценить степень изученности исследуемой проблемы, рассмотреть вопросы, теоретически и практически решенные и дискуссионные, по-разному освещаемые в научной литературе, и обязательно высказать свою точку зрения. Затем следует осветить изменения изучаемой проблемы за более или менее длительный период с целью выявления основных тенденций и особенностей развития. Информация, полученная в процессе чтения различных источников, предназначается для дальнейшего использования в курсовой работе в качестве цитат и рабочих материалов. Для этого ее фиксируют, делают различного вида записи (выписки, план, тезисы, аннотации, конспект и др.). Успешность выполнения работы зависит от грамотного составления плана работы. План – это основа текста, он компактно отражает последовательность изложения материала. План, как форма записи обычно значительно более подробно передает содержание частей текста, чем оглавление книги или подзаголовок статей. Удачно составленный план говорит об умении анализировать текст, о степени усвоения его содержания. Обрабатывая план при чтении текста, прежде всего, необходимо стараться определить границы мыслей, следить, чтобы заголовки – пункты плана наиболее полно раскрывали мысли автора.

В исследовательской части на основе теоретического материала раскрывается состояние вопроса. Материалы, служащие базой для обоснования и анализа, должны быть достаточно полными и достоверными, чтобы, опираясь на них, можно было бы проанализировать положение дел. Следует избегать ненужных сведений, отбирая только те, которые будут использованы в процессе работы. Характер и объем собранного материала зависят от особенности принятой методики исследования, которая согласовывается с преподавателем. Опираясь на выводы по результатам анализа, обосновываются рекомендации и мероприятия по расширению поставленной проблемы. В частности, конкретизируются, какие имеются пути использования вскрытых резервов, устранения недостатков в работе. В заключительной части курсовой работы, в которой студент должен резюмировать изложенный материал, сделать обобщенные выводы. Заключение не должно содержать пересказ содержания исследования. Здесь подводятся итоги теоретической и практической разработки темы, предлагаются обобщения и выводы по исследуемой теме, формулируются рекомендации и предложения, могут намечаться

ся задачи для дальнейшего углубления темы в дипломной работе.

И последним этапом работы является компоновка списка литературы. Он помещается после заключения и имеет заголовок «Список использованных источников и литературы». Включенные в такой список источники должны иметь отражение в тексте работы. Рекомендуемый способ построения библиографического списка в курсовых работах – алфавитный или по видам издания. Конечно же, уровень выполнения курсовой работы зависит от ряда факторов, в том числе – от подготовленности студентов в целом. Поэтому мы рекомендуем в ряде случаев обратиться к курсовой работе реферативного плана.

Результаты и обсуждение

Полученное в результате проведенной работы в группах казахского отделения по разным специальностям позволяют нам рекомендовать следующее:

- Темы для написания рефератов и курсовых работ были подобраны таким образом, чтобы студенты не нашли готовые работы в сети Internet, а первоисточник в написании работ находился на учебном сайте «Бакалавр» (http://bachelor.ukoz.ru/load/vidy_pismenuk_studencheskikh_rabot/bojko_zh_v_ljubickaja_g_s_vidy_samostojatelnykh_rabot_referat_doklad_ehsse/26-1-0-1172)

- в зависимости от специализации студента на этом сайте располагается литература (на русском языке), что служит основанием полагать,

что студент, прошедший курс «Практического русского языка», в полной мере владеет русским языком (понимание терминологической лексики, составление планов и конспектов к текстам) и может написать свою первую студенческую работу.

В начале семестра каждому студенту был предоставлен список курсовых работ по его специализации. Отправной точкой в его исследовательской работе являлся учебник, который можно было скачать с этого сайта и выбрать главу, с которой он впоследствии и работал (создание различных видов конспекта). Однако, преподаватели русского языка предупредили студентов о плагиате, что и послужило следующим этапом работы – нахождение других источников литературы по данной теме – составление конспектов, аннотаций, рефератов-резюме. В ходе работы преподаватели ориентировали студентов на написание рефератов или курсовых работ.

Заключение

Таким образом, при прохождении курса обучения профессионально-ориентированному русскому языку особое внимание необходимо акцентировать на подготовке к написанию самостоятельных студенческих работ. В соответствии с этим при оценке уровня развития речевой деятельности на русском языке наше внимание должно быть направлено более всего на уровень сформированности коммуникативной компетенции.

Литература

- 1 Бойко Ж.В., Любичкая Г.С. Виды самостоятельных работ: реферат, доклад, эссе [Электр.ресурс] http://bachelor.ukoz.ru/load/vidy_pismenuk_studencheskikh_rabot/bojko_zh_v_ljubickaja_g_s_vidy_samostojatelnykh_rabot_referat_doklad_ehsse/26-1-0-1172(дата обращения 19.12.2014)
- 2 Большая советская энциклопедия от 03 февраля 2000 г. [Электр.ресурс]. – 2000. – URL:<http://dic.academic.ru> (дата обращения): 20.12.2012.
- 3 Соколова В.Е. Виды самостоятельных письменных работ: методика написания, правила оформления, порядок защиты. – Хабаровск, Изд-во: ДВГУПС, 2013. – 90с.
- 4 Организация курсового проектирования от 03 февраля 2000 г. [Электр.ресурс]. – 2000. – URL:https://yadi.sk/i/iPtOND_icHGna(дата обращения 01.03.2014).

References

- 1 Bojko ZH.V., Lyubickaya G.S. (2014) Vidy samostoyatel'nyh rabot: referat, doklad, ehsse. [Types of independent work: abstract, report, essay.] [EHlektr. Resurs] http://bachelor.ukoz.ru/load/vidy_pismenuk_studencheskikh_rabot/bojko_zh_v_ljubickaja_g_s_vidy_samostojatelnykh_rabot_referat_doklad_ehsse/26-1-0-1172 (data obrashcheniya 19.12.2014)
- 2 Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya ot 03 fevralya 2000 g. [The Great Soviet Encyclopedia of February 3, 2000.] [EHlektr. Resurs]. 2000. URL:<http://dic.academic.ru> (data obrashcheniya): 20.12.2012.
- 3 Organizaciya kursovogo proektirovaniya ot 03 fevralya 2000 g. [Organization of course design from February 3, 2000.] [EHlektr. Resurs]. – 2000 – URL:https://yadi.sk/i/iPtOND_icHGna(data obrashcheniya.03.2014).
- 4 Sokolova V.E. (2013) Vidy samostoyatel'nyh pis'mennyh rabot: metodika napisaniya, pravila oformleniya, poryadok zashchity. [Types of independent written works: the method of writing, the rules of registration, the procedure for protection.] Habarovsk, Izd-vo: DVGUPS, 2013. 90 s.

МРНТИ 81'23

Байгушикова А.М.¹, Абдуллаева Ж.Т.²,

¹ст. преподаватель, ²к. ф. н., и.о. доцента

Казахского национального университета имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: baygushikova@inbox.ru, zhibek.aknur@mail.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ОБОБЩЕНИЕ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ

В данной статье рассматривается эффективность применения методики систематизации и обобщения знаний в процессе обучения русскому языку студентов. Отмечается, что коммуникативные умения проявляются в умении работать с текстом: определить стиль и тип речи, правильно формулировать тему и идею, различать языковые особенности текста. Утверждается, что это приводит к умению создавать собственные тексты определенного стиля. Результаты проведенных экспериментов показали, что регулярное применение этой методики способствует формированию у студентов прочных и систематических знаний, что является важным условием повышения качества обучения.

Ключевые слова: систематизация и обобщение знаний, коммуникативные умения, функциональные стили речи, критерии выделения стилей, групповая форма работы.

Baigushikova A.M.¹, Abdullaeva Zh.T.²,

¹senior teacher, ² PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: baygushikova@inbox.ru, zhibek.aknur@mail.ru

Systematization and generalization of students' knowledge as a condition for improving the quality of teaching

This article studies the efficiency of applying a method for systematization and generalization of knowledge in the process of teaching Russian language to students. It is noted that communicative skills appear in the ability to work with the text: define a type and a style of the speech, correctly formulate a topic and an idea, distinguish language features of a text. It is also stated that this leads to the ability of creating own text with a certain style. The results of conducted experiments showed that the regular application of this method contributes to the formation of solid and systematic knowledge among students, which is a main condition for improving the quality of teaching.

Key words: systematization and generalization of knowledge, communicative skills, functional speech styles, criteria for style highlighting, group from of work.

Байгушикова А.М.¹, Абдуллаева Ж.Т.²,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ¹аға оқытушысы, ²доценті м.а., ф. ғ. к.,
Казақстан, Алматы қ., e-mail: baygushikova@inbox.ru, zhibek.aknur@mail.ru

Студенттер білімінің жүйелендірілуімен жинақталуы білім алу сапасын жоғарлату шартының бірі

Бұл мақалада студенттерге орыс тілін оқытуда жүйелендіру және жинақтау әдістемесінің тиімділігі қарастырылады. Коммуникативті дағдылар мәтінмен жұмыс істеу қабілетінен көрінеді: сөйлеудің стилі мен түрін анықтау, тақырып пен идеяны дұрыс құру, мәтіннің тілдік ерекшеліктерін ажырату. Бұл белгілі бір стильдегі өзініздің мәтіндерінізді жасауға мүмкіндік беретінің айтады. Осы әдістемені үнемі қолдану студенттер арасында берік және жүйелі білімді қалыптастыруға ықпал ететінің өткізілген тәжірибелердің нәтижелері көрсетті. Бұл білім беру сапасын жақсартудың маңызды шарты болып табылады.

Түйін сөздер: білімді жүйелендіру және жинақтау, коммуникативті дағдылар, стильді бөлу критерийлері, топтық, жұмыс түрі.

Введение

В настоящее время одной из актуальных проблем высшего образования является подготовка специалиста, имеющего высокие способности, глубокие теоретические и практические знания, могущего работать по новому в различных отраслях производства, во время оценивать изменения в жизни, творческого, активного. Новые требования общества обуславливает формирование у студентов способности к самостоятельному усвоению знаний, непрерывному самообучению и самостояльному познанию всю жизнь. Поэтому привитие у студентов навыки самостоятельного познания, научной эрудиции, интеллектуальной активности становится одной из актуальных проблем.

Наиболее главное в процессе обучения русскому языку студентов национальных групп – это формирование навыков употребления усвоенного знания на практике. Для этого необходимо формировать коммуникативные умения студентов. Коммуникативные умения проявляются, прежде всего, в умении работать с текстом: определять стиль и тип речи, правильно формулировать тему и идею, различать языковые особенности текста, а как результат – создание собственных текстов определенного стиля.

Эффективному формированию коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения русскому языку содействует методика систематизации и обобщении знаний. В педагогическом энциклопедическом словаре понятие «систематизация» характеризуется как мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранного принципа (Педагогический энциклопедический словарь, 2008:315).

Одним из способов осуществления системного подхода в образовании является проведение систематизации знаний обучающихся, обучение их приемам самостоятельной систематизирующей деятельности, умению ориентироваться в учебном материале, свободно оперировать усвоенной теорией и применять ее на практике. Сформированность таких качеств у обучающегося является одним из показателей готовности к учебной деятельности в условиях вуза.

Системный подход, в свою очередь, предполагает систематизацию знаний. Систематизация – приведение частей целого в какой-либо определенный порядок, в котором данные части, будучи в известных связях и отношениях друг

к другому, составляют единое целое. Систематизация представляет собой один из видов учебной деятельности преподавателя и студента, который находит отражение во всех звеньях процесса обучения и направлен на овладение студентами системными знаниями высокого качества. Чем больше связей нового материала со старым, тем легче осуществляется процесс запоминания. Одновременно с восприятием информации осуществляется структурирование, как информации, так и самой памяти под влиянием воспринимаемой и уже хранящейся информации. Воспринятая информация отображается в структуре памяти.

«Анализ педагогической практики и специальные исследования утверждают, что функции обобщения и систематизации знаний не сводятся к обычному воспроизведению изученного материала, а несут в себе умение упорядочить изученный материал. Значение обобщения и систематизации знаний неизмеримо повышается при обучении в вузе» (Титова, Буркина, 2015:7).

«При обобщающем повторении из ранее изученного материала не только воспроизводятся наиболее существенные факты, понятия, умения, но и устанавливаются логические связи между ними. Прослеживаются их возникновение и развитие. Изученный материал при этом переосмысливается в целом, что приводит не только к упрочению усвоенного, но и к выстраиванию знаний в краткую структурную систему, тем самым повышается качество усвоения изученного материала, развивается мыслительная деятельность студентов, уменьшается их нагрузка» (Бабанский, 1987: 48).

Эксперимент

Студенты-первокурсники национальных групп имеют представление о речевых различиях официально-делового, разговорного, художественного, публицистического и научного стилей, которое необходимо в процессе обучения русскому языку систематизировать и углубить.

Функциональный стиль речи – это разновидность литературного языка, которая обслуживает ту или иную сферу общественной жизни и характеризуется определенным своеобразием отбора и использования языковых средств в зависимости от условий и целей общения (Гойхман, Надеина, 2007: 105). В русском языке выделяются следующие функциональные стили речи:

научный,
официально-деловой,

публицистический,
художественный,
разговорный.

Стили различны по сфере употребления, цели употребления, средствам выражения и жанрам. Для общей характеристики функциональных стилей речи можно четко выстраивать знания в краткую структурную систему с помощью критериев, на основе которых выделяются стили речи.

Рассмотрим данные критерии:

Первый критерий – это сфера употребления. Стили речи охватывают все сферы жизни человека, при этом у каждого стиля – своя «специ-

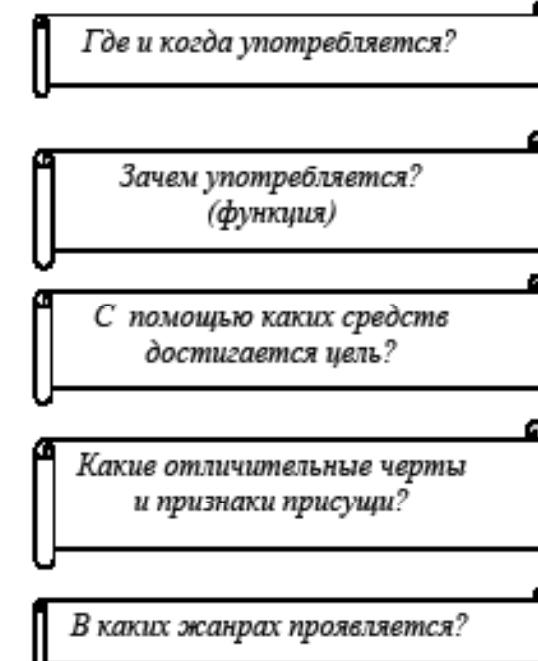
ализация». Важно знать, где и когда употребляется стиль.

Второй критерий – это цель употребления. Для каждого стиля характерна своя функция. Важно знать также, зачем употребляется стиль.

Третий критерий – это используемые средства. Цель в каждом из стилей достигается при помощи своих языковых средств.

Четвертый критерий – это характерные черты. Каждый стиль характеризуется отличительными чертами и признаками.

Пятый критерий – жанры. Наконец, для каждого из стилей характерны свои жанры.

В ходе обобщения знаний студентов по функциональным стилям речи можно использовать вышеназванные критерии выделения стилей речи в качестве ориентира. При этом использование интерактивного метода обучения, в частности, технологию коллективного взаимодействия, т.е. групповую форму работы создает благоприятные условия для более эффективной организации занятия и активного включения каждого студента в учебный процесс. Например, студенты делятся на 5 микрогрупп (по числу стилей речи). В задание каждой группы входит характеристика стили речи по вышеназванным критериям. Работая в группе, студенты имеют право помогать друг другу, вести необходимые записи, консультиро-

ваться с преподавателем. В конце работы каждая группа презентует свой стиль речи, при этом преподаватель исправляет ошибки, дополняет ответы студентов. Другие группы делают записи по презентуемому стилю речи. При совместной деятельности в процессе освоения знаний о функциональных стилях речи каждый студент вносит свой индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями, что позволяет студентам не только получать новое знание, но и развивать свои коммуникативные умения: умения выслушивать мнение другого, участвовать в дискуссии, вырабатывать совместное решение.

Изучая стилистику современного русского языка, его языковые особенности и жанры,

студенты получают универсальные знания по структурно-семантическому анализу текста. Студенты, используя теоретические знания, создают свои собственные тексты. Так они овладевают навыками устной и письменной речи.

Результаты и обсуждение

В процессе проведения эксперимента была установлена эффективность использования данной методики. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что, если систематически использовать такие формы систематизации и обобщения на уроках русского языка, как групповая работа, то:

- расширяются и систематизируются представления обучающихся по предмету;
- формируются навыки самосистематизации и обобщения знаний.

Таким образом, в результате процесса запоминания протекает более качественно, что в дальнейшем при работе с текстами у студентов формируется алгоритм действий определения принадлежности текста к определенному функциональному стилю речи. Эти критерии помогут студентам не только закрепить и упрочить усвоенный материал, но и выстраивать знания по функциональным стилям речи в четкую структурную систему. Это, безусловно, способствует повышению качества усвоения изученного материала.

Систематизация и обобщение знаний и умений обучающихся – одно из основных условий повышения качества обучения. Если преподаватель будет систематически, всесторонне использовать различные формы систематизации и обобщения знаний и умений, то будет повышаться заинтересованность обучающихся в изучении предмета, а, следовательно, будет повышаться и качество обучения.

Заключение

Главное в подготовке студентов состоит не в простом повышении новых знаний на уже имеющиеся, а в том, чтобы вооружить умением самостоятельно усваивать новые знания, непрерывно совершенствуя их систему, критически мыслить и творчески подходить к решению возникающих проблем. Именно такие качества должны определять личность студента.

Основная цель систематизации состоит в указании путей совершенствования, углубления знаний и умений с тем, чтобы создавались условия для последующего включения студентов в активную творческую деятельность.

Таким образом, регулярное применение методики систематизации и обобщения на занятиях русского языка способствует формированию у студентов прочных и систематических знаний, что является важным условием повышения качества обучения.

Литература

- 1 Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 528 с.
- 2 Титова Е.И., Буркина В.А. Преимущество методики обобщения и систематизации знаний // Молодой ученый. – 2015. – №12. – С.10
- 3 Бабанский Ю.К. Интенсификация процесса обучения. – М.: Знание, 1987. – 78 с.
- 4 Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. – 2-ое изд. – М.: ИНФРА – М., 2007. – 272 с.

References

- 1 Babanski U.V. (1987). Intensifikasiya processa obucheniya. [Intensification of process of educating.] M.: Knowledge, 78 p. (in Russian)
- 2 Goihman O.Y., Nadeina T.M. (2007). Rechevaya kommunikaciya: [Speech communication:] Textbook. it is a 2th publ. M.: INFRA, 272 p.(in Russian)
- 3 Pedagogicheskij ehnciklopedicheskij slovar' (2008). [The Pedagogical encyclopaedic dictionary] of release B.M. Bim-Bad. M.: the Large Russian encyclopaedia, 528 p.(in Russian)
- 4 Titova E.I., Burkina B.A. (2015). Preimushchestvo metodiki obobshcheniya i sistematizacii znanij. [Advantage of methodology of generalization and systematization of knowledge] the Young scientist, 10 p. (in Russian)

МРНТИ 81'23

Мухамадиев Х.С.,

к. ф. н. асистент-профессор Satbayev university,
Казахстан, г. Алматы, e-mail:hafiz.55@mail.ru

ЭССЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТЕСТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО УРОВНЯ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается популярный жанр эссе как универсальный тест интеллектуального уровня человека и особенности написания эссе на основе литературных текстов, и отмечается, что использование метафорических ресурсов, заложенных в них, способствует реализации таких специфических особенностей жанра эссе как образность, афористичность, установка на разговорную интонацию. Даётся характеристика притчи-басни и эссе как речевых жанров, которые в равной степени воздействуют на ум и чувства слушателей, а также отмечается, что именно совокупность коррелируемых между собой признаков притчи и эссе принимается во внимание для творческого задания: использовать метафору притчи при написании эссе.

Ключевые слова: эссе, жанр, текст, чтение, метафора, композиция.

Muhamadiev H.S.,

kSc, asistant-professor of Satbayev university,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: hafiz.55@mail.ru

Essay as a universal test of intellectual level of students

The article considers the popular essay genre as a universal test of the intellectual level of a person and the features of writing an essay based on literary texts, and notes that the use of metaphorical resources embedded in them contributes to the realization of such specific features of the essay genre as imagery, aphorism, and intonation. The characteristic of parable-fables and essays as speech genres that equally affect the mind and feelings of listeners is given, and it is also noted that it is the totality of correlated attributes of the parable and essay that is taken into account for the creative task: to use the metaphor of the parable when writing the essay.

Key words: essays, genre, text, reading, metaphor, composition.

Мухамадиев Х.С.,

Satbayev university асистент- профессоры, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail:hafiz.55@mail.ru

Эссе өмбебап ретінде тест интеллектуалдық студенттердің деңгейі

Мақала адам интеллектуалдық деңгейін өмбебап сынақ ретінде эссе танымал жанр талқылайды және әсіресе әдеби мәтіндерді негізделген эссе жазу, және сөйлесу үні туралы архорistic, орнату, оларға енгізілген метафоралық ресурстарды пайдалану, бейнелерді ретінде эссе жанрының ерекше сипаттамалары жүзеге асыруға ықпал ететінін атап өтті. Біз, тең аудитория ақыл мен сезімдерін әсер сөйлеу жанры ретінде мысалдарымен және эссе Нақыл сипаттамасын береді, сонымен қатар, ол шығармашылық тапсырма үшін ескеріледі астарлы әңгімелермен мен очерктер бір-бірімен белгілері байланысты жиынтығы болып табылады, деп атап өтті: эссе жазғанда бір астарлы әңгімесінде метафора пайдалану.

Түйін сөздер: эссе, жанр, мәтін, оқу, метафора, композиция.

Введение

Литературный жанр *эссе* сегодня воспринимается как универсальный *тест* интеллектуального уровня человека, и с этой точки зрения представляется весьма актуальным рассмотреть один из аспектов написания *эссе* на основе литературного произведения. Не изложения текста, близкого по содержанию к оригиналу, не сочинения в обычном понимании, а именно *эссе*. Ведь *эссе* называют «жанром – лидером 21 века», и его пишут школьники и студенты на экзаменах, пишут на конкурсах и олимпиадах по языку и литературе, пишут при поступлении на учёбу и работу в различные учреждения, чтобы доказать свою эрудированность, хорошее владение языком, умение неординарно мыслить.

В последние годы в современной гуманитарной науке и в сфере социальной коммуникации стало востребованным *эссе* – персонифицированный литературный жанр. Главное правило при написании *эссе* – отражение автором собственной позиции, выражения своего отношения к рассматриваемой проблеме, умение высказать, донести до слушателя свою идею. В литературном энциклопедическом словаре по утверждению современных исследователей *эссе* «имеет философский, историко-биографический, публицистический, литературно-критический, научно-популярный или чисто беллетристический характер» (Literary encyclopedic dictionary, 1987: 576).

По определению *эссе* – это «прозаическое произведение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета» (Mugavuyov, 1973: 961).

Исследователь Л.Г. Кайда считает, что главная примета *эссе* – это личность автора, умение неординарно мыслить и выразить своё «я». В речевом плане *эссе* отличают образы, афоризмы, риторические приёмы в своей особой функции разговорного употребления. История становления и развития *эссе* после античных времён связывается с творчеством французского писателя М. Монтеня. «В творчестве М.Монтеня непрятязательная авторская «болтовня» («нечто обо всём») обернулась рождением *эссе*, которое и до настоящего времени считается фигурой высшего пилотажа во всех существующих областях гуманитарных наук» (Kaida, 2004:208).

В полном издании трёх книг знаменитых «Опытов» Мишеля Монтеня на русском языке от редакции подчекнуты основные особенности *эссе*: «Произведение Монтеня, мастера психологического анализа, замечательного писателя, несёт на себе проникнутый неотразимой притягательной силой *отпечаток личности его автора*. Эта книга, глубоко отразив исторический опыт своей эпохи Возрождения, воплотив её лучшие гуманистические устремления, стала неисчерпаемым кладезем жизненной мудрости и тончайших наблюдений над тайнами человеческой души. Она сохраняет непреходящее историческое, философское и эстетическое значение» (Montaigne, 1979:704). Сам же автор, обращаясь к читателю, определённо указывает на своё авторское «я»: «Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предуведомляет тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Назначение этой книги – доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям, они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось. Таким образом, содержанием моей книги – я сам ...» (Montaigne, 1979: 3).

Написание студентами *эссе* как письменного текста креативной направленности можно расценивать как универсальный тест интеллектуального уровня, их «социального интеллекта» и «коммуникативной компетенции». Написание же *эссе* на основе амплификации (распространения или дополнения какой-либо части текста) – рассматривать как интеллектуальную игру («перенесение персонажа в новую ситуацию, «оживление» неодушевлённых персонажей – «взгляд на ситуацию с другой стороны», выражения впечатления от прочитанного). Мы согласны с мнением авторов пособия «Современные стратегии чтения» в том, что «...письменные работы на основе художественного произведения позволяют глубже постичь изученный текст. Но это только часть того, что можно получить в процессе «письменного общения» с произведением. В художественном произведении есть всё, что нужно живой душе». И «общение» с текстом после его анализа даёт возможность создавать собственные произведения по законам того или иного жанра» (Prantsova, 2013: 69)

Одним из таких жанров выступает *эссе*, который может стать не только интеллектуальным опытом, но и результатом креативной вербальной практики.

Эксперимент. Следование разработанному алгоритму создания письменного текста эссе, включающего несколько этапов:

1. сбор информации для актуализации собственного опыта по теме письма (выбор текста, внимательное чтение текста с разбивкой его на микротемы);

2. составление чернового варианта своего текста. Эта часть работы носит предварительный характер. Данный этап предлагается также назвать «свободным письмом» (письмо на время, не задумываясь о правильности).

3. правка-вычитка. При первом чтении проверяются все фактические данные (в том числе и языковые) для улучшения текста, чтобы соотнести содержание и форму.

4. само-редактирование: при чтении своего произведения нужно отнести к своему тексту (после небольшой временной паузы) более объективно и «отстранённо», чтобы заметить большее количество недочётов и исправить ошибки.

Результаты, полученные в ходе проведения данного эксперимента, убеждают в правильности постановки задач. Так, анализ и оценка написанных эссе, согласно приведённому регламенту, показывают их более высокий уровень качества, чем работы, созданные в произвольном порядке.

Результаты и обсуждение

Созданные письменные работы – эссе свидетельствуют о том, что они представляют собой в основном речевые произведения, передающие личностный характер восприятия содержания художественного произведения и собственную авторскую позицию в выражении оценки и выводов, которые ярко отражают эстетические взгляды и душевые переживания молодёжи.

Существенным моментом в интерпретации классического литературного текста является определение его идеи, чтобы выработать авторское отношение к нему, а в речевом плане – найти убедительные способы выражения этого отношения в своём эссе.

Написанию эссе следует обучать и в средней школе, и в вузе, и в магистратуре, и в докторантуре. Например, при написании изложений или сочинений по литературным произведениям в школах, необходимо было понять авторскую мысль, самостоятельно изложить её содержание, а иногда ещё дать оценку тексту. При написании эссе очень важно уметь самостоятельно выделить и понять какую-либо заложенную в про-

изведении мысль, которая чем-то «зацепила», и порассуждать над ней.

Филологи считают, что классические тексты двухтактны. У таких текстов существует эффект первого прочтения, когда многое не понятно с первого раза, но читатель всё же получает эстетическое удовольствие, а затем после разъяснений учителя (комментатора) всё становится ясным, а удовольствие от прочитанного только усиливается. Это, по определению филолога М. Гаспарова, и есть один из признаков классического произведения. Между авторами, книгой и потенциальным читателем нужен посредник, считают исследователи, потому что люди, обученные грамоте, не всегда глубоко понимают написанное – это явление называется функциональной неграмотностью. Об этом явлении приходится говорить, потому что людей, работающих с книгой, встретить непросто, в основном попадаются читающие рефераты. Ещё в конце 20 века О.О. Сулейменов писал, что на смену читателю пришёл зритель.

Вот, что говорит о значимости чтения выдающийся турецкий поэт Назым Хикмет в своей притчепублицистического характера «Чтение»:

«Простирающейся перед нашим взором природой, какими бы ни были её свет и тени, краски и трепет, глаз может насытиться.

Симфонию, какими бы ни были её взлёты, падения и извины, её строй и её философия, слушают час – полтора.

Перед картиной, какими бы ни были её мазки и гладь, движение и композиция, можно простоять не так уж много времени.

Что же касается книги, настоящей книги, которая подобна природе, симфонии и картине, вместе взятым, отражает в зеркале своих страниц человека, общество, природу со всеми их светотенями, глубиной, трепетом, течением и контрастами, её можно читать, не отрываясь, на протяжении многих часов. Чтение – это нечто объединяющее зрение, слух, чутьё и мышление.

Если этого, наибольшего из всех возможных удовольствия, сегодня не испытывают, а во многих случаях и не могут испытывать массы людей, причину тому надо искать не в людях, а в социальных условиях».

На сегодняшний день чтение рассматривается как цивилизационная технология. Поэтому задание написать эссе на после прочтения литературного произведения будет способствовать устранению кризиса чтения в современном обществе

По справедливому замечанию авторов «практикума по созданию эссе»: «для эссе характерно использование многочисленных средств художественной выразительности: метафоры, аллегорические и притчевые образы, символы, сравнения» (Prantsova, 2013: 297).

В начале 21 века в современной гуманитарной науке была представлена система обучения притче как устному жанру повествовательного характера, определено содержание обучения, разработаны оптимальные методы и приёмы обучения. В книге, адресованной студентам-гуманитариюм, особую ценность представляют основные структурные типы притч, их внутрижанровая классификация, характеристика особенностей стиля и языка притч, а также тщательно разработанные риторические практикумы, игры и задания (Tumina, 2008: 68).

Актуализация системы метафор и символов, рассматриваемых в аспекте «Язык и стиль притч» связана с тем, что «глубинный смысл, идея, заключенная в притчевом произведении передаётся с помощью метафорических образов, которые могут приобретать символическое значение» (Tumina, 2008: 69). В процессе восприятия притчи читатель (шире – адресат), постигая нравоучительную мысль в контексте произведения, приходит посредством различных ассоциаций к аналогу, а от него к аллегории и далее к символу, формируя при этом собственный гуманитарный дискурс.

Основной единицей исследования в названном направлении признаются метафорические и символические ресурсы притчи, которые позволяют развить самосознание человека и строить особые уровни социальной коммуникации, воздействуя мягко и результативно. В действительности, использование притчи делает речь яркой, образной, поучительной. Это особенно важно для преподавателя-филолога, который в своей деятельности выступает не только как информатор, но и как рассказчик, который может выработать дискурс повествователя, развить свои импровизационные умения и способности. Притчи предоставляют в этом плане большие возможности.

С древних времён притчи применяли для обучения, культурного и нравственного воспитания молодёжи. Так, житейская мудрость, заключённая в притче-басне, учит думать, находить решение проблем, развивает логику мышления и интуицию.

Притча-басня как разновидность притчи занимает в жанровом отношении промежуточное

положение между притчей и басней. Подобно своему жанровому оригиналу, притчи-басни отличаются статикой характеров и отсутствием развитого сюжета. Некоторые из них представляют развёрнутые уподобления, в основе которых лежат предельно скатые басенны сюжеты, иногда в объёме одного предложения.

В притчах-баснях сохраняется один из важных признаков притчи: внутренняя диалогичность для проверки какой-либо истины путём столкновения разных точек зрения, либо провокирования адресата к поступку. Примером такой внутренней диалогичности может служить притча-басня «Об ослике и коне». По сюжету притчи, гордый конь не взял часть груза, о чём просил его ослик. Но когда ослик выбился из сил, весь груз хозяин переложил на коня, а ослик побежал налегке. Здесь взаимодействует несколько точек зрения: ослика, коня, автора и читателя-адресата.

Часто притчи-басни превращаются в увлекательные сценки, что достигается обилием диалогов действующих лиц и отсутствием толкований. Особая выразительность данного структурного типа позволяет использовать притчи-басни для создания эссе.

Может возникнуть вопрос: а как узнать, какую притчу-басню, в каком случае рассказывать? Чаще всего на помощь приходят два незаменимых помощника – здравый смысл и интуиция. Но и они вряд ли помогут вовремя вспомнить, если в памяти нет достаточного арсенала притч. Следовательно, их нужно начать коллекционировать. Понравившиеся притчи надо периодически перечитывать. Это полезно как для запоминания, так и для лучшего понимания их смысла.

Рассказывать притчи можно не только в процессе общения с учащимися в подходящий момент, но и в самом начале коммуникации. Тогда небольшое по объёму литературное произведение может выступить в качестве своеобразного эпиграфа к предстоящей работе, создавая соответствующий настрой в учебной группе. Притчи-басни воспринимаются с интересом и побуждают адресата к пониманию сложных смысловых закономерностей и отношений между разными явлениями.

Заключение

Таким образом, творческое учебное задание: написать эссе по выбранной или предложенной притче, представляет собой одно из таких побуждений к стремлению постигнуть порой самые обычные истины.

На вечные вопросы: что есть добро и что есть зло, что верно и что неверно — каждому человеку предстоит найти ответы самостоятельно. И в этом практика написания эссе — надёжный ему помощник, потому что этот жанр предпо-

лагает игру ума и воображения. А метафорические и символические ресурсы художественных текстов позволяют развить самосознание человека и строить особые уровни социальной коммуникации.

Литература

- 1 Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – 576.
- 2 Муравьёв В.С. Эссе // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1973. Т.8 – С. 961.
- 3 Кайда Л.Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учебное пособие. – М.: Флинта, 2004. – 208 с.
- 4 Монтень М. ОПЫТЫ. В трёх книгах. Книги первая и вторая. – М.: Наука, 1979. – 704 с.
- 5 Прантцова Г.В., Романичева Е.С. Современные стратегии чтения: теория и практика: учебное пособие. – М.: Форум, 2013. – 368 с.
- 6 Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия: учебное пособие. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 368 с.

References

- 1 Literaturnyj enciklopedicheskij slovar. (1987). [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, 576 p. (In Russian)
- 2 Muravyov V.S. (1973). Esse. Kratkaya literaturnaya enciklopediya.[Essays. A brief literary encyclopedia]. Moscow, 961 p. (In Russian)
- 3 Kaida L.G. (2004). Stilistika teksta: ot teori i kompozicii – k dekodirovaniyu: uchebnoe posobie. [Stylistics of the text: from the theory of composition to decoding: a textbook]. Moscow: Flinta, 208 p. (In Russian)
- 4 Montaigne M. (1979). Opyty. V treh knigah. Kniga pervaya I vtoraya. [EXPERIENCE. In three books. Books are the first and second]. Moscow: Nauka, 704 p. (In Russian)
- 5 Prantsova G.V. (2013). Romanicheva E.S. Sovremennye strategii chteniya: teoriya I praktika: uchebnoe posobiye. [Modern reading strategies: theory and practice: a tutorial]. Moscow: Forum, 368 p.(In Russian)
- 6 Tumina L.E. (2008). Pritchka kak shkola krasnorechiya: uchebnoe posobie. [Parable as a school of eloquence: a tutorial]. Moscow: Publishing house LCI, 368 p. (In Russian)

МРНТИ14.07.07

Салханова Ж.Х.¹, Хайрушева Е.Е.²,

¹д. п. н. профессор, ²ст. преподаватель ,
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: salkhanova.zhanat@mail.ru; khairusheva@mail.ru

МОДЕЛИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ

В статье рассматривается проблема полиязычия, анализируются модели билингвального обучения. Отмечается, что полиязычие как объект исследования охватывает лингвистический, психологический, социологический, педагогический и другие аспекты. Процесс параллельного обучения нескольким языкам предусматривают аддитивную, паритетную, дублирующую и вытесняющую модели. В статье утверждается, что наиболее перспективными являются аддитивная и паритетная модели обучения как содержательно и процессуально соответствующие целям современной системы обучения дисциплинам языкового цикла, способствующие выполнению социального заказа в подготовке компетентной языковой личности, владеющей наиболее востребованными в обществе языками.

Ключевые слова: полиязычие, билингвизм, педагогические аспекты, модели обучения.

Salkhanova Zh.Kh.¹, Khairusheva Ye.E.²,

¹ Professor of al-Farabi Kazakh, ²Assistant Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: salkhanova.zhanat@mail.ru; khairusheva@mail.ru

Models of bilingual education in the conditions of multilingualism

The article deals with the problem of multilingualism, analyzes the model of bilingual education. It is noted that multilingualism as an object of study covers linguistic, psychological, sociological, pedagogical and other aspects. The process of concurrent learning in multiple languages provide additive, parity, duplicating and displacing the model. The article argues that the most promising are additive and parity models of teaching as content and process corresponding to the goals of the modern system of teaching the disciplines of the language cycle, contributing to the implementation of social ordering in the preparation of the competent linguistic personality, which owns the most popular languages in the society.

Key words: multilingualism, bilingualism, pedagogical aspects, learning models.

Салханова Ж.Х.¹, Хайрушева Е.Е.²,

әл-Фараби атындағы Қазак ұлттық университетінің ¹профессоры, ²аға оқытушы,
Казақстан, Алматы қ., e-mail: salkhanova.zhanat@mail.ru; khairusheva@mail.ru

Көптілділік жағдайындағы билингвалдық оқыту моделдері

Мақалада көптілділік проблемасы зерттеледі, билингвалдық оқыту моделдері талданады. Көптілділік зерттеу обьектісі ретінде лингвистикалық, психологиялық, социологиялық, педагогикалық және басқа да аспекттері қарастырылады. Бірнеше тілдерді оқыту жүйесінде аддитивтік, паритеттік, қайталауға және ығыстыруға арналған моделдері негізгі орынады. Ең маңызды ретінде, оқытудың мазмұндық және процессыалдық мақсаттарына сәйкес келетін, қазіргі замандағы тілдік пәндер жүйесін оқытудың дағы сай, әлеуметтік тапсырысты орындауға ықпал ететін, қоғамда неғұрлым сұранысқа ие тілдері ді еркін менгерген тұлға дайындау жүйесінде аддитивтік және паритеттік моделдері болып табылады.

Түйін сөздер: көптілділік, екітілділік, педагогикалық аспекттері, оқыту моделдері.

Введение

Востребованность языкового знания и языковой личности в полиязычном информационном пространстве XXI века объяснима с позиций расширения политических, экономических, научных, культурных и иных связей. Проблема развития языкового сознания в Республике Казахстан приобрела статус не только образовательной, но и политической ориентированности, стала вопросом государственной важности в условиях многонационального Казахстана. Сегодня актуальным является вопрос о триединстве языков, инициированный Президентом Н.А.Назарбаевым. В Послании народу Казахстана в числе 30 приоритетных направлений развития государства Н.А. Назарбаев называет такой компонент как духовное развитие народа Казахстана и триединую языковую политику (Назарбаев, 2010).

Образовательная политика в области обучения предметам гуманитарного цикла основывается на признании важности всех языков и создания необходимых условий для развития полиязычия на территории нашего государства. Учитывая различные трактовки языковых явлений, заметим, что речь идет не просто об обучении языку или двум языкам, а в целом о полилингвальном образовании.

Эксперимент

В настоящее время дефинициями «лингвистическое образование», «полилингвистическое образование», «полилингвокультурная личность», «билингвальное образование» пользуются более чем широко, в эти понятия зачастую вкладывают диаметрально противоположный смысл, так что иногда возникает впечатление, что участники разговора имеют в виду не одно, а несколько понятий. Мы, в какой-то мере обобщив некоторые определения полилингвального образования и соотнеся их с собственной педагогической практикой, руководствуемся следующей дефиницией: полилингвальным является такое образование, когда в процессе обучения используется более двух языков.

В справочной литературе понятия билингвизма, мультилингвизма, полилингвизма определяются как тождественные и означают употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности; употребление индивидуумом или группой людей нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с

конкретной коммуникативной ситуацией. Полилингвизм как объект исследования охватывает лингвистический, психологический, социологический, педагогический и другие аспекты.

Результаты и обсуждение

Лингвистический аспект изучения предусматривает анализ соотношения структур и структурных элементов двух или более языков, их взаимоотношения, взаимовлияния, взаимодействия на всех уровнях языковой системы; выявление дифференциальных признаков каждого из контактирующих языков, установление, таким образом, общих и специфических моментов в звуковом составе, лексике и грамматическом строе; исследование содержания проявления транспозиции и интерференции родного языка в процессе изучения второго языка; лингвистическое объяснение причин интерференции, прогнозирование возможных интерферентных явлений. Основным методом изучения контактирующих языков в этом аспекте является сопоставительно-типологический.

Психологический аспект связан с рассмотрением вопросов о влиянии многоязычия на общее интеллектуальное развитие и развитие родной речи; как проявляется в подобных условиях единство языка и мышления, какое влияние оно оказывает на иноязычное мышление; каков механизм проявления транспозиции и интерференции родного языка в речи на втором языке; каков механизм функционирования родного и неродного языков при раннем и позднем дву-и-многоязычии, какие характерные особенности полиглотов обнаруживаются на каждом этапе его формирования.

Социальный аспект многоязычия связан с выявлением общих функций каждого из наиболее востребованных в обществе языков. В круг этих функций входят язык как средство межнационального и международного общения, в качестве языка обучения, языка делопроизводства, средств массовой информации, научной, учебной, художественной литературы, языка семейно-бытовой сферы и, конечно, в первую очередь, как государственный язык.

Социальный аспект исследования связан с определением общественных функций и сфер применения каждого из языков, и в условиях многонациональных стран, к каким относится наше государство, именно этот аспект во многом определяет языковую политику. Отечественные ученые обращают внимание на тот факт, что

функционирование языков в обществе представляет собой явление неоднозначное и не всегда предсказуемое. Например, Э.Д.Сулейменова, рассматривая проблемы языковой политики, отмечает, что на данный момент статусное планирование и корпусное строительство государственного языка в Казахстане все еще не совпадают и вопросы пропаганды, обучения казахскому языку не теряют своей актуальности (Сулейменова, 1989).

Педагогический аспект многоязычия рассматривает вопросы методического характера: какое время считать наиболее продуктивным для изучения родного и второго языков, в каком возрасте целесообразнее начинать изучение иностранных языков при отсутствии соответствующей речевой среды, следует ли изучать несколько языков параллельно или более эффективным путем считать последовательное погружение в языковую среду, какие методы, приемы, способы и технологии обучения считать результативными в процессе изучения дисциплин языкового цикла. В настоящее время наибольшее распространение получили модели билингвального обучения различных уровней. Рассмотрим основные модели.

Дублирующая или сопровождающая модель используется, как правило, на начальном этапе обучения и предлагает предъявление одной и той же единицы содержания на родном и втором языках. К примеру, описание одного и того же или сходного явления, понятия, процесса. Данная модель способствует накоплению фонда языковых средств, способных адекватно выразить предметное содержание. В процессе использования этой модели у обучающихся устанавливается устойчивая ассоциативная связь между содержательной единицей и набором языковых средств. Однако, отметим, что эта модель не может быть универсальной, поскольку, во-первых, не все явления и понятия могут быть продублированы в родном и втором языках, во-вторых, процесс дублирования представляется упрощенным, способным сдерживать, ограничивать по-знавательные потребности учеников.

Аддитивная или дополняющая модель предполагает предъявление на втором языке дополнительной информации к изученному на родном языке материалу. Она обычно берется из иноязычных источников и презентуется в форме связного текста, устного рассказа, аудиозаписи или видеоматериала. Сравнительный анализ основного и дополнительного содержательных блоков осуществляется на родном или втором

языке. Использование данной модели не только укрепляет ассоциативную связь между учебным материалом, но и развивает языковое сознание и языковое чутье, способствует погружению в содержание дисциплины.

Паритетная модель предполагает равноправное изучение и использование родного и второго языков в раскрытии предметного содержания при условии наличия у учеников развитой лексической компетенции, выражющейся в:

- знании основного понятийного аппарата,
- различении семантических нюансов и особенностей использования некоторых терминов,
- владении в определенном объеме лингвистической терминологией.

Данная модель приближает к главной цели билингвального обучения – формирование двуязычной личности, способной свободно реализовать свои коммуникативные потребности независимо от того, какой язык следует использовать в ситуации практического общения.

Вытесняющая модель предполагает такой уровень владения вторым языком, когда он вытесняет родной, становится доминирующим как в теории, так и в практике. Использование данной модели возможно на очень высоком уровне развития языкового образования в целом, использование в учебном процессе активных форм обучения, таких как учебные проекты, интенсивные методики, оптимизация процесса обучения и т.д. Данная модель реализуется при особых социальных условиях, когда формирование билингвальной личности становится заказом общества, и само общество может существовать только в условиях дву-и-многоязычного поля. Примером успешной реализации этой модели является преподавание и функционирование русского языка в странах советского пространства, когда русский язык практически вытеснил родные языки наций и народностей, искусственно приостановил естественный процесс развития языкового сознания.

Заключение

Функционирование в практике обучения называемых моделей, на наш взгляд, правомерно не только применительно в билингвальному, но и полилингвальному обучению. Наиболее перспективными представляются аддитивная и паритетная модели как содержательно и процессуально соответствующие целям современной системы обучения дисциплинам языкового цикла, способствующие выполнению социаль-

го заказа в подготовке компетентной языковой личности, владеющей наиболее востребованными в обществе языками.

Данные модели обучения могут стать основой для выработки комплексной модели развития коммуникативной языковой компетенции, формирования трехязычной личности, способной в равной степени осуществлять речевую деятельность и реализовывать коммуникативные потребности посредством языка и речи. В последнее время актуальным становится коммуникативный подход в процессе обучения языкам. При этом, аналитики указывают на отсутствие или недостаточное развитие компетентностного подхода, под которым понимается образование,

ориентированное на результат в форме компетенций (Хасанов, 1987; Берденова, 2006).

Перспективы темы исследования заключаются в поиске новых систем организации речевой подготовки, с внедрением коммуникативных форм обучения, в центре которых в качестве инструментария, цели и результата находится процесс общения. Обучение внутренним связям высказывания и внешним языковым средствам их выражения в условиях непосредственного речевого общения, т.е. обучение языку на основе отобранных наиболее важных в целях практической коммуникации лексико-грамматических тем, на наш взгляд, является одним из перспективных путей и способов решения проблемы.

Литература

- 1 Новое десятилетие – новые экономический подъем – новые возможности: Послание Президента РК Н. Назарбаева народу Казахстана. – Астана, 2010. – 36 с.
- 2 Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алматы: Наука. 1989. – 160 с.
- 3 Хасанов Г.Н. Казахско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Алматы : Наука, 1987. – 196 с.
- 4 Берденова С.Ж. Формирование коммуникативной компетенции полиязычной личности: автореф. дис.... к.п.н. – Алматы, 2006. – 27 с.

References

- 1 Berdenova S. J. (2006). Formirovanie communicativnoi competensii poliazichnoi lichnosti: [Forming the communicative competence of a multilingual personality:] avtoref. dis...c.p.n. Almaty. 27 p.(In Russian)
- 2 Hasanov G. N. (1987). Kazaksko-russkoe dvuiazhicie (sosiologicheski aspekt). [Kazakh-Russian bilingualism (sociolinguistic aspect)]. Almaty: Science.196 p. (In Russian)
- 3 Nazarbayev N. (2010). Novoe desetiletie – novie ekonomicheski podiem – novie vozmozhnosti Poslanie Presidenta RK narodu Kazakstana. [New decade – new economic rise – new opportunities: a message from the President of RK to people of Kazakhstan]. Astana. 36 p. (In Russian)
- 4 Suleimenova E. D. (1989). Poniatie smisla v sovremennoi lingvistike. [The Concept of meaning in modern linguistics.] Almaty: Science. 160 p. (In Russian)

Turebekova R.S.,

Assistants Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: tore.raushan@mail.ru

COMMUNICATIVE ASPECT OF STUDYING OF FEATURES OF THE SCIENTIFIC SPEECH

In this article forms and types of speech activity in system of communicative situations are considered, various stages of scientific and technical cooperation are analyzed. The first year university students of the Kazakh departments studying Russian according to the program of discipline "Professionally oriented Russian language" learn a quite extensive volume of lexical and grammatical material. On the basis of educational and scientific texts students get acquainted with a wide range of data on their specialty and as a result get a large supply of terms and syntactic structures, typical for the language of this specialty. Text-books on scientific style of Russian and the concrete situations which future specialists meet in their practical professional activity aren't considered. It means that more attention should be paid to the communicative-functional aspect which can be realized in the course of training on the specialty language. Therefore one of the main objectives of the course "Professionally oriented Russian language" is not further expansion of a stock of terminological lexis which future young specialists have to acquire, but training students' abilities to cope with the communication situations which can appear in their practical professional work.

Key words: speech situation, speech activity, scientific style, communicative methods, terminology of texts, terminological vocabulary.

Төребекова Р.С.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің аға оқытушы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: tore.raushan@mail.ru

Ғылыми сөйлеу ерекшеліктерін коммуникативті аспектіде зерттеу

Мақалада ғылыми-техникалық ынтымақтастықтың әртүрлі сатыда талдануы, коммуникативті жағдаят жүйесінде сөйлеу қызметінің түрі және формасы қарастырылады. Университеттің қазақ тобының бірінші курс студенттері орыс тілі «Көсіби мақсаттарға арналған орыс тілі» бағдарламасының пәнін оқып, грамматикалық және лексикалық мәліметтерді кең ауқымда менгереді. Атапмұш мамандықтың нәтижесінде тілдің синтаксистік құрылымы мен үлкен терминдер қорын менгереді және студенттер ғылыми мәтіндермен танысып, мамандықты кеңірек түсінеді. Оқулықта орыс тілінің ғылыми стилінде болашақ мамандардың тәжірибелік көсіби жұмыстары үшіннақты жағдаяттар қарастырылаған. Бұл дегеніміз, тіл мамандығын оқу барысында коммуникативті-функционалдық аспектіге үлкен көніл бөлу қажет. Сондықтан да, тәжірибелік көсіби жұмысқа әсер етуші, қаншама студенттердің оқуы және олардың қарым-қатынас жағдаяттарынан шыға білуі, болашақ және жас мамандардың терминалологиялық лексика қорын менгеруі «Көсіби мақсаттарға арналған орыс тілі» курсының негізгі міндепті болып табылады.

Түйін сөздер: сөйлеу жағдаяты, сөйлеу қызметі, ғылыми стиль, коммуникативтік тәсіл, терминалологиялық лексика.

Туребекова Р.С.,

ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: tore.raushan@mail.ru

Коммуникативный аспект изучения особенностей научной речи

В этой статье рассматриваются формы и виды речевой деятельности в системе коммуникативных ситуаций, анализируются различные стадии научно-технического сотрудничества. Студенты первых курсов казахских отделений университета, изучая русский язык по программе дисциплины «Профессионально ориентированный русский язык», постигают довольно обширный объём лексического и грамматического материала. На основе учебно-научных текстов студенты знакомятся с широким спектром сведений по специальности и в результате приобретают большой запас терминов и синтаксических структур, характерных для языка данной специальности. В учебных пособиях по научному стилю русского языка не учитываются те конкретные ситуации, с которыми будущие специалисты встречаются в своей практической профессиональной деятельности. Это значит, что большее внимание следует уделять коммуникативно-функциональному аспекту, который может быть реализован при обучении языку специальности. Поэтому одной из основных задач курса «Профессионально ориентированный русский язык» является не столько расширение запаса терминологической лексики, которым должны владеть будущие и молодые специалисты, сколько обучение студентов в их умении справиться с ситуациями общения, возникающими в практической профессиональной работе.

Ключевые слова: речевая ситуация, речевая деятельность, научный стиль, коммуникативные способы, терминологическая лексика.

Introduction

The students learning Russian are trained in specialty language on a quite volume of lexical and grammatical material reflecting a wide profile of disciplines. It gives them both a lot and not enough. It is a lot in the sense that on the basis of educational and scientific texts students get acquainted with a wide range of data on the specialty and as a result get a large supply of the terms and syntactic structures characteristic of language of this specialty. It isn't enough in the sense that this stock remains more or less passive as in the textbooks at such system of training those concrete situations which future experts will meet in their practical professional activity aren't considered. It means that the bigger attention should be paid to the communicative functional aspect which can be realized when training in specialty language. Therefore one of the main objectives of the course «Professionally oriented Russian» and «Russian for the Professional Purposes» is not so much expansion of a stock of terminological vocabulary which future specialists should acquire (it is already quite large), but training students' ability to cope with the situations of communication arising in practical professional work.

Experiment

Theoretically, for the solution of this goal it is necessary to carry out the analysis, which

situations, themes and types of speech activity are shown and with the help of which language means they are realized (The manual on the scientific style of speech, 2004: 35). First, this analysis has given us more clear idea of types (forms) of scientific-technical cooperation. Secondly, we have received the data on scientific-technical cooperation allowing to indicate some general tendencies of the speech in such communicative situations. Thus, it is possible to draw conclusions what communicative situations are met at separate stages of scientific-technical cooperation as well as communicative methods corresponding to them, and also what types of speech activity prevail in these or those situations. It should be noted that communicative situations (conference), communicative methods (the report, discussion) and types of speech activity (speaking, listening) are in close dependence from each other.

The scientific-technical cooperation presented as a complex of communicative situations can be divided into certain stages. The lower stages are such forms of scientific-technical cooperation which symbolically can be called "scientific tourism". Texts of 'scientific tourism' in most cases are in the form of dialogues of the oral scientific speech. Prevailing there are such communicative situations as conversations, exchange of information of research or production character, speaking in the form of monologues at discussion or participation in working meeting. Such communicative ways as a question, the answer, expression of desire, request, the

recommendation, rejection of the offer, consent, objection, etc. are typical for the oral scientific speech. Among types of speech activity here prevail speaking and listening while reading and writing in Russian occupy insignificant share. Writing, in particular, acts in the form of drawing up and discussion of simple statements and protocols, a formulation of intentions, drafts of working programs, etc. As circumstances of creation of these texts are deprived of a strict legal or diplomatic ceremonies and the obligations following from such documents don't reach the level of agreements or contracts it is enough for authors of such documents to have general ideas of their form, so that formulations should be exact and unambiguously clear. Such conversations are remarkable for a quite high degree of ease, uncertainty and non-obligation that predetermines using language means of non-strict scientific speech (Miftrofanova, 1995: 49).

'Scientific tourism' accompanies such type of scientific-technical cooperation which would be possible to call "work with literature on the specialty". It is possible to define passive and active work with literature. Passive work with literature consists in drawing up secondary texts in Kazakh on the basis of primary texts in Russian. At this level creation of translations, preparing different types of papers, drawing up the summaries, abstracts, plans are carried out. Language means used while oral and written transforming of primary texts into secondary are defined by the theory and practice of translation. As scientific-technical cooperation between countries becomes closer, active work with literature gets the increasing distribution among experts. This form of work with literature consists in creation of primary texts in Russian – articles, reports, abstracts or summaries to self-publications, reports, offers, catalogs, and writing of monographs as well. It is possible to add that the most important communicative ways in these cases are the description, definition, statement, proof, denial, revealing of advantages and shortcomings, exposition and discussion of figures, schedules, charts, etc. Reading is the dominating speech activity while drawing up secondary texts, but in the case of primary texts it's writing. Oral types of speech activity during the passive work with literature take place in the cases of references' search or verifying of contents of the processed primary texts. Active work with literature assumes more frequent conversations for discussion and editing primary texts, and also for coordination of plans and terms of their delivery, discussion of results, final editing, etc.

The following stage of scientific-technical cooperation assuming higher level of requirements

is a stage of the meetings which are taking place within more strict organization on more definite protocol, than at the level of 'scientific tourism'. This kind of meetings are the congresses, symposiums, colloquiums, working meetings, etc. During these meetings speech situations of the first stage of scientific-technical cooperation "are synthesized". Specialists participating in this form of scientific-technical cooperation have to be able to use them more intensively and purposefully, for example, to be ready to perception of the content of longer pieces of the oral monologue speech typical for reports, discussions (listening), and also to acquaintance to the materials connected with this meeting (reading) and for purposeful collecting and competent transfer of data on the specialty (speaking) as well.

The texts created in these conditions in many respects are similar to texts at a stage of 'scientific tourism' or working with literature, but there are also essential distinctions between them both in an external form and according to contents. So, in oral and written types of the speech uncertainty is replaced with definiteness, validity and obligation; ease of conversations remains only at meetings between acquaintances, on receptions, etc., and oral scientific and everyday informal conversation intertwine with each other – the phenomenon presenting special difficulty for young specialists. As for contents, the increasing value gains 'terminology' of texts. Except exact terms, the specialist has to know "concretizing" means of expression as well and be able to use them pertinently without complete excluding, however, and "soft" formulations (Vishnyakova, 2001: 56).

Result and discussion

At the following stages of scientific-technical cooperation there is a difference in complexes of communicative situations: while for specialists of science and technology and of culture and art professional development during Master's and doctoral studies is of primary importance, for specialists of industrial sector on the primary place is a working business trip for the purpose of expansion and deepening of scientific-technical cooperation which foundations are laid at the previous stages. It is possible to stop shortly at stages of Master's course, doctoral studies and training. At these stages there is one aim – replenishment and expansion of the knowledge acquired earlier. Such purpose puts in the forefront the communicative situations connected with work at departments or in laboratories of higher education institutions and at research in-

stitutes, search of literature in libraries (both in real, and in virtual), visits to scientific, technical institutions or manufacturing enterprises, etc. The communicative ways corresponding to these situations have already been presented at subordinate stages of scientific-technical cooperation, but at the stages of doctoral studies and training they obviously prevail and demand from the specialist more independence in their realization.

At recognition of situations and adaptation to them the crucial role is played by self-experience of specialists. The specialists passing the lower steps of scientific-technical cooperation experienced more difficulties, than the experts having such experience who, though haven't reached fluency of the speech, associated situations with the language means, necessary for their realization, easier. It is interestingly that participants of the congresses and working business trips improve their knowledge and skills more successfully, than doctoral candidates and trainees. Apparently, it is connected with strong mental and intellectual tension mobilizing will and forces which are typical for such events, especially in the foreign-language speech environment. Trainees and doctoral candidates consider their knowledge and skills acquired during a long term in small «portions» and with high frequency repeatability, rather strong.

At the stage of working business trips of scientific-technical cooperation specialists meet absolutely new communicative situations. For example, the negotiations assuming big independence at promotion of offers and decision-making, discussion and coordination of documents, visits not only to research establishments, but also to the industrial enterprises or the economic organizations. At this stage the same communicative ways, as at the lower steps of scientific-technical cooperation are presented, but they are realized by speech means which provide the highest degree of clearness, concreteness and argumentativeness of the formulations having legal character. The summaries which are orally formulated during discussions, conclusions, decisions often coincide with formulations of written language (Sokolova, 2012: 75). It demonstrates

the great value which is got by skills and abilities in the field of written language at the considered stage of scientific and technical cooperation

At higher stages of scientific-technical cooperation the most part of work is preparation of documents – from development of preliminary projects to final editing the coordinated and approved resolutions. The communicative situations typical for these stages – negotiations. In the beginning they have a character of consultations which during work on the document gain the increasing concreteness peculiar to discussion and coordination. Communicative ways on this top stage of scientific-technical cooperation have all those features of scientific and technical communication which have been already said about – from the non-obligation of advisory conversations typical for scientific tourism, to the severity of formulations typical for negotiations at the level of working business trips. Mastering communicative situations at the top stages of scientific-technical cooperation requires strong possession of oral and written «legal» terms in the wide range, and deep knowledge of the corresponding scientific terminology as well. Language training of technical staff has to be concentrated on development of the skills and abilities necessary for implementation of scientific-technical cooperation at the lower steps in the beginning – to a step of working business trips during the performing of professional duties or business (Motina, 2008: 63).

Conclusion

In the conclusion we should emphasize that language ensuring of the scientific-technical cooperation is very complex and perspective problem. Here training of language means a joint of scientific and official styles. The elective course of Russian in national and foreign audiences «Russian for the professional purposes» just assumes studying of language means of scientific-technical cooperation at the senior years of university's course. This course is updated and improved every year, reacting and responding to modern requirements.

Литература

- 1 Пособие по научному стилю речи. – М.: Наука, 2004. – 320 с.
- 2 Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1995. – 231 с.
- 3 Вишнякова С.А. Теоретические основы обучения моделированию научного текста. – СПб., 2001. – 258 с.
- 4 Соколова М.В. История туризма. – М., 2012. – 358 с.
- 5 Мотина Е.И. Язык и специальность. – М., 2008. – 243 с.

References

- 1 Mitrofanova O.D. (1995). Nauchnyiy stil rechi: problemi obucheniya [The scientific style of speech: the problem of learning]. M.: Russkiyyazyik, 231 p. (In Russian)
- 2 Motina E.I. (2008). Yazyik i spetsialnost [The language and the specialty]. M., 243 p. (In Russian)
- 3 Posobie po nauchnomu stilyu rechi (2004). [The manual on the scientific style of speech]. M.: Nauka, 320 p. (In Russian)
- 4 Sokolova M.V. (2012). Iстория туризма [The history of tourism]. M., 358 p. (In Russian)
- 5 Vishnyakova S.A. (2001). Teoreticheskie osnovy obucheniya modelirovaniyu nauchnogo teksta [The theoretical bases of teaching modeling of scientific text]. SPb., 258 p. (In Russian)

Chekina E.B., Tuleubaeva B.B.,

Seniors teachers of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: vesna-elena@rambler.ru, tuleubaeva.b@mail.ru

**LANGUAGE TRAINING FROM THE POINT
OF COMPETENCE APPROACH
IN PROFESSIONAL-ORIENTED TRAINING**

The article is discussing the aims and tasks of teaching languages in a non-linguistic institution from the perspective of a competence approach. The competence approach presupposes the creation of a new educational model of a specialist with a developed professional competence. The authors draw attention to the fact that when determining the characteristics of modern language education as a process, the student is promoted to the rank of the subject of educational activity and the subject of intercultural communication. Professional oriented training of specialists from the position of competence approach should provide not only a certain level of knowledge, skills and abilities of students in foreign / second languages, but also form their readiness to perform foreign language activities in the process of solving practical and theoretical problems, as well as for further self-development and self-education, that is, foreign-language professional and communicative competence.

Key words: foreign-language communicative competence, competence approach in teaching languages, professional oriented training of specialists, language personality, professional communication.

Чекина Е.Б., Тулеубаева Б.Б.,

Әл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университетінің аға оқытушылары,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: vesna-elena@rambler.ru, tuleubaeva.b@mail.ru

**Тілдерді оқыту тұрғысынан құзіреттілік
кәсіби бағдарланған мамандарды дайындау**

Мақалада әнгіме тілдік емес вузда тілдерді оқытудың құзіреттілік тәсіл тұрғысынан мақсаты мен міндеті жайлы баяндал түр. Құзіреттілік тәсіл қалыптасқан кәсіби құзіреттілікке ие мамандар дайындаудың жаңа білім беру моделін жасауды болжайды. Авторлар қазіргі тілдік білім беру жүйесінің ерекшеліктерін процесс түрінде анықтау барысында оқушы білім беру қызметінің пәндей дәрежесінде және халықаралық коммуникациялық субъектте алдыра шығуына назар аударады. Кәсіби бағытталған мамандарды даярлау құзіреттілік тәсіл тұрғысынан студенттердің шет Е/екінші тілмен білімді белгілі бір дәреже тұрғысынан қамтамасыз етіп қана қоймай, олардың шет елдік қызметінің практикалық және теориялық тапсырмаларын орындауға дайындығын қалыптастырады, сондай-ақ әрі қарай өзінің жеке дамуы және өз бетінше білім алуы, яғни шет елдік кәсіби және коммуникативті құзіреттілік

Түйін сөздер: басқа тілдегі коммуникативтік құзіреттілік, құзіреттілік тұрғыда оқыту, кәсіптік-бағдарланған мамандарды дайындау, тілдік тұлға, кәсіби қарым-қатынас.

Чекина Е.Б., Тулеубаева Б.Б.,

ст. преподаватели Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: vesna-elena@rambler.ru, tuleubaeva.b@mail.ru

**Обучение языкам с позиций компетентностного подхода
в профессионально-ориентированной подготовке специалистов**

В статье речь идет о целях и задачах обучения языкам в неязыковом вузе с позиций компетентностного подхода. Компетентностный подход предполагает создание новой

образовательной модели специалиста, обладающего сформированной профессиональной компетентностью. Авторы обращают внимание на то, что при определении особенностей современного языкового образования как процесса, учащийся выдвигается в ранг субъекта учебной деятельности и субъекта межкультурной коммуникации. Профессионально-ориентированная подготовка специалистов с позиций компетентностного подхода должна обеспечивать не только определенный уровень знаний, навыков и умений студентов в иностранном/втором языках, но и формировать их готовность к выполнению иноязычной деятельности в процессе решения практических и теоретических задач, а также для дальнейшего саморазвития и самообразования, т. е. иноязычную профессионально-коммуникативную компетентность.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетентность, компетентностный подход в обучении языкам, профессионально-ориентированная подготовка специалистов, языковая личность, профессиональная коммуникация.

Introductory notes

At the turn of the 20th and 21st centuries, we witnessed an unprecedented information explosion that occurs as a result of the rapid development of new technologies. No one will dispute the fact that the scientific revolution was replaced by the information revolution, which was the reason for creating a new «information society». The information resources of the society are now becoming the determining factor of its development, both in scientific and technical and in social terms. It is possible in this sense to state the fidelity of the well-known expression «who owns the information, he owns the world». Information exchange is the basis of all knowledge. Knowledge and information, in fact, are inseparable, but they cannot be equated. Knowledge turns into information only when it is connected with the possibility of communication.

Deeply integrated into other spheres of modern society is scientific activity, the elementary basis of which is scientific communication, intellectual communication, which optimizes the human consciousness, and its development is stimulated by qualitative changes in information arising from cognition (Volodina, 2000: 14).

The «New Information Society» presents new requirements to the organization of education in general and to the teaching of languages in particular. Here we are not talking about acquiring knowledge in the finished form, but about the ways of their search, creative processing, preservation and use. The role of the teacher in a modern higher educational institution, using a metaphor, can be compared with a navigator that determines the direction of the search. And this is due primarily to the «cumulative» amount of information, even for a single specialty.

At present, it is legitimate to talk not just about the educational system, but about the educational infrastructure that creates the spatial links between

the sphere of education and other social spheres, in particular, science and culture. Hence the need to update the content of education in general.

Discussion

Teaching languages in terms of goal-setting. Linguodidactics always naturally depended on the state of the language science itself, from the “object of science”. Yu.N. Karaulov wrote that “linguistics always returns to discussing the subject of its science” (Karaulov, 2002: 11) and called the main reason for this: the expansion of our experience, our knowledge and understanding of language, and hence the desire of linguists to rethink the tasks and the object of research.

In the history of scientific linguistics, in the opinion of Yu.N. Karaulov, it is possible to single out several stages characterized by the fundamental property of the language that was brought to the forefront, it seemed to be decisive in this or that period: “... you can outline four paradigms -” historical ““Psychological”, “system-structural”, “social”, of which each in its extreme expression denied the previous one, but which in their totality have synthesized the scientific and linguistic paradigm (Fedorova, 2007: 14).

Now there is a new scientific paradigm that has firmly established in linguistics – anthropocentric one: all phenomena of the language are considered, and the principles, ideas, concepts, theories are formulated from the position of homo loquens (speaking human). “The language personality is a cross-cutting idea, which, as experience of its analysis and description shows, permeates all aspects of language learning and simultaneously breaks the boundaries between disciplines that study an individual outside their language” (Fedorova, 2007: 3).

The teaching of languages as a mirror reflected the replacement of paradigms in linguistic science in the aspect of goal-setting: teaching speech, teaching

language, teaching speech activity, teaching communication.

Now the last goal – learning to communicate – can be considered as the main, the rest – as intermediate, not at all detracting from the significance of each of them. At present, the concepts of “language personality” and “secondary linguistic personality” have become system-forming, fundamental concepts in teaching languages. It is the language personality that is able not only to acquire knowledge, but also to their creative mastery: language cannot be taught, language can be learned.

Language education as a process is aimed at familiarizing learners with a new means of communication for them, learning about other culture and understanding their own culture, instilling in them a readiness for dialogue and tolerance in relation to other languages and cultures.

According to the anthropocentric principle mentioned above and which is one of the leading factors in determining the characteristics of modern language education as a process, the student is promoted to the rank of the subject of educational activity and the subject of intercultural communication. This means that it is the central element of the system of language education. Such a functional load of the student determines the specificity of language education as a process. First, we are talking about creating a situation in the learning process in which students need to show their own activity to solve communicative and cognitive tasks. The latter should be creative and problematic. Secondly, it is important to exclude from the learning process the possible manipulations of the students by the teacher, their not quite conscious rechemiling activity. Students need to develop the ability to independently carry out communicative activities, freely and liberatedly to realize their communicative intentions, as well as the ability to interact without conflict in various communication situations, including through the nonnative language they study. Thirdly, the learner takes possession not only of communicative competence in the field of oral and written communication, but also by subject-cognitive competence and social-affective competence. The first kind of competence presupposes students' knowledge of a foreign culture, common and distinct in this culture and their own. In turn, social-affective competence is understood as a system of values that is cultivated on the basis of another's culture (tolerance, openness), and also on the basis of one's own cultural space (development of personal qualities and social responsibility).

We can say with certainty that the wording of the goal – learning to communicate – does not evoke any objections, but nevertheless it also requires some clarification in the framework of university education in the second language, in accordance with the goals of higher education and the personal motivation of the student – the training of a highly skilled specialist in this particular field and the ability to solve professional problems accordingly. Naturally, communication in a higher educational institution is shifted mainly to the educational and professional sphere. Consequently, the purpose of teaching the second language is specified: it is not learning to communicate at all, but teaching professional (intellectual) communication, the basis of which is the scientific text.

Method

Secondary research. 1. Competence approach in teaching languages. The effectiveness of professional and language education of the future specialist is largely determined by the educational concept adopted in the society at a certain stage of its development and the model of specialist training built on its basis. Today, as a leading concept, a competence approach is considered, which is introduced into the educational process of higher education in Kazakhstan for the last several years. The competence approach presupposes the creation of a new educational model of a specialist with a developed professional competence. To achieve this goal, three priority areas of education in the modern post-industrial information society are clearly identified in the documents on the modernization of education: informatization of education, teaching foreign languages, mastering socio-economic knowledge (the Modernization Concept).

Since the dominant approach in education, in essence, determines the logic of the implementation of a particular model of education and in a specific subject area, including such as a foreign / second language, therefore, the issue of modernizing foreign language education in non-linguistic universities from the perspective of a competence approach (Fedorova, 2007).

The problem of the development of linguistic consciousness in the Republic of Kazakhstan has acquired the status of not only educational, but also political orientation, becoming a matter of national importance in the context of multinational Kazakhstan [The State Compulsory Education Standard, 2008].

2. Foreign language communicative competence. Foreign language communicative

competence is the willingness of students to use the acquired knowledge, skills, abilities in a foreign language to solve life's practical and theoretical problems. At the same time, any skills are acquired in the process of activity, therefore, the formation of competence is possible only in the course of the diverse cognitive, communicative, practical, creative activity of students. That is why the competence approach is aimed at getting students experience of such activities, giving the learning process an activity character. The main thing is to be able to acquire knowledge not passively, but actively, that is, making efforts, and be able to use this knowledge in everyday life, both within and outside of higher education.

Thus, professionally-oriented training of specialists from the position of a competence approach should provide not only a certain level of knowledge, skills and abilities of students in foreign / second languages, but also to form their readiness to perform foreign-language activities in the process of solving practical and theoretical problems, as well as for further self-development and self-education, that is, foreign-language professional and communicative competence.

In the scientific literature there is a diversity of interpretations of the concept "competence". In the 1970s, the term "competence" became widely used in the United States and a number of European countries in connection with the problem of individualizing learning. Then the idea was very simple: do not limit yourself to learning the basics of science and appropriate teaching methods, but try to develop all levels of interpersonal relations, the microclimate in the team.

The main idea of the integrated development of competence is that one should not limit oneself to the amount of knowledge and skills acquired in the formal education system in order to achieve real effectiveness, this knowledge should be linked to a wider range of knowledge acquired by mankind outside the formal education system. Meantime different levels of education serve as a means of forming competence, including general secondary and special education and vocational training. In general, American scientists correlate competence more with the general characteristics of an individual than with a characteristic of their professional activity.

After, the problem became topical in connection with the idea of modernizing the content of education, optimizing the ways and technologies of the organization of the educational process and rethinking the goals and results of education. The competence approach to education, formed on this basis, was considered in the context of European tendencies of globalization by scientists and pedagogical community of many countries, including Russia and Kazakhstan.

The issue of competences is closely related to the goal of a vocational school. Therefore, it can be said that the competences and results of education are new "points" that tighten the educational process. At the same time, the qualification does not disappear, it passes into the structure of competence. A new competence approach allows pursuing goals that previously seemed unattainable:

- go to vocational education to focus on the application and organization of knowledge,
- to orient human activity to an infinite variety of professional and life situations,
- "Remove" the dictates of the object of labor,
- to base the strategy of increasing flexibility in favor of expanding employment opportunities and fulfilling professional tasks.

Conclusion

The introduction of new educational technologies in Kazakhstan, ultimately, aims to integrate into the global educational space, unify the approaches to training and certify the acquired knowledge. Their main ideology is the fundamental change in the role of the teacher and student in the educational process. The main actor in the learning process is a student whose independent work is assigned up to 70% of the study time. And in this aspect the role of «information channels» becomes crucial.

The most important strategic task of education in this direction is, on the one hand, the preservation of the best Kazakhstani educational traditions, on the other hand, the provision of graduates of higher educational institutions with international qualifications, the development of their linguistic consciousness, based on mastery of state, native and foreign languages.

Литература

1 Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). – М.: МГУ, 2000. – 128 с.

- 2 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 2-е, стереотипное. – М: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
- 3 Федорова О.Н. Обучение английскому языку студентов неязыкового вуза на основе компетентностного подхода: дис.... канд.пед.наук :13.00.02 / О.Н.Федорова. Санкт-Петербургский торгово-экономический институт. – Санкт-Петербург, 2007. – 278 с. <http://www.dissercat.com/>
- 4 Государственный Общеобязательный Стандарт Образования Республики Казахстан. – 2003. – Астана, 2008. – 50 с.
- 5 Крапивина М.Ю. Обучение иноязычному профессионально-ориентированному общению в современных условиях университетской лингвистической подготовки: Монография. – Оренбург: ОГУ, 2011. – 158 с. – Библиогр.: URL: <http://iknigi.net/avtor-marina-krapivina/107702-obuchenie-inoyazychnomu-professionalno-orientirovannomu-obscheniyu-v-sovremen-nyh-usloviyah-universitetskoy-lingvisticheskoy-podgotovki-marina-krapivina/read/page-5.html>.

References

- 1 Fedorova O. (2007). Obucheniye angliyskomu yazyku studentov neyazykovogo vuza na osnove kompetentnostnogo podkhoda [English language teaching to students of non-linguistic high school on the basis of the competence approach]: dis.... kand. ped.nauk: St. Petersburg. – <http://www.dissercat.com>. 278 p. (in Russian)
- 2 Gosudarstvennyy Obschcheobyazatelnyy Standart Obrazovaniya Respubliki Kazakhstan [The State Compulsory Education Standard of the Republic of Kazakhstan]. Astana, 50 p. (in Russian)
- 3 Karaulov Yu. (2002). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and language personality]. M.: Editorial URSS, 264 p. (in Russian)
- 4 Krapivina M. (2011). Obuchenie inoyazychnomu professional'no-orientirovannomu obshcheniyu v sovremennyh usloviyah universitetskoy lingvisticheskoy podgotovki [Training foreign language professionally oriented communication in the modern conditions of University language training]. Orenburg: OGU, 158 p. (in Russian)
- 5 Volodina M. (2000). Kognitivno-informacionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoj informacii) [Cognitive-informational nature of the term (based on the terminology of the mass media)]. M.: MGU, 128 p. (in Russian)

МРНТИ 81'23

Шарапиденова А.Т.,

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: almasharapidenova17@gmail.com

**О РАБОТЕ С УСТОЙЧИВЫМИ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИМИ СОЧЕТАНИЯМИ**

В статье рассматривается вопрос об использовании устойчивых терминологических сочетаний (в тесте УТС) на практических занятиях русского языка в национальной аудитории. Работа ведется по определенному этапу. Сначала определяются дефиниции этих УТС. Поскольку эта работа ведется на первом курсе, то определение их дефиниции не представляет трудности для студентов. Они хорошо помнят их из школьной программы. Одновременно происходит как бы повторение пройденного материала.

Следующий этап представляет собой расширение сферы применения этих УТС в других сферах (в бытовой, например)

Таким образом трансформируются эти устойчивые терминологические сочетания. Расширяется сферы их употребления, что является весьма полезной работой для студентов неязыковых факультетов.

Ключевые слова: мыслительная трансформация, апогей, дефиниция, центр тяжести, привести к общему знаменателю, коэффициент полезного действия.

Sharapidenova A.T.,

PhD, A/Professor of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail:almasharapidenova17@gmail.com

About working with stable terminological combinations

This article deals with study of steady terminological combinations in the sphere of Mathematics and Physics. The author of the article presents some special terms, frequently used by students of Physics and Mathematics.

The work is conducted on a particular order. First we determine the definitions of these STC's. Since this work is given to freshmen, defining the meaning of STC's is not difficult for students, they remember them well from school. It works as a reiteration of the material as well. The next step is an extension of sphere of application for these stable terminological combinations (everyday etc.)

Like this, these stable terminological combinations are transformed. The sphere of their use is expanding, which is a very useful work for students of non-linguistic faculties.

Key words: mental transformation, apogee, definition, the center of gravity, lead to a common denominator, coefficient of efficiency.

Шарапиденова А.Т.,

әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университетінің доценті, ф. ғ. к.,
Қазақстан, Алматы к., e-mail: almasharapidenova17@gmail.com

Тұрақты терминологиялық құрылымдармен жұмыс жүргізу

Статьяда қазақ аудиториясындағы орыс тілінің практикалық сабактарында тұрақты терминологиялық тіркестерді пайдалану жұмысы қарастырылады. Бұл жұмысты белгілі бір этаптармен жүргізген дұрыс. Алдымен тіркестердің негізгі мағынасы (дефинициясы) анықталады. Жалпы бұл жұмыс бірінші курста жүргізілетін болғандықтан олардың негізгі мағынасын анықтау

қынга түспейді. Әйткені олар бұл тіркестердің мағынасымен мектеп программасы бойынша білуге тиіс. Бір жағынан өткенді қайталау жұмысы жүргізілген болып шығады.

Келесі этап бұл тіркестердің қолдану аукымын көнегіту жұмысы болып табылады. Осылайша бұл тіркестерді трансформациялау процесі жүреді. Олардың қолдану аукымы көнегеді. Сондықтан бұл жұмыс біздің қазақ аудиториядағы студенттерге аса пайдалы жұмыс болып табылады.

Түйін сөздер: ойдың өзгеріту процесі, жоғарғы көтерілу шегі, дефиниция, ауырлық центрі, ортақ білімге келтіру, пайдалы әсер коэффициент.

Введение

Типовая учебная программа по русскому языку предусматривает основное изучение научного стиля речи. (Русский язык, 2005: 7). В лексическом строе научной речи, как известно, господствуют термины, точно и однозначно называющие предмет, явление или понятие, а также раскрывающие их содержание. В основе любого термина лежит научно построенная дефиниция. (Карымсакова, 2006: 23-27). Научная речь актуально оперирует не только отдельными терминами, выраженными отдельными словами, но и целыми многокомпонентными словосочетаниями, которые строятся, обычно, по принципу последовательной лексической конкретизации определенного понятия. Эти много-компонентные терминологические сочетания носят устойчивый характер. Они закреплены за определенной сферой науки. Например, *часть речи, множественное число, крылатая фраза, однородные члены предложения – из области языознания; грудная клетка, сердечная перегородка, кесарево сечение, магнитная буря – из области медицины; логическая цепь, инструмент познания, стоять на точке зрения – из области философии и т.д.*

В данной статье мы остановимся на некоторых устойчивых терминологических сочетаниях в основном из области физики, математики, а также химии. Нами выбраны 10 таких устойчивых терминологических сочетаний, которые практически часто употребляются студентами естественных факультетов. Они следующие: *уравнение с тремя неизвестными, поставить знак равенства, довести до точки кипения, настроить на высокую волну, привести к общему знаменателю, перенести центр тяжести на ..., находиться на точке замерзания, по теории относительности, коэффициент полезного действия, выйти на работу.*

Сначала студенты определяют конкретную сферу употребления этих устойчивых терминологических сочетаний (далее УТС). Они в основном из области физики, математики,

но некоторые относятся и к области химии, например: *довести до точки кипения и находиться на точке замерзания.*

Следующий этап работы сводится к теоретической формулировке этих УТС. Студенты должны сформулировать, может и приблизительно, их суть. Тем самым одновременно предоставляется возможность проверки базовых знаний студентов. Например, на доске записывается формулировка понятия *коэффициент полезного действия* (КПД) – *этоотношение полезно использованной энергии к затраченной энергии.* Записывают и формулу КПД. Или же *между такими-то дробями можноставить равенство.* И так до конца определяется дефиниция всех указанных УТС. Одновременно проверяется правильность речи. Во время теоретической формулировки этих УТС наши студенты переводят определенные трактовки на русский язык, что требует напряженной мыслительной трансформации. В целом работа над указанными выше УТС требует от студентов активизации ума, памяти, творческой инициативы.

Следующий этап представляет собой более сложную абстрагированную работу. Она необходима для перехода к конечной цели – для выработки навыков использования этих УТС в широкой сфере жизни. Необходимо рядом с указанными УТС определить некую суть, доминанту этих понятий. Так, например, *уравнение с тремя неизвестными* считается очень сложным уравнением по сравнению с одним или с двумя неизвестными. После определенного обсуждения подбирается то понятие, которое более подходит как суть или доминанта каждого УТС и записывается рядом. Так, *уравнение с тремя неизвестными* представляет собой сложность; *поставить знак равенство* – равенство; *довести до точки кипения* – предел; *выйти на орбиту* – апогей; *настроить на высокую волну* – достижение высоты; *привести к общему знаменателю* – необходимое условие; *перенести центр тяжести на...* – переложить на кого-то; *находиться на точке замерзания* – застой; *по теории относительности* – закономерность; *ко-*

коэффициент полезного действия –соотношения.

Затем надо переходить к следующему, самому важному этапу. Чтобы расширить кругозор и языковые способности студентов, предлагается использование этих УТС в другой, ненаучной сфере. Для этого со стороны преподавателя требуются хорошие примеры. Опираясь на основное семантическое содержание изучаемых УТС, студенты должны попытаться перенести эти понятия в более широкую сферу (в бытовую, общественную, политическую и т.д.)

Долгие годы проблема республики Чечни, например, для руководства России была, по существу, трудно разрешимой, как математическое уравнение с тремя неизвестными. Можно сделать некоторый экскурс к этим событиям, ибо считается, что современные образованные люди должны знать все об одном и немного обо всем. И политику тоже должны знать в том числе. Так постепенно формируется у студентов общественное сознание. После определенной проделанной работы составляется предложение *Чечня долгие годы для руководства России была уравнением с тремя неизвестными*. Если отпустить эту республику, то есть, решив вопрос с одним уравнением, то теряется целостность страны. Оставаясь в составе России, боевики не переваливали совершать теракты, то есть, не решалась проблема и по второму уравнению. Разумеется, нужно было найти решение третьего уравнения. Новое руководство России, можно считать, нашло решение этого сложного вопроса, то есть, нашло определенное решение уравнения с тремя неизвестными. Чечня осталась в составе России и процветает. По аналогии студенты могут придумывать и свои примеры. Например, есть какие-то проблемы у них в своем окружении, которые просто не решаются.

В жизни многих примеров, когда можно сравнить и поставить знак равенства. Например, проходят в различных странах выборы, которые должны быть альтернативными. Например, недавно прошли выборы президента в России. Электорат должен иметь право выбора. И тут возникает ситуация – можно ли поставить знак равенства между кандидатами. Студенты обычно легко приводят примеры.

Довести до точки кипения могут преподавателя и студенты, поэтому здесь тоже особых трудностей не бывает.

Перед экзаменом или перед спортивными соревнованиями студенты обычно подбадривают друг друга, то есть *настраивают на высокую волну*.

Жизнь студентов в общежитии необходимо привести к общему знаменателю, чтобы был порядок, чистота в комнатах. Они ведь приехали из разных регионов, воспитывались в разной среде, привычки разные. Много домашних ребят, где мать за них все делала, а в условиях общежития надо соблюдать общие правила.

При выполнении каких-то работ приходится *перенести центр тяжести на кого-то*. Например, в каждой семье центр тяжести падает конкретно на кого-то из главных членов семьи на отца или на мать. Студенты наши гордые, часто заявляют, что центр тяжести падает на отца, хотя в реальной жизни, львиная доля тяжести, наверное, падает на мать. Здесь тоже есть благоприятный момент для проведения воспитательной работы. Студенты легко справляются с этим УТС.

В городе много новостроек, которые по каким-то причинам не завершены. Долгие годы, например, Дворец студентов КазНУ стоял незаконченный, и мы составляли такое предложение: Строительство дворца студентов *находится на точке замерзания*.

В жизни многие вопросы, к сожалению, решаются по теории относительности. Этому примеров много. Студенты свободно составляют свои предложения. Заодно есть повод поговорить об Эйнштейне, о его теории относительности.

Весьма полезную работу можно провести при обсуждении УТС *коэффициент полезного действия*. Каждый человек на свой рабочий день планирует определенные мероприятия. Их может быть за день 5 или 6, а то и все 10. Вечером же подводят итоги. Оказывается, что сделано все, что планировалось. Значит, день был удачный, а *коэффициент полезного действия* можно считать на все 100%. А иногда результат выходит другой: там закрыто, там не успел и т.д. В итоге из запланированных дел реализована и половина. Значит *коэффициент полезного действия* на этот день где-то 50%. Бывают дни и вообще безрезультативные. Тогда говорят: *КПД (коэффициент полезного действия) у меня сегодня 0*. Но и здесь студентам надо внушить, что они должны каждый день узнавать что-то новое и полезное, читать больше. Вообще студенческие годы считаются временем чтения художественной литературы, необходимой для формирования личности.

Заключение

Все эти примеры по трансформации определенных устойчивых терминологических сочетаний

ний посильны образованным людям, которые хорошо знакомы с их теоретической основой. Зная основную суть этих устойчивых терминологических сочетаний, студенты могут их употреблять в повседневной бытовой сфере. Эти устойчивые терминологические сочетания уместно употребляются в основном интеллигентными людьми.

Наша конечная цель и заключается в том, чтобы формировать настоящих интеллигентов, которые способны к пониманию, к восприятию нового.

У студентов надо развивать интеллигентность, тренировать их умственные способности. Этим задачам должен способствовать каждый наш урок.

Литература

- 1 Русский язык: Учебное пособие (для студентов высших учебных заведений Республики Казахстан). – Алматы, 2005.
- 2 Карымсакова Р.Д. Дефиниция термина. Русский язык в условиях кредитной технологии: опыт и перспективы. – Материалы II Республиканского научно-практического семинара. – Алматы: 10 июня 2006. – С. 23-27.

References

- 1 Karymsakova R.D. (2006) Definiciya termina. Russkij yazyk v usloviyah kreditnoj tekhnologii: opyt i perspektivy. [Definition of the term. Russian language in the context of credit technology: experience and prospects.] Materialy II Respublikanskogo nauchno-prakticheskogo seminara. Almaty: 10 iyunya 2006. S. 23-27.
- 2 Russkij yazyk: (2005) [Russian language:] Uchebnoe posobie (dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij Respubliki Kazahstan). Almaty, 2005.

МРНТИ 16'31'51

Юрьев А.Н.,

ст. преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, email: andreiyurev@mail.ru

**КРЕАТИВНОЕ КОНСПЕКТИРОВАНИЕ
НАУЧНОГО УЧЕБНОГО ТЕКСТА «МАГИЧЕСКИЕ ЧИСЛА»
НА ФИЗИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ**

В статье рассматриваются понятие «конспект» и его виды. Однако с развитием информационных технологий в начале XXI века приходят новые формы конспектирования, которые дают возможность переосмыслиения полученной информации из первоисточника – научного учебного текста. Такими являются: 1) интеллект-карты (Тони Бьюзен); 2) радиантное мышление; 3) картирование идей; 4) метод опорных сигналов по Шаталову; 5) логико-графическое структурирование или логико-графические схемы; 6) креативное конспектирование. Креативное конспектирование, предложенное студентам I курса физического факультета, показало, что материал первоисточника можно не только записать обычным видом, с использованием пунктов и подпунктов, но и показать ход деления ядер и рассмотреть структуру самого ядра и пояснение рисунков краткой записью основных положений представленных моделей ядра: капельная, оболочечная, коллективная и сверхтекучая.

Ключевые слова: конспект, конспектирование, виды конспектов, креативное конспектирование, мышление.

Yuriev A.N.,
Senior Lecturer of al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: andreiyurev@mail.ru

**Creative Note-Making of a Scientific Text “Magic Numbers”
at the Physics Department**

The paper discusses the notion of “notes” and its types. However, with the development of information technology in the beginning of XXI century, new forms of note-taking emerge providing the opportunity to re-analyze the information received from a source document – an academic text. These include: 1) mind maps (Tony Buzan); 2) radiant thinking; 3) idea mapping; 4) Shatalov's reference signals method; 5) logical graph structuring; 6) creative note-taking. Creative note-taking suggested to the 1st year students of the physics department has shown that the first source material can be recorded not only conventionally, using points and sub-points, but also by showing the nuclear fission process and considering the nuclear structure itself and explaining figures using brief recording of highlights of the nuclear model presented: drop model, shell model, collective model and superfluid model.

Key words: notes, note-taking, types of notes, creative note-taking, thinking.

Юрьев А.Н.,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің аға оқытушысы,
Қазақстан, Алматы қ., email: andreiyurev@mail.ru

**Физика факультетіндегі «Сиқырлы сандар»
ғылыми оқу мәтінін креативті конспектілеу**

Мақалада «конспект» үғымы мен оның түрлері қарастырылады. Алайда XXI ғасырдың басында ақпараттық технологиялардың дамуымен бірге бастапқы қайнар көзден – ғылыми оқу мәтінінен алынған ақпаратты қайта саралау мүмкіндігін беретін конспекттің жаңа нысандары

келді. Олардың ішінде: 1) интеллект-карталар (Тони Бьюзен); 2) радиантты ойлау; 3) идеяларды карталау; 4) Шаталов бойынша тірек сигналдар әдісі; 5) логикалық-графикалық құрылымдау не логикалық-графикалық сыйбалар; 6) креативті конспектілеу бар. Физика факультетінің 1 курс студенттеріне ұсынылған креативті конспектілеу бастапқы қайнар көз материалдарын тармақтар мен тармақшаларды қолданып, қалыпты түрде жазып қана қоймай, ядроның бөліну барысын көрсетуге және ядроның өз құрылымын қарастыруға, сондай-ақ, суреттерді ядроның ұсынылған модельдерінің тамшылы, қауызды, ұжымдық және аса аққыштығы сияқты негізгі қалыптарын қысқаша жазба түрінде түсіндіруге болатынын көрсетті.

Түйін сөздер: конспект, конспектілеу, конспекттердің түрлері, креативті конспектілеу, ойлау.

Введение

Конспектирование – процесс мыслительной переработки и письменной фиксации базовых положений читаемого или воспринимаемого на слух текста. При конспектировании происходит свертывание, компрессия первичного текста. Результатом конспектирования является запись в виде конспекта.

Конспект – особый вид вторичного текста, в базе которого лежит аналитико-синтетическая переработка информации исходного текста. Конспект выявляет, систематизирует и обобщает наиболее ценную информацию, позволяет восстановить, развернуть исходную информацию. При конспектировании крайне важно отбирать новый и важный материал, связывать его со старым, уже известным и выстраивать материал в соответствии с логикой изложения. Конспект должен обладать содержательной, смысловой и структурной целостностью.

С точки зрения объема (степени сжатия), конспект обязан быть кратким, подробным или смешанным; по степени соответствия первоисточнику – интегральным или выборочным. По количеству перерабатываемых источников конспект должен быть монографическим или сводным (обзорным), с точки зрения предъявления информации, конспект составляется на базе чтения или слушания. Учитывая зависимость от формы представления информации в конспекте и от степени свернутости первичного текста различают следующие виды (*Compositional principles of a scientific text*):

Плановый конспект составляется по пунктам плана лекции или источника. Если такие вопросы в источнике не выделены, их следует сформулировать самостоятельно. При этом каждому вопросу отводится небольшая часть конспекта, графически выделяемая каким-либо способом. Некоторые пункты плана для вас будут ясными без развертывания аргументации. Тогда в конспекте остается лишь название вопроса.

Рекомендуется иногда использовать *вопросно-ответный конспект*, который ясно членит материал на составные части.

Текстуальный конспект создается из логически связанных цитат подлинника. Слово «текстуальный» здесь не означает, что создается полная копия. Это значит, что воспроизводятся самые важные места первоисточника. Выписки или дословное изложение каких-то частей лекции могут быть связаны переходами, а также включать план и тезисы. Такой конспект позволяет судить об аргументации источника, его выводах и может служить для сравнительного анализа положений из разных документов.

Свободный конспект представляет собой изложение мыслей источника собственными словами и сочетает в себе все формы сокращенной записи (библиографическое описание, аннотация, план, тезисы, выписки, реферат, схемы и рисунки). Этот тип воспроизведения источника – своего рода высший пилотаж репродукции. Он позволяет глубоко освоить материал и в то же время сформировать к нему собственное мнение конспектирующего. Такое воспроизведение требует умения самостоятельно, кратко и точно формулировать иначе чужую мысль, делая ее своей. Как раз именно здесь надо пользоваться умением составлять и план, и тезисы, и делать попутный комментарий материала. Именно свободный конспект и является собственно конспектом.

Творческий конспект. Конспект, однако, может быть и «заготовкой» вашего будущего семинарского доклада, выступления на конференции, лекции, уроке (на практике, например), другой публичной речи. В этом случае конспект систематизировано фиксирует основное содержание вашего будущего выступления. Естественно, что в самом выступлении под влиянием обстоятельств будет что-то изменено. Но в любом случае в публичной речи присутствует собственная позиция автора, его убеждения, знания, оценки, комментарии. Такого рода конспект носит, конечно, творческий, а не только воспроизводящий характер (Yuryev, 2016: 21-23).

Эксперимент

В данной статье будет рассмотрен один из видов конспектирования – свободный конспект – изложение учебного текста «Магические числа» в виде схем-рисунков и краткой записи информации.

Магические числа

В 1928 г. американский физик-теоретик Г.А.Гамов, разрабатывая теорию а-распада, ввел представление о ядре как о своеобразной капле, частицы в которой тесно связаны между собой силами притяжения.

В 1936 г. Нильс Бор и Джон Уилер, развивая идеи Гамова, создали капельную модель ядра. Между молекулами в капле воды силы притяжения действуют, как и ядерные силы, на очень коротких расстояниях. Если каплю воды опустить в другую жидкость такой же плотности, то она принимает сферическую форму. Это объясняется поверхностным натяжением, которое создается силами притяжения, действующими между молекулами на поверхности капли. Силы притяжения и придают капле форму сферы, которая имеет минимальную площадь. В исключительно малом объеме атомного ядра находится значительное число протонов и нейтронов. Они связаны между собой сильным ядерным взаимодействием. Поверхностный слой нуклонов остается неуравновешенным, и поэтому можно говорить, что в ядре также существует своего рода поверхностное натяжение. В реальных условиях эта картина усложняется взаимным отталкиванием электрически заряженных протонов.

В 1949 г. представления физиков об атомном ядре значительно углубились, и оболочечная модель ядра, предложенная Марией Гепперт-Майер и, независимо, Йоханнесом Хансом Даниелем Йенсеном, привлекла всеобщее внимание ученых. Согласно их теории, нуклоны движутся в ядре по определенным орбитам, подобно электронам в атоме. И так же как строение электронной оболочки и ее постепенное заполнение служат основой периодической системы элементов, магические числа в сочетании с оболочечной моделью ядра привели к созданию периодической системы ядер.

На смену капельной модели Гамова, Бора и Уилера пришла оболочечная модель, которая ставила поведение протонов и нейтронов в атомном ядре в очень жесткие рамки. Но уже в 1952 г. датские физики Оге Бор, сын Нильса Бора, и Бенжамин Моттельсон разработали

так называемую коллективную модель ядра. Несколько раньше их, в 1950 г., подобные идеи (сфероидальная модель ядра) высказал американский физик Джеймс Рейнштер. Согласно коллективной модели, ядро действительно состоит из оболочек, которые постепенно заполняются при переходе к каждому следующему элементу периодической системы. На поверхности ядра эта упорядоченность, однако, нарушается – плотность частиц уменьшается, и создаются условия для неустойчивости. Именно в этой области, около поверхности, ядра деформируются; в результате возникают своего рода волны, с которыми связаны ядерное г-излучение и радиоактивность. Данные о структуре ядра были получены путем бомбардировки мишней субатомными частицами, ускоренными до очень высоких энергий. Картина рассеяния дает представление о распределении протонов и нейтронов внутри ядра. Наряду с этим применялся также метод мезоатомов.

В 1953 г. Рейнштер решил воспользоваться тем обстоятельством, что мю-мезон (который, в сущности, является тяжелым электроном), попадая в атом, достигает ядра и даже проникает в него. При этом возникает рентгеновское излучение, позволяющее получить информацию о различных структурах ядра. Таким образом, было, например, установлено, что ядра имеют «стратосферу» – область вблизи поверхности, в которой плотность частиц в 20 раз меньше, чем в центре. В 1958 г. Оге Бор и Бенжамин Моттельсон совместно с Дэвидом Пайнсом построили сверхтекущую модель ядра. Это значительно обогатило их теорию, приблизив ее к реальности. За большие заслуги в развитии ядерной физики О.Бор, Б.Моттельсон и Дж.Рейнштер были награждены в 1975 г. Нобелевской премией по физике (Yuriev, 2016: 103-106).

Для того чтобы создать один из видов конспекта следует внимательно прочитать текст несколько раз. Следующим этапом конспектирования является переосмысление первоисточника. Заметим сразу, что студенты первого курса физического факультета мыслят своеобразно, что и приводит к новым видам записи в отличие от первоисточника.

В процессе обучения любым знаниям и навыкам нам часто приходится записывать новую информацию, чтобы потом было можно снова ее воспроизвести. Из-за того, что сложно или даже ненужно записывать все, важно уметь кратко излагать полученную информацию в виде конспекта.

Однако конспект – это не просто дословная передача воспринятого из внешнего источника материала. Это также акт творческого осмысливания услышанного и увиденного, выражение собственных мыслей на бумаге.

Существует много методик по освоению научных и учебных текстов, которые задействуют все виды памяти: 1) интеллект-карты (Тони Бьюзен); 2) радиантное мышление; 3) картирование идей; 4) метод опорных сигналов по Шаталову; 5) логико-графическое структурирование или логико-графические схемы; 6) креативное конспектирование.

В данной статье мы остановимся на один из видов конспектирования – креативное конспектирование или «smart-конспект».

Первоначально мы использовали технику записи первоисточника в следующем виде: когда мы делаем конспект текста, проговариваем слова, которые записываем + зрительная память. Но начало XXI века ввело новое понятие «smart-конспект».

Smart-конспект – это созданный план-схема с ключевыми словами и вспомогательным количеством гибкого материала, сделанные в тетради самим студентом.

Алексей Михайлов в статье «Креативное конспектирование» выделяет 5 пунктов креативного подхода к конспектированию:

«1. Ограниченнная плоскость одного листа заставляет сконцентрироваться и построить структуру книги, выделив только самое важное. Ты не переписываешь книжку, а взвешиваешь каждое выражение – готово ли оно занять важное и драгоценное место на чистом листе?»

2. Где-то текст нужно превращать в схемки, скетчи, рисунки (это позволяет сделать конспект

меньше – образ занимает меньше места, чем слова), что включает творческую составляющую нашего мозга.

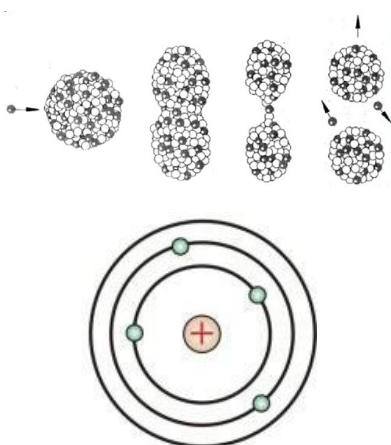
3. Это интересно. Процесс конспектирования превращается в создание одного маленько-го информационного шедевра, который хочется показывать друзьям, к которому можно и хочется возвращаться.

4. Сохраняются все преимущества иных видов конспектирования + появляются новые. Один лист – одна книга. Благодаря этому мы выделяем важное, можем быстро восстановить свои знания о прочитанном, рисуем и пишем, включая моторику.

5. Еще я заметил одну особенность. Когда ты остаешься один на один с книгой (настоящей или электронной) и листком бумаги – появляется особенная концентрация на чтении и восприятии текста. Ты как бы сам перерисовываешь мир писателя под свое мировоззрение и мироощущение. Ты не просто пишешь конспект – ты создаешь свою маленькую, красивую (даже если ты только один так считаешь) и полезную книжку» (Alexey Mikhailov's).

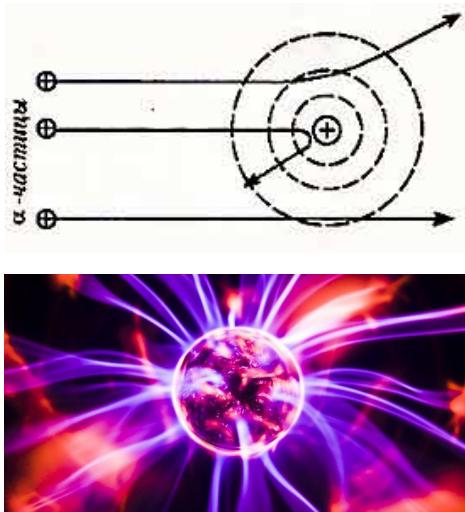
Результаты и обсуждение

Каждый студент видит по своему мир ядерной физики и схемы-рисунки в зависимости от этого варьируются. Было предложено группам специальности «Радиотехника, электроника и телекоммуникации» прочитать учебный текст «Магические числа» и нарисовать, а затем в краткой форме написать, что они нарисовали, одну из моделей ядра: капельная, оболочечная, коллективная и сверхтекучая.

В 1936 г. Нильс Бор и Джон Уилер, развивая идеи Гамова, создали капельную модель ядра. Между молекулами в капле воды силы притяжения действуют, как и ядерные силы, на очень коротких расстояниях.

В 1949 г. на смену капельной модели Гамова, Бора и Уилера пришла оболочечная модель, которая ставила поведение протонов и нейтронов в атомном ядре в очень жесткие рамки.

В 1952 г. датские физики Оге Бор, сын Нильса Бора, и Бенжамин Моттельсон разработали так называемую коллективную модель ядра. Согласно коллективной модели, ядро действительно состоит из оболочек, которые постепенно заполняются при переходе к каждому следующему элементу периодической системы.

В 1958 г. Оге Бор и Бенжамин Моттельсон совместно с Дэвидом Пайнсом построили сверхтекущую модель ядра. Мю-мезон попадая в атом, достигает ядра и даже проникает в него, при этом возникает рентгеновское излучение, позволяющее получить информацию о различных структурах ядра.

Заключение

Таким образом, в статье было представлено новое видение конспектирования – креативное или smart-конспект, который включает в себя не только краткую запись информации, получен-

ной в результате прочтения первоисточника, но и своеобразное переосмысление информации в виде рисунков. В отличие от обычного конспектирования, где отключается моторика, здесь она начинает работать и человеческое мышление показывает все стороны представленной картины.

Литература

- 1 Композиционные принципы научного текста // http://referatwork.ru/category/literatura/view/581990_konspektirovanie (дата обращения 22.03.2018)
- 2 Юрьев А.Н. и др. Русский язык: Учебное пособие для студентов казахского отделения физического факультета (бакалавриат) / А.Н.Юрьев, Н.М.Могилевская, В.И.Акимова. 2-е изд., перераб. – Алматы: Эверо, 2016. – 128 с.
- 3 Юрьев А.Н. Русский язык для физиков: Хрестоматия с речеведческими заданиями (Часть I. Практические занятия. Часть II. СРСП и СРС): Учебное пособие для студентов казахского отделения физического факультета (бакалавриат). 2-е изд., перераб. – Алматы: Эверо, 2016. – 224 с.
- 4 Блог Михайлова Алексея // http://mymap-life.ru/article/smart_konspekt (дата обращения 18.04.2018)

References

- 1 Blog Mihajlova Alekseya. (2018) [Alexey Mikhailov's Blog] //http://mymap-life.ru/article/smart_konspekt (reference date: 18.04.2018). (In Russian)
- 2 Kompozisionnye prinzipy nauchnogo teksta. (2018) [Compositional principles of a scientific text] // http://referatwork.ru/category/literatura/view/581990_konspektirovanie (reference date: 22.03.2018). (In Russian)
- 3 Yuryev A.N. and others. (2016). Russkiy yazik: Uchebnoe posobie dlya studentov kazachskogo otdeleniya fizicheskogo fakul'teta (bakalavriat). [Russian Language: Training manual for the students of the Kazakh Department of Physics (Bachelor's degree course)] A.N. Yuriev, N.M. Mogilevskaya, V.I. Akimova, 2nd edition, revised. Almaty: Evero, 128 p. (In Russian)
- 4 Yuriev A.N. (2016). Russkiy yazik dlya fizikov: Chrestomatiya s rechevedcheskimi zadaniyami (Chast' I. Prakticheskie zadaniya. Chast' I. SRSP i SRS). Uchebnoe posobie dlya studentov kazachskogo otdeleniya fizicheskogo fakul'teta (bakalavriat). [Russian languages for physicists: Reading-book with speech studies assignments (Part I. Hands-on Training. Part II. SRSP and SRS): Training manual for the students of the Kazakh Department of Physics (Bachelor's degree course). 2nd edition, revised]. Almaty: Evero, 224 p. (In Russian)

СОДЕРЖАНИЕ – МАЗМҰНЫ

1-бөлім Раздел 1 Тіл білімі Языкознание

<i>Александрова О.И., Нгуен Тху Тхao</i>	Языковые и неязыковые средства выражения эмоций в письменной разговорной речи (на материале русского и вьетнамского языков)
<i>Алтынбекова О. Б.</i>	Языковые приоритеты студентов Казахстана: региональный аспект
<i>Абаева Ж.С.</i>	Роль СМИ в современных языковых процессах
<i>Абильхасимова Б.Б.</i>	Идеологемы уничтожения, истребления в казахстанских газетах 20-х годов XX века
<i>Абшиев Ж.Д.</i>	Использование концептуального анализа языка при лингвистическом исследовании спорного текста
<i>Алдабергенкызы Л., Томанова Н.М.</i>	Контаминированная картина мира поэта-билингва Вячеслава Шаповалова
<i>Алиева С.Б., Джолдасбекова Б.У.</i>	Проблемы обучения студентов-казахов русскому литературному произношению: теоретический аспект
<i>Амиррова Ж.Р.</i>	Концепты «Жаратқан и жалған» в языковом сознании казахов
<i>Ахметжанова А.И.</i>	Религиозный код культуры в русской и казахской языковых картинах мира
<i>Байсалова Х.М.</i>	Функциональное назначение прецедентных текстов-заголовков (на материале электронных версий печатных изданий)
<i>Баратов Ш.М.</i>	Научно-технический текст и его перевод
<i>Жетыбаева Ш.Р.</i>	Понятие “концепт” как важная составляющая лингвокультурологии
<i>Zhussanbayev S.R.</i>	A case of refusal in interpersonal communication
<i>Kassymova R.T.</i>	Hierarchy of semantic connections of words in thematic groups
<i>Kogay E.R.</i>	The concept of «Samarkand» in signature worldview of Yavdat Ilyasov
<i>Koilybayeva S.S.</i>	On the system of modern linguistics paradigms
<i>Lee V.S.</i>	About national - cultural specifics of an ethical component of semantics of a word
<i>Сагымжанова Т.Т.</i>	Концепт и образ как категории гуманитарных отраслей научного знания
<i>Sansyzbayeva S., Smatayev N.</i>	Additional nomination of zoo-verbs in Russian and Kazakh languages
<i>Тұманова А.Б., Зуева Н.Ю., Григорьева И.В.</i>	К вопросу определения термина «художественный дискурс»
<i>Утенова Р.И., Тұманова А.Б.</i>	Авторская этимологизация в поэтике О.Сулейменова: к теории вопроса
<i>Рузиеva Л.Т.</i>	Некоторые вопросы орфографии таджикских собственных имен в русском тексте

2-бөлім Раздел 2
Әдебиеттану Литературоведение

- Jabarkhil Khoshalkhan*
Culture and literature of Afghanistan.....
- Абдулина А.Б.*
Методологические принципы изучения народных традиций фольклористической школой
профессора М.М. Багизбаевой
- Абшиева У.К.*
Поэтика повестей С. Сергеева–Ценского
- Айнабекова Г.Б.*
Мотив и формы его трансформации в казахстанской русской прозе
(на материале книги Н.Черновой «Степной Вавилон»)
- Джасаломова Ж.Б.*
Авторское повествование в ранних произведениях М.М. Пришвина
- Dzholdasbekova B.U., Abilda E.M.*
Genre diversity in the work of Dmitry Snegin.....
- Жаксылыков А.Ж., Алтысбаева Т.*
Символика числа 9 в казахской архаической мета-культуре
- Жаппаркулова К.Н.*
К истории русско-казахских культурных и литературных связей: А. С. Пушкин и Махамбет.....
- Ибраева Д.С.*
Жанр автобиографии: понятие и особенности.....
- Iskakova A.T.*
Poetics of the tragic and terrible in the novels of N.V. Gogol
- Какишева Н.Т.*
Жанровая природа поэмы «Кактус» Олжаса Сuleйменова
- Какишева Н.Т.*
Пушкинская тема в творчестве писателей Казахстана.....
- Мейрамгалиева Р.М.*
Признание-исповедь в произведениях Н.А. Некрасова
- Муминов С.О.*
Художественное своеобразие повести Платонова «Котлован»
- Нурмолдаев Д.М.*
Понимание литературы постмодерна в свете гармоничной межкультурной коммуникации.....
- Pak L.V.*
Features of the representation of female subjectivity in feminist literary criticism
- Sarsekeeva N.K.*
The study of the text in the light of discourse theory
- Таттимбетова Ж.О.*
Проблема характера в творчестве А.И. Солженицына в освещении русской и восточной философской мысли
- Tattimbetova K.O.*
Novel genre in the Russian literature of Kazakhstan of the end of the XX beginning of the XXI centuries
- Tleubay G.K.*
Philosophical and moral concepts in the artistic discourse of Chingiz Aitmatov
- Шанаев Р.У.*
Мифологема «город» в романе Н. Веревочкина «Зуб мамонта».....
- Zhusanbayeva A.T.*
History of translations of R. Burns's lyrics into Russian.....
- Лю Инь, Михайлова М.В.*
Стилизация и травестирование мифа о Золушке (рассказ «Сандрильона» Е.А. Нагродской)

3-бөлім
Тіл мен әдебиетті
оқытудың әдістемесі

Раздел 3
Методика преподавания
языка и литературы

Адскова Т.П.

Описание эволюционных систематик текстов с целью их применения в учебном процессе.....

Алтынбекова О.Б., Зуева Н.Ю.

Экспериментальный учебник: о функциональных разновидностях литературного языка

Аманбаева Ю.К.

Обучение навыкам научно–аналитической деятельности студентов

Байгушикова А.М., Абдуллаева Ж.Т.

Систематизация и обобщение знаний студентов как условие повышения качества обучения.....

Мухамадиев Х.С.

Эссе как универсальный тест интеллектуального уровня студентов

Салханова Ж.Х., Хайрушева Е.Е.

Модели билингвального обучения в условиях полиязычия

Turebekova R.S.

Communicative aspect of studying of features of the scientific speech

Chekina E.B., Tuleubaeva B.B.

Language training from the point of competence approach in professional-oriented training.....

Шарапиденова А.Т.

О работе с устойчивыми терминологическими сочетаниями

Юрьев А.Н.

Креативное конспектирование научного учебного текста «Магические числа» на физическом факультете.....

CONTENTS

Section 1 Literary Criticism

<i>Aleksandrova O.I., Nguen Thu Thao</i>	Linguistic and non-linguistic means of expressing emotions in written conversation (on the material of Russian and Vietnamese languages).....
<i>Altynbekova O.B.</i>	Language priorities amongst students of Kazakhstan: regional aspect
<i>Abayeva Zh.S.</i>	The role of the media in modern language processes
<i>Abilhasimova B.B.</i>	Ideologists of destruction, extraction in the kazakhstan newspapers of the 20th years of the 20th century
<i>Abishev Z.D.</i>	Use of the conceptual analysis of the language in the linguistic study of the controversial text.....
<i>Aldabergenkyzy L., Tomanova N.M.</i>	Contaminated picture of the world of the bilingual poet Vyacheslav Shapovalov
<i>Aliyeva S.B., Dzoldasbekova B.U.</i>	Problems of training of Kazakh students in the Russian literary pronunciation: theoretical aspect.....
<i>Amirova Zh.R.</i>	Theconcepts «Жаратқан и жалған» in the linguistic consciousness of Kazakhs
<i>Akhmetzhanova A.I.</i>	Religious code of culture in the Russian and Kazakh language pictures
<i>Baisalova Kh.M.</i>	The functional purpose of precedent headline texts (based on electronic versions of printed publications)
<i>Baratov Sh.M.</i>	Scientific and technical text and its translation
<i>Zhetibayeva Sh.R.</i>	“Concept” as an important component of linguoculturology
<i>Zhussanbayev S.R.</i>	A case of refusal in interpersonal communication.....
<i>Kassymova R.T.</i>	Hierarchy of semantic connections of words in thematic groups.....
<i>Kogay E.R.</i>	The concept of «Samarkand» in signature worldview of Yavdat Ilyasov.....
<i>Koilybayeva S.S.</i>	On the system ofmodern linguistics paradigms
<i>Lee V.S.</i>	About national - cultural specifics of an ethical component of semantics of a word
<i>Sagymzhanova T.B.</i>	Concept and image as a category of humanitarian branches of scientific knowledge.....
<i>Sansyzbayeva S., Smatayev N.</i>	Additional nomination of zoo-verbs in Russian and Kazakh languages
<i>Tumanova A.B. , Zueva N.YU. , Grigoryeva I.V.</i>	To the question of the determination of term «art discourse»
<i>Utepova R.I., Tumanova A.B.</i>	Author’s etymologization in the poetics of O. Suleimenov: to the theory of the question.....
<i>Rusiyeva L.T.</i>	Some questions of spelling of the Tajik own names in the Russian text

Section 2 Linguistics

- Jabarkhil Khoshalkhan*
Culture and literature of Afghanistan.....
- Abdulina A.*
Methodological principles of studying folk traditions by the folklore school of Professor M.M. Bagizbaeva.....
- Abisheva U.K.*
S. Sergeyev - Tsenskie's stories poetics.....
- Ainabekova G.B.*
Motive and forms of its trans for mationin the Kazakh Russian prose
(on the material of N. Chernov's book «Steppe Babylon»).....
- Dzhalamova Zh.B.*
Author's narrative in the early works of M.M. Prishvin.....
- Zhaksylykov A.Zh., Alpysbaeva T.*
Symbols of the number 9 in the Kazakh archaic meta-culture
- Zhapparkulova K.N.*
To the history of russian-kazakh cultural and literary relations: A.S. Pushkin and Makhambet
- Ibrayeva D.S.*
The Genre of Autobiography: Notion and Peculiarities
- Iskakova A.T.*
Poetics of the tragic and terrible in the novels of N.V. Gogol
- Kakisheva N.T.*
The genre nature of the poem «Cactus» by Olzhas Suleimenov
- Kakisheva N.T.*
Pushkin theme in the work of writers of Kazakhstan
- Meiramgaliyeva R.M.*
Recognition-confession in the works of N. A. Nekrasova.....
- Muminov S.O.*
Artistic originality of Platonov's novel «Kotlovan».....
- Nurmoldayev D.M.*
Post-modern fiction texts understanding in harmonious cross-cultural communication
- Pak L.V.*
Features of the representation of female subjectivity in feminist literary criticism
- Sarsekeeva N.K.*
The study of the text in the light of discourse theory
- Tattimbetova Zh.O.*
The problem of character in the creative work of A.I. Solzhenitsin in Russian and East philosophical thought.....
- Tattimbetova K.O.*
Novel genre in the Russian literature of Kazakhstan of the end of the XX beginning of the XXI centuries
- Tleubay G.K.*
Philosophical and moral concepts in the artistic discourse of Chingiz Aitmatov.....
- Shanaev R.U.*
The mythologem "city" in the novel "Mammoth's Tooth" by N. Verevochkin.....
- Zhusanbayeva A.T.*
History of translations of R. Burns's lyrics into Russian.....
- Lyu In, Mihailova M.V.*
Styling and traveliana of the myth of Cinderella (the short story "Sandrilliona" of E.A. Nagrodzkaya)

Section 3 Methods of teaching language and literature

Adskova T.

Description of evolutionary texts systematics for the purpose of their application in the educational process

Altynbekova O.B., Zuyeva N.Yu.

Experimental textbook: on the functional varieties of the literary language

Amanbaeva Yu.K.

Training in the skills of scientific and analytical activity of students

Baigushikova A.M., Abdullaeva Zh.T.

Systematization and generalization of students' knowledge as a condition for improving the quality of teaching

Muhamadiev H.S.

Essay as a universal test of intellectual level of students

Salkhanova Zh.Kh., Khairusheva Ye.E.

Models of bilingual education in the conditions of multilingualism

Turebekova R.S.

Communicative aspect of studying of features of the scientific speech

Chekina E.B., Tuleubaeva B.B.

Language training from the point of competence approach in professional-oriented training

Sharapidenova A.T.

About working with stable terminological combinations

Yuriev A.N.

Creative Note-Making of a Scientific Text "Magic Numbers" at the Physics Department

УСПЕЙТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ

АКЦИЯ!!!

**Каждому подписчику
ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ
БЕСПЛАТНО!!!**

- Акция действительна при наличии квитанции об оплате годовой подписки.
- Статья должна соответствовать требованиям размещения публикации в журнале.
- Статья печатается в той серии журнала, на которую подписался автор.
- Все нюансы, связанные с публикацией статьи, обсуждаются с ответственным секретарем журнала.

Издательский дом
«Қазақ университеті»
г. Алматы,
пр. аль-Фараби, 71
8 (727) 377 34 11, 221 14 65

АО «КАЗПОЧТА»
г. Алматы,
ул. Боленбай батыра, 134
8 (727) 2 61 61 12

ТОО «Евразия пресс»
г. Алматы,
ул. Жибек Жолы, 6/2
8 (727) 382 25 11

ТОО «Эврика-пресс»
г. Алматы,
ул. Кожамкулова, 124, оф. 47
8 (727) 233 76 19, 233 78 50